ISSN 2073-8838

Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА

№ 2 (68) / 2026

Оренбург 2026

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)»
ОРЕНБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА

№ 2 (68) / 2026

ОРЕНБУРГ – 2026

УДК 34
ББК 67
Т – 78

Учредитель: Оренбургская областная общественная организация «Попечительский совет Оренбургского института (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Редакционный совет:

ЕФИМЦЕВА Т.В. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры предпринимательского и трудового права, д.ю.н., доцент, председатель совета (главный редактор)

ШНИТЕНКОВ А.В. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры уголовно-правовых наук, д.ю.н., доцент (ответственный редактор)

АФАНАСЬЕВ С.Ф. Саратовская государственная юридическая академия, заведующий кафедрой арбитражного процесса, д.ю.н., профессор

БАВСУН М.В. Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, заместитель начальника по научной работе, д.ю.н., профессор

БОЛТИНОВА О.В. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры финансового права, д.ю.н., профессор

ВАРЛЕН М.В. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), директор института «Аспирантура и докторантура», профессор кафедры конституционного и муниципального права, д.ю.н., доцент

ВОСКОБИТОВА Л.А. д.ю.н., профессор

БУКАЕВ Н.М. д.ю.н., профессор

ГРОМОШИНА Н.А. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, д.ю.н., профессор

ЖОЛОБОВА Г.А. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), и.о. заведующего кафедрой теоретико-правовых и исторических наук, д.ю.н., доцент

ИСАЕНКОВА О.В. Саратовская государственная юридическая академия, заведующий кафедрой гражданского процесса, д.ю.н., профессор

КВАНИНА В.В. Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), д.ю.н., профессор

КОБЗЕВА С.И. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения, д.ю.н., профессор

КОЛОТОВ А.Ф. советник ректора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент

МИЩЕНКО Е.В. Оренбургский государственный университет, декан юридического факультета, д.ю.н., доцент

ПЛОТНИКОВ А.И. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры уголовно-правовых наук, д.ю.н., доцент

САЛИЕВА Р.Н. Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан, заведующий лабораторией правовых проблем недропользования и экологии, д.ю.н., профессор

СОЛОДКАЯ М.С. Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, д.ф.н., профессор

СТЕПАНЕНКО Ю.В. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административного права и процесса, д.ю.н., профессор

ТИМОФЕЕВ Н.С. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры конституционного и муниципального права, д.ю.н., профессор

ФЕДОРОВА М.Ю. Советник Конституционного Суда Российской Федерации в Управлении конституционных основ трудового законодательства и социальной защиты, д.ю.н., профессор

ХАЛДЕЕВА Н.В. Магаданский областной краеведческий музей, главный научный сотрудник, д.ю.н., доцент

ЩЕПАЧЕВ В.А. секретарь Совета (ассоциации) муниципальных образований Оренбургской области, д.ю.н.

ЭКИМОВ А.И. заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ

Т 78 Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. № 2 (68). – Оренбург, 2026. – 158 с.

ISSN 2073-8838

«Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА» рекомендуются Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

В научных статьях рассматриваются проблемы, связанные с функционированием государственно-правовой организации общества России и зарубежных стран.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26041 от 18 октября 2006 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникации и охране культурного наследия.

Сборник включен в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список» (с 09.09.2025 года).

Адрес редакции: 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50. Тел. (3532) 319911

E-mail: post@oimsla.edu.ru

http://www.oimsla.edu.ru/page/nauchnyy-zhurnal

ББК 67
ISSN 2073-8838

© Оренбургский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Уважаемые коллеги и все читатели настоящего издания!

Перед вами сборник научных работ, в котором представлены результаты междисциплинарных исследований, охватывающих широкий спектр правовых проблем: от историко-правовых изысканий до актуальных вопросов цифровизации, охраны природы и противодействия преступности. С учётом специфики правоприменительной практики Приволжского федерального округа и приграничного сотрудничества в ряде статей уделено внимание региональному аспекту рассматриваемых проблем.

Особую значимость сборнику придаёт сочетание фундаментального и прикладного подходов: авторы не только анализируют действующие нормы и доктринальные позиции, но и предлагают решения практических задач, стоящих перед правоприменителем, законодателем и обществом. В научных статьях представлены конкретные проекты изменений в законодательство, алгоритмы действий для должностных лиц, а также обзоры судебной практики с выделением проблемных аспектов и возможных путей их преодоления.

В этом номере мы впервые выделяем рубрику «Хроника научной жизни института», которая призвана наглядно отражать динамику академической среды и фиксировать значимые события нашей научной повестки: проведение конференций и круглых столов, участие в грантовых конкурсах, реализацию совместных проектов с органами власти и профессиональными сообществами, а также достижения студентов и аспирантов в научной деятельности. Эта рубрика станет постоянной и будет публиковаться в каждом последующем выпуске сборника, формируя своего рода летопись интеллектуальной жизни нашего института.

Отдельная благодарность всем авторам за смелость в постановке острых тем, глубину проработки материала, аргументированность выводов и готовность к научной дискуссии. Особая признательность Ю.И. Глебовой и З.З. Саттаровой за кропотливую работу по подготовке материалов для новой рубрики, за внимание к деталям и умение выделить наиболее значимые события, достойные отражения в академическом пространстве.

Мы убеждены, что материалы сборника будут полезны не только для сложившегося научного сообщества, но и для исследователей, делающих первые шаги в науке. Кроме того, сборник может стать подспорьем для преподавателей при разработке спецкурсов и подборе актуальных кейсов для семинарских занятий.

Надеемся, что знакомство с этим изданием окажется для вас интересным и продуктивным, а поднятые в нём вопросы послужат стимулом для дальнейших научных поисков и дискуссий.

С уважением и благодарностью за ваш научный труд, Ефимцева Т.В.
главный редактор, д.ю.н., доцент

Оглавление

Раздел первый
ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА, ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИКИ

АНИСИМОВ А.П., ИВАНОВА С.В.
О роли права в решении проблемы миграции краснокнижных сайгаков: стрелять или охранять? 6
БЛИНОВ А.Г.
Предостережение и предупреждение как меры административного принуждения, применяемые при осуществлении контрольно-надзорной деятельности 12
БРОВЧЕНКО Н.В.
Законодательные подходы к определению понятия «должностного лица местного самоуправления» 17
ГЛЕБОВА Ю.И.
Цифровой портрет государственного служащего: правовая природа, инструменты формирования, антикоррупционный потенциал 22
ГОРДЕЕВ А.Г.
Правовое положение земских учреждений в период Временного правительства: между самоуправлением и государственным контролем 28
КУЛИКОВ С.Н.
Медико-правовая актуальность влияния медицинской помощи на формирование исхода локальных травм опорно-двигательной системы 33
РУЗАЕВА Е.М.
О применении сетевых информационных систем в системе государственной гражданской службы 41
СУНГАТУЛЛИН А.Ю.
Цифровая трансформация мировой юстиции 46
ШАБЕТЯ И.В., ГУТМИЛЛЕР И.А.
Влияние системы стратегического государственного планирования на законодательство на примере Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей 51

Раздел второй
ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

ИВАНОВА С.В., РЫБАК С.В.
Гражданско-правовая ответственность за нарушение законодательства о животном мире: проблемы и тенденции развития 55
КОВАЛЕВА О.А., ЕРОХИН И.Е.
Договор спортивного спонсорства: гражданско-правовая характеристика и квалифицирующие признаки 60
ПОЗДНЯКОВА А.С., ЗЫКОВА А.А.
Судебно-медицинская экспертиза по делам о компенсации морального вреда, причиненного вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи: проблемы и доказательственное значение 67
САТТАРОВА З.З., ДЕНИСОВ С.Р.
Баланс интересов сторон в договоре розничной купли-продажи: анализ изменений законодательства о защите прав потребителей 72
ТОМИНА А.П., ФАЙЗУРАХМАНОВ А.Р.
Цифровизация в гражданском судопроизводстве 80
ТОМИНА А.П., ЯНЕВА Р.Р.
К вопросу о соотношении принципов диспозитивности и справедливости в гражданском процессуальном праве России 84
ШУХАРЕВА А.В.
О двойственном характере природы залогового права и его публичности 92

Раздел третий
УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬ

БАГУН Э.А.
История развития российского уголовного законодательства об ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения 97

ГАЛЮКОВА М.И.
Судебная практика по применению примечания к статье 238 УК РФ в отношении медицинских работников: анализ и тенденции 105
ЖЕРЕБЯТЬЕВ И.В., САЮШКИНА Е.В.
Специалисты и эксперты по Уставу уголовного судопроизводства России 1864 года: их роль в доказывании 110
ЖОВНИР С.А., ВОЛЫНКИНА М.Е.
Разграничение составов преступлений при незаконном обороте персональных данных 115
КОНИН В.В., МАРЬИНА Е.В.
Отвод и самоотвод адвоката от участия в осуществлении защиты в уголовном судопроизводстве: проблемные вопросы 120
МИХАЙЛОВА Е.С., ЕРИН А.К.
Состояние опьянения при управлении транспортным средством: проблемы определения и практика привлечения к ответственности 124
СЕРГЕЕВ М.В., КУЗНЕЦОВ А.В.
Подразделения полиции, осуществляющие охрану общественного порядка при проведении массовых мероприятий 130
ХМЕЛЕВСКАЯ Т.А.
Составы воровства в нормах Соборного уложения 1649 года: систематизация и правовой анализ 135

Раздел четвёртый
ВОПРОСЫ ТРУДОВОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

ЕФИМЦЕВА Т.В., ХАЛИНА П.И.
Проблемы правового регулирования сельскохозяйственной деятельности в России 141
КРИНИНА А.М.
Проблемы эффективности договорного способа регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений 145
ЧЕРЕПАНЦЕВА Ю.С.
Наставничество в медицине: удержать нельзя потерять 149

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ: ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ ОРЕНБУРГСКОГО ИНСТИТУТА (ФИЛИАЛА) УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ГЛЕБОВА Ю.И., САТТАРОВА З.З.
Аналитическая записка по итогам научно-практической конференции с международным участием «Теоретические и практические проблемы административного судопроизводства: сквозь призму 10-летия принятия КАС РФ» 156

Раздел первый

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА, ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИКИ

АНИСИМОВ АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ
профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин Донского государственного технического университета (ДГТУ), доктор юридических наук, профессор, 344000, г. Ростов-на-Дону, ул. Гагарина, 1, anisimovap@mail.ru

ИВАНОВА СВЕТЛАНА ВИТАЛЬЕВНА
заведующий кафедрой публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, orenburg@msal.ru

О РОЛИ ПРАВА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ КРАСНОКНИЖНЫХ САЙГАКОВ: СТРЕЛЯТЬ ИЛИ ОХРАНЯТЬ?

ANISIMOV ALEKSEY PAVLOVICH
Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines at the Don State Technical University (DSTU), Doctor of Law, Professor, 344000, Rostov-on-Don, Gagarin St., 1, anisimovap@mail.ru

IVANOVA SVETLANA VITALIEVNA
Head of the Department of Public Law, Orenburg Institute (branch) of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Associate Professor, 460000, Orenburg, Komsomolskaya St., 50, orenburg@msal.ru

ON THE ROLE OF LAW IN SOLVING THE MIGRATION PROBLEM RED BOOK SAIGA: SHOOT OR GUARD?

Аннотация. *В статье аргументируется вывод о том, что дикие животные являются не только объектом охраны экологического законодательства, но также влекут экономические и иные риски, требующие внимания органов публичной власти. Неконтролируемая миграция диких сайгаков в Россию из Казахстана представляет большую угрозу для аграрного сектора регионов, включая: прямой ущерб посевам (поедание, вытаптывание, проломы в ограждениях); косвенные потери (срыв сроков полевых работ, затраты на охрану, ремонт дорог/полей); санитарно-ветеринарные риски (на общих пастбищах и при контакте диких/домашних копытных). Авторы считают, что у этого вопроса нет простого решения, поэтому необходим комплексный (межотраслевой) подход к пониманию данной проблемы*

Ключевые слова: *животный мир, сайгак, вред, возмещение, собственность, орган власти*

Abstract. *The article argues that wild animals are not only an object of environmental legislation protection, but also entail economic and other risks that require the attention of public authorities. Uncontrolled migration of wild saiga antelopes to Russia from Kazakhstan poses a major threat to the agricultural sector of the regions, including: direct damage to crops (eating, trampling, breaks in fences); indirect losses (disruption of field work, costs of protection, repair of roads/fields); sanitary and veterinary risks (on common pastures and in contact with wild/domestic ungulates). The authors believe that there is no simple solution to this issue, so an integrated (intersectoral) approach to understanding this problem is needed.*

Keywords: *wildlife, saiga, harm, compensation, property, authority*

Охрана окружающей среды является приоритетом в деятельности любого современного государства, включая Российскую Федерацию. Среди подлежащих охране природных ресурсов дикие животные сегодня занимают особое место. Вопросам их сохранения и восстановления численности посвящены многочисленные научные труды[1] и нормативные правовые акты[2]. Среди таких животных особо выделяется сайгак как редкий и исчезающий биологический вид, охране которого были посвящены специальные правовые акты[3] и научные статьи[4], в которых предлагались дополнительные меры по его охране от антропогенной деятельности человека и увеличению численности. Много внимания уделялось проблеме борьбы с браконьерством, от которого сильно пострадало поголовье сайгаков[5]. Однако жизнь не стоит на месте. В последние годы популяции сайгаков в Казахстане не просто восстановились, но и стали активно мигрировать на территорию России, в том числе в Волгоградскую область.

Весной 2026 года несколько тысяч сайгаков пришли в ряд муниципальных районов области, и начали уничтожать поля фермеров. Они проникли по льду в Волго-Ахтубинскую пойму (особо охраняемую природную территорию – природный парк областного значения), причем покинуть эту территорию им будет затруднительно. Вытаптывание полей влечет вполне конкретные убытки, которые некому компенсировать, что повлечет разорение фермеров и уменьшение площади посевных площадей. Сайгаки без страха ходят вдоль дорог, заходят в поселения, на животноводческие точки. Попытки отогнать стада сайгаков с помощью технологии электропастуха не дали эффекта. Уже есть случай столкновения сайгака с грузовой машиной. Обилие сайгаков начинает провоцировать незаконную охоту. Так, в Ленинском районе задержали двух мужчин, которые убили трех сайгаков. Двух из них они оставили себе для еды, а третьего сожительница охотника передала своему племяннику. Ущерб природе, по сообщению полиции, составил 180 тысяч рублей. В отношении браконьеров возбудили уголовное дело по статье 258 УК РФ «Незаконная охота, совершенная группой лиц по предварительному сговору, причинившая особо крупный ущерб»[6].

Данная ситуация вызвала общественную дискуссию, в которой есть не только биологический, но и правовой аспект. Согласно ст. 24 Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире», редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного мира заносятся в Красную книгу Российской Федерации или красные книги субъектов Российской Федерации.

Занесение (исключение) в Красную книгу Российской Федерации, красные книги субъектов Российской Федерации редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного мира осуществляется на основании данных государственного мониторинга и опубликованных научных данных (научных оценок численности). Предложения о занесении (об исключении) в Красную книгу Российской Федерации, красные книги субъектов Российской Федерации объектов животного мира, а также обосновывающие и пояснительные материалы (данные государственного мониторинга, научные данные) размещаются в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте уполномоченного федерального органа исполнительной власти.

Действия, которые могут привести к гибели, сокращению численности или нарушению среды обитания объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, красные книги субъектов РФ, не допускаются. Юридические лица и граждане, осуществляющие хозяйственную деятельность на территориях (акваториях) обитания объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, красные книги субъектов Российской Федерации, несут ответственность за сохранение и воспроизводство этих объектов животного мира в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации[7].

В 1995 году сайгак был включен в Приложение II Конвенции СИТЕС, а в 2002 г. Всемирный союз охраны природы (МСОП) включил сайгака в свой Красный список как вид, находящийся под угрозой исчезновения[8]. В 2013 году сайгак занесен в Перечень особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 УК РФ, утвержденный постановлением Пра-

[1] Дойников П.И. Правовое обеспечение государственного управления в сфере охраны и использования объектов животного мира: учебное пособие. М.: Проспект, 2024. 247 с.

[2] Федеральный закон «О животном мире» от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «Консультант плюс».

[3] Распоряжение Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 11 августа 2021 г. № 30-р «Об утверждении Стратегии сохранения сайгака в Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

[4] Рыженков А.Я. Правовое регулирование использования и охраны животного мира в контексте задач «зеленой» экономики: федеральный и региональный аспект // Современное общество и право. 2023. № 6. С. 67-76.

[5] Прохоров В.Г. Живая контрабанда (факты и комментарии). URL: https://www.yurclub.ru/docs/ecology/article13.html (дата обращения: 05.03.2026).

[6] «Они просто нас съедают». Фермеры несут многомиллионные убытки после нашествия огромных стад голодных сайгаков. URL: https://59.ru/text/animals/2026/03/03/76290889/ (дата обращения: 05.03.2026).

[7] Цонева А.Г., Юсифов Р.Г.О. Красная книга Российской Федерации, Красные книги субъектов Российской Федерации, их юридическое значение // Проблемы научной мысли. 2024. Том 1. № 1. С. 204-209.

[8] Доржи-Горяева Э.В. Правовые проблемы охраны окружающей среды в Республике Калмыкии // Актуальные проблемы российского права: Материалы общероссийской научно-практической конференции / под ред. В.П. Камышанского, Л.П. Рассказова, Р.М. Дзидзоева, А.И. Коновалова и др. Краснодар, 2008. С. 401-406.

вительства Российской Федерации от 31.10.2013 № 978[9].

В 2020 году сайгак (Saiga tatarica) был включен в Перечень объектов животного мира, занесенных в Красную книгу РФ (утвержден приказом Минприроды России от 24.03.2020 № 162)[10] с категорией статуса редкости: 1 (находящийся под угрозой исчезновения); с категорией статуса угрозы исчезновения: И – исчезающий; с категорией степени и первоочередности принимаемых и планируемых к принятию природоохранных мер: I приоритет (требуется незамедлительное принятие комплексных мер, включая разработку и реализацию стратегии по сохранению и/или программы по восстановлению (реинтродукции) объекта животного мира и планов действий). Согласно пункту 3.5 приказа Минприроды России от 23.05.2016 № 306 «Об утверждении Порядка ведения Красной книги Российской Федерации»[11], основанием к исключению из Красной книги или изменению категории статуса объекта животного или растительного мира являются данные о восстановлении его численности и (или) ареала, о положительных изменениях условий его существования или другие данные, свидетельствующие об отсутствии необходимости принятия специальных мер по его сохранению и восстановлению, а также при его безвозвратной потере.

Сайгак (Saiga tatarica) – явление уникальное в живой природе, один из самых древних представителей так называемой «мамонтовой фауны», сумевший пройти все испытания, выпавшие ему на протяжении веков и тысячелетий, выжить и стать одним из самых массовых видов копытных, обитающих на открытых пространствах аридных территорий Евразии.[12]. В этом смысле сайгак представляет собой «живое ископаемое». Единственный обитающий в Европе вид антилоп, сайгак – важный объект международного внимания, его будущее зависит от эффективного взаимодействия всех заинтересованных ведомств и организаций как внутри страны, так и за ее пределами. Сохранение сайгака в России не может быть устойчивым без учета трансграничных миграций и популяционных связей с сайгаками, обитающими на территории Республики Казахстан[13]. Однако в случае большой численности сайгаков они наносят ущерб урожаю сельскохозяйственных культур, продуктивности пастбищ и сенокосов по обе стороны границы. Это вызывает недовольство у населения, оно требует компенсаций, и есть риск усиления протестного браконьерства.

В России фермерам фактически предложено решать проблему самостоятельно, но это не отвечает задачам охраны сайгака и принятым международным обязательствам. Для совершенствования российского природоохранного законодательства в области сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного мира (в том числе сайгаков) эксперты предлагают органам власти решить вопрос о компенсации ущерба сельскохозяйственным товаропроизводителям и принять меры по развитию системы сельскохозяйственного страхования рисков, связанных с потравой посевов сайгаками (в том числе посредством государственной поддержки); развивать методическое обеспечение деятельности в области сохранения сайгака, направленное на организацию и ведение мониторинга его популяций, включая проведение учета численности, оценки и мониторинга качества местообитаний сайгака, ведение расчета ущерба, причиняемого сельскому хозяйству миграцией сайгаков.

В настоящий момент сайгаки включены в Красную книгу Волгоградской области в соответствии с приказом Комитета природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Волгоградской области от 31.03.2017 № 264 «Об утверждении перечней видов животных, растений и других организмов, занесенных в Красную книгу Волгоградской области, и перечней видов животных, растений и других организмов, являющихся объектами мониторинга на территории Волгоградской области»[14], категория статуса редкости 2 (сокращается в численности, распространении), виды (подвиды, популяции) с неуклонно сокращающимися численностью и/или распространением, которые при дальнейшем воздействии негативных факторов могут перейти в категорию находящихся под угрозой исчезновения или вероятно исчезнувших, и категорией статуса угрозы исчезновения И (исчезающие). Основанием к исключению из Красной книги Волгоградской области объекта животного мира или объекта растительного мира являются данные о восстановлении его численности и (или) ареала, о положительных изменениях условий его существования или другие данные, свидетельствующие об отсутствии необходимости принятия специальных мер по его сохранению и восстановлению, а также в случае его безвозвратной потери (вымира-

[9] Постановление Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978 (ред. от 05.10.2023) «Об утверждении перечня особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226^1, 258^1 и 260^1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

[10] Приказ Минприроды России от 24.03.2020 № 162 «Об утверждении Перечня объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 02.04.2020 № 57940) // СПС «Гарант».

[11] Приказ Минприроды России от 23.05.2016 № 306 «Об утверждении Порядка ведения Красной книги Российской Федерации» (зарегистрировано в Минюсте России 02.08.2016 № 43075) // СПС «Консультант плюс».

[12] Каримова Т.Ю., Лущекина А.А., Неронов В.М. Современное состояние и ретроспективный анализ популяций сайгака России и Казахстана // Аридные экосистемы. 2021. Том 27. № 2. С. 57-67.

[13] Бекишева С.Д. О сохранении популяции сайгаков // Мир закона. 2023. № 3-4. С. 123-137.

[14] Приказ Комитета природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Волгоградской области от 31.03.2017 № 264 (ред. от 01.04.2024) «Об утверждении перечней видов животных, растений и других организмов, занесенных в Красную книгу Волгоградской области, и перечней видов животных, растений и других организмов, являющихся объектами мониторинга на территории Волгоградской области». URL: https://docs.cntd.ru/document/446179256 (дата обращения: 05.03.2026).

ния) (пункт 3.5 Положения о порядке ведения Красной книги Волгоградской области, утвержденного постановлением Главы Администрации Волгоградской области от 13.10.2004 № 981 «О Красной книге Волгоградской области»)[15]. План действий по сохранению Волго-Уральской популяции сайгака в период пребывания на территории Волгоградской области, утвержденный приказом Комитета природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Волгоградской области от 26.12.2024 № 2137-ОД[16], одним из значимых мероприятий, которые направлены на минимизацию конфликтных ситуаций с местным населением, называет урегулирование вопроса о государственной поддержке сельских товаропроизводителей в части компенсации ущерба от потравы полей сайгаками на региональном уровне (потравы посевов зерновых и вытаптывание пастбищ сайгаками возникли не сегодня, и уже были зафиксированы в 2021-2024 гг. в границах Савинского и Лиманного сельских поселений Палласовского муниципального района). Между тем, в перечень сельскохозяйственных рисков, при страховании которых осуществляется оказание государственной поддержки, потрава полей сайгаками до сих пор не включена. С другой стороны, в целях защиты урожая сельскохозяйственных культур на случай утраты (гибели) в результате уничтожения дикими животными, сельскохозяйственные товаропроизводители могут самостоятельно обратиться с заявлением в страховую компанию для заключения договоров сельскохозяйственного страхования (без государственной поддержки). Решение о заключении такого договора страховой компанией принимается с учетом вероятности наступления страхового события (соответственно страховая компания может отказать фермеру в страховании, т.к. стоимость страхования будет весьма значительна).

Это означает, что практического решения рассматриваемой проблемы все еще нет. Поэтому в ходе обсуждения вопроса о преодолении последствий миграции сайгаков можно высказать и ряд доктринальных соображений.

1) на правотворчество (федеральное или субъектов РФ) обычно влияют два фактора: осознание властями общественной значимости проблемы и понимание необходимости ее превентивного решения или практическая необходимость, когда проблема внезапно появилась и ее надо срочно решить. В данном случае мы как раз наблюдаем второй вариант. При этом простого решения этой проблемы нет, поскольку в этой ситуации мы наблюдаем конкуренцию сразу нескольких публичных интересов: природоохранного (недопущение снижения численности сайгаков как редкого и исчезающего вида), экономического (предотвращение разорения фермеров и снижения налогооблагаемой базы), политического (угроза продовольственной безопасности области), санитарного (риск эпизоотий, то есть распространения болезней диких животных (сайгаков) на домашний скот). Выбрать из них только один приоритет будет весьма сложно.

2) включение (и сохранение) сайгаков в Красной книге РФ и Красной книге субъекта РФ (Волгоградской области), несмотря на кратное увеличение их численности, наводит на следующее размышление. В настоящий момент существует процедура включения (и исключения) объекта животного мира в красные книги, однако этот процесс очень негибкий. Поэтому включение сайгака в красные книги означает крайне долгосрочный и бюрократически непростой процесс исключения его из них, а это, в свою очередь, снижает эффективность государственного управления животным миром. Есть и еще один аспект в этой проблеме. Существует три больших группы диких животных: краснокнижные, охотничьи и «прочие» (ежи, ужи, лягушки и др.)[17]. Последние упоминаются в ст. 43 Федерального закона «О животном мире» и являются важным компонентом природной среды, но их нельзя рассматривать только как «среду обитания» для других видов. У этой группы животных должен быть более четкий правовой режим. В этом случае исключение животного (сайгака) из перечня в красной книге не обязательно должно привести к его включению в перечень охотничьих животных – вполне целесообразен и другой подход, если третья группа объектов животного мира будет четко урегулирована. Это значит, что одна практическая проблема (что делать с сайгаками, уничтожающими поля) ставит вопрос о корректировке и научной доктрины, и законодательства.

3) в сложившейся ситуации фермеры часто поднимают вопрос о выплате компенсаций. И тут мы снова должны обратиться к научной доктрине. Если ущерб человеку причинит частная собака, владелец которой известен – именно он и будет возмещать причиненный ей ущерб. Если вред причинит бродячая собака – то муниципалитет (именно такой вывод можно сделать из анализа судебной практики, хотя бродячие животные не находятся в муниципальной собственности)[18]. В свою очередь, дикие животные (включая сайгаков) находятся в государственной собственности РФ и ее субъектов. Соответственно вред, причиняемый дикими животными, должны

[15] Постановление Главы Администрации Волгоградской области от 13.10.2004 № 981 (ред. 12.01.2022) «О Красной книге Волгоградской области». URL: https://docs.cntd.ru/document/802017020 (дата обращения: 05.03.2026).

[16] План действий по сохранению Волго-Уральской популяции сайгака в период пребывания на территории Волгоградской области (Утвержден приказом комитета природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Волгоградской области от 26.12.2024 № 2137-ОД). URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/3401202412280012?index=1 (дата обращения: 05.03.2026).

[17] Гребнев И.А., Малышева Е.А. Некоторые проблемы государственного регулирования добычи объектов животного мира, не отнесенных к охотничьим ресурсам и водным биологическим ресурсам и не занесенных в Красную книгу Российской Федерации и Красные книги субъектов Российской Федерации // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2022. № 11. С. 46-53.

[18] Решение Шимановского районного суда Амурской области № 2-311/2023 2-311/2023~М-298/2023 М-298/2023 от 21 июля 2023 г. по делу № 2-311/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/OfciyuxPMoow/ (дата обращения: 05.03.2026).

возмещать органы государственной власти. Однако судебная практика дает другой ответ: во всех известных нам случаях потравы посевов фермеров кабанами, лосями или иными дикими животными, суд отказывал фермерам в выплате возмещения вреда со стороны государства[19]. Это означает, что в случае с государственной собственностью на животный мир у собственника есть благо (получение дохода от предоставления животного мира в пользование), но нет бремени ответственности (например, при причинении ущерба находящимися в его собственности животными), тогда как в теории собственности «благо» и «бремя» –это парные категории[20].

4) учитывая факт расположения большей части ареала популяции сайгака в Казахстане, приграничные территории РФ, где идут сезонные миграции, не могут внести значимую роль в регулирование численности данной популяции. Эффективное регулирование численности популяции сайгаков могут дать лишь меры, применяемые в ее ядре (на территории Республики Казахстан).

5) для создания благоприятных условий сохранения миграционных путей и воспроизводства численности популяции сайгака, а также предотвращения потенциального конфликта и ущерба сельским товаропроизводителям возможно создание зоологического заказника с особым режимом использования земель. Для этого необходим выкуп частных земель с их изъятием из сельскохозяйственного оборота, с переводом пахотных земель в пастбищные кормовые угодья (создание пастбищных угодий на залежных и пахотных землях путем их коренного улучшения), исключение выпаса домашних животных в период массовых миграций сайгаков, а также сооружение дополнительных водопоев для сайгаков. Но создание ООПТ для защиты сайгаков может создать ряд проблем: социально-экономические (недовольство, безработица и вынужденные миграции людей)[21]; природные (цикличность изменения численности сайгаков по годам, т.е. из-за массового регулирования численности в Казахстане миграции сайгаков могут не затронуть территорию Волгоградской области).

6) локальные технические меры: укрепление границы с Казахстаном (забор, колючая проволока); нелетальные отпугивающие меры (свет/звук/присутствие техники) без травмирования животных; создание временных мобильных групп реагирования (техника/люди) для мягкого направления стада в локальный коридор в обход поля; локальные усиленные ограждения на наиболее уязвимых участках (семенные участки/опытные поля), т.е. не по всей пашне; электропастух/электроограждения (по периметру малых полей); дроны и тепловизионное патрулирование ночью; создание буферных полос/кормовых отвлекающих полей с постепенной перенастройкой системы посевов вдоль маршрута.

Таким образом, дикие животные являются не только объектом внимания экологического законодательства, предусматривающего особые меры охраны, но и влекут экономические и иные риски, требующие решений органов публичной власти с принятием правовых мер. Неконтролируемая миграция диких сайгаков в Россию из Казахстана представляет большую угрозу для аграрного сектора регионов, включая прямой ущерб посевам (поедание, вытаптывание, проломы в ограждениях); косвенные потери (срыв сроков полевых работ, затраты на охрану, ремонт дорог/полей); санитарно-ветеринарные риски на общих пастбищах и при контактах диких/домашних копытных (в т.ч. через паразитарные и инфекционные факторы, что является отдельной управленческой проблемой). У этого вопроса нет простого решения: для полноценного возмещения вреда посевам фермеров в государственном бюджете нет денег; распространение на эту сферу сельскохозяйственного страхования требует корректировки законодательства; технические меры по защите полей дадут лишь локальный эффект. Как обычно бывает в таких случаях, решение проблемы может быть только комплексным. С точки зрения теории экологического права это требует упрощения процедуры исключения объектов животного мира из красной книги; уточнения правового положения объектов животного мира, не отнесенных к категории краснокнижных или охотничьих животных; определения процедуры выплаты компенсаций фермерам за вред, причиненный объектами животного мира, находящимися в государственной собственности.

Библиографический список

1. Бекишева С.Д. О сохранении популяции сайгаков // Мир закона. – 2023. – № 3-4. – С. 123-137.

2. Гребнев И.А., Малышева Е.А. Некоторые проблемы государственного регулирования добычи объектов животного мира, не отнесенных к охотничьим ресурсам и водным биологическим ресурсам и не занесенных в Красную книгу Российской Федерации и Красные книги субъектов Российской Федерации // Биосферное хозяйство: теория и практика. – 2022. – № 11. – С. 46-53.

3. Дойников П.И. Правовое обеспечение государственного управления в сфере охраны и использования объектов животного мира: учебное пособие. – М.: Проспект, 2024. – 247 с.

4. Доржи-Горяева Э.В. Правовые проблемы охраны окружающей среды в Республике Калмыкии // Актуальные проблемы российского права: Материалы общероссийской научно-практической конференции /

[19] Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 4 марта 2003 года по делу № А57-2937/2002-30 // СПС «Консультант плюс».

[20] Лебедева А.Д. Собственность в гражданском праве – это благо или бремя? // Духовная сфера общества. 2014. № 11. С. 109-114.

[21] Орлов В.П., Голубинская Т.Е., Давыдова М.В. Проблемы правового статуса особо охраняемых природных территорий // Евразийский юридический журнал. 2010. № 1. С.96-100.

под ред. В.П. Камышанского, Л.П. Рассказова, Р.М. Дзидзоева, А.И. Коновалова и др. – Краснодар, 2008. – С.401-406.

5. Каримова Т.Ю., Лущекина А.А., Неронов В.М. Современное состояние и ретроспективный анализ популяций сайгака России и Казахстана // Аридные экосистемы. – 2021. – Том 27. № 2. – С. 57-67.

6. Лебедева А.Д. Собственность в гражданском праве – это благо или бремя? // Духовная сфера общества. – 2014. – № 11. – С. 109-114.

7. Орлов В.П., Голубинская Т.Е., Давыдова М.В. Проблемы правового статуса особо охраняемых природных территорий // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 1. – С.96-100.

8. Рыженков А.Я. Правовое регулирование использования и охраны животного мира в контексте задач «зеленой» экономики: федеральный и региональный аспект // Современное общество и право. – 2023. – № 6. – С. 67-76.

9. Цонева А.Г., Юсифов Р.Г.О. Красная книга Российской Федерации, Красные книги субъектов Российской Федерации, их юридическое значение // Проблемы научной мысли. – 2024. – Том 1. № 1. – С. 204-209.

Рецензент: Ефимцева Т.В., профессор кафедры предпринимательского и трудового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент.

БЛИНОВ АЛЕКСЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ
аспирант кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина (СГЮА), 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, alexxxbal64@gmail.com

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КАК МЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

BLINOV ALEXEY GENNADIEVICH
Graduate student of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin (SSLA), 410056, Saratov, Volskaya St., 1, alexxxbal64@gmail.com

WARNING AND WARNING AS ADMINISTRATIVE COERCIVE MEASURES APPLIED IN THE IMPLEMENTATION OF CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES

Аннотация. *В статье исследуется природа административного принуждения как инструмента государственного контроля (надзора). Автор анализирует доктринальные подходы, раскрывающие сущность этого метода: внешнее воздействие, выражающееся в правоограничениях, его вторичность по отношению к убеждению и возможность применения не только в связи с правонарушениями, но и в силу государственной или общественной необходимости. На примере предостережения (по ФЗ № 248-ФЗ) дискутируется вопрос о его правовой природе: традиционно оно считается профилактической мерой, однако ряд исследователей усматривают в нём административно-предупредительный потенциал, поскольку игнорирование предостережения повышает риск последующего применения более жёстких принудительных мер. В качестве контраста рассматривается предупреждение в антимонопольном регулировании (ст. 39.1 ФЗ № 135-ФЗ): эта мера, в отличие от предостережения, выносится при уже выявленных признаках нарушения и сочетает функции пресечения и предоставления возможности самостоятельно устранить проблему.*

В заключительной части формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования: закрепление обязанности отчитываться о мерах, принятых в ответ на предостережение; детализация процедуры выдачи предупреждения (включая анализ ходатайств лица о причинах нарушения); исключение возможности повторной выдачи предупреждения при повторном аналогичном нарушении в течение года.

Ключевые слова: *контрольно-надзорная деятельность, предостережение, предупреждение, административное принуждение, превенция правонарушений.*

Summary. *The article explores the nature of administrative coercion as a tool of state control (supervision). The author analyzes the doctrinal approaches that reveal the essence of this method: external influence expressed in legal restrictions, its secondary nature in relation to persuasion, and the possibility of its application not only in connection with offenses, but also due to state or public necessity. The example of a warning (according to Federal Law No. 248-FZ) raises the question of its legal nature: traditionally, it is considered a preventive measure, but some researchers see it as an administrative warning, as ignoring a warning increases the risk of subsequent use of more severe coercive measures. As a contrast, the warning in antitrust regulation (Article 39.1 of Federal Law No. 135-FZ) is considered: unlike a warning, this measure is issued when signs of a violation have already been identified and combines the functions of prevention and provision of possible.*

The final part contains proposals for improving legal regulation: the establishment of a duty to report on measures taken in response to a warning; the detailing of the procedure for issuing a warning (including the analysis of a person's application for the reasons for the violation); and the exclusion of the possibility of issuing a second warning for a similar violation within a year.

Keywords: *control and supervisory activities, warning, alert, administrative coercion, offense prevention.*

Государственный контроль (надзор) связан с применением административного принуждения. Это специфический метод воздействия на общественные отношения, представляющий собой «неотъемлемый элемент деятельности государства, без которого оно не может обойтись»[1].

Метод принуждения в сфере управленческой деятельности по отношению к убеждению является вто-

[1] Манохин В.М., Адушкин Ю.С. Российское административное право: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 2003. С. 166.

ричным и подлежит применению лишь при его неэффективности[2]. Он позволяет реализовать волю управляющего субъекта вопреки воле управляемого лица.

Так, Л.Л. Попов содержание административного принуждения связывал с «внешним государственно-правовым психическим и физическим воздействием на сознание и поведение людей, которое проявляется в форме ограничений (лишений) личного, организационного или имущественного характера»[3].

В.М. Горшенев в качестве основания для административного принуждения рассматривал «риск наступления негативных последствий, что вызывает необходимость предотвращения нарушения установленных правил»[4]. Однако стоит отметить, что меры административного принуждения не всегда связаны с правонарушениями и могут быть обусловлены государственной или общественной необходимостью.

В.М. Манохин разграничил административное принуждение на «принуждение в форме привлечения к административной ответственности за совершенные правонарушения и объективное принуждение при отсутствии правонарушения»[5]. Сходная позиция выражена во взглядах Н.М. Конина[6] и иных авторов[7].

Административное принуждение реализуется в виде мер, которые «причиняют различного рода правоограничения»[8].

С.С. Студеникин относил к ним «административные взыскания и иные меры административного принуждения, которые определялись в качестве мер социальной защиты»[9].

В свою очередь, Д.Н. Бахрах к мерам административного принуждения относил «административные взыскания, меры административного пресечения и восстановительные меры»[10].

Весьма подробная классификация мер административного принуждения предложена В.М. Манохиным. В зависимости от основания и непосредственной цели применения он разделил их на те, которые «назначаются за совершение административного правонарушения и определяются в законе как меры административной ответственности (административные взыскания); меры, обеспечивающие привлечение к административной ответственности; меры административного принуждения, применяемые в силу государственной необходимости (государственных нужд); контрольно-предупредительные меры принуждения; меры пресечения административных правонарушений; восстановительные меры»[11]. Аналогичный подход выражен в позиции Н.М. Конина[12] и иных авторов[13].

Единый перечень таких мер отсутствует, а их регламентации посвящены различные законодательные акты. Тем не менее их общими чертами выступают реализация преимущественно во внесудебном порядке, связь с ограничением прав субъектов, к которым они применяются, или возложением на них дополнительных обязанностей, а также наличие специфической цели.

От мер административного принуждения следует отличать меры профилактической направленности. В их числе следует обратить внимание на предостережение.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон № 248-ФЗ[14]) прямо называет его в числе профилактических мероприятий, а основанием для вынесения предостережения выступает наличие у контрольного (надзорного) органа сведений о готовящихся нарушениях обязательных требований или признаках их нарушений.

В науке распространена точка зрения, что предостережение выполняет сугубо информационную функцию, в связи с чем не может быть отнесена к мерам административного принуждения[15].

А.Ю. Соколов и О.А. Лакаев обращают внимание на спорный характер данной позиции, поскольку «игнорирование предостережения с последующим со-

---

[2] См.: Соколов А.Ю., Лакаев О.А. Административное принуждение в антимонопольной сфере: вопросы правовой политики // Государство и право. 2022. № 10. С. 109.

[3] Административное право: учебник / под ред. Л.Л. Попова, М.С. Студеникиной. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 223.

[4] Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 73.

[5] Манохин В.М. Административное право России. Учебник / В.М. Манохин. 2-е изд., стер. Саратов, 2011. С. 100.

[6] См.: Конин Н.М. Административное право России: Учебник. М., 2007. С. 148.

[7] См., например: Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2-х т. Т. 1. М., 1981. С. 269-270; Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М., 2017. С. 22; Соколов А.Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: монография. М., 2015. С. 24.

[8] Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. доктора юридических наук, профессора А.Ю. Соколова. М., 2025. С. 299.

[9] Студеникин С.С. Советское административное право. Учебник. М., 1949. С. 138-141.

[10] Бахрах Д.Н. Административная ответственность / Отв. ред. А.В. Рыбин. Пермь, 1966. С. 77-79.

[11] Манохин В.М., Адушкин Ю.С. Российское административное право: Учебник. Саратов, 2003. С. 167-168; Манохин В.М. Административное право России. Учебник. 2-е изд., стер. Саратов, 2011. С. 98-101.

[12] См.: Конин Н.М. Административное право России: Курс лекций. М., 2004. С. 201-202.

[13] См., например: Каплунов А.И. О классификации мер государственного принуждения // Государство и право. 2006. № 3. С. 13; Макарейко Н.В., Никифоров М.В., Скляров И.А. Административное принуждение в России: учеб. пособие / под ред. И.А. Склярова. Н. Новгород, 2002. С. 35-38.

[14] См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СПС «Гарант».

[15] См., напр.: Борзило Е.Ю. Предупреждения и предостережения антимонопольного органа как инструмент правового регулирования в России // Бизнес. Образование. Право. 2016. № 1 (34). С. 193; Бучакова М.А., Гайдуков А.А. Предостережение как форма профилактического воздействия // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4. С. 67.

вершением противоправных действий повлечет за собой применение мер административного пресечения и других административно-принудительных мер»[16]. Риск наступления неблагоприятных последствий вынуждает лицо отказаться от своих противоправных намерений. Поэтому предостережение можно рассматривать как административно-предупредительную меру.

Тем не менее сущность мер административного принуждения состоит в возложении обязанности поступить определенным образом, совершив какие-либо действия или же воздержавшись от их совершения. В свою очередь, предостережение содержит предложение принять меры по обеспечению соблюдения обязательных требований.

Как отмечается в решениях судов, игнорирование предостережения само по себе «не влечет для заявителя каких-либо последствий в виде привлечения к ответственности»[17].

Стоит отметить, что данная характеристика предостережения приводит к снижению его предупредительного потенциала, что в дальнейшем может привести к серьезным нарушениям законодательства. В связи с этим следует обратить внимание на то обстоятельство, что не всегда предостережение рассматривается как мера сугубо профилактического характера. Так, согласно ст. 25.1 Федерального закона Российской Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»[18], это отдельная разновидность акта прокурорского реагирования на нарушения закона, обязательная для выполнения.

Специфическую направленность имеет предупреждение. Закон № 248-ФЗ не закрепляет данную меру, однако она применяется при осуществлении отдельных видов государственного контроля (надзора). Так, из ст. 39.1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон № 135-ФЗ)[19] следует, что оно «выносится при установлении признаков действий или бездействия, которые приводят или могут привести к ущемлению интересов других лиц в сфере предпринимательской деятельности либо интересов неопределенного круга потребителей». И.Г. Савицкая определяет предупреждение как меру, обеспечивающую возможность хозяйствующему субъекту «самостоятельно устранить допущенные им нарушения антимонопольного законодательства и их последствия, если таковые имели место в действительности»[20]. Несмотря на наименование данной меры, она применяется при уже совершенном противоправном деянии и позволяет пресечь его в сжатые сроки[21].

Дополнение полномочий антимонопольного органа правом применения данной меры выступает проявлением либерализации антимонопольного регулирования, поскольку в ряде случаев законодательство запрещает возбуждение дела при условии выполнения предупреждения. В отличие от предостережения, предупреждение может быть вынесено при наличии уже совершенного или совершаемого деяния, что позволяет рассматривать его как меру административного пресечения.

В предупреждении в обязательном порядке указывается срок, в течение которого антимонопольный орган должен быть уведомлен о его выполнении. Невыполнение предупреждения является основанием для возбуждения дела о нарушении антимонопольного законодательства.

Стоит обратить внимание на двойственный характер предупреждения. С одной стороны, оно пресекает нарушение законодательства, возлагая обязанность на хозяйствующего субъекта поступить определенным образом. Так, согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, «предупреждение должно содержать предварительную оценку действий (бездействия) лица на предмет наличия в них нарушения антимонопольного законодательства и представлять возможность лицу самостоятельно устранить допущенные нарушения, если таковые имели место в действительности»[22].

Как отмечает Верховный Суд РФ, «предупреждение не устанавливает факта нарушения антимонопольного законодательства и не определяет меру ответственности»[23]. Тем не менее в нем содержатся выводы о наличии признаков нарушений.

По мнению Р.Ю. Кац, «под признаками нарушения антимонопольного законодательства следует понимать лишь те объективные факты, которые позволяют с учетом требований законодательства установить определенную норму, нарушение которой может быть признано в ходе рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства»[24]. Выполнившее предупреждение лицо согласно с выводами о наличии своей вины в совершении деяния, послужив-

[16] См.: Соколов А.Ю., Лакаев О.А. Административное принуждение в антимонопольной сфере: вопросы правовой политики // Государство и право. 2022. № 10. С. 111.

[17] Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 февраля 2021 г. № 13АП-28622/20 по делу № А56-26892/2020. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/hPRqYimPxE6l/ (дата обращения: 03.06.2026).

[18] См.: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «Гарант».

[19] См.: Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СПС «Гарант».

[20] См.: Савицкая И.Г. Проблемы применения института предупреждения о прекращении действий, содержащих признаки нарушения антимонопольного законодательства Российской Федерации // Арбитражные споры. 2020. № 4. С. 45.

[21] Дехтярь И.Н. Актуальные вопросы применения института предупреждения антимонопольного органа // Правовая политика и правовая жизнь. 2026. № 4. С. 148.

[22] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // БВС РФ. 2021. № 5.

[23] См.: Там же.

[24] Кац Р.Ю. Особенности предупреждения и пресечения нарушений антимонопольного законодательства как формы защиты субъективного гражданского права // Juvenis scientia. 2016. № 6. С. 56

шего основанием для вынесения предупреждения. Нормативно установленный порядок выдачи предупреждения[25] не содержит обязанности антимонопольного органа ознакомить лицо с теми материалами, которыми обусловлена его выдача. И.Н. Дехтярь считает, что данная ситуация вызывает риск его неисполнения хозяйствующим субъектом[26].

Таким образом, требуется дополнить ст. 39.1 Закона № 135-ФЗ положением, согласно которому при наличии ходатайства лица, которому выдается предупреждение, о предоставлении информации о причинах и условиях, способствовавших нарушению, антимонопольный орган в срок до семи рабочих дней осуществляет проверку такой информации. При этом в предупреждении должны содержаться результаты ее анализа.

Кроме того, необходимо устранить нормативный пробел в части регламентации применения предупреждения при повторном нарушении. Так, дело о нарушении антимонопольного законодательства возбуждается лишь при невыполнении предупреждения, которое выносится по признакам конкретного деяния. При этом возможна ситуация повторного нарушения. Буквальное толкование положений Закона № 135-ФЗ позволяет сделать вывод, что в данном случае антимонопольный орган вновь обязан выдать предупреждение, до истечения срока выполнения которого возбуждение дела не допускается.

Действительно, предупреждение выступает альтернативой привлечению к ответственности, однако порядок его применения не должен способствовать злоупотреблениям со стороны хозяйствующих субъектов. Поэтому требуется исключить возможность повторной выдачи предупреждения при совершении нарушений антимонопольного законодательства в течение года с момента истечения срока для выполнения предупреждения. Речь должна идти об аналогичном нарушении антимонопольного законодательства. Если же лицом совершено иное нарушение, признаки которого выступают основанием для применения предупреждения, то оно должно быть выдано.

Надлежащий контроль за выполнением предупреждения также предполагает необходимость осуществлять проверку достоверности сведений о его выполнении.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1) Действующее законодательство рассматривает предостережение как профилактическую меру, не связанную с какими-либо последствиями для лица в случае его неисполнения. Однако данная характеристика предостережения приводит к снижению его предупредительного потенциала. В связи с этим требуется предусмотреть обязанность лица, которому направлено предостережение, предоставить соответствующему органу информацию о принятых по результатам рассмотрения предостережения мерах по обеспечению соблюдения установленных требований в срок, который определяется при выдаче предостережения.

2) К числу специфических мер административного принуждения относится предупреждение о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства. Данная мера служит превенции правонарушений, однако применение в связи с выявлением признаков противоправных деяний сближает ее с мерами административного пресечения. С целью обеспечения обоснованности применения предупреждения необходимо дополнить ст. 39.1 Закона № 135-ФЗ положением, согласно которому при наличии ходатайства лица, которому выдается предупреждение, о предоставлении информации о причинах и условиях, способствовавших нарушению, антимонопольный орган в срок до семи рабочих дней осуществляет проверку такой информации. При этом в предупреждении должны содержаться результаты ее анализа. Кроме того, следует исключить возможность повторной выдачи предупреждения при совершении нарушений антимонопольного законодательства в течение года с момента истечения срока для выполнения предупреждения.

Библиографический список

1. Агамагомедова С.А. Государственный контроль и надзор в системе мер административного принуждения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 4. – С. 98-103.

2. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. доктора юридических наук, профессора А.Ю. Соколова. – М.: ДМК Пресс, 2025. – 635 с.

3. Административное право: учебник / под ред. Л.Л. Попова, М.С. Студеникиной. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норм, 2020. – 736 с.

4. Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2-х т. Т. 1. – М.: Юрид. лит., 1981. – 363 с.

5. Бахрах Д.Н. Административная ответственность / Отв. ред. А.В. Рыбин. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1966. –193 с.

6. Борзило Е.Ю. Предупреждения и предостережения антимонопольного органа как инструмент правового регулирования в России // Бизнес. Образование. Право. – 2016. – № 1 (34). – С. 192-195.

7. Бучакова М.А., Гайдуков А.А. Предостережение как форма профилактического воздействия // Алтайский юридический вестник. – 2025. – № 4. – С. 65-72.

[25] См.: Приказ ФАС России от 2 декабря 2024 г. № 937/24 «Об утверждении Порядка выдачи и формы предупреждения о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства Российской Федерации» // СПС «Гарант».

[26] См.: Дехтярь И.Н. Производство по делам о нарушениях антимонопольного законодательства: монография / под ред. А.Ю. Соколова. Саратов, 2018. С. 113.

8. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М.: Юрид. лит., 1972. – 258 с.

9. Дехтярь И.Н. Актуальные вопросы применения института предупреждения антимонопольного органа // Правовая политика и правовая жизнь. – 2026. – № 4. – С. 147-152.

10. Дехтярь И.Н. Производство по делам о нарушениях антимонопольного законодательства: монография / под ред. А.Ю. Соколова. – Саратов: ИП Коваль Ю.В., 2018. – 192 с.

11. Каплунов А.И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 10-17.

12. Кац Р.Ю. Особенности предупреждения и пресечения нарушений антимонопольного законодательства как формы защиты субъективного гражданского права // Juvenis scientia. – 2016. – № 6. – С. 54-56.

13. Конин Н.М. Административное право России: Курс лекций. – М.: Юристъ, 2004. – 559 с.

14. Конин Н.М. Административное право России: Учебник. – М.: Проспект, 2007. – 447 с.

15. Макарейко Н.В., Никифоров М.В., Скляров И.А. Административное принуждение в России: учеб. пособие / под ред. И.А. Склярова. – Н. Новгород: Изд-во Нижегор. гос. ун-та, 2002. – 228 с.

16. Манохин В.М. Административное право России. Учебник. 2-е изд., стер. – Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2011. – 266 с.

17. Манохин В.М., Адушкин Ю.С. Российское административное право: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. – Саратов: Сарат. гос. акад. права, 2003. – 495 с.

18. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. – М.: Изд. дом Дело, 2017. – 525 с.

19. Савицкая И.Г. Проблемы применения института предупреждения о прекращении действий, содержащих признаки нарушения антимонопольного законодательства Российской Федерации // Арбитражные споры. – 2020. – № 4. – С. 45-56.

20. Соколов А.Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: монография. – М.: Норма, 2015. – 320 с.

21. Соколов А.Ю., Лакаев О.А. Административное принуждение в антимонопольной сфере: вопросы правовой политики // Государство и право. – 2022. – № 10. – С. 108-115.

22. Студеникин С.С. Советское административное право. Учебник. – М.: Гос. изд. юрид. лит., 1949. – 308 с.

Рецензент: Иванова С.В., заведующий кафедрой публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. доцент.

БРОВЧЕНКО НАТАЛЬЯ ВАЛЕНТИНОВНА
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, natalya-ureva@mail.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ»

BROVCHENKO NATALIA VALENTINOVNA
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Law Sciences of the Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin University (MSAL), 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, natalya-ureva@mail.ru

LEGISLATIVE APPROACHES TO DEFINING THE CONCEPT OF «LOCAL GOVERNMENT OFFICIAL»

Аннотация: *В статье исследуются легальные дефиниции «должностного лица», проводится их сравнительный анализ и соотношение с муниципальной категорией «должностное лицо местного самоуправления». Основное внимание уделяется законодательным пробелам и коллизиям в понятийном аппарате и признаках должностного лица местного самоуправления, в результате исследования которых вносятся предложения по совершенствованию и доработке действующего законодательства.*

Ключевые слова: *должностное лицо, представитель власти, лицо, замещающее муниципальную должность, орган местного самоуправления, публичная власть.*

Abstract: *The article examines the legal definitions of «official» and conducts a comparative analysis and correlation with the municipal category of «official of local self-government.» The main focus is on legislative gaps and conflicts in the conceptual framework and characteristics of an official of local self-government, and as a result of this research, proposals are made to improve and refine the current legislation.*

Keywords: *official, representative of authority, person holding a municipal position, local government body, public authority.*

Актуальность исследования обусловлена тем, что действующее федеральное законодательство использует разные критерии для определения должностного лица местного самоуправления. Это порождает правовую неопределенность при квалификации действий лиц, привлечении к ответственности и разграничении статусов лиц, замещающих муниципальные должности и муниципальных служащих. Отсутствие единого подхода затрудняет правоприменение, особенно при определении действий в отношении должностных лиц ограничений и запретов, решении вопросов привлечения к ответственности.

За последнее десятилетие подходы к определению понятия должностного лица местного самоуправления претерпели фундаментальные изменения, обусловленные конституционной реформой 2020 года и последующим формированием единой системы публичной власти, его детализации в Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»[1], установившем принципы взаимодействия органов публичной власти на всех уровнях.

Кроме того, существенные изменения в определении понятия должностных лиц местного самоуправления произошли после принятия Федерального закона от 20 марта 2025г. № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – ФЗ № 33)[2], который приблизил статус «должностного лица местного самоуправления» к статусу «государственного служащего». В отличие от ранее действовавшего Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131)[3] ФЗ № 33 уточнил легальное определение понятия «должностное лицо местного самоуправления» и перечень лиц, замещающих муниципальные должности, включил нормы о гарантиях их деятельности, ограничениях и порядке привлечения к ответственности за несоблюдение ограничений, запретов и неисполнение обязанностей, установленных законода-

[1] Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52. Ст. 8973.
[2] Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.
[3] Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

тельством о противодействии коррупции. Однако попрежнему в законодательстве имеются пробелы и неточности, требующие исследование данной проблематики.

В действующем законодательстве имеются различные подходы к определению понятия «должностного лица». С позиции понимания должностного лица как субъекта преступления в примечании 1 к ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации определено, что должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных внебюджетных фондах, государственных корпорациях, государственных компаниях, публично-правовых компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в хозяйственных обществах, в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. Следует отметить, что данное определение было дополнено в 2021 году перечнем органов и организаций, в которых должностные лица осуществляют функции. Тем самым, рассматривая должностное лицо местного самоуправления как субъект должностных преступлений, уголовное законодательство идет по пути расширения перечня таких лиц.

В Кодексе об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) определение понятия «должностное лицо» сформулировано применительно с позиции понимания должностного лица как субъекта правонарушения. В примечании к статье 2.4 КоАП РФ под ним понимается: лицо, осуществляющее функции представителя власти (т. е. наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от него); лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. Кроме того, в указанной статье КоАП РФ определено, что совершившие административные правонарушения в связи с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций руководители и другие работники иных организаций, арбитражные управляющие, а также совершившие административные правонарушения, предусмотренные конкретными статьями КоАП РФ (они перечислены в ст. 2.4), члены счетных, ревизионных комиссий (ревизоры), ликвидационных комиссий юридических лиц и руководители организаций, осуществляющих полномочия единоличных исполнительных органов других организаций, несут административную ответственность как должностные лица.

В Федеральном законе от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ № 59)[4] содержится определение «должностного лица» как субъекта конституционно-правовых отношений, в статье 4 которого определено, что должностное лицо определяется, как «лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственном органе или органе местного самоуправления». Учитывая, что ФЗ № 59 регулирует исключительно реализацию конституционного права гражданина Российской Федерации на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, соответственно, в рамках данного нормативного акта деятельность должностного лица ограничена сферой государственной и муниципальной власти.

В положениях Письма Министерства спорта РФ от 25 апреля 2019 г. «О разъяснении определения «должностное лицо» определяется, что должностным лицом является лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции. Но и в вышеуказанном письме указывается, что в законодательстве РФ содержатся разные определения понятия «должностное лицо» в зависимости от сферы правового регулирования.

Таким образом, исходя из анализа положений уголовного, административного и конституционного законодательства, под должностным лицом местного самоуправления следует понимать лицо, выполняющее функции представителя муниципальной власти либо выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в муниципальных органах и учреждениях.

Среди основных категорий должностных лиц местного самоуправления, прежде всего, необходимо отметить лиц, выполняющих функции представителя власти. Однако, ни в законодательстве, ни в науке до сих пор не сложилось общепринятого понятия «представитель власти». В уголовном законодательстве представителем власти признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. Однако, вряд ли данное определение можно признать удачным, поскольку из примечания к ст. 285 УК РФ следует, что термин «представитель власти» не является тождественным термину «должностное лицо», а является его видом.

[4] Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ // СЗ. 2006. № 19. Ст. 2060.

Более содержательное определение понятия представителя власти дается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», в котором указывается, что к исполняющим функции представителя власти следует относить лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, а также, исходя из содержания примечания к ст. 318 УК РФ, иных лиц правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями, независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности[5]. Таким образом, определение понятия «представителя власти», сформулированное Верховным Судом РФ, является более широким, чем то определение, которое имеется в нормах уголовного законодательства, и охватывает лиц, осуществляющих функции органов законодательной, исполнительной и судебной власти.

Различные трактовки содержания определения понятия «представитель власти» и его признаков имеются и в науке. Так, по мнению А.Я. Светлова одним из основных признаков представителя власти является несвязанность деятельности[6]. Б.В. Здравомыслов указывает на три основные особенности представителя власти: властные полномочия, совершение действий, влекущих последствия для граждан и несвязанность деятельности ведомственными рамками[7]. Представляет интерес также точка зрения Г.Р. Смолицкого, который под представителем власти понимает должностных лиц, имеющих право издавать постановления, приказы, распоряжения, обязательные для исполнения отдельной группой граждан[8].

Обобщив вышеуказанные позиции ученых, а также нормы законодательства, представителем власти местного самоуправления следует считать лиц, осуществляющих правотворческие функции, а также лиц надзорных или контролирующих органов, наделенных правом принимать решения, обязательные для исполнения населением муниципального образования.

Содержание организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций раскрывается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». К организационно-распорядительным функциям относятся полномочия должностного лица, связанные с руководством трудовым коллективом государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий. К административно-хозяйственным функциям, согласно данному постановлению, могут быть отнесены, в частности, полномочия должностного лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций, учреждений, воинских частей и подразделений, а также совершение иных действий: принятие решений о начислении заработной платы, премий; осуществление контроля за движением материальных ценностей; определение порядка их хранения, учета и контроля за их расходованием.

Все вышеперечисленные подходы к определению понятия «должностного лица местного самоуправления» не в полной мере соотносятся с подходом, который обозначен в нормах ФЗ № 33. Из положений ФЗ № 33, следует, что должностное лицо местного самоуправления необходимо рассматривать с позиции субъекта муниципально-правовых отношений. Согласно части 1 статьи 25 ФЗ № 33, под должностным лицом местного самоуправления понимается лицо, замещающее муниципальную должность или заключившее контракт (трудовой договор), наделенное в соответствии с уставом муниципального образования исполнительно-распорядительными полномочиями по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения и (или) по организации деятельности органа местного самоуправления. В данном определении отсутствуют общие признаки должностных лиц и категории, которые могут быть к ним отнесены, обозначенные в уголовном, административном, конституционном законодательстве.

В отличие от ранее действующего ФЗ № 131, в определении, которое содержится в ФЗ № 33, термин «выборное лицо» был заменен на термин «лицо, замещающее муниципальную должность». Законодательное определение понятия «лица, замещающего муниципальную должность» отсутствует. Необходимо признать это существенным пробелом, поскольку без понятийного аппарата указанной категории сложно определить какие лица будут относиться к должностным лицам местного самоуправления. Если исходить из положений ФЗ № 131, в статье 2 которого содержались основные термины и понятия, то можно сделать вывод о том, что «выборное должностное лицо местного самоуправления» более узкое поня-

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий // СПС «КонсультантПлюс».
[6] Светлов А.Я. Ответственность за должностные преступления. Киев: Наукова думка, 1978. С. 136.
[7] Здравомыслов Б.В. Должностные преступления: Понятие и квалификация. Москва: Юрид. Лит., 1975. С. 87.
[8] Смолицкий Г.Р. Должностные преступления. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрид.изд-во МЮ СССР, 1947. С. 34.

тие, нежели «лицо, замещающее муниципальную должность». Таким образом, содержание понятия «должностное лицо местного самоуправления» расширилось. Такой вывод следует и из положений ч. 2 ст. 25 ФЗ № 33, в которой содержится перечень лиц, замещающих муниципальные должности. В него входят депутат, глава муниципальных образований, председатель, заместитель председателя, аудитор контрольно-счетного органа муниципального образования. Перечень не является исчерпывающим, законодатель оставил на усмотрение субъектов РФ и муниципальных образований право решения вопроса о перечне лиц, замещающих муниципальные должности.

Исследование законодательства субъектов РФ и муниципальных правовых актов показало, что в регионах в основном, используются два варианта правового регулирования перечня лиц, замещающих муниципальные должности. Так, в одних субъектах РФ устанавливается унифицированный подход к перечню муниципальных должностных лиц для всех муниципальных образований региона. Такая практика правового регулирования используется в Оренбургской области и Краснодарском крае. Но и она является неоднородной. В статье 2 Закона Краснодарского края от 8 июня 2007 г. № 1243-КЗ «О реестре должностей муниципальной службы в Краснодарском крае»[9] закреплен самый широкий перечень муниципальных должностей, в него входят: глава муниципального образования, председатель представительного органа муниципального образования, первый заместитель председателя представительного органа муниципального образования, заместитель председателя представительного органа муниципального образования, председатель комитета представительного органа муниципального образования, депутат представительного органа муниципального образования, председатель контрольно-счетного органа муниципального образования, заместитель председателя контрольно-счетного органа муниципального образования, аудитор контрольно-счетного органа муниципального образования. Более узкий перечень муниципальных должностей представлен в Законе Оренбургской области от 10 октября 2007 г. № 1599/344-IV-ОЗ «О едином реестре муниципальных должностей и должностей муниципальной службы в Оренбургской области»[10]. Исходя из содержания статьи 1 данного закона в данный перечень не входят должности первого заместителя председателя представительного органа муниципального образования и председателя комитета представительного органа муниципального образования. Такие муниципальные должности в Оренбургской области отсутствуют.

В других регионах, например, в Республике Башкортостан, Самарской области, Ямало-Ненецком автономном округе, напротив, отсутствует единый для всех муниципалитетов реестр муниципальных должностей. Данные субъекты РФ предоставили право муниципальным образованиям установить перечень муниципальных должностей самостоятельно. Наиболее приближенными к перечню лиц, замещающих муниципальные должности, установленные ч. 2 ст. 25 ФЗ № 33, оказались положения уставов Ямало-Ненецкого автономного округа. Например, в уставах городского округа г. Салехард и муниципального района Надымский район Ямало-Ненецкого автономного округа к лицам, замещающим муниципальные должности относятся депутат, глава муниципального образования, председатель и аудитор контрольно-счетной палаты муниципального образования[11]. В городском округе Самара Самарской области в данный перечень входят только депутат, глава муниципального образования и председатель контрольно-счетной палаты[12]. Нельзя признать удачным опыт правового регулирования перечня лиц, замещающих муниципальные должности, в муниципальных образованиях республики Башкортостан. Анализ уставов городского округа г. Уфа и городского округа г. Кумертау показал, что в данных муниципалитетах, несмотря на наличие отдельной главы в уставе под названием «Органы местного самоуправления и должностные лица местного самоуправления» перечень муниципальных должностей отсутствует[13].

Таким образом, разрозненная практика правового регулирования и отсутствие унифицированного подхода к перечню лиц, замещающих муниципальные должности или должностных лиц органов местного самоуправления, могут создать проблемы на практике ввиду того, что одна и та же должность в одних муниципалитетах является муниципальной должностью, а в других – не является таковой. Решению данных проблем могло бы способствовать урегулирование на федеральном уровне определения понятия «лица, замещающего муниципальную должность» и внесение изменений в ФЗ № 33.

Также неясным является вопрос об исполнительно-распорядительных полномочиях, которыми наде-

[9] Закон Краснодарского края от 8 июня 2007 г. № 1243-КЗ «О реестре должностей муниципальной службы в Краснодарском крае». URL: https://docs.cntd.ru/document/461601136 (дата обращения: 10.05.2026).

[10] Закон Оренбургской области от 10 октября 2007 г. № 1599/344-IV-ОЗ «О едином реестре муниципальных должностей и должностей муниципальной службы в Оренбургской области». URL: https://docs.cntd.ru/document/499201556 (дата обращения: 10.05.2026).

[11] Устав городского округа г. Салехард: решение Думы г. Салехарда от 27.03.2026 г. № 27. URL: https://www.salekhard.org/ (дата обращения: 10.05.2026); Устав муниципального образования Надымский район Ямало-Ненецкого автономного округа: решение Думы Надымского района от 27.10.2020 г. № 48. URL: https://pravo-search.minjust.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 10.05.2026).

[12] Устав городского округа Самара Самарской области: решение думы городского округа Самара Самарской области: решение думы городского округа Самара от 31.07.2008 г. № 623. URL: https://www. gordumasamara.ru (дата обращения: 10.05.2026).

[13] Устав городского округа г. Уфа: решение Совета городского округа г.Уфа от 15 декабря 2005 г. № 3/6. URL: https://www.gorsovet-ufa.ru (дата обращения: 10.05.2026); Устав городского округа г. Кумертау: решение Совета городского округа г. Кумертау от 14 декабря 2005 г. № 3-6. URL: https://pravo-search.minjust.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 10.05.2026).

ляется должностное лицо местного самоуправления. Следует ли считать, что законодатель подразумевает под ними организационно-распорядительные полномочия, о которых речь идет в Уголовном кодексе РФ или имеются в виду полномочия, которыми наделяется местная администрация как исполнительно-распорядительный орган муниципального образования. Требует разъяснения и вопрос о признании должностным лицом местного самоуправления лица, наделенного административно-хозяйственными полномочиями, поскольку ФЗ № 33 не предусматривает такой возможности.

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Сравнительно-правовой анализ законодательных подходов к определению понятия «должностного лица местного самоуправления» позволил выявить его межотраслевой характер, включающий нормы конституционного, административного, уголовного и муниципального права.

2. Существующие в законодательстве легальные определения понятия «должностного лица» не соотносятся между собой, в связи с чем необходимо единое законодательное закрепление данного понятия, и приведение в соответствии с ним понятия «должностного лица местного самоуправления», содержащееся в ФЗ № 33. Кроме того, с целью унификации реестра лиц, замещающих муниципальные должности и единообразия в практике правового регулирования субъектов РФ и муниципальных образований целесообразно законодательно закрепить понятие «лица, замещающего муниципальную должность».

Библиографический список

1. Здравомыслов Б.В. Должностные преступления: Понятие и квалификация. – Москва: Юрид. Лит., 1975. – 168 с.

2. Светлов А.Я. Ответственность за должностные преступления. – Киев: Наукова думка, 1978. – 303 с.

3. Смолицкий Г.Р. Должностные преступления. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Юрид.изд-во МЮ СССР, 1947. – 68 с.

Рецензент: Фомичева О.А., профессор кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент.

ГЛЕБОВА ЮЛИЯ ИВАНОВНА
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, glebova77756@gmail.com

ЦИФРОВОЙ ПОРТРЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ, АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

GLEBOVA YULIA IVANOVNA
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Law Sciences of the Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MGUA), 460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50, glebova77756@gmail.com

DIGITAL PORTRAIT OF A PUBLIC SERVANT: LEGAL NATURE, FORMATION INSTRUMENTS, AND ANTI-CORRUPTION POTENTIAL

Аннотация. *В статье анализируется новый для российской правовой системы феномен «цифрового портрета» государственного служащего, формируемого в рамках Государственной информационной системы «Посейдон» и Федеральной государственной информационной системы «Единая система управления кадровым составом государственной гражданской службы». На основе анализа нормативных правовых актов, материалов правоприменительной практики и научных работ автором раскрывается правовая природа «цифрового портрета». Особое внимание уделяется антикоррупционному потенциалу данной технологии. Выявляются основные правовые проблемы, связанные с внедрением «цифрового профиля» на государственной службе, включая вопросы защиты персональных данных, прозрачности алгоритмов и процессуального статуса формируемых системой данных. Формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.*

Ключевые слова. *Государственный служащий, цифровой портрет, ГИС «Посейдон», ЕСУКС, противодействие коррупции, конфликт интересов, цифровой профиль, персональные данные, скоринг.*

Abstract. *The article analyzes the phenomenon of a "digital portrait" of a civil servant, which is new to the Russian legal system and is formed within the framework of the Poseidon State Information System and the Unified State Information System for Managing the Personnel of the Civil Service. Based on an analysis of regulatory legal acts, materials of law enforcement practice, and scientific works, the author reveals the legal nature of the "digital portrait." Special attention is paid to the anti-corruption potential of this technology. The main legal issues related to the introduction of a «digital profile» in the civil service are identified, including issues related to the protection of personal data, the transparency of algorithms, and the procedural status of data generated by the system. Proposals are formulated to improve legal regulation in this area.*

Keywords. *Civil servant, digital portrait, Poseidon GIS, ESUCS, anti-corruption, conflict of interest, digital profile, personal data, scoring.*

Цифровая трансформация государственного управления, проводимая в Российской Федерации на протяжении последних лет, затронула все сферы публичных правоотношений. Одним из наиболее значимых ее проявлений стало внедрение механизмов непрерывного цифрового мониторинга деятельности государственных служащих, формирование их «цифровых портретов» на основе данных различных государственных информационных систем.

Данный процесс представляет собой качественно новый этап эволюции контрольных механизмов на государственной службе – переход от периодического декларирования к автоматизированному, круглосуточному мониторингу имущественного и финансового положения должностных лиц. «Цифровой портрет» (или «цифровой профиль») государственного служащего становится тем инструментом, который позволяет аккумулировать разрозненные сведения о доходах, имуществе, обязательствах имущественного характера, связях с коммерческими структурами и даже публичной активности в единый комплексный массив, доступный для автоматического анализа.

Как отмечает А.М. Цирин, «цифровое профилирование на государственной службе представляет собой совокупность процедур сбора, обработки и анализа сведений о государственном служащем в цифровом формате, позволяющих формировать его комплексную характеристику (цифровой профиль)»[1]. Автор подчеркивает дуализм данного понятия, кото-

[1] А.М. Цирин Цифровое профилирование на государственной службе: понятие и перспективы правового регулирования // Журнал российского права. 2022. №10. С. 97-109.

рый проявляется в сочетании информационной и функциональной составляющей.

«Цифровой профиль» гражданского служащего, с одной стороны, является информационным ресурсом, содержащим структурированные данные о государственном служащем, а с другой – выступает инструментом обеспечения соблюдения установленных ограничений, запретов и обязанностей, в том числе в сфере противодействия коррупции».

Для целей настоящего исследования под «цифровым портретом» (или «цифровым профилем» следует понимать совокупность структурированных в государственных информационных системах сведений о государственном служащем (доходах, имуществе, обязательствах, семейном положении, образовании, опыте работы, участии в коммерческих организациях, публичной активности), используемых для осуществления кадровой работы, антикоррупционного контроля, оценки эффективности деятельности и обеспечения соблюдения служебной дисциплины.

Также важно различать «цифровой портрет», формируемый в специализированных государственных информационных системах на основе официальных источников, и «цифровой след» государственного служащего – совокупность данных о его активности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», включая публикации в социальных сетях, комментарии и т.д.

Формирование «цифрового профиля» государственного служащего опирается на комплекс нормативно-правовых актов, которые можно классифицировать по уровням.

На федеральном уровне ключевыми являются:

- Указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации»[2].

Данным указом создана ГИС «Посейдон», которая предназначена для информационно-аналитического обеспечения деятельности по профилактике коррупционных правонарушений. Система обеспечивает ввод и анализ сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также проведение проверочных мероприятий.

- Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2024 г. № 870 «О некоторых вопросах представления сведений при поступлении на государственную службу Российской Федерации и муниципальную службу в Российской Федерации и их актуализации»[3], которым введен сервис «Анкета ГС (МС)» для заполнения анкеты при поступлении на государственную службу и обновления данных в ней в электронном виде.

- Федеральный закон от 28 декабря 2025 года № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[4], который отменил ежегодное представления сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера для большинства государственных и муниципальных служащих.

- Постановление Правительства РФ от 31 июля 2003 г. № 451 «О Правительственной комиссии по проведению административной реформы»[5] (с изменениями и дополнениями от 6 февраля 2026 г.), которым на данную комиссию возложена обязанность организации и обеспечения контроля за реализацией мероприятий по реформированию и развитию системы государственной службы, а также координация деятельности федеральных органов исполнительной власти по выполнению плана мероприятий («дорожной карты») по реализации основных направлений развития государственной гражданской службы Российской Федерации, утверждаемых Президентом Российской Федерации, в том числе, по формированию «цифрового профиля» гражданского служащего и «цифрового профиля» должности гражданской службы в единой информационной системе.

На ведомственном и региональном уровнях принимаются правовые акты, определяющие порядок использования ГИС «Посейдон» и перечни должностных лиц, уполномоченных на работу с ней. Например, приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 13 марта 2026 г. № 184 «О внесении изменений в приложения № 2 и № 3 к приказу Минэкономразвития России от 19 мая 2023 г. № 329 «Об определении порядка использования государственной информационной системы в области противодействия коррупции «Посейдон» и должностных лиц, уполномоченных на работу с ней, в Министерстве экономического развития Российской Федерации», приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 10 марта 2023 г. N 133 «Об определении порядка использования государственной информационной системы в области противодействия коррупции «Посейдон» и перечня должностных лиц, уполномоченных на работу с ней» и др.

Центральным технологическим элементом формирования «цифрового портрета» государственного служащего и одновременно звеном цифрового антикоррупционного контроля государственного служащего является ГИС «Посейдон». Это закрытая государственная информационная система, координатором которой выступила Администрация Президента

[2] Указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // СПС «Гарант».

[3] Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2024 г. № 870 «О некоторых вопросах представления сведений при поступлении на государственную службу Российской Федерации и муниципальную службу в Российской Федерации и их актуализации» // СПС «Гарант».

[4] Федеральный закон от 28 декабря 2025 г. N 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант».

[5] Постановление Правительства РФ от 31 июля 2003 г. N 451 «О Правительственной комиссии по проведению административной реформы» // СПС «Гарант».

РФ, а оператором – Федеральная служба охраны Российской Федерации.

Ключевые функциональные возможности «Посейдона» включают:

1. Непрерывный автоматизированный контроль. Система в режиме реального времени отслеживает финансовое и имущественное положение должностных лиц и членов их семей. Контроль за доходами, расходами и имуществом является непрерывным, автоматизированным, без необходимого ежегодного декларирования.

2. Интеграцию данных из различных источников. Система аккумулирует сведения, получаемые от Федеральной налоговой службы, Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестра), Федерального агентства по управлению государственным имуществом (Росимущества), Федеральной службы по финансовому мониторингу Российской Федерации (Росфинмониторинга), Банка России и других ведомств.

3. Автоматическое выявление несоответствий при совершении чиновником или членами его семьи крупной сделки (стоимостью, превышающий общий трехлетний доход семьи) система автоматически проверяет законность приобретения и при наличии сомнений передает данные на проверку контролирующим органам.

Посредством ГИС «Посейдон» формируется «цифровой портрет» государственного служащего и, благодаря электронному мониторингу, осуществляется автоматизированный контроль за соответствием расходов государственных служащих их официальным доходам.

Эффективность данного подхода демонстрирует правоприменительная практика. Так, по данным Генеральной прокуратуры РФ, за первый квартал 2025 года количество выявленных коррупционных преступлений в России выросло на 24% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

За три месяца 2025 года зарегистрировали 15 458 коррупционных преступлений, в первом квартале 2026 года — 12 466.

Доля коррупционных преступлений в общем числе уголовных дел увеличилась с 2,6% до 3,2%.

60,9% всех выявленных коррупционных преступлений относятся к фактам получения или дачи взяток. Количество таких случаев увеличилось на 29% – с 7300 до 9418.

Число пресечённых случаев получения взятки увеличилось на 25,9%, достигнув 3409 эпизодов, и превысило количество фактов дачи взятки на 549.

Зафиксирован значительный рост числа преступлений, совершённых организованными группами (на 46,5%, с 1102 до 1614 случаев).

К уголовной ответственности за коррупционные правонарушения были привлечены 5478 человек – это больше, чем в аналогичном периоде прошлого года (4856)[6].

Действующее законодательство приводится в соответствие с требованиями электронного механизма. Так, изменения, внесенные Федеральным законом от 28 декабря 2025 года №505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[7], в часть 1 ст. 3 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»[8] (далее Закон № 230-ФЗ), касаются определения предела, при котором возникает обязанность предоставлять сведения о расходах. Если ранее общая сумма сделок по приобретению земельного участка, недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, цифровых финансовых активов, цифровой валюты превышала общий доход данного лица и его супруги (супруга) за три последних года, то теперь она должна превышать общий доход данного лица, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей за тот же период.

Пункт 1 ст. 10 Закона № 230-ФЗ теперь обязывает соответствующие органы, подразделения и должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений, осуществлять анализ только сведений о расходах, представляемых в соответствии с Законом № 230-ФЗ. Ранее эта норма также включала анализ сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых в соответствии с Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее Закон № 273-ФЗ)[9].

Режим публичности антикоррупционной информации также изменен. С 01 января 2026 года сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лиц, замещающих должности государственных служащих, не нужно размещать в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальных сайтах федеральных государственных органов, государственных органов субъектов РФ, а также не будут предоставляться для опубликования средствам массовой информации, поскольку часть 6 ст. 8 Закона № 273-ФЗ признана утратившей силу.

Кроме того, Федеральным законом от 28.12.2025 № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» обязанность подачи декларации (в соответствие со ст. 8 Закона № 273-ФЗ) сохранилась лишь в определённых случаях: для граждан, претендующих на замеще-

[6] По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/documents/nauchno_metodicheskie_materialy/ (дата обращения: 04.06.2026).

[7] Федеральный закон от 28 декабря 2025 г. № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант».

[8] Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СПС «Гарант».

[9] Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции»// СПС «Гарант».

ние должностей государственной службы (пункт 1); для государственных служащих, претендующих на замещение должностей государственной службы, включенных в перечни, установленные нормативными правовыми актами Российской Федерации (пункт 3.2); при включении в федеральный кадровый резерв (пункт 3.3); при переводе госслужащего из одного органа власти в другой (пункт 3.4); при приобретении имущества, стоимость которого превышает общий трёхлетний доход семьи государственного служащего не позднее 30 апреля года, следующего за годом, в котором возникли основания для предоставления сведений о расходах в соответствии с Законом № 230-ФЗ (подп. «б» пункта 4 ст. 8 Закона № 273-ФЗ) при совершении сделок на сумму, превышающую общий трехгодовой доход госслужащего, супруги, несовершеннолетних детей (ст. 3 Закона № 230-ФЗ).

Антикоррупционный контур ГИС «Посейдон» дополняет Федеральная государственная информационная система «Единая система управления кадровым составом государственной гражданской службы» (ФГИС ЕСУКС) кадровой составляющей.

Согласно п. 6. Положения о Федеральной государственной информационной системе «Единая система управления кадровым составом государственной гражданской службы»[10] функциональные подсистемы единой системы включают: официальный сайт единой системы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу https://gossluzhba.gov.ru (далее соответственно – сеть «Интернет», официальный сайт); подсистему организационно-штатной структуры; подсистему учета кадрового состава; подсистему формирования кадрового состава; подсистему прохождения государственной службы; подсистему государственных гарантий гражданских служащих; подсистему профессионального развития гражданских служащих; подсистему обеспечения соблюдения требований к служебному поведению, урегулирования конфликта интересов и противодействия коррупции; подсистему оплаты труда гражданских служащих; подсистему службы поддержки пользователей; подсистему управления средствами авторизованного доступа; подсистему мониторинга реализации планов развития гражданской службы; подсистему электронного кадрового документооборота; подсистему аналитической визуализации кадровой информации.

Непосредственный «цифровой профиль» гражданского служащего формируется в подсистеме организационно-штатной структуры.

Помимо государственных систем, в антикоррупционной деятельности активно используются частные цифровые решения. Наиболее показательным примером является система «Антикор – выявление риска конфликта интересов», разработанная на базе сервиса «Контур.Фокус».

Данное решение позволяет автоматизировать поиск аффилированности служащих с коммерческими компаниями и выявлять риск конфликта интересов до момента наступления события. Система анализирует связи между служащими, их родственниками и субъектами предпринимательской деятельности, используя данные из общедоступных государственных реестров.

Технически система функционирует следующим образом: она сопоставляет данные о государственных служащих (включая сведения об их близких родственниках) с информацией из Единого государственного реестра юридических лиц. При обнаружении пересечений (например, если супруг госслужащего является учредителем компании, претендующей на государственный контракт) система автоматически формирует уведомление и инициирует проверку.

Сервис применяют в Екатеринбурге, Коломне, Кирове, Нижнем Тагиле, Тульской области, Алтайском крае, ЯНАО[11].

Таким образом, ГИС «Посейдон», ФГИС ЕСУКС и частные решения (такие как «Антикор) создают комплексный «цифровой портрет» государственного служащего. Они также содержат его антикоррупционный потенциал, выступая одним из ключевых антикоррупционных механизмов.

Однако столь широкое использование цифровых технологий в сфере государственной службы объективно требует детальной правовой регламентации. В настоящее время правовое регулирование существенно отстаёт от технологического развития, порождая ряд проблем. Преодоление этих рисков требует дальнейшего развития антикоррупционного правового регулирования. Как отмечает Т.Я. Хабриева, в российской науке заметен интерес к этой теме: «...Исследования нацелены на освоение отдельных, относительно узких, хотя бесспорно важных и требующих решения проблем, связанных с использованием цифровых технологий в правовой сфере»[12].

Одной из ключевых является вопрос о процессуальном статусе данных, формируемых ГИС «Посейдон», и допустимости их использования в качестве доказательств в гражданском, административном и уголовном процессе.

Данные, полученные из системы, не оспариваются, полученные документы являются доказательством. Например, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 мая 2026 года № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»[13]

[10] Постановление Правительства РФ от 03.03.2017 № 256 (ред. от 01.11.2025) «О федеральной государственной информационной системе «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации» // СПС «Гарант».

[11] В Контуре рассказали о способах выявления риска конфликта интересов. URL: https://companies.rbc.ru/news/tzmOmkfm5O/v-konture-rasskazali-o-sposobah-vyiyavleniya-riska-konflikta interesov/ (дата обращения: 04.06.2026).

[12] Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 6.

[13] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2026 г. № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // СПС «Гарант».

содержит важные положения, касающиеся доказательств и использования данных из информационных систем. В пункте 42 этого постановления указано, что «в ходе подготовки дела к судебному разбирательству суд разъясняет участникам процесса порядок представления доказательств и требования к ним: относимость, допустимость, достоверность, достаточность и законность, а также взаимную связь доказательств в их совокупности (статьи 55, 59, 60 и 67 ГПК РФ). При этом допустимость доказательств означает, что обстоятельства дела, которые по закону должны быть подтверждены определёнными доказательствами, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами. Доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда (часть 2 статьи 55 ГПК РФ)».

Однако механизм проверки достоверности информации, интегрированной в систему из различных ведомственных источников, остаётся не до конца прозрачным. Технические сбои и ошибки интеграции данных могут приводить к формированию недостоверной информации о государственном служащем.

Представляется необходимым закрепление на законодательном уровне порядка проверки достоверности данных, используемых системой, процедуры внесения исправления недостоверной информации, а также право гражданского служащего на обжалование решений, принятых на основе автоматического анализа данных.

Также цифровой портрет государственного служащего аккумулирует значительный объём персональных данных, включая сведения о доходах, имуществе, семейном положении. Положение о персональных данных государственного гражданского служащего и ведении его личного дела, утверждённое Указом Президента РФ от 30.05.2005 № 609 «Об утверждении Положения о персональных данных государственного гражданского служащего Российской Федерации и ведении его личного дела»[14] (далее Указ Президента РФ № 609), устанавливает обязанность обеспечения конфиденциальности таких сведений.

Правовая коллизия заключается в том, что ГИС «Посейдон» требует обмена данными для эффективности, в то время как Указ Президента РФ № 609 и смежные нормативные акты продолжают настаивать на их строгой изоляции. ГИС «Посейдон» создаёт цифровой профиль, аккумулируя персональные данные, а Положение Указа Президента РФ № 609, по сути, изолирует их, защищая от неправомерного использования – и эта коллизия разрешается в пользу закрытости специальных антикоррупционных систем, что порождает риск формирования закрытой ведомственной системы контроля, непрозрачной для самого служащего и общества.

Решением данной коллизии видится в **отказе от единого статуса «конфиденциально» для всех данных о государственном служащем.** Вместо этого следует законодательно установить **три уровня доступа**, каждый со своим особым режимом.

Важной проблемой внедрения «цифрового профиля» государственного служащего является также обеспечение безопасности и конфиденциальности данных. «Цифровые профили» государственных служащих находятся в зоне риска, обусловленного следующими обстоятельствами. Во-первых, такая категория лиц, как государственные служащие, имеет стабильный доход, что вызывает заинтересованность злоумышленников. Во-вторых, цифровой профиль государственного служащего аккумулирует сведения, обладание которыми позволяет потенциальным правонарушителям лучше спланировать нападение. Кроме того, при централизованной обработке персональных данных утечка данных будет нести угрозу всем государственным служащим»[15]. Мы поддерживаем предложение А.М. Цирина, который указывает: «в данном контексте перспективным видится принятие не только технических мер защиты информации, но и мер организационно-правового характера. В частности, целесообразно рассмотреть вопрос о создании на базе Межведомственной рабочей группы по противодействию информационной преступности[16] и рабочей группы «Информационная безопасность» АНО «Цифровая экономика»[17] специальных подгрупп по информационной безопасности цифрового профиля, на которые следует возложить функции выработки подходов к противодействию угрозам безопасности «цифрового профиля». Предлагается также рассмотреть вопрос об установлении специфических статусных требований, запретов, ограничений и обязанностей в отношении лиц, администрирующих государственные информационные системы, работающие с цифровым профилем государственного служащего»[18].

Таким образом, «цифровой портрет» государственного служащего представляет собой комплексный информационный продукт, формируемый на основе данных из различных государственных ин-

[14] Указ Президента РФ от 30.05.2005 № 609 «Об утверждении Положения о персональных данных государственного гражданского служащего Российской Федерации и ведении его личного дела» // СПС «Гарант».

[15] Цирин А.М. Цифровое профилирование на государственной службе: понятие и перспективы правового регулирования // Журнал российского права. 2022. №10. С. 97-109.

[16] Генеральным прокурором РФ в 2020 г. создана межведомственная рабочая группа по противодействию информационной преступности, включающая представителей Генеральной прокуратуры РФ, МИД России и других заинтересованных министерств и ведомств. Подробнее см.: Официальный портал «Координационный совет генеральных прокуроров государств – участников Содружества Независимых Государств». URL: http://www.ksgp-cis.ru/news/news-item/7975 (дата обращения: 04.06.2026).

[17] Панин О.Н., Сулейменова Р.Д. Угрозы безопасности цифрового профиля гражданина РФ // Молодой ученый. 2022. № 16(411). С. 34-35.

[18] Цирин А.М. Цифровое профилирование на государственной службе: понятие и перспективы правового регулирования // Журнал российского права. 2022. №10. С.100

формационных систем (ГИС «Посейдон», ФГИС ЕСУКС) и частных решений («Антикор») и предназначенный для целей кадровой работы, антикоррупционного контроля и оценки эффективности деятельности служащих. Его правовая природа носит дуалистический характер: с одной стороны, это информационный ресурс, с другой – инструмент обеспечения соблюдения установленных ограничений и запретов и антикоррупционный потенциал.

В контексте последнего положения интерес представляет обсуждаемая возможность использования механизмов скоринга (балльной оценки) для оценки деятельности государственных служащих, «учитывающих соблюдение ими системы ограничений, запретов и обязанностей, требований к служебному поведению, а также правил служебного поведения, в том числе содержащихся в типовом кодексе этики государственных и муниципальных служащих. Это позволит ориентировать государственных служащих на решение задач, связанных с повышением своих показателей и развитием профессиональных компетенций, а также будет способствовать повышению объективности оценки их профессиональной служебной деятельности»[19].

Полагаем, «цифровой портрет» государственного служащего – это многоуровневая сложная система, которая требует дальнейшего изучения и совершенствования правового регулирования.

Библиографический список.

1. Бакулина Л.В. Совершенствование системы оценки эффективности и результативности государственного служащего // Управленческие науки. – 2025. – № 6. – С. 24-32.

2. Волков В.Э., Коренджева А.А. Цифровой след государственного (муниципального) служащего: правовое основание, виды и пределы использования // Юридический журнал. – 2023. – № 3. – С. 8-17.

3. Добробаба М.Б., Чаннов С.Е. Цифровое профилирование гражданских служащих как способ повышения эффективности дисциплинарной ответственности в системе государственной службы // Юридический мир. – 2022. – № 11. – С. 32-36.

4. Панин О.Н., Сулейменова Р.Д. Угрозы безопасности цифрового профиля гражданина РФ // Молодой ученый. – 2022. – N 16(411). – С. 34-35.

5. Противодействие коррупции и процессы цифровизации: научно-практическое пособие / под ред. А.М. Цирина. – М.: Инфотропик Медиа, 2023. – 196 с.

6. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 5-16.

7. Цирин А.М. Цифровое профилирование на государственной службе: понятие и перспективы правового регулирования // Журнал российского права. – 2022. – № 10. – С. 97-109.

Рецензент: Колодина М.В., доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

[19] Там же. С.109.

ГОРДЕЕВ АЛЕКСАНДР ГЕННАДЬЕВИЧ
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), lex.ag@mail.ru

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ПЕРИОД ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА: МЕЖДУ САМОУПРАВЛЕНИЕМ И ГОСУДАРСТВЕННЫМ КОНТРОЛЕМ

GORDEEV ALEXANDER GENNADYEVICH
Cand. Sci., Associate Professor, Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

THE LEGAL STATUS OF ZEMSTVO INSTITUTIONS DURING THE PROVISIONAL GOVERNMENT PERIOD: BETWEEN SELF-GOVERNMENT AND STATE CONTROL

Аннотация. *В статье анализируется правовой статус земских учреждений в период деятельности Временного правительства (март – октябрь 1917?г.). На основе документов Временного правительства и архивных материалов реконструированы нововведения в законодательстве о местном самоуправлении. Показано, что земства были объявлены самостоятельными органами губернского и уездного управления, но при этом их полномочия и финансовая деятельность подвергались строгому государственному надзору. Выявлено, что эффективность земских институтов зависела от координации с новыми контролирующими структурами. Указывается на преемственность некоторых управленческих практик и их актуальность для современного местного самоуправления.*

Ключевые слова: *местное самоуправление; земства; Временное правительство; государственный контроль; губернские комиссары.*

Annotation. *The article analyzes the legal status of zemstvo institutions during the period of the Provisional Government's activities (March-October 1917). Based on the documents of the Provisional Government and archival materials, the article reconstructs the innovations in the legislation on local self-government. It shows that zemstvos were declared independent bodies of provincial and district administration, but their powers and financial activities were subject to strict state supervision. The article reveals that the effectiveness of zemstvo institutions depended on their coordination with the new supervisory structures. It also highlights the continuity of certain management practices and their relevance for modern local self-government.*

Keywords: *local self-government; zemstvos; Provisional Government; state control; provincial commissioners.*

После Февральской революции роль земских структур не только не снизилась – она, вопреки прогнозам ряда современников, возросла, и довольно резко. Временное правительство, дефицитное и в легитимности, и в реальной власти, попыталось опереться на земства. Однако, как следует из анализа источников, эта опора обернулась двойственными последствиями. Актуальность обращения к данному сюжету (особенно с учётом современных дискуссий о региональном управлении в кризисных условиях) определяется тем, что крушение прежнего госаппарата заставляло центр и регионы экстренно выстраивать новые отношения.

Цель работы – показать: реформы Временного правительства заложили для земства двусмысленное положение. Широкая самостоятельность на местах парадоксально соседствовала с мелочным, порой абсурдным надзором за земским хозяйством – от смет до продовольственных поставок. Чтобы это доказать, потребовалось решить три исследовательские задачи. Одна из них – реконструкция основных изменений в Положении о земствах (период март-октябрь 1917 г.). Причём анализировались не только формально-юридические нормы, но и практики, которые реально действовали. Далее необходимо было выявить новые полномочия земств и, что тоже важно, пределы их ответственности. Без обращения к губернской переписке здесь, как показал анализ, не обойтись. И ещё одна задача: проследить, как земские органы взаимодействовали с губернскими комиссарами и силовыми структурами – с армейскими тыловыми частями, милицией, а иногда и с солдатскими комитетами. Последнее, заметим, особенно показательно для понимания тогдашней ситуации. Хронологические рамки – март-октябрь 1917 г. (период Временного правительства). Отдельные земские практики, безусловно, появились раньше, но это уже за пределами нашей работы.

В монографии Л.Е. Лаптевой «Земские учреждения в России» дана комплексная оценка законода-

тельства о земствах и их роли в управлении[1]. В монографии В.Ф. Абрамова показана эволюция методов земского управления в хозяйственном вопросе и организационное оформление в имперский период[2]. Юридические аспекты и взаимодействие земств с властями рассматриваются в работах Н.Н. Ефремовой и М.В. Немытиной, анализирующих период 1864-1917 гг. (особенно вопросы ответственности земских управ и судебного надзора)[3]. В.В. Куликов подробно исследовал практику государственного контроля над земствами (вторая половина XIX – начало XX в.)[4]. О подготовке мартовских реформ и избирательных нововведений писал А.Ю. Шутов, изучивший эволюцию земской избирательной системы[5]. Местная историография отмечает недостаточное освещение земских учреждений именно периода 1917 г.; в частности, Судавцов указывает на единичность исследований о реформах Временного правительства в этой сфере[6]. Вышедшие за последнее время публикации существенно расширили поле научного знания: в них предложено учитывать не только законодательство, но и практику реализации реформ 1917 г. Так, М.Н. Матвеев и О.В. Турганова анализируют введение волостного земства и настаивают на его ключевой роли в модернизации местной власти[7]. В.Н. Гинев реконструирует дискуссии о выборах в волостные земства, показывая, как разные социальные группы формировали ожидания от реформы[8]. Е.М. Петровичева и Г.М. Птицына применили методы исторической антропологии к анализу крестьянского поведения на волостных выборах 1917 г. Земская практика довоенного периода, как видно, исследована довольно полно[9]. С работой же земств в 1917 г. дело обстоит иначе: она восстановлена лишь фрагментарно, и для её детального воссоздания необходимо привлекать архивные источники, многие из которых пока не введены в научный оборот.

Законы Временного правительства (публиковались в «Собрании узаконений и распоряжений») легли в основу работы. Кроме того, мы привлекли неопубликованные архивные фрагменты «Постановления... об изменении Положения о земских учреждениях». Оттуда взяты поправки к статьям старого устава: 71, 74, 83, 87, 89, 97, 103, 105, 108 и некоторым другим. При сопоставлении материалов вырисовывается двойственная линия Временного правительства: стремление расширить представительные и хозяйственные функции земства сочеталось с настойчивым желанием удержать его в рамках контролируемой административной системы. Особенно показателен один из архивных источников – он фиксирует не только круг формальных полномочий земских органов, но и те каналы (процессуальное вмешательство, право приостановки решений, ревизионные механизмы), через которые государственная власть сохраняла возможность влиять на ход дел на местах. Из этого видно, что в 1917 году земства юридически нельзя свести ни к полностью автономным корпорациям, ни к простым низовым подразделениям государственного аппарата. Скорее, они находились в промежуточной зоне – между самоуправлением и включённостью в обновлённую правительственную вертикаль. Метод – историко-правовой: анализировались изменения в нормах и их реализация. Хронологический и институциональный подходы мы применили вместе – так удалось выявить связь между реформами и практикой.

Временное правительство перестроило губернскую власть сразу после Февральской революции, и сделало это быстро. 17 марта (4-го по старому стилю) министр внутренних дел князь Львов отстранил губернаторов – временно, как тогда полагали. На их место он поставил председателей земских управ, назвав их «губернскими комиссарами Временного правительства»[10]. В уездах поступили сходным образом: председатели уездных управ стали «уездными комиссарами», но при этом за ними сохранялось и руководство собственными управами.

Реформа избирательной системы началась практически сразу. Уже 21 мая 1917 г. правительство утвердило правила выборов волостных земских гласных; тогда же появились и временные правила для выборов губернских и уездных гласных. Новые нормы вводили прямые равные выборы при тайном голосовании – а это, по сути, означало демократизацию земства[11]. Такая система, надо полагать, должна была укрепить легитимность земских собраний. Тогда же начала складываться и новая административная практика. Губернские и уездные комиссары получили право обеспечивать организацию выборов,

[1] Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. М.: ИГИ РАН, 1993. 133 с.
[2] Абрамов В.Ф. Земство в России (1905-1917): Организационная и культурно-хозяйственная деятельность. М.: Наука, 1998. 272 с.
[3] Ефремова Н.Н., Немытина М.В. Местное самоуправление и юстиция в России 1864-1917 // Государство и право. 1994. №3. С.126-133.
[4] Куликов В.В. Земские учреждения и правительственный контроль (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Изд-во «Наука», 2001. 256 с.
[5] Шутов А.Ю. Земский избирательный процесс в России (1864-1917 гг.). М.: РОССПЭН, 1997. 320 с.
[6] Судавцов Н.Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. М.; Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001. 718 с.
[7] Матвеев М.Н., Турганова О.В. Исторические и правовые аспекты введения волостного земства Временным правительством // Вестник Самарского университета. 2019. Т. 25, № 2. С. 7-12.
[8] Гинев В.Н. Мажоритарные или пропорциональные? Полемика об избирательной системе при выборах в волостное земство // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 80-92; Гинев В.Н. Выборы в волостное земство в 1917 г.: либеральные ожидания и неоднозначная реальность // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1. С. 117-131.
[9] Петровичева Е.М., Птицына Г.М. Поведение избирателей на выборах в волостные земства 1917 г. (на материалах Владимирской губернии) // Вестник Костромского госуниверситета. 2019. № 1. С. 50-55.
[10] Валевко С.В. Неопределённость властных полномочий ключевых губернских органов управления как признак кризиса власти в 1917 г. (по материалам Оренбургской губернии) // Самарский научный вестник. 2024. Т. 13, № 4. С. 74.
[11] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788, Оп. 3, Д. 4 Л. 5.

контролировать их ход, а также – сверх того – содействовать управам в избирательных делах.

Летом 1917 года функции земских учреждений начали уточнять. Формально их компетенция всё ещё базировалась на Положении 1864 г. – т.е. хозяйство, образование, медицина, соцпомощь, местные налоги[12]. Однако революция сместила приоритеты: военные и экономические задачи вышли на первый план. Земствам пришлось переключаться на них, хотя старые обязанности никто не отменял. Земства активно создавали продовольственные и топливные комиссии, содействовали организации госпиталей, обеспечивали тыл армии.

В то же время нормы нового законодательства детализировали административно-правовые процедуры. Например, по ст. 71 Положения вопросы, вносимые на земские собрания, предварительно рассматривала управа, представляя по ним заключения[13]. Изменения в статьях 97 и 105 закрепили обязанность управ доводить до сведения населения повестки и решения собраний, а также вести переписку через управу. Новеллой стало положение о чрезвычайных собраниях[14]. Например, указывалось следующее положение: «чрезвычайные земские собрания созываются: 1) подлежащею земскою управою в случае признаваемой ею необходимости... и 3) по почину губернского комиссара»[15]. Приведённая формула имеет принципиальное значение, поскольку демонстрирует, что даже в сфере внутренней организации представительного земского органа сохранялся внешний административный инициатор. Если в дореволюционной модели подобное вмешательство ассоциировалось прежде всего с губернаторским контролем, то в 1917 г. его функциональным эквивалентом стал губернский комиссар. Следовательно, право комиссара инициировать чрезвычайное собрание означало не просто техническую меру на случай кризиса, а юридически оформленную возможность влиять на темп, повестку и фактический режим работы земского представительства. С точки зрения автономии земства это означало, что самоуправленческий элемент усиливался лишь постольку, поскольку не вступал в противоречие с задачами правительственного управления на местах. Интересно следующее положение: «чрезвычайные земские собрания, созываемые в особо важных случаях, как-то во время народных бедствий и военных обстоятельств, признаются действительными при всяком числе гласных; наличность таких обстоятельств устанавливается губернским комиссаром[16]». Она раскрывает вторую сторону того же механизма. Даже когда закон формально делал чрезвычайное собрание более гибким, снижая требования к кворуму, ключ к запуску исключительного порядка сохранялся у представителя центральной власти на местах. Иначе говоря, комиссар определял не содержание решения земства, но правовой режим, в котором это решение могло быть принято. На практике подобная конструкция неизбежно создавала почву для конфликтов между земской логикой представительности и административной логикой неотложности: земство могло стремиться опереться на нормальную процедуру и широкий состав гласных, тогда как комиссар получал стимул ускорить решение вопроса в интересах снабжения, мобилизации ресурсов или локализации кризиса. Следовательно, чрезвычайность в 1917 г. выступала не только фактическим обстоятельством, но и инструментом перераспределения управленческого веса в пользу государственной администрации.

Таким образом, реформы 1917 г. придали земским комиссиям и отделам конкретные задачи в новых условиях. Однако вместе с тем все решения земских собраний подлежали согласованию с новым законодательством. В частности, собрание обязано было одновременно извещать суд и управу о своём постановлении, подлежащем судебному рассмотрению. Земства формально приобретали расширенные полномочия, но при этом их внутренняя деятельность тесно вплеталась в административно-судебную систему контроля.

Финансовые права земств оставались ограниченными. С одной стороны, закон усиливал земские бюджеты. С другой стороны, вводились новые механизмы надзора за денежными средствами. Так, статья 83 нового Положения предусматривала обязательное утверждение министра внутренних дел для создания и содержания земских касс, а также условия их ликвидации[17]: «утверждению Министра внутренних дел подлежат постановления земских собраний: 1) о заключении договоров с частными предпринимателями об устройстве и эксплуатации ими земских сооружений и предприятий общего пользования на срок свыше двенадцати лет и когда стоимость сооружения превышает пятьсот тысяч рублей; ... 3) о прекращении действий пенсионных и эмеритальных касс служащих в земских учреждениях и об условиях их ликвидации». Смысл данной нормы выходит далеко за пределы узкобюджетной техники. Она показывает, что Временное правительство проводило разграничение между текущим земским хозяйствованием и решениями, имеющими долгосрочные имущественные, инфраструктурные и социально-финансовые последствия. Наиболее капиталоёмкие обязательства земства – крупные договоры, перестрахование, а также вопросы земских пенсионных и эмеритальных касс – выводились из сферы окончательного местного усмотрения и переводились в режим министерского контроля. Тем самым фи-

[12] Судавцов Н.Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. М.; Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001. 718 с.
[13] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788, Оп. 3, Д. 4 Л. 14.
[14] Кризис местного самоуправления в революционную эпоху: сборник документов и материалов. М.:, 2007. 456 с.
[15] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788, Оп. 3, Д. 4 Л. 6.об.
[16] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788, Оп. 3, Д. 4 Л. 7.об.
[17] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788, Оп. 3, Д. 4 Л.6-8.

нансовая самостоятельность земств допускалась лишь в пределах оперативного управления, но не в той части, где решения могли повлиять на устойчивость публичных обязательств, имущественную политику или на социальное положение земского служилого аппарата. В институциональном плане это означало, что земство сохраняло статус хозяйствующего субъекта, но не получало полного суверенитета над собственным долгосрочным финансовым курсом.

Интересна форма выражения государственного контроля, когда используется следующая формулировка: «постановления земских собраний, не подлежащие утверждению правительственной власти, приводятся в действие, если губернский комиссар в двухнедельный срок со дня получения сих постановлений не приостановил их исполнение по несоответствию их с законом. Такое приостановление производится посредством передачи постановления собрания ... в отделение местного окружного суда...[18] ». Формально земские постановления, не требовавшие специального утверждения, считались исполнимыми, то есть закон не ставил каждое решение в прямую зависимость от предварительной санкции правительства. Однако одновременно вводился механизм отложенного пресекательного надзора: комиссар мог в течение определённого срока остановить исполнение и перевести спор в судебную плоскость. Это означает, что автономия земства существовала не как независимость от государства, а как презумпция допустимости решения, сохранявшаяся лишь до момента активации контроля со стороны комиссара. Важно и то, что спор выводился в окружной суд с возможностью дальнейшей жалобы в Сенат: таким образом, надзор соединял административный фильтр и судебную проверку, а земская инициатива включалась в многоступенчатую систему государственной юрисдикции. Ещё одним элементом административного надзора являлась возможность губернского комиссара «лично или чрез его помощника либо подлежащего уездного комиссара производить ревизию земских управ и других исполнительных органов земского управления, а также всех подведомственных им учреждений. Усмотрев при ревизии ... незакономерные действия либо упущения, губернский комиссар ... заявляет протест окружному суду. Решение суда по сему протесту обязательно для управы...[19] ». Речь идёт уже не о единичном решении собрания, а о возможности проверять саму деятельность управ, иных исполнительных органов и подведомственных учреждений. Тем самым контроль охватывал не только нормативный результат, но и организационный процесс: ведение дел, исполнение решений, административную дисциплину, возможные должностные упущения. Особенно показательно, что протест комиссара порождал обязательное для управы судебное решение; это делало ревизию не консультативной, а юридически действенной процедурой. Следовательно, исполнительная ветвь земского самоуправления оставалась под постоянной угрозой внешнего вмешательства, что объективно сужало пространство для полностью самостоятельной управленческой практики.

Из приведённых норм вырисовываются по крайней мере три переплетённых между собой механизма контроля за земствами в период Временного правительства. Первый из них – процедурно-административный: комиссар мог инициировать чрезвычайные собрания, самостоятельно определять «исключительные обстоятельства» и тем самым влиять на темп рассмотрения дел. Второй механизм действовал в административно-судебной плоскости: решения земских собраний приостанавливались и передавались в окружной суд, а действия управ – опротестовывались по итогам ревизии. Третий, финансово-министерский, ограничивал самостоятельность земств при принятии крупных имущественных обязательств, в вопросах страховых схем и пенсионных фондов земской службы. По сути, вся конструкция была подчинена двойной логике: земствам давали действовать быстрее и шире прежнего, но старательно удерживали их в поле правительственного надзора.

Названные способы надзора не уничтожали земство как институт, а, напротив, предполагали его активную работу. Земские собрания продолжали рассматривать поступающие дела, управы сохраняли коммуникационную и исполнительную функцию, а земские учреждения по-прежнему выступали важнейшими посредниками между населением и государственной властью. Однако юридическая техника реформы показывала недоверие центра к полной самодостаточности местного самоуправления в условиях войны, транспортного кризиса, продовольственных трудностей и политической нестабильности. Поэтому расширение компетенции сопровождалось своеобразной страховочной конструкцией: в любой момент наиболее чувствительные направления — чрезвычайная процедура, законность постановлений, финансовые обязательства, деятельность управ — могли быть возвращены под более плотный государственный контроль. В этом смысле весенне-летние преобразования 1917 г. не устраняли прежнюю традицию опеки над земством, а модернизировали её применительно к новой политической обстановке.

Именно эта двойственность позволяет точнее объяснить и конфликты, возникавшие или потенциально заложенные в правовой конструкции земской реформы 1917 г. Первый тип конфликта был связан с повесткой и временем: земство могло претендовать на самостоятельное определение приоритетов, тогда как комиссар получал законное основание ускорять созыв чрезвычайных заседаний и квалифицировать обстановку как исключительную. Второй тип касался законности и компетенции: решения земского собрания могли восприниматься самими гласными как выражение местной воли, но для комиссара они оставались объектом проверки на соответствие закону с последующей передачей в суд. Третий тип конф-

[18] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788, Оп. 3, Д. 4 Л.9.
[19] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788, Оп. 3, Д. 4 Л.10.об.

ликта касался денежных ресурсов и долгосрочных обязательств: земства стремились решать хозяйственные задачи через договоры и собственные кассы, но наиболее значимые финансовые вопросы оставались зависимыми от министерского утверждения. Наконец, четвёртый тип конфликта возникал в сфере исполнительной дисциплины, где ревизия управ превращала любой административный просчёт в потенциальный предмет внешнего судебного воздействия.

Последствия этой модели трудно оценить однозначно. Координация между земствами и органами Временного правительства действительно усилилась, что было критически важно для снабжения, чрезвычайных ситуаций и сохранения управленческой ткани на местах. Однако множественность контрольных каналов – и в этом заключалась оборотная сторона – объективно замедляла решения по спорным, ресурсно значимым вопросам, лишала земства свободы хозяйственного манёвра и создавала почву для институционального соперничества между земскими деятелями и комиссарским аппаратом. В революционных условиях 1917 г. такая система не столько устраняла кризис власти, сколько перераспределяла его последствия между центром и местным самоуправлением: центр стремился опереться на земства, но одновременно боялся дать им полномочия без сдержек. Фактически правовой статус земских учреждений этого периода точнее всего описывается как режим ограниченной автономии — самостоятельность здесь была не исходным абсолютным правом, а производной от непрерывно действовавших процедур внешнего контроля.

Реформа земского самоуправления сформировала смешанную модель. С одной стороны, земские учреждения получили большую самостоятельность, а с другой, их деятельность оставалась «встроенной» в государственную вертикаль. Таким образом, мы можем говорить, что в исследуемый период происходило сочетание элементов локальной автономии с административно-судебной опекой. Это сочетание, заметим, не потеряло значения и для современных проблем. И сегодня перед местным самоуправлением стоит та же проблема: как совместить передачу полномочий на места с государственным контролем. События 1917 г. подсказывают: эффективность самоуправления держится на чётком распределении ответственности и отлаженном взаимодействии между уровнями власти.

Библиографический список

1. Абрамов В.Ф. Земство в России (1905-1917): Организационная и культурно-хозяйственная деятельность. – М.: Наука, 1998. – 272 с.

2. Валевко С.В. Неопределённость властных полномочий ключевых губернских органов управления как признак кризиса власти в 1917 г. (по материалам Оренбургской губернии) // Самарский научный вестник. – 2024. – Т. 13, № 4. – С. 73-78.

3. Гинев В.Н. Выборы в волостное земство в 1917 г.: либеральные ожидания и неоднозначная реальность // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 1. – С. 117-131.

4. Гинев В.Н. Мажоритарные или пропорциональные? Полемика об избирательной системе при выборах в волостное земство // Петербургский исторический журнал. – 2016. – № 3. – С. 80-92.

5. Ефремова Н.Н., Немытина М.В. Местное самоуправление и юстиция в России 1864–1917 // Государство и право. – 1994. – № 3. – С. 126-133.

6. Кризис местного самоуправления в революционную эпоху: сборник документов и материалов. – М.:, 2007. 456 с.

7. Куликов В.В. Земские учреждения и правительственный контроль (вторая половина XIX – начало XX в.). – М.: Изд-во «Наука», 2001. – 256 с.

8. Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. – М.: ИГИ РАН, 1993. – 133 с.

9. Матвеев М.Н., Турганова О.В. Исторические и правовые аспекты введения волостного земства Временным правительством // Вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 25, № 2. – С. 7-12.

10. Петровичева Е.М., Птицына Г.М. Поведение избирателей на выборах в волостные земства 1917 г. (на материалах Владимирской губернии) // Вестник Костромского госуниверситета. – 2019. – № 1. – С. 50-55.

11. Судавцов Н.Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. – М.; Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2001. – 718 с.

12. Шутов А.Ю. Земский избирательный процесс в России (1864-1917 гг.). – М.: РОССПЭН, 1997. – 320 с.

Рецензент: Жолобова Г.А., заведующий кафедрой теоретико-правовых и исторических наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). д.ю.н., доцент.

КУЛИКОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
кандидат медицинских наук, доцент кафедры судебной медицины Самарского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации (СамГМУ) (г. Самара), врач-специалист по специальности «судебно-медицинская экспертиза», юрист, соруководитель Ассоциации СМЭ (судебно-медицинских экспертов) России по Самарскому региону, 443099, Самарская область, г. Самара, ул. Чапаевская, д. 89.

МЕДИКО-ПРАВОВАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ ВЛИЯНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИСХОДА ЛОКАЛЬНЫХ ТРАВМ

KULIKOV SERGEY NIKOLAEVICH
Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Forensic Medicine, Samara State Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation (SamSMU) (Samara), specialist in the specialty «forensic medical examination», lawyer, co-head of the Association of Forensic Medical Experts of Russia, in the Samara region, 443099, Samara region, Samara, Chapaevskaya str., 89. https://samsmu.ru/sveden/common/

THE MEDICAL AND LEGAL RELEVANCE OF THE IMPACT OF MEDICAL CARE ON THE FORMATION OF THE OUTCOME OF LOCAL INJURIES

Аннотация. *В статье рассматривается вариант весьма вероятного прогноза применения отдельных медицинских критериев в отечественной судебно-медицинской экспертной практике, прописанных в «новом» Порядке определения тяжести вреда здоровью, содержащемся в приказе Министерства здравоохранения Российской Федерации от 8 апреля 2025 г. № 172н[*]. Обозначены некоторые возможные медико-правовые коллизии в силу отсутствия в «новом» Порядке ... весьма позитивных дефиниций медицинских критериев тяжкого вреда здоровью, имевших место в утратившем силу приказе Минздравсоцразвития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н[**] (в дальнейшем: «172-й Приказ...», «194-й Приказ...»).*

Ключевые слова: *судебно-медицинская экспертиза, локальная травма опорно-двигательной системы, тяжкий вред здоровью, дефиниция медицинского критерия, исход травмы, объективная сторона преступления, законодательная инициатива.*

Annotation. *In the article, we consider a variant of a very likely forecast of the application of certain medical criteria in domestic forensic medical practice, prescribed in the «new» Procedure for Determining the severity of harm to health contained in Order No. 172n of the Ministry of Health of the Russian Federation dated April 8, 2025. As a result, we have identified some possible medical and legal conflicts due to the absence in the «new» Order ... of very positive definitions of medical criteria for serious harm to health, which took place in the expired Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated April 24, 2008, No. 194n. In the future: «172nd Order ...», «194th Order...».*

Keywords*: forensic medical examination, local injury of the musculoskeletal system, serious harm to health, definition of a medical criterion, outcome of injury, objective side of crime, legislative initiative.*

Обратим выборочно внимание на дефиниции медицинских критериев тяжкого вреда здоровью в п.п. *«172-ого Приказа...»:*

«5.1.2. Вред здоровью, опасный для жизни человека, вызвавший развитие расстройства жизненно важных функций организма человека, которое не может быть компенсировано организмом самостоятельно (угрожающее жизни состояние): ... ;

5.1.2.10. Следующие состояния являются квалифицирующими признаками в отношении тяжкого вреда здоровью при развитии угрожающего жизни состояния или наступлении смерти: ... ;

5.1.11. Значительная стойкая утрата общей трудоспособности не менее чем на одну треть (стойкая утрата общей трудоспособности свыше 30%).».

В отношении тяжкого вреда здоровью словосоче-

[*] Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 8 апреля 2025 г. № 172н «Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причинённого здоровью человека» (вступил в силу с 01 сентября 2025 года, зарегистрирован в Минюсте России 2 июня 2025 г. под № 82483) // СПС «Гарант».

[**] Приказ Минздравсоцразвития Российской Федерации от 14 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (зарегистрирован в Минюсте РФ 13 августа 2008 г. № 12118) // СПС «Гарант».

тания «... исход травмы ...» не находим.

Обратим выборочно внимание на дефиниции медицинских критериев тяжкого вреда здоровью в п.п. *«194-ого Приказа...»:*

«6.11. Значительная стойкая утрата общей трудоспособности не менее чем на одну треть (стойкая утрата общей трудоспособности свыше 30 процентов).

К тяжкому вреду здоровья, вызывающему значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть, независимо от исхода и оказания (неоказания) медицинской помощи, относят следующие повреждения:

6.11.1. открытый или закрытый перелом плечевой кости: внутрисуставной (головки плеча) или околосуставной (анатомической шейки, под- и чрезбугорковый), или хирургической шейки или диафиза плечевой кости;

6.11.2. открытый или закрытый перелом костей, составляющих локтевой сустав;

6.11.3. открытый или закрытый перелом-вывих костей предплечья: перелом локтевой в верхней или средней трети с вывихом головки лучевой кости (перелом-вывих Монтеджа) или перелом лучевой кости в нижней трети с вывихом головки локтевой кости (перелом-вывих Галеацци);

6.11.4. открытый или закрытый перелом вертлужной впадины со смещением;

6.11.5. открытый или закрытый перелом проксимального отдела бедренной кости: внутрисуставной (перелом головки и шейки бедра) или внесуставной (межвертельный, чрезвертельный переломы), за исключением изолированного перелома большого и малого вертелов;

6.11.6. открытый или закрытый перелом диафиза бедренной кости;

6.11.7. открытый или закрытый перелом костей, составляющих коленный сустав, за исключением надколенника;

6.11.8. открытый или закрытый перелом диафиза большеберцовой кости;

6.11.9. открытый или закрытый перелом лодыжек обеих берцовых костей в сочетании с переломом суставной поверхности большеберцовой кости и разрывом дистального межберцового синдесмоза с подвывихом и вывихом стопы;

6.11.10. компрессионный перелом двух и более смежных позвонков грудного или поясничного отдела позвоночника без нарушения функции спинного мозга и тазовых органов;

6.11.11. открытый вывих плеча или предплечья, или кисти, или бедра, или голени, или стопы с разрывом связочного аппарата и капсулы сустава.».

В отношении тяжкого вреда здоровью словосочетание «... исход травмы ...», находим в формулировке п. «6.11.». Прикладное значение его в рассматриваемом предмете темы весьма важно[1].

Формулировка звучит так:

«... К тяжкому вреду здоровья, вызывающему значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть, независимо от исхода и оказания (неоказания) медицинской помощи, относят следующие повреждения: ...».

Повторим фразу: «... независимо от исхода и оказания (неоказания) медицинской помощи ...». И ещё раз обратим внимание на фразу, ей предшествующую: «... К тяжкому вреду здоровья, вызыв***ающему*** значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть ...». Именно не «... вызв***авшему*** значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть ...», как, например, прописано в ч. 1 ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», а «...вызыв***ающему*** ...» стойкое расстройство здоровья в данном объёме. Упомянутая формулировка в п. 6.11. *«194-ого Приказа...»* являлась ключевой. Последняя позволила нам, судебным медикам России, выделить ряд структурных (морфологических) вариантов локальных травм опорно-двигательной системы, которые были прописаны в п.п. 6.11.1. – 6.11.11. *«194-ого Приказа...»*.

Дефиниции медицинских критериев, обозначенные в указанных выше п.п. *«194-ого Приказа...»,* были проработаны нами, как в период его подготовки, так и в последующие годы его практического применения. Гносеология содержания данных медицинских критериев была детально иллюстрирована нами графически, как на основе обширной фактуры клинического, так и судебно-экспертного материала[2].

[1] См., напр.: Куликов С.Н. Допустимость судебно-медицинской оценки диагностики тяжести вреда здоровью по морфологии травм опорно-двигательной системы, неопасных для жизни // Медицинская экспертиза и право. 2017. № 1. С. 19-23; Куликов С.Н. Исходы локальных травм опорно-двигательной системы, неопасных для жизни // Судебная медицина. 2017. Т. 3. № 4. С. 12-15; Куликов С.Н., Клевно В.А., Пузин С.Н. Прикладное значение терминов «исход» и «последствия» в экспертизе вреда здоровью // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2018. № 2. С. 24-32; Куликов С.Н., Клевно В.А., Пузин С.Н. Вред, причинённый здоровью человека. Медицинские критерии. Постулаты классификации // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2018. Т. 21. № 3-4. С. 33-39; Клевно В.А, Куликов С.Н., Григорьева Е.Н. Экспертиза вреда здоровью. Исходы и последствия: научно-практическое пособие / под ред. проф. В.А. Клевно. М.: Ассоциация СМЭ, 2019. 104 с.; Куликов С.Н. Варианты обстоятельств медицинской помощи по фактам причинений локальных травм опорно-двигательной системы, неопасных для жизни // Судебная медицина. 2019. № 1. С. 35-36.

[2] См., напр.: Клевно В.А., Куликов С.Н., Куликов О.С. Судебно-экспертная дефиниция медицинского критерия тяжкого вреда здоровью по факту диагностики локальных травм опорно-двигательной системы, неопасных для жизни // Теория и практика судебной экспертизы. 2010. № 2(18). С. 34-43; Клевно В.А., Куликов С.Н., Копылов А.В. Медицинские критерии вреда здоровью. Дефиниции и иллюстрации: Атлас / под ред. проф. В.А. Клевно. М.: РИО ФГБУ РЦСМЭ Минздравсоцразвития России, 2012. 367 с.; Клевно В.А., Куликов С.Н. Границы содержания и допустимость толкований практических текстовых дефиниций Медицинских критериев вреда здоровью // Судебно-медицинская экспертиза. 2012. Т. 55. № 5. С. 49-52; Клевно В.А. Медицинские критерии вреда здоровью. Экспертная и правоприменительная практика: монография. М.: РИО ФГБУ РЦСМЭ Минздравсоцразвития России, 2012. 112 с.; Клевно В.А., Куликов С.Н. Дефиниции медицинских критериев вреда здоровью: границы содержания и допустимость толкований // Актуальные вопросы медико-криминалистической экспертизы: современное состояние и перспективы развития: материалы научно-практической конференции, посвящённой 50-летию МКО БСМЭ Московской

Так, например, наш контентный анализ по рассматриваемому предмету проблемы проведён на большом фактическом материале. В период 2005-2017 гг. провели наблюдения и статистическую обработку казусов травм ОДС (опорно-двигательной системы), неопасных для жизни, в совокупности на основе 7412 медико-экспертных и клинических эпизодов. Повреждения относились к морфологическим группам, одиннадцать форм которых обозначены под п. 6.11. *«194-ого Приказа...»*. Наблюдения черпали из судебно-медицинской экспертной и клинической практики и практики производства медико-социальных экспертиз. Изученные случаи действительного неоказания соответствующих медицинских мероприятий (ММ) по фактам причинения рассмотренных травм были чрезвычайно редки. Последние мы относим, как не парадоксально, к «экспериментальным данным». По фактическим признакам того, что данные казусы демонстрировали асоциальные явления относительно пострадавших субъектов, которые в силу обстоятельств «выпали» из нормальных социальных условий жизни. Указанные обстоятельства всегда влекли тяжелый исход[3].

Терминологические словарные выражения, в данном случае, («*...вызывающему...*» или «*...вызвавшего...*»), есть причастия, которые относятся к особой форме глагола, обозначающие признак предмета по действию и отвечают на вопросы прилагательного: вызывать > (какой?), «вызывающий», «вызвавший». В дательном падеже и настоящем времени – «*...вызывающему...*», что имеем в дефиниции медицинского критерия 6.11., 194-ого приказа 2008 года Минздравсоцразвития России[4].

Важна первоначальная картина морфологии травмы (перелома крупных трубчатых костей конечностей, вывихов, переломовывихов в крупных суставах верхней или нижней конечности, отдельных переломов позвонков). Такова была ключевая формулировка п. 6.11. *«194-ого Приказа ...»*, позволявшая нам, судебным медикам России, с 2008 г. по 01.09.2025 г. выделять ряд структурных (морфологических) вариантов локальных травм опорно-двигательной системы. Причем вариантов их первичной морфологии, образующихся (и диагностированных), тотчас по факту причинения травмы, т.е. до времени влияния медицинской помощи. Выделенные морфологические формы травм обозначенной локализации и характера следовали под п. 6.11. и непосредственно к нему имели отношение. Повреждения непосредственно соответствовали категории травм, влекущих тяжкий вред здоровью, без учета влияния медицинской помощи. Тяжкий вред здоровью, в этой связи, определяли по признаку исхода повреждения, «...вызывающему ...» стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть. На основании ключевой формулировки медицинского критерия: «... независимо от исхода и оказания (неоказания) медицинской помощи ...». Центральная и аксиоматическая мысль была такова: *«... Повреждения данных морфологических форм, без оказания медицинской помощи неизбежно влекут неблагоприятный исход, вызывающий стойкую утрату трудоспособности не менее чем на 30%»*.

Что не противоречит классике клинической травматологии. Именно в этом смысле заключался первый и основной (медицинский, он же судебно-медицинский компонент) экспертной диагностики степени тяжести данных повреждений.

Ныне, с 01.09.2025 года, данный компонент отсутствует. В *«172-м Приказе...»* пункта, подобного пункту п. 6.11. *«194-ого Приказа... »*, нет. Что нисколько не оптимизирует ни судебно-медицинский экспертный процесс, ни уголовно-правовой. На наш взгляд, явление частичной и вероятно добросовестной аберрации применения части медицинских критериев тяжести вреда, причинённых здоровью человека, утвер-

области (27-29 марта 2013 г., Москва) / под ред. проф. В.А. Клевно. М.: ГБУЗ МО «Бюро СМЭ», 2013. С. 346-356; Клевно В.А., Куликов С.Н., Копылов А.В. Атлас медицинских критериев вреда здоровью / под ред. В.А. Клевно. 2-е изд. М.: Практическая медицина: Ассоциация судебно-медицинских экспертов, 2021. 236с.; Куликов С.Н. К проблеме судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью по фактам закрытых переломов длинных трубчатых костей // Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы потерпевших, подозреваемых, обвиняемых и других лиц: сборник тезисов докладов Всероссийской научно-практической конференции. М.; Рязань: РИО ГОУ ВПО «РГМУ имени академика И.П. Павлова Росздрава»: РИО ФГУ «РЦСМЭ Росздрава», 2007. С. 119-121; Куликов С.Н., Куликов О.С. Гражданского иска длительностью 15 лет, по факту причинения вреда здоровью, могло не быть // Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы трупа. Ч. 2: сборник пленарных и стендовых докладов Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 90-летию Санкт-Петербургского ГУЗ «Бюро судебно-медицинской экспертизы» (Санкт-Петербург, 5-6 июня 2008 г.). СПб., 2008. С. 112-125; Куликов С.Н., Куликов О.С., Куликов М.А., Хаметов Р.З. О «псевдопрокурорском взгляде» на новые правила определения степени тяжести вреда, причинённого здоровью человека // Управление качеством медицинской помощи. – 2009. № 2. С. 24-31; Куликов С.Н., Куликов О.С. Элективы судебной медицины (анализ экспертных эпизодов из практики правосудия): монография. Самара: Содружество, 2009. 288 с.; Куликов С.Н., Ардатов С.В. Элективы судебной экспертизы вреда здоровью (анализ экспертных эпизодов из практики правосудия): монография. Самара: ООО «Самара Люкс Принт», 2012. 340 с.; Куликов С.Н. Атлас судебной экспертизы тяжкого вреда здоровью. Самара: Изд-во НОАНО ВПО СИБиУ, 2012. 315 с.; Куликов С.Н. Противостояние экспертных суждений в казусе судебно-медицинской оценки переломовывиха костей предплечья, составляющих локтевой сустав // Судебная медицина. 2015. Т. 1. № 3. С. 49-55; Куликов С.Н. «Невидимость» тяжкого вреда здоровью в морфологии переломовывиха костей предплечья. Продолжение противостояния // Судебная медицина. 2015. Т. 1. № 4. С. 41-46.

[3] См.: Там же.

[4] Антипина О.В. Справочник по грамматике русского языка. Глагол и отглагольные формы (II сертификационный уровень): учебное пособие / О.В. Антипина, М.И. Винокурова; ФГБОУ ВО ИГМУ Минздрава России, Кафедра иностранных языков с курсами латинского языка и русского как иностранного. Иркутск: ИГМУ, 2022. С. 40, 42, 49; Куликов С.Н. Развитие дефиниций медицинских критериев в содержании основных уголовно-правовых признаков тяжкого вреда, причинённого здоровью человека // Судебно-медицинская по материалам дела: актуальные медико-правовые вопросы и экспертная практика. Труды IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 15-16 мая 2025 года. Москва // под общ. ред. д.м.н., проф. И.Ю. Макарова. М.: ООО «Принт», 2025. С. 127-134.

ждённых (подчёркиваем – утверждённых, а не разработанных) руководящим аппаратом Минздрава России в 2025 году, очевидно существует.

Какой ещё компонент, кроме судебно-медицинского, в рассматриваемой теме актуален и неизбежно имеет место? Вне сомнения – медико-правовой. Следует ли врачу – судебно-медицинскому эксперту параллельно понимать суть факта образования повреждения (травмы), с медицинской точки зрения, с одной стороны, и с уголовно-правовой, с другой? Убеждены, что следует. Причем овладевать профессиональными навыками юриста врачу – судебно-медицинскому эксперту в данном контексте нет необходимости. Тем более, что специальная судебно-медицинская литература касается данного вопроса непосредственно[5].

Так, с медицинской точки зрения, травма – это, прежде всего, нарушение целостности и (или) функции органа человека под воздействием фактора внешней среды (физического, химического, биологического, психического)[6].

Применительно к теории и практике уголовного права, причинение повреждения, причинение вреда здоровью человека, это юридическая плоскость суждения. Принцип его следующий.

Современное уголовное право России учит, что момент окончания преступления определяется в зависимости от законодательной конструкции его состава. В этой связи различают: а) преступления с материальным составом; б) преступления с формальным составом: в) преступления с усеченным составом.

Преступление с формальным составом, в частности, законодатель связывает не с виновным совершением противоправного действия самого по себе, а только с реальной угрозой наступления общественно опасных последствий. Это, например, преступления, относящиеся к прецедентам нарушения техники безопасности в различных сферах деятельности.

Преступление с усеченным составом считают оконченным с момента совершения действия лица на более ранней стадии совершения преступления – приготовления или покушения. Например, преступление «вымогательство» окончено с момента требования, преступление «бандитизм» окончено с момента создания банды и т.п.

Преступление с материальным составом считается оконченным лишь с момента наступления описанных (в нашем случае – в диспозиции статьи ч.1. ст. 111 УК РФ) общественно опасных последствий. Их наступление находится в необходимой причинной связи с совершенным субъектом противоправным деянием. Иначе говоря, кроме субъекта преступления, между противоправным деянием и его общественно опасным последствием нет (и не может быть) каких-либо посредников в форме каких-либо других действий (последствий, явлений) или иных субъектов права. Юристы обоснованно считают, что преступление, предусмотренное ст. 111 УК РФ и, например, предусмотренное ч. 1 ст. 264 УК РФ, имеют материальный состав. Отсюда следует, что такие правоприменители, как дознаватель, следователь, прокурор, судья, опираясь на отсылочный (бланкетный) характер установления диспозиции данной нормы права, назначают судебно-медицинскую экспертизу. При этом общественно опасные последствия расследуемого противоправного деяния (преступления), уже состоялись. Травма причинена, в частности, первичная морфологическая картина её, не затронутая специализированной медицинской помощью, установлена[7].

Обычно, в норме социальных отношений последствия данного деяния, ещё до их юридического рассмотрения трансформируются в факт медико-биологический – травма диагностирована, морфология её становится известной (см. номенклатуру повреждений, по п.п. «6.11.1. - 6.11.11.» медицинских критериев). При производстве же судебной экспертизы данный научный факт становится фактом в праве, т.е. становится утверждением, найденным и зафиксированным органом проверки истины (предварительным следствием или судом).

Приведённую трактовку подтверждают соответствующие комментарии относительно элементов состава преступления, в частности, по ст. 111 УК РФ. Непосредственным объектом посягательства выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу сохранения здоровья человека как целостного анатомического состояния организма. Объективная сторона таких посягательств характеризуется наличием обязательных признаков, которые позволяют говорить о так называемом материальном составе оконченного преступления. Юристы доказательно считают преступление оконченным, если совершился факт материальной действительности – причинение повреждения (травмы), когда мы это констатируем в экспертном заключении, на основании медицинских данных (в частности). В подтверждение чему

[5] Два компонента судебно-экспертного процесса оценки степени тяжести локальных травм опорно-двигательной системы, неопасных для жизни: рецензия на статью «Спорные вопросы применения медицинского критерия «стойкая утрата общей трудоспособности» при определении тяжести вреда, причинённого здоровью человека» // Судебная медицина. 2023. Т 9. № 2. С. 217-230; Куликов С.Н. Развитие дефиниций медицинских критериев в содержании основных уголовно-правовых признаков тяжкого вреда, причинённого здоровью человека // Судебно-медицинская по материалам дела: актуальные медико-правовые вопросы и экспертная практика. Труды IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 15-16 мая 2025 года. Москва // под общ. ред. д.м.н., проф. И.Ю. Макарова. М.: ООО «Принт», 2025. С. 127-134.

[6] См., напр.: Клевно В.А., Куликов С.Н., Копылов А.В. Атлас медицинских критериев вреда здоровью / под ред. В.А. Клевно. 2-е изд. М.: Практическая медицина: Ассоциация судебно-медицинских экспертов, 2021. 236 с.

[7] См., напр.: Куликов С.Н. Два компонента судебно-экспертного процесса оценки степени тяжести локальных травм опорно-двигательной системы, неопасных для жизни: рецензия на статью «Спорные вопросы применения медицинского критерия «стойкая утрата общей трудоспособности» при определении тяжести вреда, причинённого здоровью человека» // Судебная медицина. 2023. Т 9. № 2. С. 217-230.

положение ст. 29 УК РФ гласит, что преступление с материальным составом считается оконченным с момента наступления описанных в диспозиции статьи общественно опасных последствий. Заметьте, наступления не клинико-морфологических последствий в форме определившегося исхода травмы (в коих должны с экспертных позиций разбираться врачи-клиницисты), а наступления последствий общественно-опасных (читай: социально-опасных). Это значительная разница[8].

В уголовно-правовой квалификации последствий общественно опасных деяний учитывают результаты судебно-медицинской оценки тяжести травмы, причинённой потерпевшему субъекту. Что непосредственно составляет юридический процесс идентификации объективной стороны преступления, в части его внешнего проявления, выразившегося в факте причинения вреда. То есть, в факте причинения травмы виновным субъектом в определённое время, в определённом месте и определённым способом.

Причём морфологическая структура травмы должна быть напрямую чётко фиксирована к данным обстоятельствам. Или, напротив, могут быть установлены обстоятельства, не относящиеся к противоправным действиям субъекта, причинившего вред. Естественно, это прерогатива правосудия. Наша, судебно-медицинская задача состоит в представлении ему степени тяжести травмы, образовавшейся в месте и времени, которые представляют собой факультативные признаки объективной стороны преступления.

В силу чего в формулировке дефиниции п. 6.11. присутствует ключевая фраза: «*... независимо от исхода и оказания (неоказания) медицинской помощи,...*». Влияние медицинской помощи убираем и даём оценку тяжести только первичной морфологии травмы, без влияния медицинской помощи[9].

Убеждены, что удаление п. 6.11. вызовет процессуальный рецидив неоправданного (как с правовой, так и с медико-экспертной точки зрения) затягивания уголовного процесса на стадиях предварительного и (или) судебного следствий, на основании якобы «неясного исхода травмы», морфологическая структура которой будет подпадать (неизбежно), под «...ранее существовавшие положения п. 6.11., ныне отменённые ...». На основании чего сроки осуществления уголовного процесса, по известным причинам, будут пролонгированы на не менее, чем на 2-4 месяца, в лучшем случае. Или даже годы[10].

Принимая доктрину отмены п. 6.11., вновь откатываемся назад, в «эпоху» до 2008 года, когда в указанной следственной ситуации плодили дополнительные и (или) повторные судебно-медицинские экспертизы в комиссионном исполнении по одному и тому же факту причинения травмы.

При этом бесспорно, что первичная морфология её (от момента причинения и диагностики), неизбежно видоизменяется во времени под влиянием специализированной медицинской помощи в процессе лечения и реабилитации. В итоге, как всегда, имеем или благоприятный исход, или неблагоприятный, выражающийся стойкой утратой общей трудоспособности, в размере как менее, так и более 1/3.

И что? Что достигаем «отменой» п. 6.11.? Ничего оптимизирующего не достигаем. Достигаем только ретроградный откат назад.

Например, «зарисовка» из зала суда (в контексте рассматриваемой темы).

«Победа» доктрины отрицания п. 6.11. *«194-ого Приказа...»*, вновь будет порождать в зале суда адвокатские пассажи, например, такого свойства:

«... Ваша честь, мы против того, что моему подзащитному вменяют причинение пострадавшему ... тяжкого вреда здоровью по признаку значительной стойкой утраты трудоспособности в размере 55 %... . В день причинения травмы последнему диагностировали закрытый перелом бедра. По данным проведённой судебно-медицинской экспертизы, перелом тотчас, по факту причинения, не вызывал признаков опасного для жизни состояния ..., не сопровождался сложной структурой нарушения целостности бедренной кости. ... Но в дальнейшем, с целью сопоставления отломков были проведены две хирургические операции по установлению металлоконструкций с целью соединения костных отломков... . После чего было диагностировано осложнение в форме воспаления костной ткани области травмы (остеомиелит) ... , т.е. область перелома стала инфицированной. И спустя 9 месяцев от момента причинения повреждения диагностировали его исход в форме несросшегося перелома ... . Ходатайствуем о назначении комиссионной судебно-медицинской экспертизы с целью установления причинно-следственной связи на предмет установления «доли участия» медицинской помощи в формировании состоявшегося неблагоприятного исхода травмы у пострадавшего, т.к. на стадии первичной диагностики травмы факт инфицирования в области перелома не устанавливали и очагов хронической инфекции пострадавший не имел ...».

Видим, что юридическая мотивация назначения комиссионной судебной экспертизы весьма весома.

[8] Куликов С.Н. Два компонента судебно-экспертного процесса оценки степени тяжести локальных травм опорно-двигательной системы, неопасных для жизни: рецензия на статью «Спорные вопросы применения медицинского критерия „стойкая утрата общей трудоспособности“ при определении тяжести вреда, причинённого здоровью человека» // Судебная медицина. 2023.Т 9. № 2. С. 217-230.

[9] Там же.

[10] Куликов С.Н., Куликов О.С. Гражданского иска длительностью 15 лет, по факту причинения вреда здоровью, могло не быть // Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы трупа. Ч. 2: сборник пленарных и стендовых докладов Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 90-летию Санкт-Петербургского ГУЗ «Бюро судебно-медицинской экспертизы» (Санкт-Петербург, 5-6 июня 2008 г.). СПб., 2008. С. 112-125; Куликов С.Н. Два компонента судебно-экспертного процесса оценки степени тяжести локальных травм опорно-двигательной системы, неопасных для жизни: рецензия на статью «Спорные вопросы применения медицинского критерия „стойкая утрата общей трудоспособности“ при определении тяжести вреда, причинённого здоровью человека» // Судебная медицина. 2023. Т 9. № 2. С. 217-230.

Причем экспертное задание будет весьма и весьма непростое, как в плане постановки вопросов судебным экспертам, так и их непосредственного разрешения. Что обуславливает необходимость оценки качества медицинской помощи, помимо оценки тяжести вреда здоровью, напрямую причиненного виновным субъектом. От назначения данной экспертизы судом, до момента её готовности, в лучшем случае пройдёт ещё 2-3 месяца. Плюсуем к 9 месяцам, получаем почти год. Причём готовность данной судебной экспертизы не гарантирует не назначение дополнительной или повторной экспертизы по тому же предмету экспертного задания. Это ещё 3-4 месяца. Ситуация знакомая. Весьма знакомая до 2008 года.

С отменой п. 6.11. *«194-ого Приказа ...»,* обозначенная выше судебно-экспертная «многоходовка», по понятным причинам, не только не исключена, но и весьма, весьма вероятна.

И вот, после почти 17-летней практики применения рассматриваемой дефиниции медицинского критерия отменённого *«194-ого Приказа...»*, вернулись на исходные позиции, «потрясая» анналами Уголовного кодекса с доминантой «псевдопрокурорского мышления» у части судебных медиков.

Доминанта такова «... нет реализации факта исхода травмы – нет оснований судебно-медицинской оценки её тяжести в рамках признака стойкой утраты общей трудоспособности ...». «Железная» логика до сих пор «мерцающая» у ряда наших коллег, в понимании п.6.11.

Уголовный кодекс содержит нормы уголовного права, а не дефиниции медицинских критериев. Норма права обладает своей юридической структурой. Уголовно-правовые положения выстраивают юридическую схему состава преступления (его элементы, материального и не материального характера, формы вины и т.д.). Определять и то, и другое, и третье – профессиональное дело правосудия, а не наша обязанность (судебно-медицинских экспертов). Наше дело – медицинская составляющая, коей служим. Судебная медицина – это медицина в праве (но не «правовая медицина»)[11].

Что делать?

Предлагаем инициативу соответствующей терминологической поправки в части 1 ст. 111 УК РФ, превентивно устраняющую «разнобой» форм времени в рассмотренном термине, имеющем ключевое значение, как в дефиниции медицинского критерия, так и в диспозиции данной уголовно-правовой нормы. Важно, что предлагаемая инициатива не изменяет структуру диспозиции нормы права в ст. 111 УК РФ, и не выдвигает «нового» квалифицирующего признака тяжкого вреда здоровью.

Таким образом, весьма уместно внести поправку в часть 1 ст. 111 УК РФ в следующей редакции: «1. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, ... или, как вызвавшего, так и вызывающему стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть ...»[12].

По понятным причинам мы, как профессиональная корпорация судебных медиков, не имеем права законодательной инициативы. Однако история продвижения данной инициативы, на настоящее время, в рамках наших полномочий и возможностей, находится в процессе развития.

В частности, в 2009 и 2018 гг. мы, по предмету изложенной выше темы, осуществляли письменные запросы-предложения (с ответными корреспонденциями из Верховного Суда РФ): 21.08.2009, №8/общ-2218; 23.07.2018, №8-ВС-5372/18, в управленческие подразделения Верховного Суда РФ, занимающиеся систематизацией законодательства, в целях его совершенствования, дающие основания законодательной инициативы.

Контекст ответов звучал в следующих формулировках.

2009 год: *«... относительно внесения изменения в ч. 1 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации сообщается, что предложения по совершенствованию уголовного законодательства рассмотрены и приняты к сведению для использования в законопроектной работе в пределах компетенции Верховного Суда Российской Федерации ...»,* (подпись начальника Управления по работе с законодательством...).

2018 год: *«...В силу части 1 статьи 104 Конституции Российской Федерации Верховному Суду Российской Федерации предоставлено право законодательной инициативы ... Указанное право осуществляется Верховным Судом Российской федерации посредством внесения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации предложений об изменении действующего законодательства ... по тем вопросам, которые возникают у судов в процессе отправления правосудия по конкретным делам ..»,* (подпись главного консультанта ВС РФ ...).

Ответы хорошие. Конкретных дел рассматриваемого характера, даже в обозрении судебно-медицинской экспертной практики автора настоящей публикации, накопилось достаточно. Слово за аппаратом Государственной Думы Федерального Собрания России.

Библиографический список

1. Антипина О.В. Справочник по грамматике русского языка. Глагол и отглагольные формы (II сертификационный уровень): учебное пособие / О.В. Антипина, М.И. Винокурова; ФГБОУ ВО ИГМУ Минздрава России, Кафедра иностранных языков с курсами латинского языка и русского как иностранного. – Иркутск: ИГМУ, 2022. – 64 с.

[11] Куликов С.Н. Два компонента судебно-экспертного процесса оценки степени тяжести локальных травм опорно-двигательной системы, неопасных для жизни: рецензия на статью «Спорные вопросы применения медицинского критерия „стойкая утрата общей трудоспособности“ при определении тяжести вреда, причинённого здоровью человека» // Судебная медицина. 2023. Т 9 № 2. С. 217-230.

[12] Ныне существует формулировка: «1. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, ... вызвавшего значительную стойкую утрату общей трудоспособности...».

2. Клевно В.А., Куликов С.Н., Куликов О.С. Судебно-экспертная дефиниция медицинского критерия тяжкого вреда здоровью по факту диагностики локальных травм опорно-двигательной системы, неопасных для жизни // Теория и практика судебной экспертизы. – 2010. – № 2(18). – С. 34-43.

3. Клевно В.А., Куликов С.Н., Копылов А.В. Медицинские критерии вреда здоровью. Дефиниции и иллюстрации: Атлас / под ред. проф. В.А. Клевно. – М.: РИО ФГБУ РЦСМЭ Минздравсоцразвития России, 2012. – 367 с.

4. Клевно В.А., Куликов С.Н. Границы содержания и допустимость толкований практических текстовых дефиниций Медицинских критериев вреда здоровью // Судебно-медицинская экспертиза. – 2012. – Т. 55, № 5. – С. 49-52.

5. Клевно В.А. Медицинские критерии вреда здоровью. Экспертная и правоприменительная практика: монография. – М.: РИО ФГБУ РЦСМЭ Минздравсоцразвития России, 2012. – 112 с.

6. Клевно В.А., Куликов С.Н. Дефиниции медицинских критериев вреда здоровью: границы содержания и допустимость толкований // Актуальные вопросы медико-криминалистической экспертизы: современное состояние и перспективы развития: материалы научно-практической конференции, посвящённой 50-летию МКО БСМЭ Московской области (27-29 марта 2013 г., Москва) / под ред. проф. В.А. Клевно. – М.: ГБУЗ МО «Бюро СМЭ», 2013. – С. 346-356.

7. Клевно В.А., Куликов С.Н., Копылов А.В. Атлас медицинских критериев вреда здоровью / под ред. В.А. Клевно. 2-е изд. М.: Практическая медицина: Ассоциация судебно-медицинских экспертов, 2021. – 236 с.

8. Куликов С.Н. К проблеме судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью по фактам закрытых переломов длинных трубчатых костей // Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы потерпевших, подозреваемых, обвиняемых и других лиц: сборник тезисов докладов Всероссийской научно-практической конференции. М.; Рязань: РИО ГОУ ВПО «РГМУ имени академика И.П. Павлова Росздрава»: РИО ФГУ «РЦСМЭ Росздрава», 2007. – С. 119-121.

9. Куликов С.Н., Куликов О.С. Гражданского иска длительностью 15 лет, по факту причинения вреда здоровью, могло не быть // Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы трупа. Ч. 2: сборник пленарных и стендовых докладов Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 90-летию Санкт-Петербургского ГУЗ «Бюро судебно-медицинской экспертизы» (Санкт-Петербург, 5-6 июня 2008 г.). – СПб., 2008. – С. 112-125.

10. Куликов С.Н., Куликов О.С., Куликов М.А., Хаметов Р.З. О «псевдопрокурорском взгляде» на новые правила определения степени тяжести вреда, причинённого здоровью человека // Управление качеством медицинской помощи. – 2009. – № 2. – С. 24-31.

11. Куликов С.Н., Куликов О.С. Элективы судебной медицины (анализ экспертных эпизодов из практики правосудия): монография. – Самара: Содружество, 2009. – 288 с.

12. Куликов С.Н., Ардатов С.В. Элективы судебной экспертизы вреда здоровью (анализ экспертных эпизодов из практики правосудия): монография. – Самара: ООО «Самара Люкс Принт», 2012. – 340 с.

13. Куликов С.Н. Атлас судебной экспертизы тяжкого вреда здоровью. Самара: Изд-во НОАНО ВПО СИБиУ, 2012. – 315 с.

14. Куликов С.Н. Противостояние экспертных суждений в казусе судебно-медицинской оценки переломовывиха костей предплечья, составляющих локтевой сустав // Судебная медицина. – 2015. – Т. 1, № 3. – С. 49-55.

15. Куликов С.Н. «Невидимость» тяжкого вреда здоровью в морфологии переломовывиха костей предплечья. Продолжение противостояния // Судебная медицина. – 2015. – Т. 1, № 4. – С. 41-46.

16. Куликов С.Н. Допустимость судебно-медицинской оценки диагностики тяжести вреда здоровью по морфологии травм опорно-двигательной системы, неопасных для жизни // Медицинская экспертиза и право. – 2017. – № 1. – С. 19-23.

17. Куликов С.Н. Исходы локальных травм опорно-двигательной системы, неопасных для жизни // Судебная медицина. – 2017. – Т. 3, № 4. – С. 12-15.

18. Куликов С.Н., Клевно В.А., Пузин С.Н. Прикладное значение терминов «исход» и «последствия» в экспертизе вреда здоровью // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. – 2018. – № 2. – С. 24-32.

19. Куликов С.Н., Клевно В.А., Пузин С.Н. Вред, причинённый здоровью человека. Медицинские критерии. Постулаты классификации // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. – 2018. – Т. 21, № 3-4. – С. 33-39.

20. Клевно В.А, Куликов С.Н., Григорьева Е.Н. Экспертиза вреда здоровью. Исходы и последствия: научно-практическое пособие / под ред. проф. В.А. Клевно. – М.: Ассоциация СМЭ, 2019. – 104 с.

21. Куликов С.Н. Варианты обстоятельств медицинской помощи по фактам причинений локальных травм опорно-двигательной системы, неопасных для жизни // Судебная медицина. – 2019. – № 1S. – С. 35-36.

22. Куликов С.Н. Два компонента судебно-экспертного процесса оценки степени тяжести локальных травм опорно-двигательной системы, неопасных для жизни: рецензия на статью «Спорные вопросы применения медицинского критерия „стойкая утрата общей трудоспособности“ при определении тяжести вреда, причинённого здоровью человека» // Судебная медицина. – 2023. – Т 9 № 2. – С. 217-230.

23. Куликов С.Н. Развитие дефиниций медицинских критериев в содержании основных уголовно-правовых признаков тяжкого вреда, причинённого здоровью человека // Судебно-медицинская по материалам дела: актуальные медико-правовые вопросы и экспертная практика. Труды IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 15-16 мая 2025 года. Москва // под общ. ред. д.м.н., проф. И.Ю. Макарова. – М.: ООО «Принт», 2025. – 284 с.

Рецензент: Кеменева Ю.В., врач-судебно-медицинский эксперт Автономной некоммерческой организации юридической и экспертной деятельности «Право и медицина», к.м.н.

РУЗАЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ОГУ, доцент кафедры предпринимательского и трудового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460018, Оренбург, проспект Победы 13, elena280407@yandex.ru

О ПРИМЕНЕНИИ СЕТЕВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ

RUZAEVA ELENA MIKHAILOVNA
Candidate of Law, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Chair of Civil Law and Process, OSU, 460018, Orenburg, Victory Avenue 13, elena280407@yandex.ru

ON THE USE OF NETWORK INFORMATION SYSTEMS IN THE SYSTEM OF PUBLIC CIVIL SERVICE

Аннотация. *В статье рассматривается, что искусственный интеллект открывает новые возможности для управления безопасностью государственных данных, одновременно создавая новые проблемы для обеспечения безопасности данных, предотвращения рисков и защиты персональных данных. В настоящее время управление безопасностью государственных данных в условиях искусственного интеллекта сталкивается с реальными дилеммами, для решения которых необходимо сосредоточиться на углублении проектирования безопасности данных на самом высоком уровне, совместной разработке стандартов и норм безопасности данных, совершенствовании механизмов управления и защиты данных, создании комплексной платформы управления данными и укреплении независимых инноваций в ключевых технологиях.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, безопасность данных, предотвращение и контроль рисков, связанных с данными, государственное управление, управление безопасностью, комплексная платформа управления, интернет-платформы, кибербезопасность, защита конфиденциальности данных.*

Abstract. *The article discusses that artificial intelligence opens up new opportunities for managing the security of public data, while also creating new challenges for ensuring data security, preventing risks, and protecting personal data. Currently, the management of public data security in the context of artificial intelligence faces real dilemmas that require a focus on deepening data security design at the highest level, jointly developing data security standards and regulations, improving data management and protection mechanisms, creating a comprehensive data management platform, and strengthening independent innovation in key technologies.*

Keywords: *artificial intelligence, data security, data-related risk prevention and control, public administration, security management, comprehensive management platform, internet platforms, cybersecurity, and data privacy protection.*

В современном мире роль использования информационных технологий в различных сферах жизни неоспорима важна. Одной из таких сфер является система государственного управления. Применение на практике в России и в зарубежных странах таких технологий позволяет повысить уровень жизни граждан, усилить защиту данных и обеспечить. Решение вопроса цифровизации населения и органов власти – первостепенная задача современного общества. Применение цифрового оборудования помогает оптимизировать процессы, сделать их легкими в исполнении и применении.

В информационную эпоху интернет не только коренным образом изменил образ жизни людей, но и перестроил модели производства и функционирования всего общества. От государственных учреждений до частных предприятий, от научно-исследовательских институтов до государственных служб – интернет стал главной артерией информационного потока.

С быстрым развитием технологий искусственного интеллекта возможности интеллектуального принятия решений также улучшились. Машины могут автоматически организовывать и сравнивать решения на основе высокоинтегрированных данных, тем самым помогая лицам, принимающим решения, в выборе оптимальной стратегии.

Современное общество нельзя представить без повсеместного использования информационных технологий. Сферу государственного управления также не обошла стороной волна «информатизации». Повышение качества и эффективности государственного управления является важнейшей целью существования государства. Стоит отметить важность применения информационных технологий на государственной и муниципальной службе, которые являются одними из ключевых составляющих государственного управления.

Развитие информационно-коммуникационных технологий на гражданской службе помогает реализовать принципы доступности и открытости информации о деятельности государственных органов для отдельных граждан и общества в целом. При этом для понимания отношений между технологией и обществом важно помнить, что роль государства, замедляющего либо ускоряющего технологический рост, возглавляющего технологическую инновацию, является решающим фактором всего процесса развития, организующим и выражающим суть социальных и культурных сил, преобладающих на том или ином этапе.

Развитие информационных и коммуникационных технологий, научно-технический прогресс в целом открывает перед человечеством и возможности, и угрозы. Хотя новые технологии нравственно нейтральны, но обусловленные ими взаимодействия внутри системы приводят к определенным воздействиям на среду, которые, изменяя ее, могут приводить к неожиданным и непредсказуемым эффектам и последствиям

Таким образом, органы государственной власти могут полагаться на интеллектуальное принятие решений и использовать технологии анализа данных для получения более подробной информации о состоянии данных, каналах применения и поведении использования данных на каждом этапе жизненного цикла, минимизируя влияние соответствующих факторов, чтобы помочь решить сложные задачи принятия решений, разработать и найти оптимальные стратегии безопасности данных, обеспечить их безопасность и доступность и, таким образом, уменьшить количество серьезных ошибок при принятии решений.

Точное понимание ситуации создает условия для всестороннего мониторинга рисков, связанных с государственными данными. Текущий мониторинг рисков безопасности государственных данных страдает от низкой эффективности, длительных циклов выявления рисков и значительного отставания в предотвращении и контроле рисков[1].

В сфере управления безопасностью государственных данных искусственный интеллект демонстрирует как эффект «расширения возможностей безопасности», так и эффект «симбиоза безопасности». Он усугубляет традиционные риски безопасности данных, такие как чрезмерный сбор данных, порождает новые проблемы безопасности данных, такие как отравление данных и смещение выборки, создавая новые проблемы для обеспечения безопасности государственных данных, предотвращения рисков безопасности данных и защиты персональных данных.

Само развитие технологии предъявляет более высокие требования к обеспечению безопасности государственных данных, это требует надежной системы стандартов безопасности данных.

Риски безопасности данных, безопасности алгоритмов и утечки конфиденциальной информации, присущие технологиям искусственного интеллекта, могут легко вызвать проблемы безопасности государственных данных, что требует усиления стандартов безопасности данных в области искусственного интеллекта для обеспечения безопасности данных и их развития в контексте искусственного интеллекта.

В контексте искусственного интеллекта риски безопасности государственных данных возникают чаще, становятся более скрытыми, и традиционные технологии мониторинга рисков безопасности данных уже недостаточны для удовлетворения потребностей управления безопасностью государственных данных[2].

Переход от простого накопления продуктов безопасности к всестороннему управлению безопасностью данных, от предоставления продуктов к предоставлению услуг, требует не только технологических инноваций, но и высококвалифицированной рабочей силы. Поэтому создание разнообразного кадрового резерва для управления безопасностью государственных данных имеет решающее значение.

Технологические искажения или алгоритмические «черные ящики» приводят к серьезным утечкам персональных данных. Органы государственной власти обладают огромными массивами частных данных, и хранение, копирование и распространение этих данных сопряжены с этическими рисками, такими как утечка конфиденциальной информации. В частности, технологические искажения и алгоритмические «черные ящики», присущие искусственному интеллекту, делают эти утечки еще более вероятными.

В настоящее время частные технологические компании контролируют алгоритмы, поскольку они несут ответственность за их разработку и работу, в то время как государственные ведомства определяют только выходную информацию алгоритма - его цели или результаты, а широкая общественность практически полностью исключена из «черного ящика» алгоритма. Это означает, что слабые возможности обеспечения безопасности в цепочке обработки данных могут подвергнуть риску всю цепочку данных, что приводит к утечкам или краже данных.

Укрепление организационно-институциональной структуры является основополагающей гарантией управления безопасностью государственных данных. Однако нынешняя система управления безопасностью государственных данных по-прежнему сталкивается с некоторыми трудностями в организационном построении.

В основном это проявляется в следующих аспектах:

- размыты границы ответственности, особенно в области искусственного интеллекта граница между человеком и машиной становится все более размы-

[1] Караваев А.А. О системе отнесения сведений к категории «Конфиденциальных» в органах исполнительной власти // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 290-295.

[2] Мирошниченко М.А., Бондаренко А.А., Пиналова Е.В. Актуальные проблемы обеспечения информационной безопасности систем электронного документооборота в рамках цифровой трансформации // Вестник Академии знаний. 2020. № 36 (1). С. 137-142.

той, а такие проблемы, как ненадлежащее поведение и нечеткое определение ответственности между сторонами, связанными с самой технологией, еще больше затрудняют определение ответственности за безопасность государственных данных и еще больше размывают границы ответственности.

- координация управления безопасностью данных между различными уровнями власти, что снижает эффективность управления безопасностью данных[3].

Управление безопасностью государственных данных требует руководства и ограничений, установленных законами, нормативными актами, стандартами и нормами; это является предпосылкой и основой для эффективного осуществления управления безопасностью государственных данных. Однако существующая правовая база для управления безопасностью государственных данных не может удовлетворять потребности развития искусственного интеллекта. В настоящее время существующие законы и нормативные акты об управлении безопасностью данных еще не сформировали целостную систему.

В условиях новых обстоятельств, новых задач и новых вызовов мы должны всесторонне реализовывать общую концепцию национальной безопасности, точно понимать ее суть, обновлять наши концепции, внедрять инновации в наши меры и ускорять качественное развитие работы в области кибербезопасности и защиты конфиденциальности[4].

Для повышения качества и эффективности работы, а также содействия обмену информацией, государственные учреждения и предприятия все чаще стремятся расширить применение новых сетевых технологий.

Сценарии использования деловой информации становятся все более сложными и разнообразными, постоянно появляются новые технологические и рабочие модели.

Например, некоторые организации создали информационные платформы на основе общедоступных или частных облаков для повышения возможностей предоставления государственных услуг, централизованно собирая и обрабатывая данные и информацию, касающиеся государственных дел или общественности; другие создали межрегиональные сети для совместной работы или сети обмена данными на основе общедоступного интернета для удовлетворения потребностей множества подразделений, передавая большие объемы ежедневных данных в режиме онлайн; некоторые создали каналы сетевых технологий, поддерживающие удаленную работу, чтобы облегчить сотрудникам выполнение работы вне офиса; некоторые разработали сценарии мобильного офиса с секретной информацией на основе общедоступных каналов связи и оснастили персонал секретными мобильными офисными терминалами в соответствии со специфическими требованиями работы; некоторые создали небольшие платформы Интернета вещей для обеспечения интеллектуального управления офисной средой и мониторинга важных зон в режиме реального времени; а некоторые, ограниченные собственными ресурсами, передали на аутсорсинг определённые проекты по созданию сетевых систем, продукты или услуги, связанные с охраняемой законом тайной, общественным организациям, и др..

Кроме того, быстро растет применение новых технологий, таких как искусственный интеллект, в государственных учреждениях и на предприятиях. Некоторые организации используют соответствующие технологии для автоматизации офисной работы, интеллектуальной обработки документов и даже для идентификации и обработки секретной информации. Однако широкое применение новых сетевых технологий в государственных учреждениях и организациях также принесло новые риски безопасности, как реальные, так и потенциальные, которые постоянно возрастают[5].

В частности, по мере расширения масштабов и усложнения сетевых приложений, структуры систем становятся все более запутанными, а уязвимость критически важных сетевых активов увеличивается. Это повышает вероятность уязвимостей и риск атак, предоставляя больше возможностей различным преступникам для кражи информации, саботажа и других действий[6].

Например, хакеры, скрывающиеся в тени киберпространства, могут использовать методы технического проникновения для незаконного проникновения в сетевые информационные системы соответствующих организаций или нанесения им ущерба; вирусы, трояны и другое вредоносное программное обеспечение широко распространены в интернете, потенциально заражая и влияя на сетевые системы соответствующих организаций, приводит к утечкам данных и другим инцидентам безопасности; программы-вымогатели становятся все более распространенными, а атаки с использованием программ-вымогателей усиливаются, представляя собой значительную реальную угрозу для безопасности данных и операционной безопасности офисных и производственных сетей государственных учреждений.

В частности, иностранные разведывательные агентства давно стремятся заполучить сетевые информационные системы некоторых государственных учреждений и предприятий, тайно атакуя и проникая в соответствующие сети путем сбора и использования уязвимостей в высокорискованных технических об-

[3] Гитинов Х.Х., Курбанов Т.К., Алискеров М.Р., Качаева Г.И. Актуальные проблемы обеспечения защиты конфиденциальной информации в условиях электронного документооборота в работе государственных и муниципальных органов // Образование и право. 2021. № 9. С. 101-109.

[4] Волчинская Е.К. Электронный документооборот: проблемы хранения // Информационное право. 2017. № 1. С. 4-12.

[5] Гитинов Х.Х., Курбанов Т.К., Алискеров М.Р., Качаева Г.И. Актуальные проблемы обеспечения защиты конфиденциальной информации в условиях электронного документооборота в работе государственных и муниципальных органов // Образование и право. 2021. № 9. С. 101-109.

[6] Баранова А.В., Маслов В.А. Проблема внедрения системы межведомственного электронного документооборота // Научный вестник Крыма. 2020. № 5 (28). С. 1-8.

ластях, а также разработки и использования передовых технических средств, пытаясь украсть важные данные и информацию.

В то же время традиционные методы угроз, такие как кибератаки и распространение вирусов, быстро развиваются и распространяются на новые технологические области, что приводит к появлению новых рисков кибербезопасности.

Например, информация об уязвимостях программного и аппаратного обеспечения, связанных с мобильным интернетом и мобильными смарт-терминалами, а также эксплойт-скрипты и вредоносные программы, часто раскрывается и публикуется в СМИ, создавая возможность атаки и контроля над мобильными офисными системами и терминальными устройствами соответствующих организаций.

Многие платформы облачного хранения страдают от таких проблем, как неправильная настройка политик, неадекватные меры защиты и недостаточный контроль безопасности, что создает риск крупномасштабных утечек данных; а технологии контроля и предотвращения угроз для искусственного интеллекта все еще находятся на стадии зрелости, что создает потенциальные риски, такие как ненадлежащее использование систем искусственного интеллекта государственными учреждениями, ведущее к утечке важных данных.

Кроме того, организации и частные лица могут воспользоваться «аутсорсингом» секретных сетевых технологий, продуктов и услуг, предоставляемых соответствующими организациями, для использования лазеек и манипулирования цепочкой поставок, применяя как явные методы сокрытия секретов, так и легальные методы сокрытия незаконной деятельности. Это может включать предварительную установку бэкдоров в продукты, кражу данных во время эксплуатации и технического обслуживания или тайное внедрение вредоносного кода во время онлайн-обновлений программного обеспечения, что серьезно угрожает безопасности соответствующих сетевых информационных систем.

Таким образом, оперативное реагирование на растущий спрос на новые сетевые технологии при одновременном эффективном предотвращении и контроле все более серьезных рисков кибербезопасности стало важнейшей задачей, которую должны решить все государственные учреждения для непрерывного и глубокого продвижения информатизации бизнеса и модернизации офисных помещений. Это также наиболее значимая задача, стоящая перед работой в области кибербезопасности и конфиденциальности в настоящее время и в будущем.

Несомненно, этот фазовый переход положительно скажется на эффективности государственного управления и будет способствовать экономическому росту страны в целом. Многочисленные приложения к самым различным сферам не позволяют сомневаться в высокой прогностической ценности «больших данных». И в то же время переход к этой новой фазе государственного управления повлечет за собой и новые риски, связанные с правами, свободами и законными интересами личности, которые представляется крайне важным просчитать заранее.

В целом же, можно констатировать, что угрозы правам и законным интересам личности в информационной сфере обусловлены как объективными характеристиками новых информационных технологий и способами применения государственных информационных систем в управлении, так и недостаточной изученностью правовых последствий создания и использования таких систем.

Государственное управление может быть эффективным только тогда, когда органы государственной власти в своей деятельности опираются на полную, достоверную, актуальную управленческую информацию.

Процесс государственного управления, как уже указывалось выше, обладает характеристиками непрерывности и цикличности, а значит, его нормальное протекание зависит от наличия постоянной обратной связи, налаженного информационного потока от управляемой системы. Управленческая функция информации проявляется наиболее заметно в государстве. Здесь информация выступает в нескольких формах:

- как источник власти;
- как фактор регулирования политических систем и процессов;
- как источник политического управления;
- как продукт управленческого процесса.

Актуальность означает, что собранная информация является свежей, отличается оперативностью сбора и передачи, новизной, соответствует задачам сегодняшнего дня и может способствовать их решению.

Достоверность информации определяется ее способностью схватывать и отражать факты, события и особенно их причины и взаимосвязи. Ее получение представляет собой очень сложный познавательный и аналитический процессы, требующие привлечения специалистов и использования современных научных процедур.

Достаточность свидетельствует, что информация получена по целому ряду системно увязанных вопросов, глубоко и всесторонне раскрывает исследуемый процесс, особенно его внутренние источники, движущие пружины и внешние детерминанты, характеризует процесс в целом, содержит предпосылки для прогнозирования и моделирования возможных новых состояний данного процесса.

Доступность информации связана с ее открытостью, гласностью, возможностью ее оперативного получения в нужном объеме. Часто информация имеется, но она закрыта и используется очень узким кругом должностных лиц. В таком случае коэффициент ее полезного действия очень низок.

Аутентичность обусловливает текстуальное и словесное выражение информации в понятной людям форме, соответствие их познаниям в области языка. К сожалению, сама структура государственного уп-

равления провоцирует «догоняющий» тип реакции органов государства на информационные сигналы. Современеный этап информатизации государственного управления характеризуется резким возрастанием информационных потоков и созданием таких информационных средств и технологий, которые в корне изменили все информационные процессы и интеллектуальное представление о них.

Необходима своевременная разработка этических и правовых требований и ограничений к обработке данных в ГИС, использованию результатов такой обработки в целях обеспечения прав, законных интересов и информационной безопасности личности и в соответствии с принципами равенства и справедливости.

Как утверждал Карл Ясперс, цивилизованное общество благодаря научно-техническому прогрессу обеспечивает социальную защиту человека, если сохраняется общечеловеческая иерархия ценностей, где высшей целью является гражданин с его внутренним миром[7].

Использование информационных технологий предоставляет принципиально новые возможности для повышения эффективности работы органов государственной и муниципальной службы Российской Федерации.

Главной целью использования информационных технологий является наиболее полное удовлетворение информационных потребностей населения, повышение эффективности взаимодействия органов власти с населением, а также между собой на основе внедрения новых информационных технологий, средств вычислительной техники и телекоммуникаций.

Библиографический список

1. Баранова А.В., Маслов В.А. Проблема внедрения системы межведомственного электронного документооборота // Научный вестник Крыма. – 2020. – № 5 (28). – С. 1-8.

2. Волчинская Е.К. Электронный документооборот: проблемы хранения // Информационное право. – 2017. – № 1. – С. 4-12.

3. Гитинов Х.Х., Курбанов Т.К., Алискеров М.Р., Качаева Г.И. Актуальные проблемы обеспечения защиты конфиденциальной информации в условиях электронного документооборота в работе государственных и муниципальных органов // Образование и право. – 2021. – № 9. – С. 101-109.

4. Караваев А.А. О системе отнесения сведений к категории «Конфиденциальных» в органах исполнительной власти // Общество и право. – 2015. – № 2 (52). – С. 290-295.

5. Мирошниченко М.А., Бондаренко А.А., Пиналова Е.В. Актуальные проблемы обеспечения информационной безопасности систем электронного документооборота в рамках цифровой трансформации // Вестник Академии знаний. – 2020. – № 36 (1). – С. 137-142.

6. Мухачев С.В., Костюченко К.Л., Харламова А.А. Государственные органы обеспечения информационной безопасности в период становления современной российской государственности // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 4 (36).

7. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. – М.: АН СССР, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН), 1978. – 210 с.

Рецензент: Черепанцева Ю.С., заведующий кафедрой предпринимательского и трудового Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

[7] Ясперс К. Истоки истории и ее цель. М.: АН СССР, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН), 1978. С. 42.

СУНГАТУЛЛИН АЛЛЕН ЮРИКОВИЧ
кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, 117418, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., д.69, sungatullin.allen@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ

SUNGATULLIN ALLEN YURIKOVICH
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Organization of Judicial and Law Enforcement Activities, V.M. Lebedev Russian State University of Justice, 117418, Moscow, Novocheremushkinskaya St., Bldg. 69, sungatullin.allen@mail.ru

DIGITAL TRANSFORMATION MAGISTRATE YUSTICE

Аннотация. *Цифровая трансформация мирового правосудия является одним из ключевых факторов изменения современного правового ландшафта. Технологические инновации, особенно развитие цифровых платформ и инструментов, способствуют улучшению доступности правосудия, повышению эффективности судебных процессов и снижению затрат. Настоящая статья посвящена исследованию тенденций цифровой трансформации мировой юстиции, оценке возникающих рисков и возможностей. Исследована цифровая трансформация мировых судей в России.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация, цифровизация, искусственный интеллект, мировая юстиция, суд, судебная система, мировой судья.*

Abstract. *Tsifrovaya transformatsiya finansovogo sektora yavlyayetsya odnim iz klyuchevykh faktorov izmeneniya sovremennogo pravovogo landshafta. Tekhnologicheskiye innovatsii, osobenno razvitiye tsifrovykh platform i instrumentov, obespechivayut obespecheniye obespecheniya pravosudiya, effektivnost' effektivnykh protsessov i snizheniye zatrat. Nastoyashchaya stat'ya posvyashchena issledovaniyu global'nykh peremen v mirovom pravosudii, prichinyayushchikh vred i blagosostoyaniye. Issledovana tsifrovaya transformatsiya mirovykh sudey v Rossii.*

Keywords: *tsifrovaya transformatsiya, tsifrovizatsiya, iskusstvennyy intellekt, mirovaya yustitsiya, sud, bobnaya sistema, mirovoy sud'ya*

Цифровая трансформация систем правосудия включает в себя различные инициативы, такие как онлайн-разрешение споров, системы электронной подачи документов, управление цифровыми доказательствами и принятие решений на основе искусственного интеллекта (далее – ИИ). Такие страны, как США, Канада и Австралия, внедрили платформы для онлайн-разрешения споров для разрешения мелких споров без необходимости личного присутствия в суде. Судебные системы многих стран внедрили платформы для электронной подачи документов, позволяющие сторонам подавать документы онлайн, что сокращает количество нерассмотренных дел и повышает эффективность. Интеграция систем управления цифровыми доказательствами в таких странах, как Великобритания и Германия, улучшила обработку доказательств, снижая вероятность их потери или неправильного использования. Такие страны, как Китай и Сингапур, экспериментируют с инструментами ИИ для помощи судьям в принятии судебных актов, что потенциально ускоряет судебный процесс. Пандемия COVID-19 ускорила переход к виртуальным слушаниям по всему миру. Суды в различных странах, включая США и Австралию, успешно проводили слушания посредством видеоконференцсвязи. Цифровые преобразования происходят повсеместно, затрагивая практически все судебные системы мира. Рассмотрим ключевые тенденции, характерные для большинства стран. Внедряются электронные сервисы. Активно внедряются цифровые технологии, позволяющие подавать процессуальные документы в электронном виде, вести дела дистанционно и получать уведомления через цифровые каналы связи. Например, в Китае внедрен и работает Интернет-суд Пекина, специализирующийся исключительно на рассмотрении споров, возникших в виртуальной среде. Применение искусственного интеллекта помогает оптимизировать работу судей, автоматизировать рутинные процессы и выявлять закономерности в судебных делах.

Одним из способов оптимизации в судопроизводстве является создание интеллектуальных систем, способных на имеющейся базе данных судебных документов выявлять общие зависимости, предоставлять судьям для ознакомления близкие по тематике дела, рекомендовать наиболее вероятные исходы или помечать важные места, на которые судебным работникам следует обращать внимание при процессуальных действиях. Существуют успешные приложения для реализации подобных информационных систем за рубежом. Хорошим примером может послужить система «Case Cruncher Alpha»[1], разрабатываемая в

[1] Case Crunch Alfa. URL: http://www.casecrunch.com. (дата обращения: 09.02.2026).

Sidney Sussex College, Cambridge и ориентированная на прогнозирование решения юридических задач в банках, страховых компаниях и юридических консультациях.

Хотя полностью автоматизированное вынесение приговоров с помощью ИИ остается в основном лишь желаемой целью или вызывает споры, машинное обучение широко применяется для:

• Прогностической аналитики: Прогнозирование накопления дел или загруженности судей.

• Автоматизации юридических исследований: Инструменты, такие как Westlaw Edge[2] или LexisNexis[3], значительно ускоряют поиск прецедентов.

• Автоматизированного анализа документов: Это критически важно в крупномасштабных процессах раскрытия информации.

Хранение документов и ведение дел в облачных системах обеспечивает доступ к материалам дела независимо от физического местонахождения участников процесса. Это снижает затраты на хранение бумажных архивов и повышает эффективность взаимодействия всех сторон судебного разбирательства. Использование распределенных реестров позволяет обеспечить прозрачность и неизменность данных, важных для юридической практики. В Эстонии применятся блокчейн для хранения нотариальных актов и медицинских записей, гарантируя их целостность и защиту от фальсификаций. Хотя технология блокчейн еще не получила широкого распространения в основных судебных залах, пилотные проекты, ориентированные на ее использование для безопасных земельных реестров, нотариального заверения и цепочки хранения цифровых доказательств, демонстрируют будущий акцент на неизменность и прозрачность.

Развитые страны стандартизировали обязательную электронную подачу документов для большинства гражданских и экономических дел. Такая централизация является ключевой для обеспечения взаимодействия между судами, правоохранительными органами и государственными учреждениями.

Основные вызовы цифровой трансформации мировой юстиции. Несмотря на очевидные преимущества, цифровая трансформация создает значительные риски и трудности для функционирования правовых институтов.

Проблемы защиты персональных данных: автоматизация обработки больших объемов информации увеличивает риск утечек конфиденциальных сведений.

Рост киберпреступности, судебные органы становятся объектами атак злоумышленников, стремящихся нарушить работоспособность электронных сервисов и похитить важную информацию.

Цифровое неравенство, доступ к электронному правосудию органичен возможностями пользователей. Население многих регионов планеты не имеет необходимого уровня грамотности и технической оснащенности для полноценного участия в электронной форме судебных разбирательств.

Этические дилеммы, применение автоматизированных решений вызывает вопросы справедливости и объективности вынесенных судебных актов. Обеспокоенность вызывают случаи предвзятости алгоритмов, используемых для принятия процессуальных решений.

Международная правовая система претерпевает существенные изменения, вызванные развитием и внедрением цифровых технологий. Анализ свидетельствует о том, что международные передовые практики, такие как использование искусственного интеллекта и массовое внедрение электронного документооборота, оказывают влияние на процессы модернизации российской системы правосудия, особенно в условиях её высокой нагрузки и специализированной деятельности, особенно в отношении административных и гражданских дел, рассматриваемых мировыми судьями.

XXI век требует от государственных учреждений эффективности, доступности и прозрачности, и судебная система не является исключением. Цифровая трансформация в правосудии относится к стратегической интеграции технологий, включая искусственный интеллект, блокчейн и передовые системы управления делами – для пересмотра правовых процедур, принятия решений и взаимодействия с общественностью.

Мировые судьи рассматривают подавляющее большинство мелких гражданских, административных и уголовных дел. Глобальный технологический импульс влияет на внутренние реформы в России, особенно в отношении мировых судьи. Мировая юстиция в Российской Федерации, фактически молодой институт, прочно заняла свое место в судебной системе. Взяв на себя рассмотрение уголовных дел небольшой и средней тяжести, гражданские массовые дела о выдаче судебного приказа по коммунальным и кредитным задолженностям, в результате значительно разгрузив районные, межрайонные и городские суды.

Возможности цифровых технологий не просто способны сделать деятельность судов более результативной и комфортной для граждан, но и предопределяют закрепление данных процессов в соответствующей терминологии: «электронное правосудие», «цифровое правосудие», «цифровая трансформация».

Период, прошедший с момента начала деятельности мировых судей, показал, что их создание оправдано для повышения гарантий прав физических и юридических лиц в судебном порядке, с точки зрения наиболее эффективного выявления и устранения судебных ошибок в условиях, когда в течение продолжительного фиксируется высокая судебная

[2] Westlaw Edge с поддержкой исследований на основе искусственного интеллекта. URL:https://legal.thomsonreuters.com/en/products/westlaw-edge (дата обращения: 09.02.2026).

[3] Официальный сайт LexisNexis. URL: https://www.lexisnexis.com/en-us/gateway.page (дата обращения: 09.02.2026).

нагрузка. Так, в 2023 г. судами только первой инстанции во всех видах судопроизводства рассмотрено более 39 млн дел.

Статистика показывает существенный рост количества рассматриваемых гражданских дел по первой инстанции. Если в 2018 г. рассмотрено 17 238 555 гражданских дел, то в 2023 г. – 28 247 477 гражданских дел[4].

По состоянию на 1 июля 2025 г. в 33 субъектах Российской Федерации на участках мировых судей (на всех или частично) внедрен программный продукт, позволяющий по конкретным типам заявлений о выдаче судебного приказа автоматизировать работу мирового судьи и работников аппарата судебного участка, полностью исключить ручной труд (программа «Магис»). «Нейро Магис» Амурская область по административным делам в рамках КоАП РФ.

Создание мировой юстиции в России было целесообразным для разрешения выявленных в обществе проблем при осуществлении правосудия. В конце XX века перед российскими мировыми судьями стояли следующие задачи: 1) упростить доступ населения к правосудию; 2) реализовать идею судебного федерализма; 3) разгрузить районное звено судебной системы; 4) улучшить оперативность судопроизводства. Поставленные задачи перед мировой юстиции России были реализованы.

Цифровая трансформация мировой юстиции представляет собой неизбежный и перспективный путь развития правовых институтов современности. Ее успешная реализация требует учета существующих вызовов и выработки адекватных мер реагирования.

В России цифровая трансформация судебной системы постепенно развивается, особенно активно в последние годы. Ниже представлены ключевые аспекты этих изменений:

1. Электронная подача документов и системы управления делами. В российской судебной системы внедрены системы электронной подачи документов, позволяющие участникам судебного процесса подавать процессуальные документы в электронном виде.

2. Виртуальные слушания. Пандемия COVID-19 потребовала внедрения виртуальных слушаний по всей России.

3. Использование ИИ и цифровых инструментов. Несмотря на то что это направление находится на начальных стадиях, были проведены пилотные проекты по внедрению ИИ для предварительной оценки дел. Министерство юстиции сообщило еще в 2022 году, что инструменты ИИ потенциально могут сократить время рассмотрения дел на 20%[5].

4. Обучение и адаптация судей. Для поддержки этой трансформации российская судебная система уделяет особое внимание обучению судей цифровой грамотности и использованию технологий в юридической практике.

Российская Федерация использует многоуровневую систему, где мировые судьи рассматривают:

· Гражданские споры (до 50 000 рублей).

· Мелкие административные правонарушения.

· Простые дела о разводе и уголовные дела небольшой тяжести.

Их объем работы – ежегодно рассматриваются миллионы дел.

Модернизация российской судебной системы осуществляется централизованно. Увеличение требований к юристам и официальным органам по использованию усиленных квалифицированных электронных подписей для подачи документов. Ускоренное внедрение видеоконференцсвязи для заседаний, особенно по административным правонарушениям и на предварительных стадиях, что напрямую влияет на нагрузку мировых судей, рассматривающих большой объем рутинных дел. Акцент смещается с комплексного анализа с помощью ИИ на автоматизацию рабочих процессов, управление цифровыми доказательствами и сокращение бумажного документооборота.

Ключевая проблема: Обеспечение равного доступа к цифровым технологиям для всех граждан, особенно в отдаленных регионах, где цифровая грамотность или доступ к интернету могут отставать от крупных городских центров.

Несмотря на прогресс, путь к полностью цифровому правосудию сопряжен с универсальными и специфическими препятствиями. Адаптация судей, адвокатов и сотрудников суда к новым процессам часто встречает сопротивление самих судей и их аппарата к новому, нежелании осваивать новое, замедляя темпы внедрения.

Различия в оборудовании и обучении: В то время как московские суды могут быть полностью оборудованы, удаленные мировые судьи часто сталкиваются с устаревшей инфраструктурой, что ограничивает эффективность обязательных цифровых инструментов. Большой объем простых, повторяющихся дел, рассматриваемых мировыми судьями, требует надежной, удобной для пользователя автоматизации шаблонов – области.

Следующий этап цифровой трансформации должен выйти за рамки простой оцифровки и интеллектуального правосудия.

Чтобы мировые судьи в полной мере использовали тенденцию к цифровизации, наблюдаемую во всем мире, усилия в течение следующих 3-5 лет должны быть сосредоточены на следующем.

Углубление автоматизации рабочих процессов. Внедрение инструментов искусственного интеллекта централизовано по всей России, а не разрознено, как сейчас по отдельным субъектам на свой страх и риск. Обязательное обучение на базе РГУП им В.М. Лебедева цифровой грамотности, обучение работе на платформах ИИ. Установление строгих, непрерывных стандартов обучения для мировых судей,

[4] Там же.

[5] Выступление Министра юстиции К.А. Чуйченко на форуме «Цифровая трансформация» правосудия // Российская газета. 2022. 14 окт.

для обеспечения единообразной технологической компетентности во всех регионах.

Улучшение пользовательского опыта граждан. Разработка более простых, удобных, доступных для мобильных устройств интерфейсов для граждан, присущую ведущим цифровым государственным услугам. Создание единой цифровой платформы мировых судей, районных, апелляционных, кассационных и Верховного Суда Российской Федерации.

Принципами цифровой трансформации судебной деятельности должны стать человеко-ориентированность, человекоцентричность. В этом раскрывается гуманистическая природа суда. Формы проявления человеко-ориентированность, человекоцентричности в зарубежной практике работы судов многообразны, такие формы активно утверждаются и в нашей стране. В частности, следует назвать фронт офисную модель приема граждан в суде.

Цифровая трансформация правосудия – это неумолимый глобальный процесс. За последние годы (2021-2026 гг.) как международные системы, так и Российская Федерация добились значительных успехов, особенно в проведении виртуальных слушаний и электронного документооборота.

В то время как международные суды лидируют во внедрении сложного искусственного интеллекта для глубокого анализа, российская система эффективно мобилизовала цифровые инструменты для управления огромным объемом дел, рассматриваемых ее мировыми судьями, демонстрируя статистически значимое увеличение электронного использования и скромные улучшения в скорости разрешения дел.

За последние годы тема цифровизации судебной системы России, и, в частности института мировых судей, стала предметом активного научного осмысления. Это обусловлено как общим курсом на цифровизацию госуслуг, так и необходимостью оперативного реагирования на вызовы пандемии, которые ускорили внедрение систем видеоконференцсвязи и электронного документооборота.

Основная проблема – это инерция и недостаточная готовность судейского корпуса и аппарата к полному переходу на электронное делопроизводство.

К сожалению, за последние годы не существует большого количества узкоспециализированных научных трудов, посвященных исключительно цифровизации мировых судей в России. Эта тема чаще всего раскрывается в рамках более широких исследований по цифровизации судебной системы в целом, где мировая юстиция упоминается как часть общей системы.

Программа «Магис» внедрена на судебных участках мировых судей Республики Башкортостан в августе 2025 г. По результатам которой были составлены акты внедрения, и программа была внедрена на всех действующих участках субъекта. В ходе проводимой работы были установлены основные направления цифровизации у мировых судей: подача документов через ГАС «Правосудие», использование СМС-оповещений, проведение заседаний по видеоконференц-связи. Для мировых судов, рассматривающих массовые категории дел (например, административные), цифровые инструменты дали наибольший эффект в сокращении сроков. Выявлены проблемы: многие участники процессов (особенно пожилые люди, жители сельской местности) испытывали трудности с использованием электронных сервисов, что может нарушать принцип равного доступа к правосудию. Делается вывод о необходимости сохранения параллельных, традиционных каналов коммуникаций. Выявлены риски, связанные с необходимостью сохранения человеческого контроля и оценки доказательств.

На основе практического опыта можно сделать вывод: процесс цифровизации сталкивается с техническими и кадровыми ограничениями, требует пересмотра многих традиционных процессуальных сроков и способов взаимодействия, но нормативная база за этим не всегда успевает.

Выявлены ключевые проблемы, цифровизация зависит от финансирования региона. Техническая оснащенность, скорость интернета, обновление сильно различаются. Практическое исследование единодушно указывают на выявленные проблемы. Мировые судьи работают с самым широким кругом граждан, многие из которых не готовы или не могут использовать цифровые сервисы. Это создает риски для принципа доступности правосудия. Также проблема кадрового и психологического фактора. Отмечается сопротивление части судейского корпуса (особенно старшего возраста) новым технологиям, недостаток ИТ-компетенций, увеличение нагрузки из-за необходимости дублировать информацию в электронном и бумажном виде.

Формализация процессов, ряде случаев цифровизация сводится к механическому переносу бумажных процедур в электронную форму без переосмысления процессуальных норм, что не дает ожидаемого эффекта повышения эффективности. Тема искусственного интеллекта и анализа больших данных в деятельности мировых судей находится в зачаточном состоянии. Проведенное практическое исследование говорит скорее о перспективах и рисках, чем о текущей практике.

Дефицит фундаментальных исследований: Недостаточно работ, которые бы рассматривали цифровизацию мировых судей в контексте изменения самой основы правосудия – от формально-бюрократической к доступной, человекоориентированной модели. Также мало внимания уделяется сравнительно-правовым исследованиям с опытом других стран именно по мировым судьям.

Таким образом, искусственный интеллект может быть полезен для рутинных, непротиворечивых операций (отбор дел для приказного производства), но не для принятия решений, требующих оценки доказательств.

Цифровизации мировых судей в России за последние года констатирует переход от этапа внедре-

ния к этапу адаптации и осмысления последствий. Если первоначально задачи были техническими – обеспечить связь, то сейчас основные проблемы лежат в сферах социальной (доступность для всех граждан), кадровой (повышение квалификации) и организационной (оптимизация процессов, а не их оцифровка). Перспективные направления ИИ обсуждаются, но их практическая реализация в ближайшем будущем у мировых судей оценивается скептически из-за ограниченности ресурсов и высокой социальной ответственности этого звена судебной системы.

Библиографический список

1. Алексеев А.А., Катасёв А.С., Зуев Д.С., Тутубалина Е.В., Хасьянов А.Ф. Интеллектуальная информационная система поддержки принятия судебных решений в сфере экономического правосудия // Научный сервис в сети Интернет: труды XX Всероссийской научной конференции (17-22 сентября 2018 г., г. Новороссийск). – М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2018. С. 17-27.

2. Бурдина Е.В. Новые организационные формы отправления правосудия: опыт судов в Республике Казахстан // Российский судья. – 2021. – № 1. – С. 49-53.

3. Бурдина Е.В. Стратегия цифровой трансформации судебной деятельности: основные подходы с учетом национального и зарубежного опыта // Российское правосудие. – 2025. – № 11. – С. 5-19.

4. Дашидоржимева Э.Ч. Проблемы цифровизации мировой юстиции // Молодой ученый. – 2024. – № 38. – С. 94-96.

5. Емшанов И.С. Фронт-офис Благовещенских городских судебных участков в вопросах и ответах // Эффективное правосудие: новые подходы. – 2024. – № 34. – С. 9-12.

6. Электронное правосудие / под ред. Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева. – М.: РГУП, 2021. – 344 с.

Рецензент: Гришина Е.П., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, криминологии и уголовно-исполнительного права ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, д.ю.н., доцент.

ШАБЕТЯ ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВИЧ
доцент кафедры теоретико-правовых и исторических наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, ул. Комсомольская, 50, г. Оренбург, Россия, 460006, orizont2020@mail.ru

ГУТМИЛЛЕР ИЛЬЯ АНДРЕЕВИЧ
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ул. Комсомольская, 50, г. Оренбург, Россия, 460006, Opera3003@gmail.com

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НА ПРИМЕРЕ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО СОХРАНЕНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

SHABETIA IGOR VASILYEVICH
Associate Professor of the Department of Theoretical, Legal and Historical Sciences, Orenburg Institute (Branch) of the O.E. Kutafin University (MSAL), candidate of Legal Sciences, Associate Professor Komsomolskaya St. 50, Orenburg, Russia, 460006 orizont2020@mail.ru

GUTMILLER ILYA ANDREEVICH
Student of Orenburg Institute (Branch) of the O.E. Kutafin University (MSAL), Komsomolskaya St. 50, Orenburg, Russia, 460006 Opera3003@gmail.com

THE IMPACT OF THE STRATEGIC STATE PLANNING SYSTEM ON LEGISLATION: AN EXAMPLE OF THE FOUNDATIONS OF STATE POLICY ON PRESERVING AND STRENGTHENING TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Аннотация. *в статье рассматривается взаимосвязь документов стратегического планирования и изменений законодательства Российской Федерации, выявляется прямая зависимость устанавливаемых посредством стратегического планирования целей и ориентиров социально-экономического развития на принимаемые нормативные правовые акты.*

В ходе исследования выявлена существенная роль Основ государственной политики по сохранению духовно-нравственных ценностей в законодательных изменениях, установлена конституционная значимость традиционных духовно-нравственных ценностей.

Отмечается, что общеправовое значение традиционных духовно-нравственных ценностей позволяет рассматривать последние в качестве правовых принципов.

Ключевые слова: *стратегическое планирование, законодательство, традиционные духовно-нравственные ценности.*

Annotation*. The article examines the relationship between strategic planning documents and changes in the legislation of the Russian Federation, and reveals the direct dependence of the goals and guidelines for socio-economic development established through strategic planning on the adopted regulatory legal acts.*

The study revealed a significant role of the Fundamentals of State Policy on the Preservation of Spiritual and Moral Values in legislative changes, and established the constitutional significance of traditional spiritual and moral values.

It is noted that the general legal significance of traditional spiritual and moral values allows them to be considered as legal principles.

Keywords*: strategic planning, legislation, traditional spiritual and moral values*

Стратегическое планирование как правовой институт демократических государств зародился в XX веке, его возникновение было связано с чередой мировых экономических кризисов, вызываемых войнами. Сущность заключалась во внедрении в рыночные отношения элементов административно-командной системы. Прогнозирование, целеполагание и программирование социально-экономического развития действительно позволяло преодолеть трудный для государства период.

В Российской Федерации первый закон о стратегическом планировании был принят в 1995 году[1]. На данный момент действующим является федеральный закон от 28 июня 2014 года «О стратегическом планировании в Российской Федерации» №172-ФЗ[2]. Основой указанной деятельности является принятие документов планирования, которые могут быть изданы в форме стратегий развития, прогнозов, государственных программ, планов, доктрин, основ государственной политики.

Изменения в законодательстве прозрачны и позволяют увидеть действительные приоритеты социально-экономического развития. В отличие от документов стратегического планирования, носящих предположительный характер, законодательство устанавливает твердую волю государства и подлежит неукоснительному исполнению. Исследование и выявление степени влияния на законы механизма стратегического планирования, а также эффективности такой правовой связи представляет определенный интерес.

Наиболее значимым и получившим широкий общественно-политический резонанс стало издание Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В документе центральное внимание уделяется выявлению нравственных идеалов, достижение которых позволяет обеспечить национальную безопасность, а также установление негативных факторов, препятствующих реализации целей и задач государственной политики, прогнозирование позитивного и негативного результата предпринятых органами государственной власти действий.

Важным положением утвержденных основ государственной политики стало нормативное закрепление дефиниции традиционных ценностей и установление достаточно определенного перечня таких традиционных ценностей. Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России[3].

Содержание основ государственной политики, как и любой нормативный акт соответствует Конституции Российской Федерации и во многом развивает отдельные ее положения. Так, духовно-нравственные ценности конкретизируют изложенные в преамбуле Конституции приоритеты. Конституционные положения, такие как защита детства, сохранение исторического и культурного наследия, обязанность защиты Родины, исторически сложившееся государственное единство, воспитание патриотизма и многие другие, стали основой для формирования перечня традиционных духовно-нравственных ценностей.

Анализ перечисленных ценностей позволяет увидеть, что они неоднородны и приходят из различных сфер общественных отношений. Так, высокие нравственные идеалы, милосердие, взаимопомощь и взаимоуважение являются чисто моральными категориями и могут найти законодательное закрепление лишь как факторы, влияющие на правовую идеологию. Можно также говорить о роли данных ценностей как прототипов правовых принципов. Жизнь, достоинство, гуманизм, справедливость, единство народов России, историческая память и преемственность поколений являются государствообразующими ценностями, имеющими конституционное закрепление и влияющие на все отрасли права. Патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, крепкая семья, созидательный труд – это ценности социальной направленности, стремление к их достижению позволяет создать гражданское общество, способствующее обеспечению национальной безопасности и социально-экономическому развитию. Если влияние ценностей, близких по смыслу к принципам, в определенной мере прослеживается во всех законодательных актах, то более конкретные духовно-нравственные ориентиры можно выделить и оценить.

Показательными в этой связи являются законы, регулирующие общественные отношения в сферах культуры, образования, информации, семьи, молодежной политики и другие.

В сфере культуры в 2023 году, внесением дополнением в федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов России, при министерстве культуры Российской Федерации был создан Федеральный научно-методический совет по сохранению и государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, основными задачами которого являются совершенствование методической основы, анализ правоприменительной практики, подготовка заключений по вопросам охраны объектов культурного на-

[1] Федеральный закон от 20 июля 1995 года № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 30. Ст. 2871.

[2] Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26. Ст. 3378.

[3] Указ Президента РФ от 09.11.2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

следия. 2025 году были внесены изменения в Основы законодательства Российской Федерации о культуре. В соответствии с новой редакцией статьи 58, Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в сохранении общероссийской культурной идентичности, связей с исторической Родиной, содействует развитию российской культуры за рубежом, укреплению позиций русского языка и распространению российской культуры в мире[4].

Важные изменения затронули федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании». Гуманистический принцип образования отныне должен соответствовать традиционным духовно-нравственным ценностям. В целом, в законе и раньше содержалась характеристика категории «духовно-нравственные ценности», однако с принятием рассматриваемых основ государственной политики, формулировка была дополнена словом «традиционные». В 2023 году законодательно закреплена норма об установлении обязательной для изучения в общеобразовательной школе дисциплины «Основы безопасности и защиты Родины», что коррелирует с традиционными ценностями патриотизма и защиты Отечества. Кроме этого, была введена новая обязанность обучающихся – с учетом возрастных и психофизических особенностей участвовать в общественно полезном труде, предусмотренном образовательной программой и направленном на формирование у обучающихся трудолюбия и базовых трудовых навыков, чувства причастности и уважения к результатам труда. Это нововведение обуславливается провозглашением созидательного труда традиционной ценностью.

Эффективная молодежная политика является важным фактором формирования позитивного правосознания и естественного социально-экономического прогресса. В связи с этим был принят федеральный закон от 30.12.2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» в 2024 году понятие «молодежная политика» дополнено, теперь – это комплекс мер, направленный в том числе на патриотическое воспитание молодежи и духовно-нравственное воспитание молодежи в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности Российской Федерации, укрепления суверенитета Российской Федерации и традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Введены понятия «патриотическое воспитание» и «духовно-нравственное воспитание молодежи», признанные основными направлениями молодежной политики.

Патриотическое воспитание молодежи определяется в законе как систематическая и целенаправленная деятельность органов публичной власти и иных субъектов, осуществляющих деятельность в сфере молодежной политики, по формированию у молодых граждан любви и уважения к Отечеству, верности ему и чувства личной ответственности за судьбу Отечества перед нынешним и будущими поколениями, готовности к выполнению гражданского долга и конституционной обязанности по защите Отечества, а также по защите исторической правды и сохранению исторической памяти, формированию и укреплению у молодых граждан общероссийской гражданской идентичности (в том числе на основе региональных особенностей и народных традиций соответствующей территории), уважения к отечественной истории и гордости за достижения Отечества и ее граждан, развитию общественно значимой созидательной активности молодежи[5].

Также законом разрешено создание государственных и муниципальных учреждений, некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность по реализации молодежной политики. Такой деятельностью, в том числе считается реализация проектов и программ по основным направлениям молодежной политики; содействие реализации инициатив, в том числе инициативных проектов, молодежи по основным направлениям молодежной политики; создание условий для развития трудовой, общественно значимой и творческой активности молодежи путем совмещения получения образования с работой, в том числе посредством студенческих отрядов. Утверждены полномочия органов государственной власти в сфере патриотического и духовно-нравственного воспитания[6].

Значительные дополнения в связи с принятием Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 были внесены в Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[7]. Среди них стоить отметить: обязанность владельца аудиовизуального сервиса не допускать распространение аудиовизуальных произведений, которые содержат материалы, дискредитирующие традиционные российские духовно-нравственные ценности и (или) пропагандирующие их отрицание; обязанность владельцев социальной сети осуществлять мониторинг в целях поиска информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, педофилию, смену пола, отказ от деторождения и ограничения доступа к ней. К сфере информации также относится также установление в федеральном законе о рекламе запрета на демонстрацию материалов, содержащих лозунги отказа от деторождения.

Одной из главных традиционных ценностей яв-

[4] Федеральный закон от 25.06.2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.

[5]Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1. Ст. 28.

[6] Там же.

[7] Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

ляется крепкая семья. В связи с внешним давлением и насаждением чуждых России семейных ценностей, в последние годы в семейный кодекс Российской Федерации были внесены изменения. Семейное законодательство всегда уделяло большое внимание традиционной крепкой семье, поэтому изменения незначительны. Так, в 2024 году запрещено заключение брака с негражданином Российской Федерации, сведения о котором включены в реестр контролируемых лиц. Запрещено усыновление и осуществление опеки или попечительства лицам, сменившим пол.

Введено понятие «студенческая семья» – категория молодой семьи, в которой оба лица, состоящие в заключенном в установленном законодательством Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно являются обучающимися в системе среднего профессионального образования или высшего образования. Таким семьям предоставляются дополнительные меры поддержки[8].

Приведенные примеры убедительно показывают, что основы государственной политики по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей уже оказывают существенное влияние на законодательство.

Подводя итог, следует сформулировать ряд выводов.

Во-первых, утвержденные Указом Президента приоритеты являются методологической основой для дальнейшего формирования прогрессивной правовой системы Российской Федерации.

Во-вторых, Указ Президента последовательно продолжает дополненные в 2020 годах приоритеты государственного развития, закрепленные в Конституции Российской Федерации. В подобном аспекте можно говорить о конституционной значимости традиционных духовно-нравственных ценностей.

В-третьих, анализ трех с половиной лет практической реализации положений Указа позволяет предположить, что духовно-нравственные ценности, путем воздействия на правовые принципы, проникают во все сферы общественных отношений.

В-четвертых, устанавливая ключевые духовно-нравственные приоритеты и прогнозируя социально-экономическое развитие, государство стремится укрепить суверенитет и естественным образом сохранить уникальное наследие народов Российской Федерации. Основными факторами в этой связи следует признать долгосрочность планирования, адаптивность к изменениям (прежде всего, геополитического характера), акцентирование приоритетов и распределение средств для их достижения. Именно в этом направлении и происходят законодательные изменения, обусловленные современной стратегией.

Рецензент: Михайлова Е.С., доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

[8]Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. «О молодежной политике в Российской Федерации» № 489-ФЗ // СЗ РФ. 2021. № 1. Ст. 28.

Раздел второй

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

ИВАНОВА СВЕТЛАНА ВИТАЛЬЕВНА
заведующий кафедрой публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, orenburg@msal.ru, профессор кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета

РЫБАК СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА
заведующий кафедрой «Гражданское право» Донского государственного технического университета, 344000, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЖИВОТНОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

IVANOVA SVETLANA VITALIEVNA
Head of the Department of Public Law, Orenburg Institute (branch) of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Associate Professor, 460000, Orenburg, Komsomolskaya St., 50, orenburg@msal.ru, Professor of the Department of Civil Law at the Don State Technical University

RYBAK SVETLANA VIKTOROVNA
Head of the Department of Civil Law, Don State Technical University, 1 Gagarin Square, Rostov-on-Don, Rostov Region, 344000, Russian Federation, svetoch_2504@mail.ru

CIVIL LIABILITY FOR VIOLATION OF LEGISLATION ON THE ANIMAL WORLD: PROBLEMS AND DEVELOPMENT TRENDS

Аннотация. *В статье исследуются современные проблемы гражданско-правовой ответственности за нарушение законодательства о животном мире в Российской Федерации. Рассматриваются особенности правового регулирования возмещения вреда, причинённого объектам животного мира и среде их обитания, анализируются положения экологического и гражданского законодательства, судебная практика, а также современные научные подходы. Особое внимание уделяется проблемам определения экологического и экосистемного вреда, применению такс и методик расчёта ущерба, а также вопросам компенсации вреда, причинённого биоразнообразию и природным экосистемам. Авторами обосновывается необходимость совершенствования механизма определения экологического вреда, разработки единой методики оценки экосистемного ущерба, расширения применения восстановительных мер.*

Ключевые слова: *животный мир, экологический вред, гражданско-правовая ответственность, возмещение ущерба, экосистемный вред, биоразнообразие, охрана окружающей среды.*

Abstract. *The article examines current issues of civil liability for violations of legislation on the animal world in the Russian Federation. The paper considers the specific features of the legal regulation of compensation for damage caused to wildlife objects and their habitats, analyzes the provisions of environmental and civil legislation, judicial practice, as well as modern scientific approaches. Particular attention is paid to the problems of determining environmental and ecosystem damage, the application of tariffs and methods for calculating ущерб, and issues related to compensation*

for harm caused to biodiversity and natural ecosystems. The authors substantiate the necessity of improving the mechanism for determining environmental damage, developing a unified methodology for assessing ecosystem damage, and expanding the application of restorative measures.

Keywords: *animal world, environmental damage, civil liability, compensation for damage, ecosystem damage, biodiversity, environmental protection.*

В современных условиях охрана животного мира приобретает особое значение в системе экологической безопасности государства. Животный мир представляет собой не только совокупность диких животных, находящихся в состоянии естественной свободы, но и важнейший компонент окружающей среды, обеспечивающий устойчивость экологических систем, поддержание биологического разнообразия и сохранение природного баланса. В последние десятилетия масштабы антропогенного воздействия на объекты животного мира существенно возросли. Интенсивное развитие промышленности, строительство линейных объектов, загрязнение водных объектов, вырубка лесов, применение химических веществ в сельском хозяйстве, незаконная охота и рыболовство приводят к сокращению численности животных, разрушению среды их обитания и деградации экосистем в целом[1]. Особую актуальность проблема приобретает в связи с тем, что современное экологическое законодательство ориентировано не только на сохранение отдельных видов животных, но и на обеспечение устойчивости экосистем, частью которых они являются. В юридической литературе отмечается, что эффективная охрана животного мира невозможна без комплексного подхода, включающего правовые, организационные, экономические и экологические меры воздействия[2]. В этой связи институт юридической ответственности выступает важнейшим средством обеспечения соблюдения природоохранительных требований.

Среди всех видов юридической ответственности особое место занимает гражданско-правовая ответственность. Её значение обусловлено прежде всего компенсационной функцией, поскольку экологическое правонарушение причиняет вред не только государству как собственнику природных ресурсов, но и обществу в целом[3]. Особенность экологического вреда заключается в том, что его последствия нередко носят длительный, а иногда и необратимый характер, оказывая негативное влияние на состояние окружающей среды, здоровье человека, биологическое разнообразие и экологическую безопасность. В отличие от административной или уголовной ответственности, направленных преимущественно на наказание виновного лица, гражданско-правовая ответственность ориентирована на восстановление нарушенного состояния окружающей среды и компенсацию причинённого экологического вреда[4]. Она выражается в обязанности правонарушителя возместить причинённые убытки, компенсировать вред, причинённый природным объектам, а также осуществить мероприятия по восстановлению нарушенных природных комплексов[5].

Гражданско-правовая ответственность в экологической сфере имеет ряд особенностей. Во-первых, она может наступать независимо от привлечения лица к административной или уголовной ответственности. Во-вторых, в экологическом праве широко применяется принцип полного возмещения вреда, предполагающий необходимость восстановления окружающей среды до состояния, существовавшего до правонарушения. В-третьих, в ряде случаев законодательство предусматривает ответственность независимо от вины, например при осуществлении деятельности, связанной с повышенной экологической опасностью[6]. Таким образом, гражданско-правовая ответственность является важнейшим правовым механизмом охраны окружающей среды, обеспечивающим не только защиту имущественных интересов государства и общества[7], но и восстановление экологического баланса, нарушенного вследствие противоправной деятельности.

Следует отметить, что современное законодательство в сфере охраны животного мира развивается в направлении усиления экологической составляющей гражданско-правовой ответственности. Так, действующее законодательство законодательства свидетельствуют о стремлении законодателя обеспечить более эффективную охрану биологических ресурсов и генетического разнообразия[8].

Правовое регулирование гражданско-правовой ответственности за нарушение законодательства о

[1] Игнатьева И.А. Развитие правового регулирования возмещения вреда окружающей среде как упрощение природоохранной концепции // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17. № 3. С. 83-114.

[2] Демичев А.А. Специфика гражданско-правовой ответственности в экологической сфере // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 90-94.

[3] Данилова Н.В. Гражданско-правовая ответственность за экологический вред: проблемы теории и практики // Право и политика. 2014. № 12. С. 1931-1935.

[4] Рыженков А.Я. Правовое регулирование возмещения экологического вреда: проблемы теории и практики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 3 (67). С. 77-85.

[5] Zhai T., Chang Y.-C., Chang H.-L. Double-Faceted Environmental Civil Liability and the Separate-Regulatory Paradigm: An Inspiration for China // Sustainability. 2022. Vol. 14. № 7. Article 4369.

[6] Xu Q. Reflections on the environmental damage compensation regime in Chinese civil legislations // Heliyon. 2023. Vol. 9. № 8. – e15154.

[7] Брославский Л.И. Ответственность хозяйствующего субъекта за причинение экологического вреда // Хозяйство и право. 2023. № 5. С. 69-96.

[8] Федеральный закон от 30.11.2024 № 428-ФЗ «О биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях и о внесении изменений в статью 29 Федерального закона «О животном мире»» // СПС «Гарант».

животном мире носит комплексный характер и осуществляется нормами гражданского, экологического, природоресурсного и административного законодательства. Конституция Российской Федерации закрепляет обязанность каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам[9]. Данное положение имеет фундаментальное значение, поскольку формирует конституционную основу экологической ответственности и определяет публичный характер охраны животного мира.

Федеральный закон «Об охране окружающей среды» устанавливает общий принцип полного возмещения вреда, причинённого окружающей среде. Согласно статьям 77 и 78 указанного закона юридические и физические лица обязаны возместить вред, причинённый вследствие нарушения экологического законодательства, в полном объёме независимо от привлечения к административной или уголовной ответственности[10]. Тем самым законодатель подчёркивает самостоятельный характер гражданско-правовой ответственности.

Специальное регулирование содержится в Федеральном законе «О животном мире». Согласно ст.56, обязанность возмещения вреда объектам животного мира и среде их обитания осуществляется в соответствии с утверждёнными таксами и методиками, а при их отсутствии - исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния природной среды[11]. Следовательно, законодатель исходит из приоритета компенсации экологического вреда и восстановления природных объектов.

Существенное значение имеет и судебная практика. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 декабря 2012 г. № 21 разъясняет, что утверждённые таксы и методики являются обязательными для применения судами при определении размера вреда, причинённого окружающей среде[12]. Кроме того, Верховный Суд РФ указывает, что незаконно добытые объекты животного мира рассматриваются как неосновательное обогащение лица, совершившего правонарушение.

Вместе с тем анализ действующего законодательства показывает наличие определённых пробелов. В частности, отсутствует единая методика определения вреда, причинённого экосистемам в целом, а существующие таксы ориентированы преимущественно на оценку ущерба отдельным объектам животного мира. Это существенно осложняет защиту биоразнообразия и требует совершенствования нормативной базы. Представляется целесообразным разработать комплексную федеральную методику оценки экосистемного вреда, которая учитывала бы не только стоимость конкретного объекта животного мира, но и последствия для среды обитания, популяционной устойчивости и биологического разнообразия.

Гражданско-правовая ответственность в сфере охраны животного мира обладает рядом особенностей, отличающих её от традиционной имущественной ответственности, предусмотренной гражданским законодательством. Это обусловлено спецификой объекта охраны, поскольку вред причиняется не только имущественным интересам государства или природопользователя, но и окружающей среде как особому публичному благу[13]. В научной литературе отмечается, что экологический вред имеет двойственную природу. С одной стороны, он выражается в имущественных потерях, связанных с необходимостью восстановления нарушенных природных объектов, затратами на воспроизводство животных и проведением природоохранительных мероприятий. С другой стороны, экологический вред затрагивает состояние экосистем, биоразнообразие и устойчивость природной среды, что далеко не всегда может быть выражено в денежной форме[14]. Именно поэтому гражданско-правовая ответственность в рассматриваемой сфере носит компенсационно-восстановительный характер. Ее основная цель заключается не в наказании виновного лица, а в восстановлении нарушенного экологического баланса. При этом применение гражданско-правовых мер не исключает административной или уголовной ответственности, а дополняет их.

Особое значение имеет вопрос о соотношении частноправовых и публично-правовых начал в механизме экологической ответственности. Современные исследования справедливо указывают, что экологический вред затрагивает интересы неопределённого круга лиц и будущих поколений, поэтому институт гражданско-правовой ответственности в экологической сфере не может рассматриваться исключительно как частноправовой механизм[15]. Следует также учитывать, что экологическое законодательство всё чаще использует элементы безвиновной ответственности. Например, вред, причинённый источником повышенной опасности объектам животного мира, подлежит возмещению независимо от вины причинителя вреда. Данный подход объясняется необходимостью усиленной охраны экологических интересов.

Вместе с тем на практике нередко возникают сложности при определении характера причинённого вре-

[9] Конституция Российской Федерации // СПС «Гарант».
[10] Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СПС «Гарант».
[11] Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» // СПС «Гарант».
[12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.12.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС «Гарант».
[13] Дойников П.И. О юридической ответственности в сфере охраны и использования объектов животного мира // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3(231). С. 162-165.
[14] Хлуденева Н.И. Правовые пределы имущественной ответственности за вред окружающей среде // Журнал российского права. 2019. № 3 (267). С. 152-164
[15] Жаворонкова Н.Г., Выпханова Г.В. Теоретико-правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Lex russica. 2018. № 3. С. 52-67.

да и объёма подлежащей компенсации. Суды не всегда разграничивают экологический и имущественный вред, что приводит к неоднородности судебной практики. В целях решения данной проблемы представляется необходимым нормативное закрепление понятия «экосистемный вред» и разработка единых критериев его оценки в судебной практике.

Одной из наиболее сложных проблем гражданско-правовой ответственности за нарушение законодательства о животном мире является определение размера причинённого вреда. В действующем законодательстве применяется система такс и методик, позволяющая рассчитывать ущерб в денежном выражении[16]. Таксы представляют собой условные стоимостные показатели, отражающие размер компенсации за незаконное уничтожение, добычу или повреждение объектов животного мира. Их назначение заключается не в определении рыночной стоимости дикого животного, а в компенсации негативных экологических последствий, возникающих вследствие причинения вреда природной среде. На практике применяются различные методики расчёта вреда: для охотничьих ресурсов, водных биологических ресурсов, объектов животного мира, занесённых в Красную книгу Российской Федерации, а также иных видов животных. Однако существующая система расчётов имеет ряд недостатков.

Во-первых, многие таксы были сформированы исходя преимущественно из хозяйственной ценности животных и не всегда учитывают экологическую значимость конкретного вида. Во-вторых, существующие методики ориентированы главным образом на оценку вреда отдельным особям, тогда как современное экологическое право требует учитывать последствия для популяций и экосистем в целом[17].

Особенно сложной является проблема определения вреда при разрушении среды обитания животных. Например, строительство автомобильных дорог, трубопроводов или промышленных объектов может не приводить к непосредственной гибели животных, однако вызывать фрагментацию местообитаний, нарушение миграционных путей и снижение воспроизводства популяций. Подобный вред крайне сложно выразить в денежной форме. Научные исследования последних лет указывают на необходимость перехода от объектного подхода к экосистемному. Это означает, что при расчёте ущерба должны учитываться не только погибшие особи, но и последствия для биоразнообразия, устойчивости экосистемы и воспроизводственного потенциала природной среды[18].

В целях совершенствования действующего механизма гражданско-правовой ответственности за вред, причинённый объектам животного мира и среде их обитания, представляется необходимым принятие ряда комплексных мер.

Прежде всего, требуется разработка единой методики оценки экосистемного вреда. Действующие таксы и методики ориентированы главным образом на определение ущерба отдельным объектам животного мира – конкретным видам диких животных, водным биологическим ресурсам либо охотничьим ресурсам. Однако современное антропогенное воздействие нередко причиняет вред не отдельному животному, а всей экосистеме в целом. Разработка единой методики оценки экосистемного вреда позволила бы обеспечить комплексный подход к определению размера ущерба, учитывающий последствия для биоразнообразия, устойчивости природных комплексов и способности экосистем к самовосстановлению. Кроме того, единый подход способствовал бы формированию единообразной судебной практики, поскольку в настоящее время суды нередко по-разному оценивают аналогичные экологические последствия.

Не менее важным представляется закрепление обязательного участия экологических экспертов при расчёте ущерба, причинённого объектам животного мира. В настоящее время размер вреда зачастую определяется исключительно на основании формальных такс, без глубокого анализа экологических последствий правонарушения. Между тем экологический вред имеет сложный научный характер и требует специальных знаний в области экологии, биологии, популяционной динамики и природопользования[19]. Участие специалистов-экологов позволило бы более объективно устанавливать причинно-следственную связь между действиями нарушителя и наступившими экологическими последствиями, а также учитывать реальные последствия для экосистем и популяций животных. Особенно это важно в случаях, когда вред проявляется не сразу, а имеет длительный либо накопительный характер. Кроме того, обязательное экспертное сопровождение позволило бы минимизировать риск формального подхода при рассмотрении экологических споров.

Следующим важным направлением совершенствования законодательства является необходимость учёта долгосрочных последствий для популяций диких животных. В настоящее время расчёт вреда, как правило, основывается на количестве уничтоженных особей, тогда как экологические последствия могут быть значительно шире. Например, уничтожение нескольких особей редкого вида в период размножения способно привести к сокращению всей локальной популяции и нарушению генетического разнообразия. Аналогичные последствия возникают при разрушении мест гнездования, миграционных путей или зимовок животных. Игнорирование долгосрочных экологических последствий существенно снижает

[16] Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам. Приказ Минприроды России от 08.12.2011 № 948 // Российская газета. 2012. 01 февр. № 20.

[17] Рогова Е.В., Забавко Р.А. Вопросы возмещения вреда, причинённого окружающей среде // Хозяйство и право. 2023. № 5 (556). С. 110-122.

[18] Забавко Р.А. Правовая природа вреда окружающей среде и механизмов его возмещения // Искусство правоведения. 2024. № 3 (11). С. 69-74.

[19] Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Возмещение экологического вреда: законодательные новеллы // Lex russica. 2016. № 8 (117). С. 130-140.

эффективность механизма возмещения вреда, поскольку компенсация в таком случае не отражает реальный масштаб ущерба окружающей среде. В связи с этим при определении размера вреда целесообразно учитывать не только факт гибели отдельных диких животных, но и последствия для воспроизводства популяции, устойчивости экосистемы и сохранения биологического разнообразия.

Кроме того, представляется необходимым расширение применения восстановительных мер вместо исключительно денежного взыскания. Современная практика показывает, что взыскание денежных сумм далеко не всегда обеспечивает реальное восстановление нарушенного состояния окружающей среды. Денежные средства могут поступать в бюджет, однако конкретные природоохранительные мероприятия по восстановлению среды обитания животных при этом фактически не осуществляются. В этой связи приоритет должен отдаваться мерам натурального возмещения вреда: восстановлению мест обитания животных, рекультивации нарушенных территорий, воспроизводству популяций, проведению биотехнических мероприятий, созданию искусственных условий для сохранения редких видов. Подобный подход в большей степени соответствует экологической природе рассматриваемых правоотношений[20], поскольку основная цель экологической ответственности заключается не в финансовом наказании правонарушителя, а в восстановлении нарушенного экологического равновесия.

Таким образом, совершенствование механизма гражданско-правовой ответственности за нарушение законодательства о животном мире должно быть направлено на переход от формального расчёта ущерба к комплексной оценке экологических последствий правонарушения. Только при условии сочетания правовых, научных и восстановительных механизмов возможно обеспечить эффективную защиту объектов животного мира и сохранение биологического разнообразия.

Библиографический список

1. Балашенко С.А., Шахрай И.С. Некоторые правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Судовы веснік. – 2022. – № 4. – С. 71-76.

2. Брославский Л.И. Ответственность хозяйствующего субъекта за причинение экологического вреда // Хозяйство и право. – 2023. – № 5. – С. 69-96.

3. Данилова Н.В. Гражданско-правовая ответственность за экологический вред: проблемы теории и практики // Право и политика. – 2014. – № 12. – С. 1931-1935.

4. Демичев А.А. Специфика гражданско-правовой ответственности в экологической сфере // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2025. – № 2(70). – С. 90-94.

5. Дойников П.И. О юридической ответственности в сфере охраны и использования объектов животного мира // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 3(231). – С. 162-165.

6. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Возмещение экологического вреда: законодательные новеллы // Lex russica. – 2016. – № 8(117). – С. 130-140.

7. Жаворонкова Н.Г., Выпханова Г.В. Теоретико-правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Lex russica. – 2018. – № 3. – С. 52-67.

8. Забавко Р.А. Правовая природа вреда окружающей среде и механизмов его возмещения // Искусство правоведения. – 2024. – № 3(11). С. – 69-74.

9. Игнатьева И.А. Значение решений Конституционного Суда Российской Федерации для развития правового регулирования возмещения вреда окружающей среде // Экологическое право. – 2025. – № 2. – С. 21-26.

10. Игнатьева И.А. Развитие правового регулирования возмещения вреда окружающей среде как упрощение природоохранной концепции // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2022. – Т. 17. – № 3. – С. 83-114.

11. Рогова Е.В., Забавко Р.А. Вопросы возмещения вреда, причинённого окружающей среде // Хозяйство и право. – 2023. – № 5(556). – С. 110-122.

12. Рыженков А.Я. Правовое регулирование возмещения экологического вреда: проблемы теории и практики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 3(67). – С. 77-85.

13. Хлуденева Н.И. Правовые пределы имущественной ответственности за вред окружающей среде // Журнал российского права. – 2019. – № 3(267). – С. 152-164.

14. Xu Q. Reflections on the environmental damage compensation regime in Chinese civil legislations // Heliyon. – 2023. – Vol. 9. – № 8. – e15154.

15. Zhai T., Chang Y.-C., Chang H.-L. Double-Faceted Environmental Civil Liability and the Separate-Regulatory Paradigm: An Inspiration for China // Sustainability. – 2022. – Vol. 14. – № 7. – Article 4369.

Рецензент: Ефимцева Т.В., профессор кафедры предпринимательского и трудового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н, доцент.

[20] Игнатьева И.А. Значение решений Конституционного Суда Российской Федерации для развития правового регулирования возмещения вреда окружающей среде // Экологическое право. 2025. № 2. С. 21-26.

КОВАЛЕВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко», 460018, г. Оренбург, проспект Победы, д. 13, radaurist@mail.ru

ЕРОХИН ИЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВИЧ
обучающийся юридического факультета ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко», 460018, г. Оренбург, проспект Победы, д. 13, eroha_09@icloud.com

ДОГОВОР СПОРТИВНОГО СПОНСОРСТВА: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ

KOVALEVA OLGA ALEKSANDROVNA
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Faculty of Law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University named after V.A. Bondarenko", 13 Pobedy Avenue, Orenburg, 460018, Russian Federation, radaurist@mail.ru

EROKHIN ILYA EVGENYEVICH
Student, Faculty of Law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University named after V.A. Bondarenko", 13 Pobedy Avenue, Orenburg, 460018, Russian Federation

SPORTS SPONSORSHIP AGREEMENT: CIVIL LAW CHARACTERISTICS AND QUALIFYING FEATURES

Аннотация. *В статье исследуется правовая природа договора спортивного спонсорства. Обосновывается, что данный договор не может быть полностью сведен к договору на распространение рекламы, лицензионному договору, договору возмездного оказания услуг, благотворительности или меценатству. Особое внимание уделяется квалифицирующим признакам спортивного спонсорства: возмездности, консенсуальности, длящемуся характеру исполнения, комплексности встречного предоставления, использованию имиджевой, репутационной и коммуникационной ценности спонсируемого. Авторы приходят к выводу о необходимости самостоятельной гражданско-правовой квалификации договора спортивного спонсорства как инноминатной договорной конструкции, направленной на формирование устойчивой ассоциативной связи между брендом спонсора и спонсируемым субъектом.*

Ключевые слова: *спортивное право, договор спортивного спонсорства, спонсорский договор, спортивное спонсорство, гражданско-правовой договор, реклама, лицензионный договор, имиджевый трансфер.*

Review. *The article examines the legal nature of the sports sponsorship agreement. It is argued that this agreement cannot be fully reduced to an advertising agreement, a licence agreement, a contract for services, charity or patronage. Special attention is paid to the qualifying features of sports sponsorship, including its remunerative and consensual nature, continuing performance, complexity of reciprocal obligations, and the use of the image, reputational and communication value of an athlete, sports club, federation or sports event. The author concludes that a sports sponsorship agreement should be qualified as an independent innominate civil law contract aimed at creating a stable associative connection between the sponsor's brand and the sponsored subject.*

Keywords: *sports law, sports sponsorship agreement, sponsorship contract, sports sponsorship, civil law contract, advertising, licence agreement, image transfer.*

Введение

В экономико-правовом измерении спортивное спонсорство представляет собой совокупность инвестиционных и договорных отношений, опосредующих достижение корпоративных, коммерческих и маркетинговых целей хозяйствующего субъекта за счёт использования репутационного и коммуникационного потенциала спортивной сферы. Экономическая природа спонсорских отношений в спорте обусловлена эффектом имиджевого трансфера, при ко-

тором положительные ассоциации, формируемые у аудитории в отношении спортивного события, команды или отдельного спортсмена, переносятся на бренд спонсора, обеспечивая рост узнаваемости, лояльности потребителей и, как следствие, капитализации компании.

Современная маркетинговая деятельность основывается на механизме имиджевого трансфера, в рамках которого устойчивые ассоциации потребителей с личностью спортсмена, спортивной командой либо значимым спортивным мероприятием переносятся на бренд хозяйствующего субъекта, обеспечивающего их финансовую или организационную поддержку[1]. Данный эффект имеет самостоятельную экономическую ценность, капитализируемую посредством договорных конструкций спортивного спонсорства и обусловливающую устойчивый рост соответствующего сегмента рынка маркетинговых коммуникаций.

Одной из ранних концептуальных обобщений института спонсорства является работа британского исследователя С. Блэка, охарактеризовавшего спонсорство как современную форму покровительства, эволюционировавшую от индивидуальной поддержки со стороны монархов и меценатов до институциональных инвестиций корпораций[2]. Дальнейшее теоретическое исследование института связано с работами иностранных ученых: T. Meenaghan, J. Crompton, D. M. Sandler и D. Shani. Среди отечественных ученых институту спонсорства в спорте уделяют внимание такие ученые, как А.З. Кулбахтина, В.Д. Гореликов, К.Г. Сварчевский, Е.Д. Горбатова и другие.

В большинстве стран, включая Российскую Федерацию, договор спортивного спонсорства не получил закрепления в качестве поименованного договора. В научной доктрине отсутствие законодательного регулирования спортивного спонсорства объясняется спецификой содержания данного договора и его высокой динамикой, обусловленной трансформацией спортивного рынка и развитием цифровых медиа[3].

Вместе с тем, на практике заключение спонсорских контрактов в спорте существенно опережает их гражданско-правовое осмысление. В действующем российском законодательстве договор спортивного спонсорства не выделен в качестве самостоятельной договорной конструкции; легальное определение термина «спонсор» содержится исключительно в пункте 9 статьи 3 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе»[4] (далее по тексту – Закон о рекламе) и ограничивается рекламным контекстом, что не отражает всего многообразия современных спонсорских отношений.

Актуальность настоящего исследования обусловлена совокупностью следующих факторов. Во-первых, современный рынок спортивного спонсорства претерпевает качественную трансформацию: традиционная модель, основанная на размещении средств индивидуализации спонсора на спортивной экипировке или периметре арены, замещается сложными многоуровневыми контрактными конструкциями, включающими элементы лицензирования, совместного маркетинга, предоставления прав использования объектов интеллектуальной собственности, а также обязательств по созданию цифрового контента. Во-вторых, наблюдается размывание границ между спонсорством и смежными правовыми институтами, и прежде всего, рекламой. Отсутствие чёткого разграничения приводит к разнородной квалификации идентичных по содержанию отношений как хозяйствующими субъектами, так и правоприменительными органами. Как следствие, возникают правовая неопределённость, налоговые споры и риски признания сделок недействительными либо переквалификации расходов в целях налогообложения. В-третьих, унификация понятийного аппарата является необходимым условием формирования достоверной отраслевой статистики, корректной оценки капитализации спонсорских прав и разработки методик оценки стоимости нематериальных активов спортивных организаций.

Таким образом, разработка единого, теоретически обоснованного определения понятия «договор спортивного спонсорства», учитывающего его квалифицирующие признаки и цель, составляет не только научно-теоретическую, но и практическую задачу. Её решение, с одной стороны, позволит квалифицировать спонсорский договор в качестве самостоятельной договорной конструкции, а с другой, создать методологическую основу для дальнейшего развития законодательства, правоприменительной и договорной практики в сфере профессионального спорта.

Целью настоящего исследования является формирование гражданско-правовой характеристики договора спортивного спонсорства и выделение его квалифицирующих признаков.

Задачи исследования: установление экономических предпосылок возникновения спонсорских отношений в спорте; анализ доктринальных подходов к определению спонсорства; разграничение спонсорского договора и смежных договорных конструкций; формулирование авторского определения договора спортивного спонсорства.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход) и специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования, историко-правовой).

Основная часть

Доля спорта «в мировом обороте спонсорства составляет – 70%. Далее идут развлечения – 10%, дело-

[1] Meenaghan T. Understanding Sponsorship Effects // Psychology & Marketing. 2001. Vol. 18, No. 2. P. 101. P. 95-122.
[2] Блэк С. Паблик рилейшнз. Что это такое / Пер. с англ. М.: Новости, 1990. С. 162. 240 с.
[3] Koronios, K., Ntasis, L., Dimitropoulos, P., & Ratten, V. (2023). Not just intentions: Predicting actual purchase behavior in sport sponsorship context. Sport, Business and Management: An International Journal, 12(1), 4-28.
[4] Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

вые конференции – 9%, искусство – 4%, фестивали и ярмарки – 4% и представители киноиндустрии и театров – 3%»[5]. В современных условиях в спорте «спонсорские договоры остаются ключевым инструментом маркетинга и финансирования, обеспечивая взаимовыгодное сотрудничество между спортивными организациями и бизнесом»[6].

Исторически сложилось так, что профессиональный спорт в России опирался «преимущественно на бюджетное финансирование или квазигосударственные инвестиции в рамках социальной ответственности корпораций»[7]. В настоящее время значительную долю спонсорского рынка в спорте занимают банки и крупные промышленные компании. Так, Банк ВТБ выступает титульным партнером Единой лиги ВТБ и ХК «Динамо», а компания «Роснефть» является спонсором ПФК ЦСКА. В сфере индивидуального спонсорства выделяются контракты банка «Тинькофф» с ведущими теннисистами и шахматистами.

Особого внимания заслуживает рост букмекерского сегмента среди спонсоров, ставший следствием либерализации отраслевого законодательства в 2017 году и введения с 2021 года обязанности направлять часть доходов на развитие спорта[8]. Такие компании, как «Фонбет» и «Лига Ставок», формируют многомиллиардные портфели, выступая партнерами РПЛ, КХЛ и РФС.

Глобальные макроэкономические изменения последних лет и трансформация международного спортивного сотрудничества привели к существенным изменениям в спонсорской поддержке в спорте. Например, ПАО «Газпром», в ответ на изменения в международной спортивной политике, перераспределило ресурсы, ранее направляемые на поддержку Международного союза биатлонистов (IBU), в пользу развития внутренней инфраструктуры, включая инвестиции в региональные биатлонные центры. Инициируются образовательные роуд-шоу и открываются новые шоурумы для российских производителей экипировки. На отечественном рынке происходит активное вовлечение платформ цифровой коммерции в спортивный сегмент, например, сотрудничество Wildberries с «Динамо».

Российский рынок спортивного спонсорства демонстрирует признаки институциональной трансформации, выражающиеся в изменении структуры спонсоров, усилении роли цифровых каналов коммуникации и усложнении договорных моделей.

Как уже было сказано ранее, спонсорский договор в сфере спорта относится к числу инноминатных договоров и до настоящего времени не получил прямого законодательного закрепления.

Зарубежные юрисдикции регулируют соответствующие отношения опосредованно через общие нормы договорного права либо путем применения аналогии закона (нормами, регламентирующими такие смежные договорные институты как реклама, возмездное оказание услуг, лицензионный договор). В условиях, когда существует частное финансирование в спорте и число субъектов, вовлечённых в спонсорские отношения, увеличивается, задача доктринальной идентификации сущностных элементов спонсорского договора приобретает не только теоретическое, но и прикладное значение.

Изменение экономических и организационных условий спортивного рынка требует переоценки договорных инструментов, посредством которых оформляются отношения между спонсором и спонсируемым субъектом. В этой связи особое значение приобретает вопрос о правовой природе спонсорского договора в спорте.

Спонсорский договор в спорте представляет собой комплексный гражданско-правовой институт, в котором сочетаются частноправовые начала регулирования имущественных отношений, маркетинговая составляющая встречного предоставления и отраслевая специфика спортивной деятельности.

В международной практике в качестве доктринального ориентира нередко используется определение, закреплённое в Кодексе рекламы и маркетинговых коммуникаций Международной торговой палаты?. Согласно данному документу спонсорство понимается как коммерческое соглашение, в рамках которого спонсор на основе взаимной выгоды сторон предоставляет финансирование или иную поддержку деятельности, мероприятию, организации либо лицу, выступающему объектом спонсирования, а спонсируемая сторона обеспечивает спонсору возможность ассоциировать своё имя, бренд, продукцию или услуги с соответствующим объектом и предоставляет доступ к связанной с ним аудитории. Данное определение не имеет прямого юридического значения для российского правопорядка, однако может быть использовано в качестве доктринального ориентира, поскольку позволяет выделить ключевые признаки спонсорского правоотношения: договорную основу, встречный характер предоставлений, наличие экономического интереса сторон и направленность на получение взаимной выгоды.

Согласно определению, данному в ст. 3 Закона О рекламе, «спонсор – лицо, предоставившее средства либо обеспечившее предоставление средств для организации и (или) проведения спортивного, культурного или любого иного мероприятия, создания и (или) трансляции теле- или радиопередачи либо создания и (или) использования иного результата творческой деятельности», а «спонсорская реклама – реклама, распространяемая на условии обязательного

[5] Гореликов В.А. Спонсорство как возможность конкурировать в спорте // Современная конкуренция. 2019. №4 (76). С 47.
[6] Фазыльянова Д.И. Тенденции развития и основные положения о спортивном праве. Спонсорский договор в спорте: понятие, элементы, применение / Д.И. Фазыльянова, Р.У. Зарипов, Ш.Р. Зарипов // Проблемы и перспективы развития физической культуры и спорта в образовательных учреждениях: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 01 октября 2025 года. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025.С. 546.
[7] Кулбахтина А.З. Поведенческий анализ корпоративного спонсорства и спортивных маркетинговых коммуникаций в России // Дискуссия. 2022. №1 (110). С. 71.
[8] Гореликов В.А. Спонсорство в спорте. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2020. С. 103.

упоминания в ней об определенном лице как о спонсоре».

Т. Орал определяет спонсорский контракт как соглашение, по которому спонсор обеспечивает финансирование для ассоциации своего имиджа с атлетами, клубами или событиями, получая права на промоушен и имиджевый трансфер.[9] К.Г. Сварчевский предлагает под спонсорским договором понимать соглашение между сторонами, где одна сторона (спонсор) предоставляет другой стороне (спонсируемому) финансирование, а та, в свою очередь, обязуется рекламировать продукцию спонсора и его деятельность на спортивных мероприятиях[10]. Полагаем, что для формирования доктринально обоснованной дефиниции спонсорского договора в спорте необходимо провести комплексное исследование его правовой природы, субъектный состав и выявить сущностные признаки, позволяющие квалифицировать данную договорную конструкцию в качестве самостоятельного института обязательственного права.

В юридической доктрине отсутствуют критические противоречия относительно субъектного состава спонсорского договора, к которым относятся спонсор и спонсируемый. Спонсор может быть, как коммерческой компанией, стремящейся к таким маркетинговым целям, как увеличение узнаваемости и расширение аудитории, так и некоммерческой организацией, если такое спонсорство помогает реализовывать цели ее деятельности. Спонсируемым в спортивном спонсорстве может быть спортсмен, команда, клуб, федерация или конкретное спортивное мероприятие (цикл мероприятий).

Признаки как общего договора спонсорства, так и спортивного спонсорского договора в научной литературе трактуются неоднозначно.

Орал Т. в своей работе доказывает, что спонсорский договор в спорте представляет собой синаллагматическое (взаимообязывающее) соглашение с продолжающимся исполнением. Спонсор принимает на себя обязательство по предоставлению финансирования или иных ресурсов, включая вклады в натуральной форме (экипировка, оборудование, транспорт), тогда как спонсируемый субъект (атлет, клуб, организатор мероприятия) обеспечивает промоционную деятельность, имиджевый трансфер и доступ к целевой аудитории[11].

К.Г. Сварчевский и Е.Д. Горбатова рассматривают спонсорский договор как консенсуальный, двусторонне обязывающий и возмездный договор, предметом которого является финансирование в обмен на коммерческую рекламу[12]. Данная позиция отражает базовую двустороннюю модель спонсорского договора, однако спортивная практика демонстрирует более сложную структуру соответствующих отношений. Так, в профессиональном спорте спонсорские отношения нередко имеют многосубъектный характер. Помимо спонсора и спонсируемого лица, в них могут участвовать спортивные федерации, клубы, правообладатели символики и специализированные агентства. Это предопределяет необходимость учёта многосубъектной структуры отношений и согласования спонсорского договора с параллельно действующими соглашениями: договорами о передаче медиаправ, лицензионными договорами на использование символики и контрактами спортсменов с клубами.

Взаимный характер обязательств предопределён экономической направленностью спонсорского договора: каждая из сторон вступает в обязательство исходя из обоснованных ожиданий получения имущественных, репутационных или иных коммерчески значимых выгод[13]. Спонсор предоставляет спонсируемому лицу (спортсмену, команде, клубу, организаторам спортивного мероприятия) финансовые либо материальные ресурсы, обеспечивающие подготовку к соревновательной деятельности. Спонсируемое лицо, в свою очередь, обеспечивает спонсору возможность ассоциировать свой бренд со спортивными результатами, медиапривлекательностью и репутацией, что в научной доктрине получило название имиджевого трансфера. Переговорные позиции сторон при этом определяются не только соотношением спроса и предложения, но и медийной ценностью спортсмена или клуба, объёмом передаваемых прав, уровнем эксклюзивности, репутационными рисками и ожидаемым коммерческим эффектом спонсорской активации[14].

Цель спонсорского договора в спорте заключается в установлении устойчивой ассоциативной связи между брендом спонсора и спортсменом, командой, клубом или спортивным мероприятием. Коммерческая ценность такого договора обусловлена спортивными результатами, репутацией, медиаприсутствием и эмоциональной вовлечённостью аудитории. Поэтому юридическая характеристика договора должна учитывать не только факт финансирования, но и предоставление спонсору возможности использовать соответствующий имиджевый и коммуникационный потенциал.

Особая коммерческая и репутационная ценность спонсируемого субъекта выступает квалифицирующим признаком спонсорского договора в сфере спорта. Именно данный признак отграничивает спонсорский договор от смежных договорных конструкций, поскольку предмет встречного предоставления формируется не за счёт отдельной услуги или результата интеллектуальной деятельности, а за счёт сово-

[9] Oral T. Sport sponsorship contracts. Juridical Tribune - Review of Comparative and International Law, 2018, vol. 8. № 3. p. 824.
[10] Сварчевский К.Г., Горбатова Е.Д. Тенденции развития и основные положения о спортивном праве. Спонсорский договор в спорте: понятие, элементы, применение // Образование и право. 2024. № 3. С. 425.
[11] Oral T. Sport sponsorship contracts. Juridical Tribune - Review of Comparative and International Law, 2018, vol. 8, № 3, p. 827.
[12] Сварчевский К.Г., Горбатова Е.Д. Тенденции развития и основные положения о спортивном праве. Спонсорский договор в спорте: понятие, элементы, применение // Образование и право. 2024. № 3. С. 426.
[13] Hauser T. Sponsoring: Rechtsgrundlagen und Vertragspraxis. Munchen: C. H. Beck, 1991. S. 45-62.
[14] Там же.

купной имиджевой, репутационной и коммуникационной ценности спортсмена, клуба или мероприятия. Учёт данного признака позволит сформулировать рабочее определение спонсорского договора и обеспечить более точную его квалификацию в российской правовой системе.

Специфика спонсорского договора наиболее отчётливо проявляется в отношениях, связанных со спонсированием отдельных спортсменов. В таких договорах ключевое значение приобретают права на использование имени, изображения, голоса, подписи, биографических данных и иных элементов индивидуализации личности спортсмена, образующих содержание его персонального бренда. Коммерческая ценность участия спортсмена определяется не только соблюдением им международных и национальных спортивных регламентов, но и спортивными достижениями, стилем, спортивным мастерством и опытом, а также устойчивостью публичного образа[15] . В научных работах по маркетингу отмечается, что спортивный успех выступает одним из ключевых источников ассоциативных связей между спортсменом и брендом спонсора[16] . Вместе с тем коммерческая ценность спортсмена формируется и благодаря медийной узнаваемости, публичной коммуникации, характеру и репутации. Известность спортсмена по своей природе нестабильна, а его репутация уязвима для внешних и внутренних факторов, в связи с чем в спонсорском договоре особое значение приобретают условия о добросовестном поведении, соблюдении спортивных регламентов, репутационных гарантиях и последствиях их нарушения. Репутационные инциденты, такие как нарушение антидопинговых правил спортсменом или членами команды, способны причинить вред не только имиджу спонсируемого лица, но и деловой репутации спонсора, рассчитывавшего на позитивный имиджевый трансфер. Правовым ответом на указанные риски выступают специальные договорные механизмы: оговорки о добропорядочном поведении, право на односторонний отказ от договора при наступлении репутационного ущерба, неустойка за действия, подрывающие имиджевый трансфер.

Механизм ассоциации спонсируемого со спонсором наиболее ярко проявляется в личном спонсорстве – эндорсменте, характерном для американской и английской моделей, опирающихся на конструкцию прав личности. Эндорсмент представляет собой продвижение продукта спонсора посредством использования личного субстрата спонсируемого лица и функционирует по принципу «ореола»: известность спортсмена, публично рекомендующего продукт, переносится на спонсора в восприятии аудитории. Поскольку речь идёт об использовании прав личности, эндорсмент требует прямого и осознанного согласия спонсируемого лица; в отсутствие такого согласия имеет место вмешательство в личные неимущественные права. Разрешение дается на использование изображения, манеры поведения, голоса и иных отличительных элементов, устойчиво ассоциируемых с конкретным спортсменом. Совокупность указанных элементов формирует коммерчески значимый образ спортсмена, использование которого может быть предоставлено спонсору на договорной основе.

В отличие от англо-американской модели, континентально-правовые системы достигают сходного результата через защиту личных неимущественных прав, права на изображение и принцип добросовестности.

Из природы переносимой ценности закономерно вытекает содержание встречных обязательств сторон. Спонсор предоставляет финансирование, товары, услуги или иную поддержку, а спонсируемая сторона обеспечивает согласованные рекламные, имиджевые и коммуникационные возможности, направленные на формирование устойчивой ассоциации между её репутацией и брендом спонсора.

Итак, ключевая особенность спортивного спонсорства состоит в достижение взаимной материальной и имиджевой выгоды обеих сторон через повышение их ценности в глазах общественности. Суть и причина спортивного спонсорства заключается именно в специфической идентификации связи идентификации спортивных ценностей спонсируемого субъекта и спонсора субъектов в глазах третьих лиц. Этот элемент присутствует в спортивном спонсорстве, как минимум дважды: как намерение спонсора связать атрибуты компании (имидж, бренд, продукт) со спонсируемым спортсменом или спортивным мероприятием и как последующее продвижение этой связи. Спонсорство построено на взаимообусловленности репутаций, рост одного напрямую коррелирует с ростом репутации другого. Именно элемент связи отличает спонсорский договор от всех прочих видов договора. Однако, поскольку спонсорские контракты квалифицируются как непоименные, часто с элементами смешанного договора (они сочетают элементы договоров возмездного оказания услуг и продажи (передача нематериальных активов, таких как логотипы), мандата (промоушен) и лицензии (право использования имиджа) в науке и правоприменительной практике может проходить их смешание.

В научной литературе обращается внимание на внешнее сходство спонсорского договора и договора на распространение рекламы, поскольку спонсируемый субъект может обеспечивать публичное размещение средств индивидуализации спонсора[17]. Вместе с тем рекламный эффект является лишь одним из возможных элементов встречного предоставления и не исчерпывает содержание спонсорско-

[15] Jagodic T. & Matesa Z. The position of an athlete in sponsorship contacts regarding Olympic games. Collected Papers of the Faculty of Law in Split. 2020. Vol. 57. № 2. P. 280.

[16] Abratt R., Clayton B. C. & Pitt L. F. (1987). Corporate Objectives in Sports Sponsorship // International Journal of Advertising. 1987. № 6(4). P. 302.

[17] Садомская Д.В. Lex sportiva как феномен регулирования международных спортивных отношений // Контентус. 2018. №12 (77). С 123-131.

го правоотношения. Разграничение указанных договорных конструкций возможно по совокупности признаков: по цели (распространение информации о товаре в рекламном договоре; формирование устойчивой ассоциативной связи между спонсором и спонсируемым объектом в спонсорском); по предмету (рекламные действия или комплекс маркетинговых, имиджевых и коммуникационных возможностей соответственно); по содержанию обязательств спонсируемой стороны, которые носят длящийся характер и предполагают не только конкретные действия, но и поддержание устойчивой ассоциации с брендом спонсора.

От лицензионного договора спонсорский договор отличается комплексным характером передаваемого блага. Лицензионный договор предоставляет лицензиату право использования конкретного объекта интеллектуальной собственности в строго определённых пределах и не предполагает обязательной идентификационной связи между лицензиаром и лицензиатом. В спонсорском же правоотношении формирование ассоциативной связи между брендом спонсора и спонсируемым субъектом является существенным элементом содержания договора.

С. Блэк отделял спонсорство от благотворительности: в отличие от альтруистического меценатства, спонсорский контракт имеет возмездную природу и подразумевает встречное предоставление прав на использование имиджа и нематериальных активов в обмен на финансовые ресурсы[18].

Наконец, от договора возмездного оказания услуг спонсорский договор отличается тем, что обязательство спонсируемой стороны не сводится к совершению определённых действий и включает предоставление доступа к нематериальному благу, существование которого не зависит от воли сторон договора.

Заключение

Проведённый анализ позволяет рассматривать спонсорский договор в спорте как возмездный, консенсуальный, двух или многосторонне обязывающий гражданско-правовой договор, по которому одна сторона (спонсор) обязуется предоставить другой стороне (спонсируемому субъекту спортсмену, спортивному клубу, федерации или организатору спортивного мероприятия) финансирование либо иную имущественную поддержку, а спонсируемый субъект обязуется обеспечить спонсору возможность ассоциировать его имя, бренд, продукцию или услуги с личностью спортсмена, командой, клубом либо спортивным мероприятием и предоставить комплекс маркетинговых, имиджевых и коммуникационных прав, направленных на достижение имиджевого трансфера и связанного с ним коммерческого эффекта.

Встречное предоставление спонсируемой стороны не сводится к отдельному действию или результату, а включает совокупность имиджевых, маркетинговых и коммуникационных возможностей.

Квалифицирующим элементом выступает коммерческая, репутационная и медийная ценность спортсмена, клуба или мероприятия, обеспечивающая возможность имиджевого трансфера. Обязательства спонсируемой стороны исполняются в течение срока действия договора и предполагают поддержание устойчивой ассоциативной связи с брендом спонсора. Договор включает условия о добросовестном поведении спонсируемого лица, соблюдении спортивных регламентов, в том числе антидопинговых правил, и о последствиях их нарушения. Формулирование гражданско-правовой характеристики спонсорского договора и его квалифицирующих признаков способствует повышению предсказуемости правоприменения и обеспечивает более сбалансированное распределение интересов сторон. Механизм ассоциации спонсируемого со спонсором наиболее ярко проявляется в личном спонсорстве – эндорсменте, характерном для американской и английской моделей.

Библиографический список

1. Блэк С. Паблик рилейшнз. Что это такое / Пер. с англ. – М.: Новости, 1990. – 240 с.

2. Гореликов В.А. Спонсорство в спорте. – М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2020. – 128 с.

3. Гореликов В.А. Спонсорство как возможность конкурировать в спорте // Современная конкуренция. – 2019. – № 4 (76). – С.46-57.

4. Кулбахтина А.З. Поведенческий анализ корпоративного спонсорства и спортивных маркетинговых коммуникаций в России // Дискуссия. – 2022. – № 1 (110). – С. 62-72.

5. Садомская Д.В. Lex sportiva как феномен регулирования международных спортивных отношений // Контентус. – 2018. – № 12 (77). – С. 123-131.

6. Сварчевский К.Г., Горбатова Е.Д. Тенденции развития и основные положения о спортивном праве. Спонсорский договор в спорте: понятие, элементы, применение // Образование и право. – 2024. – № 3. – С. 421-427.

7. Фазыльянова Д.И. Тенденции развития и основные положения о спортивном праве. Спонсорский договор в спорте: понятие, элементы, применение / Д.И. Фазыльянова, Р.У. Зарипов, Ш.Р. Зарипов // Проблемы и перспективы развития физической культуры и спорта в образовательных учреждениях: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 01 октября 2025 года. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – С. 544-548.

8. Abratt R., Clayton B.C. & Pitt L.F. (1987). Corporate Objectives in Sports Sponsorship // International Journal of Advertising. – 1987. – № 6(4). – Pp. 299-312.

[18] Блэк С. Паблик рилейшнз. Что это такое / Пер. с англ. М.: Новости, 1990. С. 206.

9. Hauser T. Sponsoring: Rechtsgrundlagen und Vertragspraxis. – Munchen: C.H. Beck, 1991. – S. 45-62.
10. Jagodic T. & Matesa Z. The position of an athlete in sponsorship contacts regarding Olympic games. Collected Papers of the Faculty of Law in Split. – 2020. – Vol. 57. № 2. – P. 275-285.
11. Koronios K., Ntasis L., Dimitropoulos P. & Ratten V. (2023). Not just intentions: Predicting actual purchase behavior in sport sponsorship context. Sport, Business and Management: An International Journal, 12(1), 4-28.
12. Meenaghan T. Understanding Sponsorship Effects // Psychology & Marketing. – 2001. – Vol. 18, No. 2. – P. 95–122.
13. Oral T. Sport sponsorship contracts. Juridical Tribune - Review of Comparative and International Law, 2018, vol. 8. № 3. – pp. 823-834.

Рецензент: Ефимцева Т.В., профессор кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко», д.ю.н., доцент.

ПОЗДНЯКОВА АННА СЕРГЕЕВНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, oAPozdniakova@msal.ru

ЗЫКОВА АННА АНДРЕЕВНА
студентка Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, ankaaa2000n@mail.ru

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ДЕЛАМ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ВСЛЕДСТВИЕ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ: ПРОБЛЕМЫ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

POZDNYAKOVA ANNA CERGEEVNA
Candidate of legal sciences, Associate Professor of Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, oAPozdniakova@msal.ru

ZYKOVA ANNA ANDREEVNA
Student of Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, ankaaa2000n@mail.ru

FORENSIC MEDICAL EXAMINATION IN CASES OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE CAUSED BY INADEQUATE MEDICAL CARE: PROBLEMS AND EVIDENTIARY VALUE

Аннотация: *Статья посвящена особенностям установления судебно-медицинскими экспертами причинной связи между дефектами оказания медицинской помощи и наступившими неблагоприятными для пациента последствиями. Рассматривается разграничение прямой и косвенной (опосредованной) причинной связи, её правовое значение для применения различных видов ответственности. Обоснован вывод о том, что установление косвенной причинной связи между действиями (бездействием) врача и наступившими неблагоприятными последствиями для здоровья пациента с наибольшей степенью вероятности обеспечивает возможность взыскания компенсации морального вреда с медицинской организации. При этом выявление экспертным путем всех иных неблагоприятных факторов, воздействующих на здоровье пациента, необходимо для установления вида причинной связи (прямой или косвенной) между противоправными действиями медицинской организации и ухудшения состояния здоровья пациента, что, в свою очередь, имеет решающее значение для определения степени вины причинителя вреда.*

Ключевые слова: *ненадлежащее оказание медицинской помощи; причинение вреда; судебно-медицинская экспертиза; причинная связь; гражданско-правовая ответственность; компенсация морального вреда.*

Review. *The article is devoted to the peculiarities of establishing a causal relationship between medical care defects and adverse consequences for the patient by forensic medical experts. It considers the distinction between direct and indirect (mediated) causal relationships and their legal significance for the application of various types of liability. The conclusion is substantiated that the establishment of an indirect causal relationship between the doctor's actions (or inaction) and the resulting adverse health consequences is most likely to provide an opportunity to recover compensation for non-pecuniary damage from the medical organization. In this case, the identification of all other adverse factors affecting the patient's health by an expert is necessary to establish the type of causal relationship (direct or indirect) between the medical organization's illegal actions and the deterioration of the patient's health, which is crucial for determining the degree of fault of the person causing the harm.*

Key words: *inadequate medical care; harm caused; forensic medical examination; cause-and-effect relationship; civil liability; compensation moral damage.*

Многовековая история становления и развития медицины неразрывно связана не только с благоприятным исходом лечебной деятельности для пациентов, но и с врачебными ошибками. В связи с этим можно отметить высокий процент случаев обращений в суд граждан с требованиями о компенсации морального вреда, причиненного вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи. Так, в 2024 году было рассмотрено 22 996 гражданских дел по искам о компенсации морального вреда в связи с причинением вреда жизни и здоровью, из которых 21 625 дел рассмотрены с вынесением решения об удовлетворении заявленных требований[1]. Для сравнения, отметим, что в 2019 году было рассмотрено 16 066 гражданских дел идентичного характера, из которых по 14 367 делам требования удовлетворены[2].

При рассмотрении данной категории дел в большинстве случаев недостаточно средств доказывания обстоятельств, на которые стороны ссылаются как на обоснование своих требований, что вызывает необходимость назначения судебно-медицинской экспертизы (ст. 79 ГПК РФ). Судебно-медицинская экспертиза является одним из важных видов доказательств в судебном разбирательстве, поскольку позволяет подтвердить или опровергнуть какой-либо юридический факт благодаря применению специальных познаний. Согласно справедливому замечанию Е.И. Майоровой, благодаря судебной экспертизе возникает возможность использования в процессе расследования и судебного разбирательства уголовных, гражданских, административных дел всего арсенала научно-технических средств, что является важным каналом внедрения в судебно-следственную практику достижений научно-технического прогресса[3]. Однако не стоит забывать о том, что для суда никакое из доказательств, в том числе и заключение эксперта, не может иметь приоритета над другими, суд может не согласиться с заключением (ч. 3 ст. 86 ГПК РФ). Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 23 «О судебном решении», заключение эксперта, равно как и другие доказательства по делу, не являются исключительными средствами доказывания и должны оцениваться в совокупности со всеми имеющимися в деле доказательствами[4].

Проведение экспертизы призвано решить вопросы о наличии таких условий гражданско-правовой ответственности, как наличие вреда, противоправное поведение, причинная связь, носящих объективный характер. Судебно-медицинские экспертизы по гражданским делам по искам о компенсации морального вреда, причиненного вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи, являются наиболее трудоемкими видами научно-практической деятельности. Важнейшим и в то же время одним из самых сложных вопросов, поставленным судом перед экспертами, является вопрос о наличии или отсутствии причинной связи между дефектами оказания медицинской помощи и наступившими неблагоприятными последствиями для пациента[5]. Причинная связь между деянием и результатом является необходимым элементом гражданского правонарушения и относится к одному из обязательных фактов предмета доказывания при рассмотрении данной категории дел. Причинная связь «всегда объективна, конкретна и предполагает, что причина всегда предшествует другому факту и порождает его, а следствие всегда является результатом действия первого»[6]. В случае применения такой меры ответственности, как возмещение вреда здоровью, причинная связь включает два компонента, первый из которых заключается в причинной связи между действиями (бездействием) врача и наступившими неблагоприятными последствиями для здоровья пациента, второй – в причинной связи между повреждением здоровья и вынужденными тратами на дополнительное обследование или лечение, восстановление организма[7]. Если же заявлены требования о компенсации морального вреда, то состав причинной связи упрощается: достаточно установить первый из названных компонентов, поскольку Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 15 Постановления от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»[8] (далее – Постановление) разъяснил, что причинение морального вреда потерпевшему в связи с причинением вреда его здоровью во всех случаях предполагается, и сам факт причинения вреда здоровью, в том числе при отсутствии возможности точного определения его степени тяжести, является достаточным основанием для удовлетворения иска о компенсации морального вреда. Указанное обстоятельство в определенной степени облегчает работу суда и экспертов.

Из всех разработанных отечественной цивилистической наукой теорий причинной связи наибольшее количество сторонников находит теория прямой и косвенной причинной связи, в соответствии с которой «противоправное поведение лица только тогда

[1] См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/F3-svod-vse_sudy-2024.xls (дата обращения: 19.10.2025).
[2] См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2019/F3-svod-vse_sudy-2019.xls (дата обращения: 19.10.2025).
[3] Майорова Е.И. Особенности экспертной профилактики при производстве судебно-экологических экспертиз // Право и государство. 2018. № 3-4 (80-81). С. 145.
[4] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2.
[5] Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма: Инфра-М, 2018. С. 18.
[6] Кархалев Д.Н. Причинная связь в гражданском праве // Аграрное и земельное право. 2017. № 12 (156). С. 20.
[7] Шевчук Е.П. Причинно-следственная связь как условие деликтной ответственности при оказании медицинских услуг // Сибирский юридический вестник. 2009. № 2. С. 62.
[8] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2. С. 2-14.

является причиной убытков, когда оно прямо (непосредственно) связано с этими убытками. Наличие же косвенной (опосредованной) связи между противоправным поведением лица и убытками означает, что данное поведение лежит за пределами конкретного случая, а стало быть, и за пределами юридически значимой причинной связи»[9]. Иными словами, **косвенная причинная связь** имеет место в ситуации, когда между действием лица и наступившими последствиями есть промежуточные факторы, способствовавшие наступлению неблагоприятных последствий. При косвенной связи противоправное поведение лица не является непосредственной причиной результата в силу наличия других причин, которым законом придается юридическое значение.

Однако отсутствие в законе указания на характер причинной связи между противоправным поведением исполнителя и возникшим вредом используется в судебной практике как основание для установления юридически значимой косвенной связи, то есть, связи, обусловленной косвенными условиями[10]. В целом можно утверждать о том, что характер связи предопределяет вид ответственности причинителя вреда. Так, в случае выявления по результатам проведения судебно-медицинской экспертизы прямой причинно-следственной связи между допущенными дефектами при оказании медицинской помощи и наступившими неблагоприятными для здоровья пациента последствиями, возрастает вероятность рассмотрения спора в рамках гражданского либо уголовного судопроизводства. При выявлении косвенной (непрямой) связи наступает лишь гражданско-правовая ответственность, вариативность в данном случае отсутствует[11].

В делах о возмещении вреда, связанного с ненадлежащим оказанием медицинских услуг, судом в качестве причины возникшего вреда рассматривается не только поведение исполнителя, которое прямо (непосредственно) связано с неблагоприятными последствиями. Вместе с тем суд устанавливает косвенную связь при наличии дефектов, выявленных при оказании медицинской услуги, которые могли способствовать ухудшению состояния здоровья пациента и ограничить право на своевременное получение медицинской услуги. Связь, обусловленная косвенными условиями, устанавливается там, где причина порождает результат опосредованно, где создается возможность его возникновения. Возможность фактически реализуется в силу естественных причин, либо поведения самого потерпевшего, либо действиями третьего лица. Допущенные дефекты лечения не всегда являются прямой причиной возникшего вреда или смерти пациента. В качестве последней может выступить патология, существующая у пациента, а дефекты, допущенные в процессе лечения, выступают в качестве негативного условия протекания заболевания.

Косвенная (непрямая) связь между дефектами лечения и неблагоприятным исходом гарантирует минование наступления уголовной ответственности для врачей, которые оказывали пациенту медицинскую помощь. Однако уровень запросов потерпевших сторон в следственные органы для проведения проверки по произошедшему случаю повышается. Сторона, инициирующая возможное возбуждение уголовного дела, в случае получения в этом отказа по причине отсутствия прямой связи, не является лишенной возможности рассмотрения дела по существу в рамках гражданского судопроизводства. В таком случае с наибольшей степенью вероятности обеспечивается возможность взыскания компенсации морального вреда с медицинской организации.

Для того, чтобы защитить нарушенные права самого пациента или получить компенсацию близким родственникам пациента в связи с его смертью, необходимо обратиться в суд. В таком случае на истца ложится обязанность по доказыванию причинной связи между возникшим вредом и противоправным действием (бездействием) ответчика. Необходимо также отметить наличие закрепленной законом презумпции вины причинителя вреда, что, в свою очередь, определяет обязанность ответчика доказать невозможность получения благоприятного исхода лечения при вовремя проведенном обследовании пациента, при достаточной диагностике и полноценном лечении. В случае доказанности факта нарушения врачом протокола оказания медицинской помощи, медицинского стандарта истец освобождается от обязанности доказывать наличие причинно-следственной связи таких нарушений с неблагоприятным исходом лечения (п. 2 ст. 1064 ГК РФ). Примером того, как характер причинно-следственной связи может влиять лишь только на размер ответственности является определение Верховного Суда Российской Федерации № 75-КГ21-4-КЗ от 21.02.2022 года по делу № 2-192/2020[12]. Рассмотрим его подробнее.

Истица обратилась с иском к ГБУЗ «Сортавальская ЦРБ» о взыскании компенсации морального вреда в размере 1 000 000 рублей в связи со смертью ее супруга, наступившей вследствие послеоперационных осложнений. Разрешая спор и отказывая истице в удовлетворении заявленных требований суд первой инстанции, ссылаясь на положения Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», статей 150, 151 ГК РФ, а также на заключения судебно-медицинских экспертиз, пришёл к выводу, что

[9] Егоров Н.Д. Причинная связь как условие юридической ответственности // Советское государство и право. 1981. № 9. С. 127. См. также: Габай П.Г., Зарипова Л.А. Значение причинно-следственных связей при рассмотрении гражданских и уголовных дел о причинении смерти или вреда здоровью // Российский следователь. 2018. № 8. С. 10.

[10] См., например, Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.12.2021 года № 88-28054/2021 по делу № 2-1591/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Шмаров Л.А. Проблемы причинности в судебно-медицинских экспертизах по «врачебным делам» // Судебно-медицинская экспертиза. 2021. № 64 (1). С. 8-9.

[12] Определение Верховного Суда Российской Федерации № 75-КГ21-4-КЗ от 21.02.2022 года по делу № 2-192/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

обстоятельств некачественного оказания пострадавшему медицинской помощи, состоящих в причинно-следственной связи с его смертью, не установлено. Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции, дополнительно указав, что установленные дефекты оказания медицинской помощи супругу истицы в период его пребывания в больнице носят формальный характер, не связаны с наступлением его смерти, данным обстоятельством нарушены права непосредственно пациента, а не его близких родственников. Однако Верховным Судом РФ судебные постановления по делу отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции в силу того, что правовое регулирование спорных отношений не ставит возможность возмещения вреда, в том числе морального, в зависимость от наличия только прямой причинной связи между противоправным поведением причинителя вреда и наступившим вредом. В данном случае юридическое значение может иметь и косвенная (опосредованная) причинная связь, если дефекты (недостатки) оказания медицинским персоналом Сортавальской центральной районной больницы медицинской помощи пациенту могли способствовать ухудшению состояния его здоровья и ограничить его право на получение своевременного и отвечающего установленным стандартам лечения. При этом ухудшение состояния здоровья человека вследствие ненадлежащего (несвоевременного) оказания ему медицинской помощи, в том числе по причине таких дефектов её оказания как непроведение пациенту всех необходимых лечебных мероприятий, направленных на устранение патологического состояния здоровья, причиняет страдания, то есть причиняет вред, как самому пациенту, так и его родственникам, что является достаточным основанием для компенсации такого вреда.

На достижение благоприятного результата в процессе лечения может повлиять не только дефект в деятельности медицинского работника, но и состояние здоровья самого пациента, естественное течение болезни. В таких случаях должен использоваться метод исключения вероятных причин возникновения вреда у пациента. Для этого необходимо установить все обстоятельства, которые послужили причиной неблагоприятного результата и дифференцировать значение каждого из них в процессе оказания медицинской услуги. Однако выявление всех неблагоприятных факторов необходимо лишь в той мере, в какой это необходимо для установления причинной связи между противоправными действиями медицинской организации и ухудшением состояния здоровья пациента. В качестве примера рассмотрим случай из судебной практики[13]. Пациентка обратилась в суд с требованием о компенсации морального вреда к стоматологической клинике, ссылаясь в обоснование на то, что после протезирования у нее возникли сухость во рту и на губах, искажение вкуса, постоянные непроизвольные «сглатывания», боли в горле и на кончике языка, жжение слизистой оболочки, эрозии языка, с чем обращалась к ответчику. Однако диагноз ответчиком установлен не был и надлежащее лечение не проведено. В течение полугода пациентка самостоятельно проходила дополнительные обследования в других медицинских организациях. В результате был поставлен диагноз «гальванический синдром». При таком диагнозе требовалось снять всю металлокерамическую конструкцию и заменить ее на безметалловую керамику. Суд первой инстанции взыскал в пользу истца ущерб в полном объеме. Судом апелляционной инстанции решение отставлено без изменения, учитывая, что судебно-медицинской экспертизой нарушения проведения медицинских манипуляций ответчиком не установлено, вместе с тем между лечением пациентки и развитием «гальванического синдрома» установлена клинически подтвержденная связь, протезирование могло быть одним из факторов развития выявленного синдрома. Однако суд кассационной инстанции не согласился с позицией нижестоящих судов, указав на отсутствие обоснования выводов о ненадлежащем оказании медицинской услуги, причинившей вред здоровью. Заключение экспертов также не содержало указание на точную причину возникшего вреда. Таким образом, по мнению суда кассационной инстанции, выявленная множественность симптомов у пациента затруднила процесс проведения судебно-медицинской экспертизы и не позволила определить истинную причину неблагоприятного исхода. Дело направлено на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении дела апелляционным определением Нижегородского областного суда от 17.02.2022 по делу № 33-66/2022, 2-798/2020, с учетом проведения дополнительной комплексной судебно-медицинской экспертизы, нарушения порядка оказания медицинской помощи не установлено, однако, выявлено, что сведений о природе и качестве металлов, установленных в ротовой полости С.О.Р., в представленных медицинских документах и материалах дела не содержится. Кроме того, имеющиеся у С.О.Р. сопутствующие заболевания и состояния (тревожность, мнительность, астено-невротический синдром, атрофический гастрит, дискинезия желчевыводящих путей), не имеют отношения с возникшим у нее гальваническим синдромом и не могут являться каким-либо фоном для развития физического явления (гальванического синдрома). С учетом изложенного исковые требования С.О.Р. о компенсации морального вреда удовлетворены частично[14].

Следовательно, в каждом подобном случае необходимо отграничивать истинную причину возникшего вреда от обстоятельств, которые опосредованно повлияли на неблагоприятный исход лечения. Каждое из обстоятельств, создавших фоновый риск, должно быть не только исследовано при проведении су-

[13] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.04.2021 года № 88-7968/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[14] Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 17.02.2022 по делу N 33-66/2022, 2-798/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

дебно-медицинской экспертизы, но и проанализировано судом при оценке заключения относительно воздействия на состояние здоровья пациента. Следует учитывать в совокупности представленные доказательства и при необходимости назначать проведение судебно-медицинской экспертизы качества оказания медицинской услуги.

Таким образом, установление судебно-медицинскими экспертами как прямой, так и косвенной (опосредованной) причинно-следственной связи между оказанной медицинской помощью и наступившими неблагоприятными для здоровья пациента последствиями играет большую роль в вынесении решении суда. Характер причинно-следственной связи определенно влияет на дальнейшую судьбу рассматриваемого случая – будет ли конкретная ситуация разрешаться в рамках уголовного или же гражданского судопроизводства, какой размер ответственности будет установлен решением суда. Все это позволяет как самому пострадавшему пациенту, так и его близким родственникам защитить свое нарушенное право на охрану здоровья и получение качественной медицинской помощи, истребовать компенсацию морального вреда за нравственные, физические страдания, которые пришлось пережить обследуемому, а также его близким в период лечения родственника.

Кроме того, учитывая, что ухудшение состояния здоровья гражданина вследствие ненадлежащего оказания ему медицинской помощи причиняет страдания, в случае заявления требований о компенсации морального вреда необходимо, а вместе с тем и достаточно при наличии вреда здоровью экспертным путем установить дефекты оказания медицинской помощи, что само по себе свидетельствует о наличии причинной связи допущенных нарушений с наступившими неблагоприятными для пациента последствиями. Выявление иных неблагоприятных факторов, воздействующих на здоровье пациента, необходимо для установления вида причинной связи (прямой или косвенной) между противоправными действиями медицинской организации и ухудшением состояния здоровья, что, в свою очередь, имеет решающее значение для определения степени вины причинителя вреда.

Библиографический список

1. Баринов Е.Х. Судебно-медицинская экспертиза в гражданском судопроизводстве по медицинским делам: монография. – Москва: ЮрИнфоЗдрав, 2013. – 163 с.

2. Габай П.Г., Зарипова Л.А. Значение причинно-следственных связей при рассмотрении гражданских и уголовных дел о причинении смерти или вреда здоровью // Российский следователь. – 2018. – № 8. – С. 7-15.

3. Егоров Н.Д. Причинная связь как условие юридической ответственности // Советское государство и право. – 1981. – № 9. – С. 126-131.

4. Кархалев Д.Н. Причинная связь в гражданском праве // Аграрное и земельное право. – 2017. – № 12 (156). – С. 19-24.

5. Майорова Е.И. Особенности экспертной профилактики при производстве судебно-экологических экспертиз // Право и государство. – 2018. – № 3-4 (80-81). – С. 144-154.

6. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – Москва: Норма: Инфра-М, 2018. – 575 с.

7. Рыков В.А. Врачебная ошибка: медицинские и правовые аспекты // Медицинское право. – 2005. – № 1. – С. 41-46.

8. Слепенок Ю.Н., Станкевич Г.В., Степанова Л.П. Особенности ответственности медицинской организации за причинение вреда здоровью пациента // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2021. – № 2. – С. 73-80.

9. Шевчук Е.П. Причинно-следственная связь как условие деликтной ответственности при оказании медицинских услуг // Сибирский юридический вестник. – 2009. – № 2. – С. 60-64.

10. Шмаров Л.А. Проблемы причинности в судебно-медицинских экспертизах по «врачебным делам» // Судебно-медицинская экспертиза. – 2021. – № 64(1). – С. 5-11.

Рецензент: Томина А.П., заведующий кафедрой частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

САТТАРОВА ЗУЛЬФИЯ ЗУЛЬФАТОВНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, oZZSattarova@msal.ru

ДЕНИСОВ СТЕПАН РОМАНОВИЧ
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, dfeckret035@gmail.com

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ СТОРОН В ДОГОВОРЕ РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ: АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

SATTAROVA ZULFIYA ZULFATOVNA
Ph.D., Associate Professor, Department of Private Law Sciences of Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, oZZSattarova@msal.ru

DENISOV STEPAN ROMANOVICH
Student of Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, dfeckret035@gmail.com

THE BALANCE OF INTERESTS OF THE PARTIES IN THE RETAIL SALE AGREEMENT: ANALYSIS OF CHANGES IN LEGISLATION ON CONSUMER PROTECTION

Аннотация. *В статье исследуется проблема обеспечения баланса интересов сторон в договоре розничной купли-продажи в условиях реформирования законодательства о защите прав потребителей в 2025-2026 гг. Целью работы является анализ внесённых изменений, выявление их влияния на соотношение прав и обязанностей потребителя и продавца, а также определение возникающих правовых проблем. Особое внимание уделяется новеллам, направленным как на ограничение злоупотреблений со стороны потребителей, так и на усиление их защиты в отдельных сферах. В результате исследования сформулированы предложения по совершенствованию механизма правового регулирования, включая конкретизацию оценочных категорий и развитие досудебных способов урегулирования споров. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных выводов в правоприменительной деятельности, а также при дальнейшем совершенствовании законодательства.*

Ключевые слова: *защита прав потребителей, розничная купля-продажа, баланс интересов, добросовестность сторон, гражданско-правовая ответственность.*

Review. *The article examines the issue of balancing the interests of the parties in a retail sale contract in the context of reforms to consumer protection legislation in 2025-2026. The aim of the study is to analyze the introduced amendments, identify their impact on the correlation of rights and obligations of consumers and sellers, and determine emerging legal problems. Particular attention is paid to legal novelties aimed both at limiting abuses by consumers and strengthening their protection in specific areas. As a result, proposals are formulated to improve the legal regulation mechanism, including the clarification of evaluative legal categories and the development of pre-trial dispute resolution methods. The practical significance of the study lies in the possibility of applying its conclusions in law enforcement practice and in further legislative development.*

Keywords: *consumer protection, retail sale contract, balance of interests, good faith of parties, civil liability.*

Современное развитие гражданского оборота, характеризующееся активным внедрением цифровых технологий и расширением дистанционных форм торговли, обусловливает необходимость постоянного совершенствования правового регулирования отношений, складывающихся в рамках договора розничной купли-продажи. Указанный договор традиционно занимает особое место в системе гражданско-правовых обязательств, поскольку направлен на удовлетворение повседневных потребностей граждан и, следовательно, затрагивает интересы широкого круга субъектов. В этой связи ключевое значение

приобретает проблема обеспечения баланса интересов сторон – потребителя как экономически более слабой стороны и продавца как профессионального участника рынка. Исторически законодательство о защите прав потребителей формировалось с явным приоритетом интересов потребителя, что выражалось в установлении императивных норм, ограничивающих свободу договора. Вместе с тем современные условия хозяйственного оборота выявили необходимость корректировки данного подхода в целях предотвращения злоупотреблений правом со стороны потребителей и обеспечения справедливого распределения рисков.

Исследователи правового регулирования потребительских отношений отмечают, что в постоянно усложняющихся социально-экономических отношениях внимание к вопросам систематизации законодательства о защите прав потребителей не может заменить собой необходимости его непрерывной актуализации. Необходима и актуализация сложившегося законодательства о защите прав потребителей, и разработка новых правил, обеспечивающих защиту прав потребителей в цифровом обороте[1].

Как отмечает Е.Ю. Стародубова, усиленная защита потребителя, оправданная на этапе становления рыночной экономики, в условиях цифровизации торговли и роста числа дистанционных сделок начинает порождать дисбаланс, выражающийся в возможности недобросовестного поведения потребителей, в том числе в виде предъявления необоснованных требований и использования механизмов гражданско-правовой ответственности в целях извлечения выгоды[2]. В этой связи законодатель в 2025 году предпринял комплекс мер, направленных на перераспределение баланса интересов сторон, что нашло отражение в принятии ряда федеральных законов, в первую очередь Федерального закона от 28.12.2025 № 500-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Федерального закона от 07.04.2025 № 69-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей».

Значительные изменения были внесены в механизм применения штрафа, предусмотренного статьёй 13 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей». В частности, Федеральный закон № 500-ФЗ установил, что штраф в размере пятидесяти процентов от суммы, присуждённой судом в пользу потребителя, не подлежит взысканию в случае, если требования потребителя не были удовлетворены по его собственной вине[3]. Данное положение направлено на устранение практики, при которой потребители, уклоняясь от взаимодействия с продавцом (например, не предоставляя товар для проведения экспертизы), тем не менее претендовали на взыскание значительных штрафных санкций. Таким образом, законодатель впервые на уровне федерального закона закрепил принцип учёта поведения самого потребителя при определении объёма ответственности продавца.

Кроме того, указанным законом предусмотрено освобождение продавца от ответственности в виде штрафа в случае нарушения обязательств его контрагентом при условии, что продавец проявил добросовестность и разумную осмотрительность при выборе такого контрагента. Данная новелла отражает стремление законодателя учесть объективные особенности современного товарооборота, в котором продавец зачастую зависит от действий третьих лиц, включая поставщиков и логистические организации. Введение подобного основания освобождения от ответственности, свидетельствует о переходе к более гибкой модели правового регулирования, учитывающей фактические обстоятельства исполнения обязательства.

Важным элементом реформы стало стимулирование досудебного урегулирования споров. Федеральный закон № 500-ФЗ закрепил правило, согласно которому в случае заключения сторонами медиативного соглашения штраф не подлежит взысканию. Это положение направлено на снижение нагрузки на судебную систему и развитие альтернативных способов разрешения споров, что соответствует современным тенденциям развития правовой системы. Одновременно законодатель ввёл запрет уступки права требования штрафа и неустойки лицам, не являющимся потребителями, до вступления судебного решения в законную силу, тем самым ограничив деятельность так называемых «профессиональных взыскателей». Данное нововведение направлено на предотвращение коммерциализации требований потребителей и устранение перекосов, возникающих в судебной практике.

Существенным шагом в направлении обеспечения соразмерности ответственности стало установление предельного размера неустойки, который не может превышать сумму, уплаченную по договору. Это нововведение направлено на предотвращение ситуаций, когда размер ответственности продавца многократно превышает стоимость товара, что ранее нередко приводило к несоразмерным финансовым последствиям для бизнеса.

Вместе с тем законодатель не отказался от приоритета защиты потребителей в наиболее уязвимых сферах, что ярко проявилось в положениях Федерального закона от 07.04.2025 № 69-ФЗ, направленного на борьбу с навязыванием дополнительных товаров и услуг. В частности, введён прямой запрет на автоматическое выражение согласия потребителя, включая использование заранее установленных от-

[1] См.: Защита прав потребителей: в поисках оптимальной модели: монография (Багрянская П.Д., Дьяконова М.О., Кабытов П.П. и др.; отв. ред. д.ю.н. С.А. Синицын, к.ю.н. М.Л. Шелютто). М., 2021. 268 с.

[2] Стародубова Е.Ю. Актуальные проблемные аспекты защиты прав потребителей при продаже товаров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 9-5. С. 215-221.

[3] Федеральный закон от 28.12.2025 № 500-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 2025. № 1. Ст. 1.

меток в электронных формах[4]. Данное положение имеет принципиальное значение для регулирования электронной коммерции, где подобные практики получили широкое распространение. Одновременно установлено требование письменного согласия потребителя на приобретение дополнительных товаров или услуг, причём бремя доказывания наличия такого согласия возложено на продавца. Это свидетельствует о сохранении принципа защиты слабой стороны в ситуациях, связанных с информационным неравенством.

Интернет-среда, предоставляя потребителям товаров и услуг комфортные условия для выбора ассортимента и взаимодействия в рамках исполнения сделки, одновременно с этим создает широкий круг возможностей для недобросовестного поведения профессиональных участников рынка, стремящихся реализовать собственные коммерческие интересы. Такое недобросовестное поведение может проявляться как в злоупотреблениях с точки зрения формы взаимодействия с потребителем (например, изменение условий договора без должного информирования клиентов), так и в «содержательном» аспекте применительно к установлению конкретных прав и обязанностей сторон[5].

Особого внимания заслуживает введение безусловного права потребителя на возврат денежных средств за навязанную услугу в течение трёх дней, что существенно упрощает процедуру восстановления нарушенных прав.

Особую актуальность для баланса интересов сторон приобретает правовое регулирование дистанционной торговли, где информационное неравенство и асимметрия возможностей сторон достигают наибольшего проявления. В этой сфере законодатель и правоприменитель сталкиваются с необходимостью обеспечить эффективную защиту потребителя, не создавая при этом неоправданных барьеров для добросовестных продавцов.

Важнейшим событием в данной сфере стало Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2026 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пунктов 3 и 4 статьи 26.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» в связи с жалобой гражданина Тишкина Петра Николаевича». Конституционный Суд РФ признал положения п.п. 3 и 4 ст. 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей» не соответствующими Конституции РФ, поскольку они не гарантируют покупателям, приобретающим товары дистанционно, права на возврат товара надлежащего качества удобным для них способом[6].

Конституционный Суд обосновал своё решение тем, что при дистанционной торговле продавец может установить такой порядок возврата товара, при котором затраты потребителя будут неадекватны стоимости товара, что вынудит покупателя отказаться от осуществления своего права. Суд указал, что до внесения законодателем соответствующих изменений возврат товара надлежащего качества, проданного дистанционно, может осуществляться любым по усмотрению покупателя способом – дистанционно, способом, указанным продавцом, или способом по запросу покупателя, обеспечивающим возможность проверки состояния возвращаемого товара при его получении продавцом, в том числе посредством услуг перевозчика или организации связи.

Данное постановление имеет принципиальное значение для баланса интересов сторон: с одной стороны, оно укрепляет позицию потребителя как слабой стороны, с другой – не отменяет обязанность покупателя нести транспортные расходы и риск случайной гибели товара при обратной доставке. В ответ на решение Конституционного Суда РФ Роспотребнадзор разработал проект федерального закона, предусматривающий обязанность интернет-продавцов и маркетплейсов размещать информацию о праве потребителя на возврат товара надлежащего качества любым по усмотрению покупателя способом, в том числе посредством услуг перевозчика.

Судебная практика по дистанционной торговле также демонстрирует тенденцию к усилению требований к продавцу в части предоставления информации. В Обзоре судебной практики по делам о защите прав потребителей, утверждённом Президиумом Верховного Суда РФ 23 октября 2024 г., содержится разъяснение, что порядок заключения договора потребительского кредита с использованием информационно-телекоммуникационного сервиса должен обеспечивать безопасность дистанционного предоставления банковских услуг и соблюдение установленных законом гарантий прав потребителей, включая право на осознанный выбор финансовых услуг[7]. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 июля 2024 г. № 69-КГ24-8-К7 высшая судебная инстанция указала на необходимость предусмотреть подтверждение факта формирования электронной подписи конкретной личностью и соответствие условий кредитного договора требованиям законодательства[8].

Вместе с тем в сфере дистанционной торговли проявляется и обратная сторона проблемы – а злоупотребления со стороны потребителей. По оценке отраслевых ассоциаций (АКОРТ, АКИТ, РАТЭК, АПКИТ), годовой объём выплат в пользу недобросовестных потребителей может достигать 7,5 млрд

[4] Федеральный закон от 07.04.2025 № 69-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 2025. № 15. Ст. 2530.

[5] Сергеева О.В. Защита слабой стороны в условиях цифровизации договорных отношений. // Журнал российского права. 2024. № 6. С.37.

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2026 № 7-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2026. № 2. С. 5.

[7] Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.10.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 12. С. 18.

[8] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.07.2024 № 69-КГ24-8-К7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 10. С. 38.

руб., при этом особая концентрация злоупотреблений зафиксирована в сфере электроники и бытовой техники[9]. Представители крупнейших ритейлеров отмечают, что действующая редакция Закона РФ «О защите прав потребителей» стимулирует рост искусственно инициированных исков и заведомо ложных претензий, в том числе с использованием сфабрикованных документов и заключений экспертиз.

Указанные обстоятельства подтверждают необходимость дифференцированного подхода к регулированию дистанционной торговли, учитывающего как повышенные риски для потребителя, так и объективные сложности для продавца при доказывании добросовестности своих действий.

Дополнительно следует отметить значительное ужесточение административной ответственности за навязывание услуг: штрафы для юридических лиц увеличены до 500 000 рублей, что свидетельствует о серьёзности намерений законодателя пресечь подобные практики.

Закреплённые Федеральным законом от 7 апреля 2025 г. № 69-ФЗ положения о запрете навязывания дополнительных товаров и услуг нашли своё развитие в актуальной судебной практике Верховного Суда РФ, что свидетельствует о синергии законодательных и правоприменительных механизмов защиты потребителей. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 декабря 2025 г. № 18-КГ25-330-К4 Верховный Суд рассмотрел дело, в котором автосалон обусловил предоставление скидки на автомобиль заключением потребителем договоров на дополнительные услуги (кредит, страхование, абонентское обслуживание)[10].

Высшая судебная инстанция отменила судебные акты нижестоящих инстанций, указав, что действия автосалона являются манипуляцией ценой и вводят потребителя в заблуждение относительно реальной стоимости основного товара. Верховный Суд РФ подчеркнул, что увязывание размера скидки с обязательным приобретением иных услуг представляет собой форму принуждения, противоречащую принципам добровольности и свободы договора. При этом суд указал, что перечисление средств на счёт третьего лица в рамках схемы, организованной продавцом, не является основанием для освобождения продавца от ответственности за причинённые убытки.

Данная правовая позиция коррелирует с позицией Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 3 апреля 2023 г. № 14-П, в котором Суд признал недопустимым включение в договор условий, создающих фиктивные варианты выбора между «скидкой» и реальной стоимостью автомобиля, и указал на недействительность подобных положений как нарушающих права потребителя[11]. Верховный Суд РФ в определении от 8 августа 2023 г. и от 30 июля 2024 г. подтвердил, что отсутствие полной и прозрачной информации о связи между ценой автомобиля, скидками и дополнительными услугами делает действия автосалона недобросовестными[12].

Интерес представляет также дело, рассмотренное апелляционной инстанцией Санкт-Петербургского городского суда 28 ноября 2025 г. (дело о взыскании денежных средств за навязанные услуги с АО «Рольф»), в котором суды взыскали с автосалона 424 766 руб. 01 коп., компенсацию морального вреда в размере 10 000 руб., штраф в размере 217 383 руб. 01 коп. и расходы на представителя[13]. Апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции в части и удовлетворил требования потребителя, признав факт навязывания дополнительных услуг и применив положения ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей».

Указанная практика демонстрирует, что суды всё чаще прибегают к комплексной оценке сделок, выявляя скрытые механизмы навязывания услуг. Вместе с тем для обеспечения баланса интересов сторон представляется важным, чтобы суды одновременно проверяли добросовестность самого потребителя, исключая ситуации, когда последний злоупотребляет своим правовым преимуществом для необоснованного обогащения за счёт продавца.

Важную роль в формировании баланса интересов сторон продолжает играть судебная практика, в частности разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 17. Указанный акт содержит критерии оценки добросовестности продавца, включая анализ его действий по выбору контрагентов, а также подходы к определению вины потребителя в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств[14]. Эти разъяснения приобретают особое значение в условиях применения новых норм, поскольку обеспечивают единообразие судебной практики и способствуют правильному толкованию законодательных новелл.

Одним из ключевых аспектов баланса интересов сторон в договоре розничной купли-продажи выступает регулирование размера неустойки, взыскиваемой с продавца за нарушение сроков удовлетворения требований потребителя. Введённое Федеральным законом от 28 декабря 2025 г. № 500-ФЗ ограничение неустойки суммой, уплаченной по договору, нашло отражение в уже сложившейся судебной прак-

[9] Данные отраслевых ассоциаций АКОРТ, АКИТ, РАТЭК, АПКИТ // Российская газета. 2025. 15 окт.

[10] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.12.2025 № 18-КГ25-330-К4 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2026. № 2. С. 20.

[11] Постановление Конституционного Суда РФ от 03.04.2023 № 14-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2023. № 4. С. 5.

[12] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30.07.2024 № 45-КГ24-5-К3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 9. С. 31.

[13] Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 28.11.2025 по делу № 33-17825/2025 // Архив судебных решений Санкт-Петербургского городского суда. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 24.04.2026).

[14] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами дел о защите прав потребителей» (с изм.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 8.

тике, которая до законодательного закрепления применяла аналогичные подходы на основе ст. 333 ГК РФ.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» содержится важное разъяснение: применение ст. 333 ГК РФ об уменьшении судом сумм неустойки и штрафа, предусмотренного п. 6 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей», возможно лишь в исключительных случаях, когда подлежащие уплате неустойка и штраф явно несоразмерны последствиям нарушенного обязательства[15]. Уменьшение сумм допускается только по заявлению ответчика, сделанному в суде первой инстанции или в суде апелляционной инстанции, перешедшем к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции, при обязательном указании мотивов, по которым суд полагает уменьшение допустимым.

Данная позиция развита в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31 января 2023 г. № 32-КГ22-10-К1, в котором Верховный Суд отменил судебные акты нижестоящих инстанций, снизившие неустойку и компенсацию морального вреда формально, без убедительных доказательств ответчика и без изложения судом мотивов. Суд указал, что не допускается снижение неустойки произвольно, без конкретных исключительных оснований для применения ст. 333 ГК РФ, и подчеркнул, что ответчик должен доказать несоразмерность требований истца, а его выгода – необоснованность[16].

В то же время суды признают необходимость соблюдения баланса интересов и при удовлетворении требований потребителя. Так, в решении Сызранского городского суда Самарской области от 20 июня 2025 г. по делу № 2-248/2025 суд, рассматривая иск о защите прав потребителя к ООО «МВМ» в связи с приобретением технически сложного товара (смартфона), указал на необходимость соблюдения сторонами досудебного порядка урегулирования спора и оценил поведение продавца при рассмотрении претензии потребителя. Суд пришёл к выводу о наличии производственного дефекта товара и удовлетворил требования истца о возврате стоимости товара, неустойки и штрафа, при этом ответчик в отзыве на иск заявил ходатайство о снижении неустойки на основании ст. 333 ГК РФ[17].

Практика показывает, что суды первой инстанции нередко злоупотребляют дискреционными полномочиями при снижении неустойки, что приводит к необоснованному ослаблению защиты прав потребителя. Верховный Суд РФ последовательно корректирует подобные нарушения, направляя дела на новое рассмотрение. Вместе с тем введение законодательного «потолка» неустойки в размере суммы договора, предусмотренное ФЗ № 500-ФЗ, создаёт новые правоприменительные проблемы, связанные с определением момента, с которого начинает действовать данное ограничение, и его взаимосвязью со ст. 333 ГК РФ.

Статистические данные свидетельствуют о сохраняющейся высокой активности в сфере защиты прав потребителей. Так, в 2025 году Роспотребнадзор принял участие в 204 судебных делах, что на 5% превышает показатели предыдущего года, при этом доля удовлетворённых требований составила 98,5%[18]. Одновременно наблюдается значительный рост сумм, присуждаемых в пользу потребителей, что подтверждает эффективность судебной защиты. Региональная статистика также фиксирует рост числа обращений, особенно в сфере дистанционной торговли, где увеличение жалоб достигло 142,5%[19]. Эти данные подтверждают необходимость дальнейшего совершенствования механизмов регулирования и объясняют принятие законодательных изменений.

Комплексный анализ реформ 2024-2026 гг. позволяет сделать вывод о формировании новой модели баланса интересов сторон в договоре розничной купли-продажи. С одной стороны, законодатель стремится ограничить злоупотребления со стороны потребителей, вводя механизмы учёта их поведения, ограничивая размеры ответственности продавца и пресекает недобросовестные практики взыскания. С другой стороны, сохраняется и даже усиливается защита потребителей в наиболее уязвимых сферах, связанных с информационным неравенством и навязыванием услуг. Дополнительным элементом данной модели выступают меры, направленные на повышение прозрачности рынка, включая внедрение систем маркировки товаров и усиление контроля за качеством продукции[20].

Вместе с тем проведённые законодательные изменения, несмотря на их направленность на достижение баланса интересов сторон, выявляют новую правовую проблему, связанную с отсутствием чётких критериев применения оценочных категорий, таких как «вина потребителя» и «добросовестность продавца». На практике это может привести к формированию неоднородной судебной практики, при которой

[15] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 8. С. 12.

[16] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31.01.2023 № 32-КГ22-10-К1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 4. С. 29.

[17] Решение Сызранского городского суда Самарской области от 20.06.2025 по делу № 2-248/2025 // Архив судебных решений Самарской области. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 24.04.2026).

[18] Данные статистического наблюдения в сфере защиты прав потребителей Российской Федерации за 2025 год. URL: https://zpp.rospotrebnadzor.ru/info/stat/570972 (дата обращения: 15.03.2026).

[19] Итоги работы Управления Роспотребнадзора по Чеченской Республике с обращениями граждан в сфере защиты прав потребителей за 2025 год. URL: https://rospotrebnadzor95.ru/article/7767 (дата обращения: 15.03.2026).

[20] Защита прав потребителей: обзор изменений и нововведений законодательства. URL: https://coiruk.nso.ru/sites/coiruk.nso.ru/wodby_files/files/page_6885/1._obzor_izmeneniy.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

аналогичные по своей сути споры будут разрешаться судами по-разному в зависимости от субъективной оценки поведения сторон. В частности, отсутствие закреплённого на уровне закона перечня действий, свидетельствующих о недобросовестности потребителя (например, уклонение от передачи товара, злоупотребление правом на возврат, создание искусственных оснований для взыскания неустойки), может привести к затруднениям в правоприменении и снижению предсказуемости судебных решений.

Анализ современной судебной практики демонстрирует, что Верховный Суд Российской Федерации предпринимает активные шаги по конкретизации оценочных категорий в сфере защиты прав потребителей, что способствует повышению правовой определённости. Так, в Обзоре судебной практики по делам о защите прав потребителей, утверждённом Президиумом Верховного Суда РФ 23 октября 2024 г., содержатся важные разъяснения относительно критериев оценки поведения сторон[21].

В частности, Верховный Суд РФ указал, что отказ потребителя предоставить товар для проверки качества по указанному продавцом адресу в другом городе, а не по месту его приобретения, не может автоматически квалифицироваться как злоупотребление правом. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 49-КГ24-6-К6 высшая судебная инстанция отменила судебные акты нижестоящих инстанций, указав, что гарантируя право продавца провести проверку качества и экспертизу товара, законодатель не установил порядок предоставления товара потребителем, а при отсутствии соглашения сторон о месте исполнения договора применяются правила ст. 316 ГК РФ[22]. Данная позиция имеет принципиальное значение для баланса интересов: с одной стороны, она защищает потребителя от необоснованного обременения, с другой – не отменяет обязанность потребителя содействовать проверке качества товара.

Вместе с тем суды признают недобросовестным поведение потребителя, уклоняющегося от передачи товара для проверки качества без объективных причин. В определении Верховного Суда РФ от 6 апреля 2021 г. № 8-КГ21-1-К2, неоднократно подтверждённом в последующей практике, установлено, что непредоставление товара, несмотря на неоднократные приглашения продавца расценивается как злоупотребление правом и может служить основанием для отказа во взыскании неустойки и потребительского штрафа. Данная правовая позиция приобретает особую актуальность в свете внесённых Федеральным законом от 28 декабря 2025 г. № 500-ФЗ изменений, прямо закрепивших освобождение продавца от штрафа при вине потребителя.

Важным элементом конкретизации критериев добросовестности продавца выступает подход Верховного Суда РФ к оценке действий продавца при выборе контрагентов. В п. 11 Обзора судебной практики по делам о защите прав потребителей, утверждённого Президиумом Верховного Суда РФ 23 октября 2024 г., содержится разъяснение, что потребительский штраф не подлежит снижению по ст. 333 ГК РФ, поскольку представляет собой сверхкомпенсационную меру ответственности, цель которой — не обогащение потребителя, а стимулирование добросовестного исполнения обязательств на досудебной стадии[23]. При этом в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 февраля 2025 г. № 74-КГ24-6-К9 Верховный Суд подчеркнул, что потребительский штраф является формой предусмотренной законом неустойки, применяемой дополнительно к мерам по возмещению имущественных потерь[24].

Таким образом, судебная практика формирует систему «сдержек и противовесов», позволяющую дифференцированно подходить к оценке поведения каждой из сторон. Однако для обеспечения единообразия правоприменения представляется необходимым дальнейшее развитие позиций Верховного Суда РФ в виде специализированных разъяснений, содержащих исчерпывающий перечень признаков недобросовестности потребителя и критериев добросовестности продавца при выборе контрагентов.

Аналогичная проблема возникает и в отношении оценки добросовестности продавца при выборе контрагентов, поскольку действующее регулирование не содержит исчерпывающих требований к процедурам проверки их надёжности.

В целях устранения указанной проблемы представляется целесообразным формирование комплексного механизма правовой конкретизации соответствующих оценочных категорий. Такой механизм может включать несколько взаимосвязанных элементов. Во-первых, на уровне законодательства или подзаконных актов целесообразно закрепить ориентировочный перечень критериев, свидетельствующих о добросовестности поведения продавца, включая документально подтверждённую проверку контрагента (наличие регистрации, деловой репутации, отсутствия сведений о недобросовестности), а также соблюдение стандартов внутреннего контроля. Во-вторых, необходимо разработать типовые модели поведения потребителя, которые могут квалифицироваться как злоупотребление правом, с указанием соответствующих правовых последствий. В-третьих, важную роль должно сыграть развитие разъяснений Верховного Суда Рос-

[21] Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.10.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 12. С. 15-28.

[22] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 49-КГ24-6-К6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 10. С. 42.

[23] Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.10.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 12. С. 22.

[24] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.02.2025 № 74-КГ24-6-К9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 4. С. 35.

сийской Федерации, в которых следует систематизировать подходы к оценке поведения сторон и обеспечить единообразие судебной практики. Доктринальные исследования подтверждают необходимость комплексного подхода к балансу интересов в цифровой торговле. А.Н. Левушкин справедливо отмечает, что при равных правах всех участников дистанционной торговли выделяется потребитель как наиболее уязвимое звено, однако реализация интересов всех сторон возможна лишь при сохранении разумного компромисса между ними[25]. В-четвёртых, представляется оправданным внедрение обязательного досудебного взаимодействия сторон с фиксацией всех действий в электронной форме (например, через государственные или коммерческие цифровые платформы), что позволит объективно установить обстоятельства исполнения обязательств и снизить уровень споров. Наконец, дополнительным элементом может стать развитие механизмов альтернативного разрешения споров, включая медиацию, с установлением процессуальных стимулов для сторон к её использованию. Реализация указанного механизма позволит не только повысить правовую определённость, но и обеспечить более эффективное достижение баланса интересов сторон в договоре розничной купли-продажи.

Таким образом, современное законодательство о защите прав потребителей демонстрирует устойчивую тенденцию к формированию более взвешенной и дифференцированной модели правового регулирования, направленной на достижение разумного компромисса между интересами сторон договора розничной купли-продажи. Данный компромисс выражается в постепенном отходе от исключительно пропотребительского подхода и переходе к учёту взаимной ответственности сторон, что соответствует базовым принципам гражданского права, включая принципы справедливости, добросовестности и соразмерности гражданско-правовой ответственности. Введённые законодательные новеллы свидетельствуют о стремлении законодателя не только усилить защиту прав потребителей в наиболее уязвимых сферах, связанных с информационным неравенством и навязыванием услуг, но и одновременно ограничить возможности злоупотребления правом, формируя тем самым более устойчивую и предсказуемую правовую среду.

Представляется, что дальнейшее развитие законодательства в данной сфере должно осуществляться по пути углубления дифференциации правового регулирования с учётом специфики различных форм торговли, прежде всего дистанционной и электронной, где риски нарушения баланса интересов наиболее высоки. Особое значение приобретает разработка чётких критериев оценки поведения сторон, включая нормативное и судебное закрепление признаков добросовестности продавца и недобросовестности потребителя, что позволит повысить уровень правовой определённости и обеспечить единообразие правоприменительной практики. Наряду с этим важным направлением является развитие механизмов альтернативного разрешения споров, включая медиацию и иные формы досудебного урегулирования, что позволит снизить нагрузку на судебную систему и сократить сроки восстановления нарушенных прав.

Исследования в сфере электронной коммерции указывают на несоответствие текущей модели регулирования реальному положению агрегаторов на рынке. Д.В. Змиевский и В.А. Медведев обоснованно подчёркивают, что взаимодействие потребителя одновременно с продавцом, агрегатором, службой доставки и платёжным сервисом значительно усложняет реализацию его прав, что требует корректировки правовых механизмов[26].

Дополнительно следует отметить необходимость совершенствования цифровых инструментов защиты прав потребителей, включая создание единых платформ для фиксации взаимодействия сторон, подачи претензий и отслеживания их рассмотрения. Это позволит повысить прозрачность правоотношений и минимизировать конфликтные ситуации. Не менее важным является формирование правовой культуры участников гражданского оборота, предполагающей добросовестное поведение как со стороны предпринимателей, так и со стороны потребителей, что в долгосрочной перспективе способно существенно снизить уровень правовых споров.

В конечном итоге эффективность правового регулирования в сфере розничной купли-продажи будет определяться не только качеством законодательных норм, но и степенью их согласованности с судебной практикой, уровнем правосознания субъектов и наличием действенных механизмов реализации и защиты прав. В этом контексте дальнейшее совершенствование законодательства должно носить комплексный и системный характер, обеспечивая устойчивое равновесие интересов сторон и стабильность гражданского оборота.

Библиографический список

1. Защита прав потребителей: в поисках оптимальной модели: монография (Багрянская П.Д., Дьяконова М.О., Кабытов П.П. и др.; отв. ред. д.ю.н. С.А. Синицын, к.ю.н. М.Л. Шелютто). – М., 2021. – 268 с.

2. Змиевский Д.В., Медведев В.А. Некоторые проблемы защиты прав потребителей в электронной торговле // Право и практика. – 2025. – № 2. – С. 191-195.

3. Левушкин А. Н. Обеспечение баланса интересов участников цифрового торгового оборота // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2024. – № 8 (120). – С. 158-165.

[25] Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов участников цифрового торгового оборота // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2024. № 8 (120). С. 164.

[26] Змиевский Д.В., Медведев В.А. Некоторые проблемы защиты прав потребителей в электронной торговли // Право и практика. 2025. № 2. С. 195.

4. Сергеева О.В. Защита слабой стороны в условиях цифровизации договорных отношений. // Журнал российского права. – № 6. – 2024. – С. 37-52.
5. Стародубова Е.Ю. Актуальные проблемные аспекты защиты прав потребителей при продаже товаров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 9-5. – С. 215-221.

Рецензент: Залавская О.М., доцент кафедры частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

ТОМИНА АЛИНА ПАВЛОВНА
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская д.50, oAPTomina@msal.ru

ФАЙЗУРАХМАНОВ АРТУР РИНАТОВИЧ
студент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская д.50, s2003226@edu.msal.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

TOMINA ALINA PAVLOVNA
Candidate of Law, Associate Professor, Acting Head of the Department of Private Law Sciences, Orenburg Institute (branch) of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 460000, Orenburg, st. Komsomolskaya St., 50, oAPTomina@msal.ru

FAIZURAKHMANOV ARTUR RINATOVICH
Student of Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская д.50, s2003226@edu.msal.ru

DIGITALIZATION IN CIVIL PROCEDURE

Аннотация. *Раскрываются правовые и процессуальные аспекты внедрения цифровых технологий в гражданское судопроизводство и оценивается их влияние на эффективность и доступность правосудия.*

Рассматриваются общественные отношения, складывающиеся в условиях цифровой трансформации судебной деятельности, а также нормы гражданского процессуального законодательства, регулирующие использование электронных документов, информационных систем и видеоконференц-связи. Анализируются судебная практика и научные подходы к цифровому правосудию.

Делается вывод о положительном влиянии цифровизации на оперативность и прозрачность судопроизводства при сохранении необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования и правоприменения.

Ключевые слова: *цифровизация, гражданский процесс, электронное правосудие, судебные информационные системы, видеоконференц-связь, электронный документ*

Abstract. *The article reveals the legal and procedural aspects of the introduction of digital technologies in civil proceedings and assesses their impact on the efficiency and accessibility of justice.*

The article examines the social relations that arise in the context of the digital transformation of judicial activities, as well as the norms of civil procedural legislation that regulate the use of electronic documents, information systems, and video conferencing. The article also analyzes judicial practice and scientific approaches to digital justice.

The article concludes that digitalization has a positive impact on the efficiency and transparency of legal proceedings, while the need for further improvement of legal regulation and law enforcement remains.

Keywords: *digitalization, civil procedure, electronic justice, judicial information systems, video conferencing, electronic document*

Термин «цифровизация» сравнительно недавно вошёл в юридический оборот, и потому до сих пор сохраняет определённую смысловую неопределённость. В правовой науке он нередко используется как универсальное обозначение любых изменений, связанных с применением информационных технологий. При таком подходе цифровизация легко смешивается с информатизацией или автоматизацией, что, на мой взгляд, несколько упрощает картину и не позволяет уловить сущностные особенности происходящих процессов.

Информатизация традиционно понимается как внедрение информационных систем для сбора, хранения и передачи данных. Автоматизация, в свою очередь, направлена на замену или упрощение отдельных действий человека с помощью технических средств. Цифровизация же представляет собой более сложное и многоуровневое явление. Она затрагивает не только техническую сторону деятельности, но и способы правового регулирования, организацию процессуальных действий, а иногда и само понимание процессуальной формы. В этом смысле цифровизация не сводится к использованию компьютеров или электронных сервисов, хотя внешне может выглядеть именно так.

Применительно к гражданскому судопроизводству цифровизация проявляется прежде всего в изменении традиционных форм взаимодействия суда

и участников процесса. Электронная подача процессуальных документов, использование электронных доказательств, дистанционное участие в судебных заседаниях постепенно становятся не исключением, а элементом обычной процессуальной практики. При этом важно подчеркнуть, что речь идёт не просто о новом способе передачи информации, а о трансформации процессуальных механизмов, ранее основанных на личном присутствии, письменных носителях и строго формализованных процедурах[1].

В результате цифровые технологии начинают выступать фактором трансформации самой процессуальной формы. Меняется восприятие времени и пространства в процессе, пересматриваются требования к фиксации процессуальных действий, по-новому ставится вопрос о доказательствах и их допустимости. При этом далеко не всегда ясно, где проходит граница между допустимым развитием процессуальной формы и её размыванием. Возможно, именно в этой неопределённости и заключается ключевая особенность цифровизации гражданского судопроизводства, требующая дальнейшего научного осмысления.

Цифровизация гражданского судопроизводства неизбежно затрагивает его основные принципы, хотя влияние это далеко не всегда носит прямой и однозначный характер. Скорее речь идёт о постепенном смещении акцентов, которое не сразу бросается в глаза, но со временем начинает менять привычную логику процессуальных институтов. Именно поэтому анализ принципов в условиях цифровизации требует особой осторожности и, пожалуй, некоторого недоверия к слишком оптимистичным оценкам.

Одним из наиболее часто упоминаемых является принцип доступности правосудия. Цифровые технологии действительно способны упростить обращение в суд, сократить расстояние между судом и участником процесса, снизить временные издержки. Электронная подача документов и дистанционное участие в судебных заседаниях в этом смысле выглядят как очевидное благо. Однако доступность в цифровой среде приобретает новое измерение. Она начинает зависеть не только от правовых условий, но и от технической оснащённости, уровня цифровой грамотности, стабильности работы информационных систем. В результате формальное расширение доступа может сопровождаться фактическим его сужением для отдельных категорий лиц[2].

Не менее чувствительным оказывается воздействие цифровизации на принцип состязательности и равноправия сторон. Использование цифровых платформ предполагает определённый стандарт поведения участников процесса, который не всегда одинаково достижим для всех. Сторона, обладающая лучшими техническими возможностями и навыками, получает пусть и не закреплённое в законе, но реальное процессуальное преимущество. В таких условиях равноправие сторон начинает зависеть не только от процессуальных норм, но и от внешних по отношению к праву факторов, что вызывает вполне обоснованные вопросы.

Наконец, проблема цифрового неравенства напрямую связана с реализацией права на судебную защиту. Цифровизация, задуманная как инструмент повышения эффективности, в определённых условиях способна создавать новые барьеры для реализации процессуальных прав. В этом смысле защита прав участников гражданского судопроизводства требует не только развития технологий, но и осмысления их пределов. Принципы гражданского процесса, по всей видимости, не исчезают в цифровой среде, но начинают работать иначе, что и предопределяет необходимость их дальнейшего научного анализа.

Нормативное регулирование цифровизации гражданского судопроизводства в российском праве носит поэтапный и, в известной мере, фрагментарный характер. В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации отсутствует единая концепция электронного правосудия, однако в последние годы в него были включены нормы, регулирующие отдельные элементы цифрового процесса. В результате складывается мозаичная модель правового регулирования, в которой традиционные процессуальные институты постепенно «обрастают» цифровыми компонентами.

Одним из ключевых направлений такого регулирования является использование электронных документов и электронной подписи. Законодатель признаёт электронные документы равнозначными документам на бумажном носителе при условии соблюдения установленных требований к их оформлению и удостоверению. Формально это решение выглядит логичным и необходимым, однако на практике оно порождает целый ряд вопросов, связанных с проверкой подлинности электронных документов, оценкой их доказательственной силы и возможностью оспаривания. Здесь нередко проявляется разрыв между нормативной конструкцией и реальными процессуальными потребностями[3].

Особое место занимает регулирование подачи процессуальных документов в электронном виде. С одной стороны, электронная форма обращения в суд существенно упрощает процессуальное взаимодействие и способствует процессуальной экономии. С другой стороны, использование электронных сервисов нередко сопровождается техническими сбоями, ограничениями доступа и неоднородной судебной практикой. При этом процессуальные последствия таких сбоев далеко не всегда прямо урегулированы законом, что создаёт зону неопределённости для участников процесса и, в конечном счёте, для суда.

Отдельного внимания заслуживает нормативное закрепление онлайн-заседаний и использования си-

[1] Ярков В.В. Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия по гражданским делам. Москва: Статут, 2022. 334 с.

[2] Лаптев В.А., Соловяненко Н.И. Цифровое правосудие. Цифровой документ: монография. Москва: Проспект. 2021. С. 12.

[3] Русакова Е.П., Гроник И.А., Купчина Е.В. Цифровое правосудие в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Москва: РУДН, 2022. 173 с.

стем видеоконференцсвязи. Эти формы участия в судебном разбирательстве получили особенно активное развитие в последние годы и во многом изменили представление о пространственных границах процесса. Вместе с тем действующее регулирование зачастую ориентировано на экстраординарное применение дистанционных форм и не всегда учитывает их превращение в относительно устойчивый элемент процессуальной практики. Возникает ощущение, что законодатель пока догоняет фактическое развитие технологий, а не задаёт его направление.

В целом нормативное регулирование цифровых технологий в гражданском процессе демонстрирует стремление адаптировать традиционные процессуальные конструкции к новым условиям. Однако отсутствие системного подхода и чётких критериев оценки цифровых процедур осложняет их применение и оставляет открытым вопрос о пределах допустимой трансформации гражданского судопроизводства в цифровой среде.

Практическая реализация цифровизации гражданского судопроизводства в значительной степени зависит не столько от содержания процессуальных норм, сколько от состояния судебных информационных систем и цифровой инфраструктуры в целом. Центральное место в этой системе занимает государственная автоматизированная система «Правосудие», которая выступает основным инструментом электронного взаимодействия между судами и участниками процесса. Формально она предназначена для обеспечения открытости судебной деятельности и упрощения процессуальных процедур, однако фактические возможности системы далеко не всегда совпадают с возлагаемыми на неё ожиданиями.

Использование ГАС «Правосудие» и иных цифровых платформ позволяет подавать процессуальные документы в электронном виде, получать информацию о движении дела, знакомиться с судебными актами. Вместе с тем функциональность таких систем нередко оказывается ограниченной, а их работа — нестабильной. Для участников процесса это выражается в сложности навигации, технических сбоях, различиях в доступе к отдельным сервисам в зависимости от конкретного суда. В результате цифровая форма взаимодействия, призванная упростить процесс, иногда сама становится источником дополнительных затруднений[4].

Отдельной проблемой является интеграция судов с иными государственными информационными системами. Идея межведомственного электронного взаимодействия выглядит вполне обоснованной и перспективной, однако на практике она сталкивается с техническими и организационными барьерами. Неоднородность используемых платформ, различия в форматах данных и требованиях к безопасности информации затрудняют полноценный обмен сведениями. В таких условиях суды зачастую вынуждены дублировать действия, сочетая цифровые и традиционные формы работы, что снижает общий эффект цифровизации.

В целом состояние судебной цифровой инфраструктуры позволяет говорить о наличии объективных технических и организационных ограничений цифровизации гражданского процесса. Их учёт представляется необходимым условием для последующего анализа судебной практики и процессуальных рисков, связанных с использованием цифровых технологий, что и предопределяет переход к следующему разделу исследования.

Судебная практика применения цифровых технологий в гражданском судопроизводстве развивается неравномерно и во многом отражает те противоречия, которые были заложены на нормативном и организационном уровнях. Несмотря на формальное закрепление электронных процедур, их фактическое использование судами и участниками процесса остаётся неоднородным и зависит от конкретного суда, категории дела и даже позиции судьи. В результате складывается ситуация, при которой одни и те же процессуальные возможности реализуются по-разному.

По итогу судебная практика применения цифровых технологий пока не образует целостной и устойчивой системы. Она скорее представляет собой совокупность разрозненных решений, в которых суды пытаются адаптировать традиционные процессуальные подходы к новым техническим условиям. Именно эта противоречивость и служит отправной точкой для анализа процессуальных рисков, связанных с цифровизацией гражданского судопроизводства.

Использование цифровых технологий в гражданском судопроизводстве неизбежно сопровождается возникновением новых процессуальных рисков, которые прямо затрагивают реализацию права на судебную защиту. При традиционной форме процесса большинство гарантий вырабатывались десятилетиями и воспринимаются как само собой разумеющиеся. В цифровой среде эти гарантии нередко требуют переосмысления, поскольку привычные механизмы защиты прав участников процесса начинают работать иначе, а иногда и вовсе дают сбой[5].

Одним из ключевых рисков является возможность фактического ограничения доступа к суду. Технические неисправности, сбои в работе информационных систем, невозможность своевременно направить процессуальный документ в электронной форме могут привести к пропуску процессуальных сроков и, как следствие, к утрате права на судебную защиту. При этом действующее процессуальное законодательство не всегда содержит чёткие ориентиры для оценки таких ситуаций. Суд оказывается перед необходимостью самостоятельно решать, где проходит граница между объективными техническими препятствиями и недобросовестным поведением участника процесса.

[4] Бурдина Е.В., Зуева С.В. Электронное правосудие: монография. Москва: РГУП, 2021. 327 с.
[5] Лукашин А.А. К вопросу о целесообразности онлайн-коммуникации суда с экспертом // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2023. № 10(110). С. 200.

Существенное значение приобретает и проблема конфиденциальности информации и защиты персональных данных. Гражданское судопроизводство по своей природе связано с рассмотрением споров, затрагивающих частную жизнь, имущественные и семейные отношения. Перевод значительной части процессуальных действий в цифровую форму повышает риск несанкционированного доступа к информации, её утраты или искажения. Формальные меры информационной безопасности не всегда способны полностью нивелировать эти риски, что ставит под вопрос достаточность существующих гарантий.

В условиях цифровизации возрастает значение гарантий, обеспечивающих баланс между эффективностью судопроизводства и защитой прав участников процесса. Представляется, что минимизация процессуальных рисков невозможна исключительно за счёт технологических решений. Она требует совершенствования нормативного регулирования и выработки единых процессуальных подходов, что логично подводит к необходимости обсуждения перспектив дальнейшего развития цифрового гражданского судопроизводства.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровизация гражданского судопроизводства представляет собой не частное техническое нововведение, а комплексный процесс, затрагивающий основы процессуальной формы и реализацию ключевых принципов гражданского процесса. Рассмотрение теоретико-правовых аспектов цифровизации показало, что она не сводится к информатизации или автоматизации отдельных процессуальных действий, а выступает фактором более глубокой трансформации процессуальных механизмов и способов взаимодействия суда и участников процесса.

Анализ нормативного регулирования и институциональной основы цифровизации свидетельствует о стремлении законодателя адаптировать гражданское процессуальное право к новым технологическим условиям. Вместе с тем выявлена фрагментарность правового регулирования и отсутствие целостной концепции электронного правосудия, что затрудняет единообразное применение цифровых процедур. Судебные информационные системы и цифровая инфраструктура, будучи необходимым условием цифровизации, на практике сталкиваются с техническими и организационными ограничениями, которые существенно влияют на эффективность реализации процессуальных норм.

Научная значимость работы состоит в комплексном рассмотрении цифровизации как фактора трансформации гражданского процесса, а практическая – в возможности использования полученных выводов при совершенствовании процессуального законодательства и судебной практики. Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются разработка системного подхода к регулированию цифровых процедур, а также анализ допустимых пределов использования цифровых технологий с учётом необходимости сохранения фундаментальных процессуальных гарантий.

Библиографический список

1. Бурдина Е.В., Зуева С.В. Электронное правосудие: монография. – Москва: РГУП, 2021. – 327 с.

2. Лаптев В.А., Соловяненко Н.И. Цифровое правосудие. Цифровой документ: монография. – Москва: Проспект, 2021. – 256 с.

3. Лукашин А.А. К вопросу о целесообразности онлайн-коммуникации суда с экспертом // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. – 2023. – № 10(110). – С. 200-206.

4. Русакова Е.П., Гроник И.А., Купчина Е.В. Цифровое правосудие в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. – Москва: РУДН, 2022. – 173 с.

5. Ярков В.В. Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия по гражданским делам. – Москва: Статут, 2022. – 334 с.

Рецензент: Ефимцева Т.В., профессор кафедры предпринимательского и трудового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент.

ТОМИНА АЛИНА ПАВЛОВНА
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, oAPTomina@msal.ru

ЯНЕВА РИММА РУСТАМОВНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, oRRYaneva@msal.ru

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРИНЦИПОВ ДИСПОЗИТИВНОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ

TOMINA ALINA PAVLOVNA
PHD in Law, associate professor, head of chair of civil law and process of Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, oAPTomina@msal.ru

YANEVA RIMMA RUSTAMOVNA
PHD in Law, associate professor of chair of civil law and process of Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, oRRYaneva@msal.ru

ON THE CORRELATION OF THE PRINCIPLES OF DISPOSITIVENESS AND JUSTICE IN RUSSIAN CIVIL PROCEDURE LAW

Аннотация. *В статье исследуется соотношение принципов диспозитивности и справедливости в гражданском процессуальном праве Российской Федерации. Авторы приходят к выводу, что классическое понимание диспозитивности как «двигателя процесса» отчасти вступает в противоречие с публично-правовой обязанностью суда по обеспечению справедливого правосудия. На основе анализа доктрины, процессуального законодательства и судебной практики обосновывается концепция «управляемой диспозитивности», при которой свобода распорядительных действий сторон ограничена судейским усмотрением, направленным на обеспечение реализации права сторон на справедливое судебное разбирательство. Особое внимание авторов уделено судебному контролю за распорядительными действиями сторон, распределению судебных расходов как факторам, препятствующим злоупотреблением процессуальными правами, и роли принципа estoppel в российской процессуальной доктрине.*

Ключевые слова: *диспозитивность, справедливость, принцип, злоупотребление процессуальными правами, распорядительные действия сторон.*

Review. *The article examines the relationship between the principles of disposability and fairness in the civil procedural law of the Russian Federation. The authors conclude that the classical understanding of disposability as the «engine of the process» is partly in conflict with the court's public law obligation to ensure fair justice. Based on an analysis of the doctrine, procedural legislation, and judicial practice, the authors propose the concept of «controlled disposability,» where the freedom of the parties' discretionary actions is limited by the court's discretion aimed at ensuring the parties' right to a fair trial. The authors pay special attention to judicial control over the parties' executive actions, the distribution of legal expenses as factors preventing the abuse of procedural rights, and the role of the estoppel principle in Russian procedural doctrine.*

Keywords: *disposition, fairness, principle, abuse of procedural rights, and the parties' executive actions.*

Реформа гражданского судопроизводства России в последние десятилетия демонстрирует устойчивую тенденцию к усилению его публичных начал, что выражается в повышении активной роли суда при осуществлении правосудия. В связи с этим все чаще возникает научная дилемма: как соотносятся право стороны на автономию воли и на справедливое судебное разбирательство, особенно в случаях, когда действия одной из них является злоупотреблением процессуальными правами, создающими дисбаланс процессуальных возможностей?

Цель настоящего исследования заключается в выявлении точек соприкосновения принципов диспозитивности и справедливости, их общих знаменателей и противоречий, а также определении пределов вмешательства суда в распорядительную деятельность сторон в российском гражданском процессе.

Прежде всего, необходимо отметить, что принцип диспозитивности является одним из специфических начал гражданского процесса: оно пронизывает его от возбуждения конкретного гражданского дела вплоть до окончания исполнительного производства. В доктрине не сложилось единого мнения относительно понятия и сущности принципа диспозитивности, субъектов процесса, на которых распространяется его действие, характера его проявления в отдельных производствах, т.е. практически по всем основным аспектам проблемы. Представляется, что различие точек зрения относительно понимания принципа диспозитивности связано, в том числе, с изменениями в российском процессуальном законодательстве, обусловленными направлениями государственной политики в области регулирования гражданских материальных правоотношений. В частности Т.М. Яблочков указывал, что в начале XX века господствовала доктрина, согласно которой диспозитивность понималась как «...как такой строй процесса, при коем «хозяевами» процессуального материала – «требований, утверждение (фактов), доказательств» являются стороны»[1].

Позже В.А. Рязановский, оспаривая теорию Карла-Фрейхера Канштейна, утверждал, что «нельзя рассматривать принцип диспозитивности как безусловное и непреложное начало процесса, вытекающее из сущности гражданских прав, не допускающее отступлений без воли заинтересованных сторон». В своих трудах ученый неоднократно указывал на заинтересованность государства в организации процесса – «обладателю субъективного гражданского права принадлежит автономия в распоряжении своим правом до процесса, но если он обратился к суду, то и должен считаться с организацией процесса, созданной государством не только в его личных интересах, а прежде всего в интересах целого, в интересах всего государства. А интересы целого требуют, чтобы процесс служил к охране правопорядка, целям раскрытия материальной истины».

Таким образом, В.А. Рязановский отстаивал концепцию, предполагающую допустимость ограничений в распоряжении как объектом процесса, так и средствами процессуальной защиты. Аргументируя свою позицию необходимостью установления объективной истины, ученый полагал, что такие диспозитивные действия, как отказ от иска, его признание или заключение мирового соглашения, не должны рассматриваться в качестве безусловных проявлений воли сторон в гражданском судопроизводстве[2].

После введения в действие ГПК РСФСР 1964 г. появилось еще большее количество научных работ, посвященных принципу диспозитивности, так как отсутствовала единая норма, где было бы сформулировано содержание рассматриваемого начала. Тем не менее, в научной литературе того периода также обращалось внимание на производность принципа диспозитивности от сущности гражданских правоотношений. В большинстве случаев авторы определяли принцип диспозитивности как право или свободу сторон распоряжаться своими материальными и процессуальными правами при активной помощи суда, прокуратуры и компетентных органов государственного управления, а также в сочетании с контролем суда за распорядительными действиями сторон. Так, И.А. Евдотьева указывала, что «именно взаимодействие инициативы заинтересованных лиц с контролирующей деятельностью суда в процессе придает принципу диспозитивности качественную определенность, известные границы функционирования, подчеркивает специфические для данной отрасли права черты метода правового регулирования». По мнению автора для лиц, участвующих в деле, важно не движение процесса само по себе, как простой переход из стадии в стадию, а только движение, от которого зависит реализация их прав и охраняемых законом интересов, поэтому усматривать сущность принципа диспозитивности не в распоряжении материальными и процессуальными правами, а в том, что он является двигателем процесса – значит подменять сущность данного принципа его функциональной ролью[3].

Однако А.Т. Боннер указывал на ряд недостатков данных суждений. Прежде всего, в вышеприведенном определении из числа субъектов процесса, на которых распространяется данный принцип, исключаются третьи лица. По мнению ученого, в традиционном определении принципа диспозитивности следовало бы отразить, что «свободой» распоряжаться материальными и процессуальными правами в соответствующих пределах обладают не только стороны, но и третьи лица. Во – вторых, Александр Тимофеевич считал не вполне удачным включение в определение принципа диспозитивности формулы «право распоряжаться правами», так как трудно представить ситуацию, когда нельзя было бы распорядиться или реализовать имеющееся у субъекта полномочие. Также данное положение не позволяло четко разграничить сферы действия принципов диспозитивности и состязательности[4]. По мнению ученого, для того, чтобы сформулировать определение принципа диспозитивности, необходимо разобраться в соотношении инициативы и активности заинтересованных в исхо-

[1] См.: Гражданский процесс: хрестоматия: учебное пособие / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет; [автор-составитель: В. В. Аргунов и др.]; под редакцией М.К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Городец, 2005. С. 190.

[2] См.: Рязановский В.А. Единство процесса. М.: Городец, 1996. С. 56.

[3] См.: Евдотьева И.А. Принципы диспозитивности и состязательности советского гражданского процессуального права. Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 7-9.

[4] См.: Боннер А.Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права. М., 1987. С. 36-38.

де дела лиц, с одной стороны, и прокурора, органов государственного управления и суда, с другой. В течение многих лет в юридической литературе специфика советского принципа диспозитивности объяснялась активной ролью в процессе прокурора, органов государственного управления, а также самого суда. Однако В.М. Семенов утверждал, что в сферу действия данного принципа необходимо включить лишь «свободу участвующих в деле лиц распоряжаться материальными и процессуальными правами, активно влиять на ход процесса в целях должной защиты судом прав заинтересованных лиц». Что же касается роли суда в гражданском судопроизводстве, то ученый предлагал выделять самостоятельный принцип активности суда[5].

С точки зрения В.Н. Бояринцева мысль о выделении активности суда из состава принципа диспозитивности имеет под собой глубокие основания, заслуживает пристального внимания. Автор указывает, что действительно, суд обладает властными полномочиями при производстве по делу. Он контролирует и направляет деятельность всех участников процесса с тем, чтобы она способствовала установлению истины по делу, а распорядительные действия по поводу спорного материального права были законными и не нарушали прав других лиц. Однако активность суда – это элемент реализации ряда принципов процесса: состязательности, объективной истины, законности и др. Но в большей степени, по мнению ученого, эта активность суда, его контрольные функции выражают проявление в гражданском процессе иного начала, а именно – начала публичности[6].

С доводами В.М. Семенова в основном соглашались Р.Е. Гукасян и М.А. Гурвич. Однако Марк Аркадьевич отметил известное преувеличение ученым действительной роли активности суда в процессе. Рафаэль Егишевич, соглашаясь в целом с постановкой вопроса о необходимости выделения активности государства в лице соответствующих компетентных органов в качестве самостоятельного руководящего начала гражданского процесса, именует его несколько по-иному. Ученый называл его принципом активной помощи в защите права со стороны государства в лице суда, прокуратуры и иных компетентных органов или государственным и общественным содействием в судебной защите. Последнее, по мнению М.А. Гурвича, выражается в инициативе (активности) суда, судебной деятельности прокуратуры, а также других государственных и общественных организаций и отдельных граждан. В свою очередь, В.М. Семенов утверждал, что принцип диспозитивности «заключается в возможности участвующих в деле лиц распоряжаться с помощью и под контролем суда своими материальными правами и процессуальными средствами их защиты в целях реальности и полноты осуществления»[7].

Таким образом, в советской юридической литературе концепция В.М. Семенова встречала как поддержку со стороны отдельных ученых, так и критические замечания, однако большинство процессуалистов придерживалось на этот счет традиционных воззрений. Активность суда рассматривалась важнейшим составным компонентом советского принципа диспозитивности. Под принципом диспозитивности гражданского процессуального права предлагалось понимать нормативно-руководящее положение гражданского судопроизводства, определяющее движущее начало и механизм движения процесса: «...инициатива заинтересованных лиц составляет главное содержание принципа диспозитивности, а инициативу суда, прокуратуры и органов государственного управления скорее следует рассматривать как дополнение советского принципа диспозитивности»[8].

Достаточно долгое время в советской науке господствовала точка зрения, согласно которой принцип диспозитивности определялся как правило, в силу которого возникновение процесса и дальнейшее его движение зависели от волеизъявлений лиц, обращающихся за судебной защитой своего права или охраняемого законом интереса. Эта активность, начало личной инициативы в использовании и осуществлении и защите были характерны для гражданских прав, отличающихся известной автономией. Данный взгляд был подвергнут критике Р.Е. Гукасяном, который утверждал, что материальная заинтересованность лица, обращающегося за судебной защитой, не всегда связана с распоряжением в области гражданского материального права, например, в делах особого производства, в стадиях кассационного обжалования и пересмотра постановлений суда по вновь открывшимся обстоятельствам. Ввиду этого ученый соглашался с позицией Н.Б. Зейдера, полагавшего, что принцип диспозитивности не может быть выведен из автономного характера гражданских прав. Материальная заинтересованность лица в гражданском процессе может иметь не только гражданско-правовую основу и даже необязательно притязание к ответчику, отмечал ученый[9].

Однако с точки зрения В.Ф. Тараненко исключение из принципа диспозитивности возможности свободно распоряжаться спорным материальным правом разрывает его связь и преемственность с гражданским правом, а во многих случаях – распоряжение процессуальным правом означает одновременно и распоряжение самим предметом спора, т.е. спорным субъективным правом. В его понимании диспозитивность означает, прежде всего, что предоставляемые в силу этого принципа права должны использоваться в

[5] См.: Там же. С. 39.

[6] Бояринцев В.Н. Соотношение публичности и диспозитивности в советском судебном праве. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 1987. С. 11.

[7] Боннер А.Т. Указ. соч. С. 43.

[8] Боннер А.Т. Указ. соч. С. 44.

[9] См.: Ярошенко Т.В. Принцип диспозитивности в гражданском процессе как продолжение диспозитивных начал в гражданском материальном праве// Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2006. № 9. С. 24-30.

точном соответствии с их действительным назначением. Схожей точки зрения придерживались также А.А. Мельников, И.А. Евдотьева, В.Н. Бояринцев и др.[10].

С принятием и введением в действие ГПК РФ 2002 года содержание принципа диспозитивности гражданского процесса изменилось, хотя отдельной нормы, его закрепляющей, так и не появилось. Принцип диспозитивности рассматривался в качестве движущего начала, в соответствии с которым гражданские дела возникают, изменяются, переходят из стадии в стадию и прекращаются, главным образом, в соответствии с инициативой лиц, заинтересованных в защите своих прав, свобод и интересов. В частности, был существенно уточнен (ограничен) круг субъектов, наделенных такого рода полномочиями. Из числа лиц, участвующих в деле, исключено прямое упоминание о полумифических фигурах, которые якобы могли вести дела в чужих интересах, однако же на практике делали это крайне редко (профсоюзы, государственные предприятия, и т.п.). Также статья 45 ГПК РФ приведена в соответствие с действующей редакцией Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», в результате чего прокурор был наделен правом обратиться в суд с иском в защиту прав, свобод и охраняемых законом интересов граждан по их просьбе.

Во-вторых, был изменен порядок замены ненадлежащего ответчика. Так, согласно ч. 3 ст. 36 ГПК РСФСР если истец не согласен на замену ответчика другим лицом, суд мог привлечь это лицо в качестве второго ответчика. Буквальное применение этой нормы без ее систематического и логического толкования с иными положениями кодекса порой приводило к довольно серьезным процессуальным коллизиям. Ныне в ст. 41 ГПК РФ закреплено, что замена ненадлежащего ответчика допускается только с согласия истца.

В-третьих, в ст. 54 ГПК РФ в свете принципа диспозитивности законодателем был уточнен круг процессуальных действий, на совершение которых представитель должен иметь специальное полномочие. Отсутствие об этом прямого указания в ст. 46 ГПК РСФСР порой создавало сложности в судебной практике.

В-четвертых, если в ГПК РСФСР существовала фактически не работающая норма, в соответствии с которой суд мог выйти за пределы заявленных истцом требований в случае признания этого необходимым для защиты его прав и охраняемых законом интересов, а также в иных, предусмотренных законом, то в ч. 3 ст. 196 ГПК РФ появилось правило, в соответствии с которым суд может выйти за пределы заявленных требований в случаях, предусмотренных законом.

М.К. Треушников отмечал, что диспозитивность – это право или возможность участвующих в деле лиц и в известных пределах под контролем суда распоряжаться своими процессуальными и материальными правами, а также средствами их защиты. Однако по мнению А.Т. Боннера, такая интерпретация не дает возможности четко разграничить сферы действия принципов диспозитивности и состязательности, так как под формулировку «возможность участвующих в деле лиц свободно распоряжаться своими процессуальными и материальными правами, а так же средствами их защиты» вполне укладываются полномочия, не только связанные с возникновением, изменением и прекращением процесса (принцип диспозитивности), но и с формированием и исследованием доказательственного материала, а равно вытекающие из состязательной фор мы процесса (принцип состязательности). Включение в определение принципа диспозитивности формулы «возможность лиц, участвующих в деле, свободно распоряжаться своими правами» вызывала возражение и по другим соображениям. Ситуация, когда лицо не в состоянии реализовать свое право, возможна в виде исключения лишь в отношении недееспособных субъектов. В иных же случаях либо субъективное право есть и, следовательно, в пределах, предоставленных законом, есть и свобода реализации этого права, либо права нет, а потому отсутствует и какая-либо «свобода» его осуществления. Таким образом, критикуемая формулировка принципа диспозитивности до известной степени тавтологична[11].

В ГПК РФ нашли отражение изменения, которые свидетельствуют и о некотором сужении содержания принципа диспозитивности по сравнению с ГПК РСФСР. В частности, согласно ст. 34 ГПК РСФСР, суд был обязан принять отказ истца от иска и данное обстоятельство являлось основанием для безусловного прекращения производства по делу. В ГПК РФ же существуют нормы (статьи 39, 153.8), согласно которым суд не принимает отказ истца от иска, признание иска ответчиком и не утверждает мировое соглашение сторон, если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц.

Таким образом, рассмотрев вопрос о правовой природе принципа диспозитивности, следует сделать вывод о том, что последний характеризуется, прежде всего, свободой распоряжения сторонами своими процессуальными правами. Однако свобода распоряжения сторонами их процессуальными правами сочетается с инициативой и активностью других участников процесса – таких, как суд, прокуратура, государственные органы и общественные организации.

Вместе с тем, принцип диспозитивности не может существовать отдельно от остальных начал гражданского судопроизводства, а в полной мере его содержание раскрывается именно во взаимодействии с ними. В частности, этот принцип находится в тесной связи с началом справедливости. Содержание принципа диспозитивности раскрывается через кон-

[10] Тараненко В.Ф. Принципы арбитражного процесса. М., 1988. С. 31-35.
[11] Гражданское процессуальное право: Учебник / С.А. Алехина, В.В. Блажеев и др.; под ред. М.С. Шакарян. М.: Проспект, 2004. С.54.

кретные нормы процессуального права, в которых зафиксированы в основном действия участников процесса, направленные на его возникновение, движение, изменение и прекращение. Вместе с тем, сущность и назначение данного начала заключается не только в обеспечении движения процесса, но и в утверждении реальности, гибкости и полноты судебной защиты прав заинтересованных лиц, что соответствует требованию справедливости судопроизводства.

В общем виде, сегодня идея справедливости также должна рассматриваться в контексте неотъемлемого элемента системы принципов правосудия. Следует отметить, что в доктрине предлагают справедливость рассматривать как принцип гражданского судопроизводства, как его задачу и требование, предъявляемое к судебному решению[12].

В частности, Г.А. Жилин указывает, что суды обязаны осуществлять судопроизводство в строгом соответствии с принципом справедливого правосудия, выявляя во взаимосвязи с ним подлинный смысл применяемых норм, имея при этом в виду их определяющее значение при юридической квалификации правоотношений [13].

В.М. Жуйков также отмечал, что Российская Федерация как правовое государство гарантирует соблюдение общих принципов юридической ответственности, таких как справедливость, равенство, соразмерность, законность, вина, гуманизм[14].

В действующем гражданском процессуальном законодательстве содержание принципа справедливости, как и диспозитивности прямо не сформулировано. Вследствие этого, возможно, не утихают дискуссии о том, является ли справедливость основополагающим принципом гражданского судопроизводства[15]. Однако все же следует отметить, что большинство представителей процессуальной науки сходится во мнении, что справедливость должна рассматриваться как одно из фундаментальных начал современного судопроизводства.

Так, по мнению У.С. Магомаевой, справедливость гражданского судопроизводства как правовая категория «...существует как правовая идея, объективированная в общеправовом принципе справедливости» [16].

В.Н. Карташов указывал, что справедливость уже заложена в самом содержании права, это предполагает, что деятельность субъектов правоприменения должна соответствовать данному принципу, вынесенные правоприменительные акты, должны быть справедливыми, и правоприменительная практика должна служить важнейшим юридическим средством его наиболее полного осуществления во всех основных сферах общественных отношений[17].

По мнению Т.И. Чапанова, справедливость следует рассматривать как межотраслевой принцип и основу обеспечения юридической защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов в рамках судопроизводства. При этом, полагает автор, сквозь призму справедливости должны решаться такие вопросы как отсутствие запрета на ложные объяснения сторон в судебном разбирательстве, доступность правосудия, сроки рассмотрения дел, исполнение судебных актов и т. д.[18]

В научной литературе уточняется, что справедливым рассмотрением и разрешением гражданских дел является то, которое соответствует перечисленным критериям в совокупности: а) обеспечение права на доступ к правосудию; б) правильное рассмотрение дела; в) рассмотрение дела независимым, объективным и беспристрастным судом; г) предоставление равных прав участникам судебного разбирательства; д) обеспечение права на представление доказательств; е) публичность судебного разбирательства; ж) рассмотрение дела в разумный срок[19].

Некоторые авторы отмечают, что применять принцип справедливости суд может лишь по аналогии права – в случае, если отсутствует правовая норма, регулирующая сходные отношения и если нельзя применить более конкретный принцип гражданского законодательства[20].

Таким образом, принцип диспозитивности традиционно рассматривается в цивилистической процессуальной науке как краеугольный камень частноправового начала в организации судебной защиты, а начало справедливости является не просто декларативной целью, а инструментом ограничения формализма, поэтому и возникает проблема соотношения данных принципов при реализации сторонами диспозитивных полномочий.

Принцип диспозитивности, в свою очередь, не может трактоваться как вседозволенность. Сегодня в процессуальном законодательстве существуют ог-

[12] См.: Панченко П.А. К вопросу о принципе справедливости в гражданском судопроизводстве // Молодой ученый. 2022. № 47 (222). С. 269-272; Магомаева У.С. Реализация принципа справедливости в гражданском процессе // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 4. С. 173-176; Ширяева К.А. Справедливое судебное решение в гражданском судопроизводстве // Администратор суда. 2022. № 2. С. 27-30.

[13] Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М.: Проспект, 2010. С. 29.

[14] Практика применения ГПК РФ. Под ред. В.М. Жуйкова. М.: Юрайт, 2006. // СПС «Гарант».

[15] См. более подробно: Янева Р.Р. Идея справедливости как общее звено в цепи процессуального законодательства // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2015. Вып. 25. С. 102-108.

[16] См.: Магомаева У.С. Реализация принципа справедливости в гражданском процессе // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 4. С. 176.

[17] См.: Боннер А.Т. Указ. соч. С. 20.

[18] См.: Чапанов Т.И. Социально-ценностная и правовая природа принципа справедливости в гражданском и арбитражном процессуальном праве // Общество и право. 2009. № 3 (25). С. 85-90.

[19] См.: Воронцова И.В. Проблемы определения категории «справедливость» в российском гражданском процессе» // Правоотношение: теория и практика правового регулирования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2022. С. 530-536; Киреева Э.А., Нурбалаева А.М. Процессуальные аспекты права на справедливое судебное разбирательство гражданских дел // Закон и право. 2024. № 1. С. 115-120.

[20] См.: Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами // СПС «Гарант».

раничения, которые обеспечивают баланс частных и публичных интересов. Также не допускается нарушение прав и интересов других лиц при реализации сторонами диспозитивных полномочий. Суд, в свою очередь, не может удовлетворять требования, не заявленные стороной, и не наделён полномочием по собственной инициативе изменять основание заявленных требований.

Так, наиболее ярко конфликт между диспозитивностью и справедливостью проявляется в институте судебного контроля за мировыми соглашениями. С одной стороны, суд утверждает мировое соглашение, если оно не противоречит закону и не нарушает права и законные интересы других лиц. С другой, суд не вправе оценивать – не нарушает ли мировое соглашение принцип равенства сторон, и не ведет ли оно к неосновательному обогащению одной из них, что идет вразрез с сущностью принципа справедливости, но обусловлено самой правовой природой данной процессуальной сделки. Таким образом, суд фактически лишен возможности выполнить задачу по реализации принципа справедливости, не обладая полномочием по оценке эквивалентности обмена и добросовестность сторон по отношению друг к другу.

В свою очередь, важнейшим проявлением принципа справедливости как ограничителя начала диспозитивности является внедрение в российскую практику запрета на противоречивое поведение. Процессуальное законодательство сегодня содержит меры воздействия на участника процесса, недобросовестно использующего процессуальные права (эстоппель). Так, распространенным случаем применения данного правила является определение компетенции суда на основе конклюдентных действий стороны с запретом ей впоследствии возражать относительно подсудности дела[21].

В пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъясняется, что поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны[22].

В процессуальном смысле это означает ограничение принципа диспозитивности: сторона, которая в ходе процесса заняла определенную процессуальную позицию (например, признала факты, не оспаривала подсудность спора), не вправе впоследствии произвольно изменить ее, если это противоречит принципу справедливости и нарушает право другой стороны на добросовестную защиту.

Еще одним существенным регулятором выступает институт судебных расходов (гл. 7 ГПК РФ). Возможность отказа суда в признании необходимыми понесенных истцом судебных издержек (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ) либо возложение на него понесенных ответчиком расходов разъясняется в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1, что также является наглядным примером ограничения диспозитивного начала в связи с злоупотреблением правом[23]. Сторона, реализующая право на изменение иска, должна осознавать риск возложения всех судебных расходов на себя независимо от исхода дела, если суд признает ее поведение недобросовестным.

Особую остроту проблема соотношения диспозитивности и справедливости приобретает при реализации права истца на изменение иска. С одной стороны, истец вправе изменить или основание, или предмет иска (ч.1 ст. 39 ГПК РФ), что обусловлено содержанием принципа диспозитивности. Однако в доктрине и судебной практике сложился подход, согласно которому одновременное изменение и предмета, и основания фактически означает предъявление нового иска, что является недопустимым, поскольку нарушает право ответчика на защиту, и, следует полагать, не соответствует принципу справедливости гражданского судопроизводства[24]. Между тем, по мнению А.Т. Боннера, в действительности, изменение предмета иска, как правило, влечет за собой необходимость изменения основания иска, поскольку материальный закон для возникновения, изменения и прекращения разных правовых отношений, вполне естественно, предусматривает разные совокупности юридических фактов[25]. В продолжение данных размышлений М.Л. Скуратовский высказал идею, согласно которой предлагается исключить принципиальное неприятие возможности истцов одновременно изменять сразу несколько составляющих иск элементов, для чего судам предложено перестать связывать любую модификацию иска исключительно с появлением нового. При этом при проверке добросовестности истца суду предлагается в каждом конкретном случае устанавливать факт под-

[21] См.: Черных И.И. Эстоппель в гражданском судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 12. С. 81-88.
[22] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
[23] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 4.
[24] См., напр.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.06.2017 № 36-КГ17-4 // СПС «Консультант Плюс».
[25] Боннер А.Т. Указ соч. С. 52.

мены требования другим, направленным на защиту иного правового интереса[26].

Таким образом, в любом случае при реализации истцом права на изменение иска суд должен выступать не пассивным наблюдателем, а активным модератором, оценивающим добросовестность осуществления диспозитивных прав, что будет гарантировать соблюдение обоих начал – диспозитивности и справедливости судебного разбирательства.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о трансформации классической модели диспозитивности в российском гражданском судопроизводстве. Абсолютная свобода распоряжения процессуальными правами уступает место концепции «управляемой диспозитивности», где суд выступает гарантом справедливости, контролируя реализацию сторонами своих прав. Соотношение принципов диспозитивности и справедливости должно быть построено на следующих началах: а) диспозитивность является движущей силой процесса, но ее использование должно быть добросовестным, в таком случае достижима справедливость судебного разбирательства; б) справедливость должна выступать критерием, позволяющим суду ограничить диспозитивность в случаях злоупотребления сторонами своими процессуальными правами; в) достижение баланса при реализации принципов диспозитивности и справедливости должно достигаться через расширение активности суда, которая, в свою очередь, должна быть ограничена принципом правовой определенности. Перспективным направлением дальнейших исследований в данном направлении представляется разработка единых критериев недобросовестности сторон при реализации ими распорядительных прав, которые позволили бы унифицировать судебную практику и снизить риск произвольного ограничения принципа диспозитивности под флагом «заботы о справедливости»[27].

Библиографический список

1. Боннер А.Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права. – М., 1987. – 76 с.

2. Бояринцев В.Н. Соотношение публичности и диспозитивности в советском судебном праве. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. – М., 1987. – 17 с.

3. Гражданский процесс: хрестоматия: учебное пособие / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет; [автор-составитель: В. В. Аргунов и др.]; под редакцией М.К. Треушникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Городец, 2005. – 890 с.

4. Гражданское процессуальное право: Учебник / С.А. Алехина, В.В. Блажеев и др.; под ред. М.С. Шакарян. – М.: Проспект, 2004. – 580 с.

5. Евдотьева И.А. Принципы диспозитивности и состязательности советского гражданского процессуального права. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. – М., 1983. – 22 с.

6. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. – М.: «Лекс-Книга», 2002. – 160 с.

7. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. – М.: Проспект, 2010. – 573 с.

8. Киреева Э.А., Нурбалаева А.М. Процессуальные аспекты права на справедливое судебное разбирательство гражданских дел. // Закон и право. – 2024. – № 1. – С. 115-120.

9. Магомаева У.С. Реализация принципа справедливости в гражданском процессе. // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – № 4. – С. 173-176.

10. Панченко П.А. К вопросу о принципе справедливости в гражданском судопроизводстве. // Молодой ученый. – 2022. – № 47 (222). – С. 269-272.

11. Практика применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Практическое пособие (под ред. В.М. Жуйкова). – М.: Юрайт, 2005. – 671 с.

12. Рязановский В.А. Единство процесса. – М.: Городец, 1996. – 75 с.

13. Скуратовский М.Л. Пределы модификации иска: простота в сложности // Вестник гражданского процесса. – 2025. – № 5. – С. 261-283.

14. Воронцова И.В. Проблемы определения категории «справедливость» в российском гражданском процессе» // Правоотношение: теория и практика правового регулирования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. –Казань, 2022. – С. 530-536.

15. Тараненко В.Ф. Принципы арбитражного процесса. – М., 1988. – 65с.

16. Чапанов Т.И. Социально-ценностная и правовая природа принципа справедливости в гражданском и арбитражном процессуальном праве. // Общество и право. – 2009. – № 3 (25). – С. 85-90.

17. Черных И.И. Эстоппель в гражданском судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 12. – С. 81-88.

18. Ширяева К.А. Справедливое судебное решение в гражданском судопроизводстве. // Администратор суда. – 2022. – № 2. – С. 27-30.

[26] См.: Скуратовский М.Л. Пределы модификации иска: простота в сложности // Вестник гражданского процесса. 2025. № 5. С. 261-283.

[27] См. подробнее: Янева Р.Р. Понятие и значение добросовестности в гражданском процессуальном праве // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2013. Вып. 17. С. 72-79.

19. Янева Р.Р. Идея справедливости как общее звено в цепи процессуального законодательства // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – 2015. – Вып. 25. – С. 102-108.
20. Янева Р.Р. Понятие и значение добросовестности в гражданском процессуальном праве // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – 2013. – Вып. 17. – С. 72-79.
21. Ярошенко Т.В. Принцип диспозитивности в гражданском процессе как продолжение диспозитивных начал в гражданском материальном праве // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 24-30.

Рецензент: Бердегулова Л.А., доцент кафедры частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

ШУХАРЕВА АННА ВАСИЛЬЕВНА
кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3, E-mail: Dychko-anna@mail.ru

О ДВОЙСТВЕННОМ ХАРАКТЕРЕ ПРИРОДЫ ЗАЛОГОВОГО ПРАВА И ЕГО ПУБЛИЧНОСТИ

SHUKHAREVA ANNA VASILYEVNA
Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Civil Law and Procedure, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ankudinovskoe shosse, 3, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation, E-mail: Dychko-anna@mail.ru

ON THE DUAL NATURE OF THE NATURE OF THE LIEN AND ITS PUBLICITY

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ дискуссионного вопроса о правовой природе залога в современном российском гражданском праве. Исследуется двойственный (смешанный) характер залогового права, который не позволяет однозначно отнести его к классическим категориям вещных или обязательственных прав. Автор рассматривает основные доктринальные подходы (вещно-правовой, обязательственно-правовой и смешанный), представленные в трудах ведущих цивилистов, а также позицию, закрепленную в Концепции развития гражданского законодательства. Особое внимание уделено критике действующего фрагментарного правового регулирования, выявлению его ключевых проблем, таких как недостаточная публичность обременений для движимого имущества и противоречия в защите прав добросовестных приобретателей. В заключение обосновывается целесообразность двухуровневой модели систематизации законодательства, которая функционально признает вещно-правовые эффекты залога при сохранении его традиционной системной принадлежности к обязательственному праву.*

Ключевые слова: *залог; правовая природа; залоговое право; залогодержатель; вещное право; обязательственное право; законодательное регулирование; публичность обременений; ипотека; право следования; реестр залогов.*

Review. *The article provides a comprehensive analysis of the controversial issue of the legal nature of collateral in modern Russian civil law. The article examines the dual (mixed) nature of the lien, which does not allow it to be unambiguously attributed to the classical categories of property or binding rights. The author examines the main doctrinal approaches (substantive, mandatory, and mixed) presented in the works of leading civil scientists, as well as the position enshrined in the Concept of the development of Civil legislation. Special attention is paid to criticizing the current fragmented legal regulation, identifying its key problems, such as insufficient publicity of encumbrances on movable property and contradictions in protecting the rights of bona fide purchasers. In conclusion, the expediency of a two-level model of systematization of legislation is substantiated, which functionally recognizes the substantive effects of collateral while preserving its traditional systemic affiliation to the law of obligations.*

Keywords: *pledge; legal nature; lien; mortgagee; property law; law of obligations; legislative regulation; publicity of encumbrances; mortgage; right of succession; register of liens.*

Правовая природа залога остается дискуссионным вопросом в цивилистической науке. Доктринальная полемика концентрируется вокруг трех основных направлений: квалификации залога в качестве вещного права, трактовки его как права обязательственного и, наконец, комплексного (смешанного) подхода, синтезирующего черты обеих указанных категорий.

Е.В. Васьковский определяет залог как «вещное право, дающее своему обладателю возможность исключительного удовлетворения из цены данной вещи в случае неисполнения собственником последней лежащего на нем обязательства»[1].

Г.Ф. Шершеневич, называя «залоговым правом право на чужую вещь» полагал, что вещный характер залогового права «обнаруживается из того, что, имея своим объектом вещь, оно всюду следует за нею (droit de suite), независимо от права собственности на нее, которое может переходить от одного лица к другому»[2]. Исследователь акцентировал вторичный и зависимый от основного обязательства характер залогового права, отмечая, что оно не обладает самостоя-

[1] Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. М. : Статут, 2003. С. 383
[2] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М.: Спарк, 1995. С. 240.

тельной ценностью и функционирует исключительно в связке с обеспечиваемым долгом. В отличие от традиционных вещных прав, залог не наделяет своего обладателя правомочиями владения и пользования. Его ключевая особенность, однако, заключается в исключительной силе воздействия на вещь: залоговое право обладает уникальным правомочием, способным привести к прекращению права собственности на объект залога[3].

З.А. Ахметьянова признает возможность отнесения отдельных видов залога к категории вещных обременений при одновременном наличии трех ключевых признаков: публичности (которая обеспечивается регистрацией, наложением знака, передачей владения или иным законным способом), следования за вещью и преимущественного права залогового кредитора на удовлетворение требований[4].

В доктринальных исследованиях, обосновывающих вещно-правовую природу залога, традиционно выделяют несколько признаков, роднящих его с классическими вещными правами.

1. Право следования: залоговое обременение не утрачивает силы при переходе права собственности на предмет залога к иному лицу, что указывает на прикрепленность права к самой вещи, а не к фигуре должника.

2. Преимущественное удовлетворение: залогодержатель обладает абсолютным приоритетом в удовлетворении своих требований за счет стоимости заложенного имущества перед большинством иных кредиторов залогодателя.

3. Вещно-правовая защита: залогодержателю предоставлены специальные исковые средства защиты, характерные для вещных прав.

На обязательственно-правовую природу залога имущества указывали В.М. Хвостов, В.В. Витрянский и др.

В.М. Хвостов определял залог как особое обязательственное право требования, специфика которого заключается в том, что личность должника выявляется через владение (держание) заложенной вещи, а сама эта вещь служит имущественным объектом, ответственным за исполнение долгового обязательства[5].

Поддерживая взгляд на залог как на институт обязательственного права, В.В. Витрянский видит подтверждение этой позиции в самом законодательстве. К числу таких подтверждений он относит возможность залога имущественных прав и будущего имущества, что несовместимо с классической моделью вещного права, а также такие признаки, как допустимость замены предмета залога, переход прав залогодержателя по правилам цессии и специальный порядок обращения взыскания исключительно через продажу на публичных торгах, исключающий возникновение у кредитора права собственности на заложенную вещь[6].

В современной цивилистической доктрине все более распространенной становится позиция, признающая комплексный или смешанный характер правовой природы залога, который не укладывается в рамки традиционной дихотомии «вещное – обязательственное право». Поддерживая этот взгляд, Б.М. Гонгало указывает на методологическую ограниченность односторонних подходов. По его мнению, как преувеличение обязательственного элемента в ущерб вещному, так и абсолютизация вещно-правовой природы при игнорировании обязательственно-правовой составляющей приводит к созданию неполной и внутренне противоречивой конструкции залогового права[7].

Залог может быть сконструирован только как вещно-обязательственный институт, ибо однозначно отнести его к вещному или обязательственному праву невозможно[8].

В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации[9] также констатируется смешанная правовая природа залога. Документ указывает, что, хотя право залогодержателя формально не отнесено к вещным правам, действующее законодательство содержит регулирование, существенно сближающее его правовой режим с режимом классических вещных прав. Эта нормативная амбивалентность, по мнению разработчиков Концепции, порождает значительные трудности в правоприменительной практике. В качестве решения авторы Концепции предлагают дифференцированный подход. Они полагают, что, хотя залог в целом не может быть сконструирован как строго вещное право, отдельные его виды, обладающие свойством публичности (прежде всего, ипотека и иной зарегистрированный залог) и подчиняющиеся принципам следования и преимущественного удовлетворения, допустимо включить в перечень ограничений вещных прав. Соответственно, предлагается закрепить в ГК РФ специальные основания возникновения и основные положения правового режима таких залоговых обременений.

В рамках научного анализа современного состояния института залога в Российской Федерации, включая ипотеку и иные формы зарегистрированного либо учтенного залогового права, можно констатировать следующее. Действующее правовое регулирование залоговых отношений характеризуется значительной

[3] Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 240-241.

[4] Ахметьянова З.А. О правовой природе залога // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 3. С. 138-144.

[5] Хвостов В.М. Система римского права, часть II «Вещное право». М.: Университетская тип., 1904. С. 334.

[6] См. подробнее: Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М. : Статут, 2011. 847 с.

[7] См. подробнее: Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М.: Статут, 2004. 222 с.

[8] Эмухвари Р.Р. О правовой природе залога имущества в свете реформирования ГК РФ // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 3. С. 76.

[9] Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

фрагментарностью, будучи рассредоточено по множеству нормативных актов. Базовые положения содержатся в § 3 главы 23 ГК РФ, тогда как специальные аспекты регламентируются профильными законами: «Об ипотеке (залоге недвижимости)»[10], «Об участии в долевом строительстве...»[11], «Об ипотечных ценных бумагах»[12], «О ломбардах»[13], Кодексом торгового мореплавания[14], а также законодательством о государственной регистрации прав на недвижимость[15], исполнительном производстве[16] и банкротстве[17]. Подобная множественность нормативных актов предопределяет существование разветвленной типологии залоговых конструкций. Дополнительную сложность привносят особые инструменты, удостоверяющие залоговые права, – закладная, залоговое свидетельство, ипотечный сертификат участия, оборот которых подчиняется самостоятельным правилам регулирования.

В Гражданском кодексе залог помещен в раздел, посвященный обязательственному праву, и не квалифицируется в качестве вещного права, вместе с тем в содержательном отношении правовой режим залога обладает фундаментальными признаками, присущими вещным правам: он характеризуется правом следования (ст. 353 ГК РФ), абсолютной защитой от посягательств третьих лиц, в том числе посредством виндикационных и негаторных исков, а также принципом старшинства (приоритета) залоговых требований. Указанная правовая неопределенность усугубляется отсутствием в законодательстве четкой дифференциации между положениями, регламентирующими договор залога как основание возникновения обеспечительного обязательства, и нормами, определяющими само залоговое право в качестве имущественного интереса, который потенциально может существовать относительно независимо от действительности лежащего в его основе договора.

Значимым дефектом правового регулирования выступает недостаточная проработка вопросов публичности (гласности) залоговых обременений и защиты добросовестных приобретателей. Режим публичности в полной мере обеспечен лишь для ипотеки через государственную регистрацию в ЕГРН. Для движимого имущества, особенно остающегося во владении залогодателя, такой механизм отсутствует, что создает риски для добросовестных приобретателей и порождает проблему действительности залога, установленного несобственником при добросовестности залогодержателя. Судебная практика, в отсутствие четких законодательных предписаний, отрицает возможность добросовестного приобретения самого залогового права. Дополнительную сложность представляет отсутствие адекватного регулирования множественности лиц на стороне залогодержателя, возникающей при универсальном правопреемстве или в силу прямого указания закона (например, законный залог дольщиков по ФЗ «Об участии в долевом строительстве...»).

Противоречивость наблюдается и в регламентации последствий несанкционированного отчуждения заложенного имущества. Законодательство предлагает различные, зачастую несовместимые подходы: возможность признания сделки недействительной по ФЗ «Об ипотеке» (ст. 39), возникновение права на досрочное исполнение и взыскание по ст. 351 ГК РФ, либо признание за добросовестным приобретателем права собственности с прекращением залога в судебной практике. Недавние изменения законодательства, направленные на либерализацию обращения взыскания (внесудебный порядок, возможность оставления вещи за залогодержателем или продажи третьим лицам для предпринимателей, учет залога движимости), хотя и вносят элементы гибкости, но требуют дальнейшей системной корректировки для устранения пробелов и обеспечения правовой определенности. Таким образом, действующая система регулирования залоговых отношений, несмотря на попытки модернизации, сохраняет существенные доктринальные и практические проблемы, требующие комплексного научного осмысления и законодательного решения.

В контексте научного осмысления института залога следует констатировать, что свойства объектов залогового обременения (материальные объекты, имущественные права, доли участия в праве собственности), а также редкая практическая реализация модели передачи предмета залога во владение залогодержателя исключают возможность квалификации залога движимого и недвижимого имущества в качестве классических вещных прав.

Современная доктринальная задача модернизации залогового законодательства заключается в наделении отдельных залоговых конструкций атрибутами вещно-правового режима. Ключевыми элементами такой трансформации должны выступать:

– принцип публичности (обеспечиваемый системой государственной регистрации обременений);

– свойство абсолютного следования за объектом при его отчуждении;

– приоритетное положение залогового кредитора в системе конкурсных требований.

Учитывая сохраняющуюся дискуссионность правовой природы залога, предлагается двухуровневая

[10] Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // СЗ РФ. 1998. № 29. Ст. 3400.
[11] Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1. Ст. 40.
[12] Федеральный закон от 11 ноября 2003 г. № 152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах» // СЗ РФ. 2003. № 46. Ст. 4448.
[13] Федеральный закон от 19 июля 2007 г. № 196-ФЗ «О ломбардах» // СЗ РФ. 2007. № 30. Ст. 3759.
[14] Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.
[15] Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СЗ РФ. 2015. № 29. Ст. 4344.
[16] Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
[17] Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

модель законодательной систематизации:

Во-первых, признаем целесообразным сохранение базового регулирования в рамках главы об обеспечении обязательств (§ 3 гл. 23 ГК РФ) без прямого закрепления вещно-правовой характеристики.

Во-вторых, необходимо введение отсылочных норм в раздел вещных прав, фиксирующих:

- залог (ипотеку) как ограничение вещных прав;
- юридические основания возникновения (закон/договор);
- генеральные положения о залоге как вещном обременении;
- специальную отсылку к обязательственно-правовому регулированию.

Данный подход обеспечивает функциональное признание вещно-правовых эффектов залога при сохранении традиционной системной принадлежности института, что соответствует тенденциям современной цивилистической доктрины.

Переходя к анализу двойственности публичности залога в контексте информационной и правообразующей функций учета залога, следует углубиться в механизм действия реестра уведомлений о залоге движимого имущества, предусмотренного ст. 339.1 ГК РФ. Считаем, что современный залог движимости представляет собой «право с отложенным действием против третьих лиц», что может быть обосновано через призму соотношения договорного основания возникновения залога и регистрационного критерия его существования.

Ключевая особенность российского реестра уведомлений о залоге движимого имущества (далее – Реестр), функционирующего на базе Единой информационной системы нотариата, заключается в том, что он построен по регистрационной (декларативной), а не по конститутивной (правообразующей) модели. При внесении уведомления нотариус не проверяет действительность самого залогового обязательства, не исследует основания возникновения залога и не удостоверяется в принадлежности имущества залогодателю. Его функция сугубо техническая – зафиксировать поступившую информацию в течение одного часа с момента подачи заявления (при подаче в электронном виде).

Залоговое право возникает непосредственно из договора залога (либо из иного предусмотренного законом основания) в момент его заключения. Внесение сведений в реестр не влияет на возникновение залога в отношениях между сторонами: они вправе не направлять уведомление, и залог всё равно будет считаться действительным в их взаимных отношениях. Это подтверждает, что реестр выполняет прежде всего информационную роль – он не служит основанием для появления права, а лишь обеспечивает его открытость для участников гражданского оборота.

В этом проявляется заявленная двойственность правовой природы залога. При том, что залоговое право возникает из договора, возможность его противопоставления третьим лицам ставится в прямую зависимость от факта регистрации уведомления.

Пункт 4 ст. 339.1 ГК РФ закрепляет императивное правило: залогодержатель вправе ссылаться на принадлежащее ему право залога в отношениях с третьими лицами только с момента совершения записи об учёте залога. Следовательно, до публикации сведений в реестре залог носит относительный (обязательственно-правовой) характер, связывая исключительно стороны договора.

С момента внесения записи залог приобретает абсолютный (вещно-правовой) эффект, превращаясь в обременение, которое обязано учитывать любое лицо, вступающее в отношения с предметом залога. Таким образом, акт публичного оповещения выполняет функцию «включения» вещно-правового режима.

В итоге залог движимого имущества предстает в двух качествах:

как обязательственное право, действующее между сторонами (с даты заключения договора);

как обременение, обладающее свойством противопоставимости третьим лицам (с даты регистрации уведомления).

Это и есть «право с отложенным действием» – его абсолютная сила не присуща ему имманентно с момента возникновения, а активируется административным актом учета.

Информационная природа Реестра также трансформирует критерии добросовестности участников оборота.

Пункт 4 статьи 339.1 ГК РФ устанавливает презумпцию осведомлённости третьих лиц о залоге: они считаются знающими о существовании обременения лишь с того момента, когда соответствующая запись внесена в реестр. Реестр, таким образом, придает залогу свойства публичной достоверности, пусть и в ограниченном объеме – поскольку проверка правомочий залогодателя на отчуждение имущества не осуществляется. Любой участник оборота, который вступает в правоотношения по поводу заложенного имущества (например, покупатель или последующий залогодержатель), принимает на себя риск последствий неознакомления со сведениями реестра, но исключительно при условии, что такие сведения были в него внесены.

Отдельно следует сказать о проблеме защиты добросовестного приобретателя (пп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ). Если залог не был зарегистрирован, приобретатель имущества, который не знал и не должен был знать о залоге, признается добросовестным, и залог прекращается. Верховный Суд РФ в Определении № 60-КГ23-3-К9[18] подтвердил, что для признания добросовестности недостаточно просто «не знать» – приобретатель должен проявить разумную осмотрительность и проверить Реестр. В рассмотренном Верховным Судом РФ деле Ответчица перед принятием

[18] Определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2024 г. № 60-КГ23-3-К9// СПС «Гарант».

решения о приобретении автомобиля проверила данные в реестре уведомлений о залоге. Сведений о залоге машины на момент ее приобретения не было сайте нотариальной палаты. Они появились на интернет-ресурсе после даты покупки. Верховный суд отметил важное: закон не предусматривает возможности восстановить прекращенный в силу закона залог действиями залогодержателя по внесению соответствующей информации в реестр.

Очередность удовлетворения требований залогодержателей (ст. 342.1 ГК РФ) также демонстрирует, каким образом реестр участвует в придании залогу вещно-правовых свойств.

Традиционное правило «преимущество имеет тот, кто раньше заявил о своем праве» в данном случае привязывается не к моменту заключения договора, а к дате регистрации уведомления. Такое решение служит наглядным подтверждением того, что реестр, выступая в роли информационной системы, в условиях конкуренции кредиторов приобретает правообразующее значение: именно он устанавливает очерёдность удовлетворения их требований.

Таким образом, залог движимого имущества в современном российском правопорядке (ст. 339.1 ГК РФ) фактически обретает характеристики «права, которое может быть противопоставлено третьим лицам только после осуществления регистрационных действий». В данном случае речь идёт не о классическом вещном и не о строго обязательственном праве, а о конструкции смешанного (гибридного) типа. В ее основе возникновение права обусловлено обязательственно-правовым элементом – соглашением контрагентов, в то время как публично-правовая составляющая (регистрация) придает этому праву свойства абсолютности: возможность следовать за вещью и приоритетное удовлетворение требований.

Указанная модель позволяет достичь сочетания гибкости гражданского оборота – залог оформляется без излишних административных препятствий – с обеспечением публичной достоверности: любой участник оборота, обратившийся к реестру, вправе полагаться на отсутствие незарегистрированных обременений, что служит гарантией защиты прав добросовестных третьих лиц.

В дальнейшем, по всей видимости, законодатель будет усиливать роль реестра, в том числе посредством введения конститутивных требований для отдельных категорий имущества (например, для транспортных средств, имеющих уникальные идентификационные номера). Вместе с тем, как представляется, базовая двойственность правовой природы залога сохранится.

Библиографический список

1. Ахметьянова З.А. О правовой природе залога // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 3. – С. 138-144.

2. Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. – М.: Статут, 2003. – 442 с.

3. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. – М.: Статут, 2004. – 222 с.

4. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2011. – 847 с.

5. Хвостов В.М. Система римского права, часть II «Вещное право». – М.:Университетская тип., 1904. – 487 с.

6. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). – М.: Спарк, 1995. – 461 с.

7. Эмухвари Р.Р. О правовой природе залога имущества в свете реформирования ГК РФ // Правовая парадигма. 2017. – Т. 16. № 3. – С. 72-77.

Рецензент: Киселева К.А., доцент кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, к.ю.н.

Раздел третий

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

БАГУН ЭЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, orenburg@msal.ru

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

BAGUN ELINA ALEKSANDROVNA
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Orenburg Institute (branch) of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 460000, Orenburg, Komsomolskaya St., 50, orenburg@msal.ru

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION ON LIABILITY FOR CRIMES COMMITTED IN A STATE OF INDUCTION

Аннотация. *В статье проводится историко-правовой анализ эволюции норм российского уголовного законодательства об ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения. Продемонстрирована трансформация юридической оценки состояния опьянения: от признания его в отдельные исторические периоды смягчающим либо нейтральным фактором до придания ему статуса отягчающего наказание обстоятельства и закрепления в качестве конструктивного признака составов «транспортных преступлений». Обозначены возникающие на практике и в теории уголовного права спорные, требующие решения вопросы, связанные с научно-правовой и законодательной оценкой состояния опьянения как отягчающего обстоятельства и признака состава преступления.*

Ключевые слова: *состояние опьянения, отягчающее обстоятельство, алкогольное опьянение, наркотическое опьянение, квалифицирующий признак.*

Review: *This article provides a historical and legal analysis of the evolution of Russian criminal law regarding liability for crimes committed while intoxicated. It demonstrates the transformation of the legal assessment of intoxication: from its recognition in certain historical periods as a mitigating or neutral circumstance to its recognition as an aggravating circumstance and its inclusion as a constructive element of «transport offenses». The article outlines controversial issues that arise in practice and in the theory of criminal law and require resolution, related to the scientific, legal and legislative assessment of the state of intoxication as an aggravating circumstance and a sign of the elements of a crime.*

Keywords: *state of intoxication, aggravating circumstance, alcohol intoxication, drug intoxication, qualifying feature.*

Изучение современного состояния теории и практики назначения наказания лицам, совершившим преступления в состоянии опьянения, а также поиск путей и методов устранения возникающих при этом правовых коллизий, требует обращения к анализу эволюции законодательных подходов к его решению в историческом контексте.

На самых ранних этапах становления российского уголовного законодательства прослеживается весьма неоднозначный подход к пониманию состояния опьянения: в одних случаях, по мнению ряда исследователей[1], оно признавалось обстоятельством, смягчающим вину, в других – отягчающим, либо вовсе считалось юридически нейтральным фактором. Вместе с тем,

[1] История отечественного государства и права: учебник / отв. ред. И.А. Исаев. М.: Проспект, 2012. С. 30; Земцов Б.Н. История государства и права России: учеб. пособие. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008. С. 30.

первое утверждение можно считать весьма условным, так как не все историки одинаково толкуют соответствующую норму Русской правды, предусматривающую выплату по раскладке общиной только за убийцу, который вкладывался в вирные платежи общины в случае, если убийство было совершено им в ссоре или на пиру[2]. Так, например, О.И. Чистяков[3] не согласен с тем, что в данном случае речь идет о смягчении вины лица, совершившего убийство в состоянии опьянения, полагая, что акцент тут поставлен на состояние ссоры между пирующими. Представляется, что данное суждение весьма спорное, ибо сама обстановка пира предполагала употребление хмельных напитков, под воздействием которых и возникали зачастую конфликтные ситуации, что и служило, судя по тексту Русской Правды, так называемым «извиняющим фактором», снижающим степень вины убийцы.

В Русской Правде содержатся и нормы, косвенно свидетельствующие о том, что состояние опьянения и связанные с ним поступки виновных, считались обстоятельством, повышающим степень их вины. Так, в соответствии со ст. 54, запрещалось применять насилие и продавать в рабство купцов, которые вследствие обстоятельств, от них независящих, утратят взятые в кредит товары (пожар, кораблекрушение, грабеж). Им надлежало дать рассрочку платежа на несколько лет. Если же товары будут пропиты, проиграны или по легкомыслию испорчены купцом, то доверитель мог поступить с виновным по своему усмотрению: ждать возмещения утраченного или продать в рабство. В данном случае прямо не говорится о совершении данного преступления в состоянии алкогольного опьянения, хотя среди прочего указывается, что товары могли быть пропиты, то есть утрачены купцом вследствие злоупотребления спиртными напитками, что, исходя из вышесказанного, повышало степень его вины и напрямую влияло на жесткость применяемого наказания.

Вывод об отнесении состояния опьянения и к обстоятельству, полностью влияющему на установление виновности лица, можно сделать на основании анализа статьи 62 Русской Правды: «Если господин бьет закупа за дело, он за то не отвечает; если же он бьет его пьяный, сам не зная за что, без вины, то должен платить за обиду закупа, как платят за оскорбление свободного»[4].

В Соборном Уложении 1649 года содержалось несколько статей, в которых устанавливалась ответственность за совершение преступлений в состоянии опьянения. Общая тенденция законодательного подхода того времени сводилась к тому, что лицо, находящееся в состоянии опьянения, заранее не готовилось к совершению убийства, а потому совершало его неумышленно, а значит приговаривалось к менее тяжким наказаниям, чем смертная казнь. Соответственно, хотя само по себе состояние опьянения не рассматривалось в качестве смягчающего обстоятельства, оно фактически смягчало участь преступника.

Так, Статья 69 предусматривала, что за убийство боярским человеком боярского же человека в состоянии опьянения в драке, убийцу бить кнутом и передать его в холопы вместе с женой и детьми тому боярину, у которого он человека убил. Так же, согласно ст. 73, наказывался и крестьян, убивший в состоянии опьянения крестьянина другого помещика. Если же убийцей оказывался боярин, также совершивший преступление в состоянии опьянения в отношении крестьянина, то он подвергался тюремному заключению, а в качестве возмещения пострадавшему от потери крестьянина помещику из хозяйства виновного передавался лучший крестьянин с женой и детьми[5].

Признавая неумышленный характер действий при убийстве в состоянии опьянения (в современном понимании деяния, предусмотренного ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности»), то есть, по сути, смягчая вину совершивших их лиц, в Соборном Уложении 1649 года вместе с тем содержались нормы, предусматривающие ответственность корчемников, которые незаконно изготавливали и продавали алкогольные напитки (водку, спирт, мед, пиво, брагу), а также тех, кто их приобретал и потреблял. Эти меры были направлены, прежде всего, на борьбу с незаконным производством алкоголя и поддержанием государственной монополии на данный вид деятельности. Вместе с тем, нельзя отрицать и той роли, которую они играли в деле борьбы с преступлениями, совершаемыми лицами, находящимися в состоянии опьянения.

С принятием в 1715 г. Артикула Воинского законодательный подход к оценке действий лица, совершившего преступление в состоянии опьянения, кардинально изменился. Согласно данному правовому акту, виновному в таком случае назначалось более жесткое наказание. Артикул 43 гласил: «когда кто пьян напьется и в пьянстве своем зло решит, тогда тот не токмо чтобы в том извинения получил, но по вине вящею жестоко наказуем имеет быть». При этом в толковании к артикулу указывалось, что при убийстве «пьянство никого не извиняет»[6]. Таким образом, содержание указанной нормы позволяет сделать вполне однозначный вывод о том, что по Артикулу Воинскому состояние опьянение лица, совершившего преступление, признавалось отягчающим обстоятельством.

[2] Статья 6 Пространной редакции Русской Правды. Текст по Троицкому списку Перевод В.Н. Сторожева. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ruspravda (дата обращения: 12.05.2026).
[3] История отечественного государства и права: учебник: в 2 ч. Ч. 1. 3-е изд. / ред. О.И. Чистяков. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2005. С. 56.
[4] Статья 62 Пространной редакции Русской Правды. Текст по Троицкому списку Перевод В.Н. Сторожева. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ruspravda (дата обращения: 12.05.2026).
[5] Соборное Уложение 1649 г. Глава XXI «О разбойных и татиных делех». URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/21.htm (дата обращения: 15.05.2026).
[6] Артикул воинский 1715 г. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm (дата обращения: 15.05.2026).

Устав благочиния 1782 года выделял два вида преступлений, совершаемых в состоянии опьянения: с намерением (то есть умышленно, ст. 256) и без намерения (то есть по неосторожности, ст. 257). В первом случае наказание назначалось по тем же правилам и в тех же пределах, что и трезвым лицам, а во втором случае назначалось наказание в виде срочного воздержанием в рабочем доме. Интересен тот факт, что согласно Уставу благочиния, к лицам, страдающим хроническим алкоголизмом, применялись меры социальной реабилитации: «Буде же кто злообычен в пьянстве, беспрерывно пьян, или более времени в году пьян, нежели трезв: того отдать на воздержание в смирительный дом, дондеже исправится»[7]. Таким образом, законодатель, формируя нормативный подход к назначению наказания лицам, совершившим преступления в состоянии опьянения, снова акцентирует внимание на форме вины, а не на обстоятельствах, при которых эти преступления данными лицами были совершены.

В статье 113 Свода Законов 1834 года впервые в российском законодательстве прямо указывалось, что «всякий совершивший деяние в состоянии опьянения признается виновным»[8]. При этом прослеживается дальнейшая тенденция ужесточения ответственности и наказания лицам, совершившим преступления в состоянии опьянения. Предусматривая аналогичное предшествующим нормативным актам деление деяний, совершенных в пьяном виде, на неумышленные и умышленные, Свод содержал уже иные правовые последствия: в первом случае состояние опьянения виновного было по существу юридически нейтральным, то есть наказание назначалось по общим правилам, а во втором – служило основанием для применения более жестких санкций.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года выделяло два вида опьянения – намеренное и ненамеренное (ст. 106). В первом случае преступник сам вводил себя в такое состояние с намерением совершить преступление, соответственно, в случае его совершения лицу назначалось самое строгое наказание, предусмотренное за данное преступление. В случае совершения противоправного деяния в состоянии ненамеренного опьянения, оно не учитывалось при назначении наказания ни как смягчающее, ни как отягчающее обстоятельство[9].

В судебной практике рассматриваемого периода существовало такое понятие как «запой», упоминания о котором отсутствуют в Уложении. Под ним понималось состояние человека, у которого вследствие длительного употребления спиртных напитков развивается сильная алкогольная интоксикация. Такое лицо признавалось вменяемым, соответственно, подлежало уголовному наказанию.

В Уголовном уложении 1903 года – последнем законодательном акте царской России в области уголовного права, отсутствовали нормы об ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения. Вместе с тем предусматривалось освобождение от уголовной ответственности лиц, которые совершили преступления в бессознательном состоянии, то есть при отсутствии способности понимать характер и значение совершенных ими деяний.

Параллельно с алкоголизацией населения и противодействием данной проблеме государственно-правовыми средствами, в конце XIX – начале XX веков царская Россия сталкивается еще с одним негативным явлением – наркоманией, борьба с которой также требует мер законодательного реагирования. В начале июня 1915 г. принимается Закон «О мерах борьбы с опиумокурением», в соответствие с которым в Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства был введен региональный запрет на посевы, сбор, хранение, продажу, ввоз в страну опиума и приспособлений для его курения. Планы по распространению юридической силы данного закона на другие регионы страны были нарушены событиями 1917 года.

Следует отметить, что значительные объемы потребление населением царской России алкогольной продукции вызывали серьезные опасения в связи с прямой непосредственной зависимостью между данным фактом и ростом преступности. И. Сикорский отмечал, что с увеличением потребления спиртного растет и уровень преступности[10]. Именно поэтому наряду с уголовно-правовыми средствами борьбы с проблемами пьянства и алкоголизма, предпринимался и ряд предупредительных, ограничительных, медицинских мер, эффективность которых, однако, была незначительной.

Советский этап становления и развития уголовного законодательства об ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения, напрямую связан с происходящими в тот период в стране социально-экономическими и политическим преобразованиями, вызванными Октябрьской революцией 1917 года.

Смена политического строя и отсутствие сильной власти в переходный от самодержавия к социализму период, привели к росту незаконного оборота оружия, алкогольной продукции и наркотических средств, к освобождению осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, что в свою очередь обусловило так называемые «пьяные погромы»[11] имев-

[7] Устав Благочиния или Полицейский 1782 г. Сайт «Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина». URL: http://музейреформ.рф/node/13635 (дата обращения: 19.05.2026).

[8] Свод законов Российской империи 1834 года // СПС «КонсультантПлюс».

[9] Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1916 года / Россия. Законы и постановления. Пг., 1916. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/17827-t-15-ch-1-ulozhenie-o-nakazaniyah-ugolovnyh-i-ispravitelnyh-izdanie-1885-goda-so-vklyucheniem-statey-po-prodolzheniyam-1912-1913-i-1914-godov-ch-2-ugolovnoe-ulozhenie-1916 (дата обращения: 19.05.2026).

[10] Сикорский И. О влиянии спиртных напитков на здоровье и нравственность населения России. СПб., 1899. С. 86.

[11] Марченя П.П. Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 году // Новый исторический вестник. URL: http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/noviie-istoricheskiie-vestnik (дата обращения: 23.05.2026).

шегося у государства в запасе алкоголя. В.И. Ленин в записке к Ф.Э. Дзержинскому обвинял буржуазию в том, что она спаивает «опустившиеся элементы и отбросы общества», чтобы они совершали погромы[12]. Не меньше проблем доставляла молодому советскому государству и наркотизация населения. В таких условиях требовалось принятия незамедлительных жестких мер, направленных на борьбу с указанными негативными явлениями.

Так, к служебным обязанностям сотрудников правоохранительных органов предписанием от 31 июня 1918 года «О борьбе со спекуляцией кокаином» было добавлено ведение борьбы с преступностью, связанной с наркотиками[13].

Приказом Петроградского военно-революционного комитета от 28 ноября 1917 г. было установлено, что лица, задержанные в пьяном виде, подлежат аресту и передаются военно-революционному суду[14].

Согласно Декрету Совета народных комиссаров от 19 декабря 1919 г. «О воспрещении на территории Р.С.Ф.С.Р. изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртсодержащих веществ» наказанию в виде лишения свободы с принудительными работами на срок не менее одного года подлежали лица, признанные виновными в распитии незаконно приготовленных и незаконно полученных крепких напитков, лица, которые потребляли такие напитки в публичных местах и в различных заведениях, а также граждане, распивающие алкоголь в публичных местах, либо появившиеся в таких местах в состоянии опьянения[15].

Таким образом, с первых лет своего правления советская власть взяла курс на непримиримую борьбу с пьянством, самогоноварением, наркоманией и преступлениями, совершаемыми в состоянии опьянения, а пьяницы, наркоманы и хулиганы отождествлялись с врагами советской власти.

Первый советский кодифицированный уголовно-правовой акт был принят в 1922 году. Статья 17 Уголовного кодекса РСФСР устанавливала, что «наказанию не подлежат лица, совершившие преступления в состоянии хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности, или вообще в таком состоянии, когда совершившие его не могли отдавать себе отчет в своих действиях»[16]. Однако к данной статье имелось примечание, согласно которому, действие указанной нормы не распространялось на лиц, которые привели себя в состояние опьянения для совершения преступления. По мнению некоторых исследователей, подобная трактовка закона необоснованно сужала круг лиц, которые могли быть привлечены к уголовной ответственности за совершение преступления в состоянии опьянения, выводя из-под него тех, кто, употребляя спиртные напитки, заранее не готовился к совершению противоправного деяния. Таким образом, исходя из приведенных положений, можно сделать вывод, что в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года состояние сильной степени опьянения, при котором у лица отсутствовала способность осознавать свои действия и/или руководить ими, считалось обстоятельством, устраняющим вменяемость, вследствие чего исключалась и уголовная ответственность данного лица. Обращает на себя внимание тот факт, что Уголовный Кодекс РСФСР 1922 года не урегулировал общие вопросы уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, не указал, относится ли оно к смягчающим, либо к отягчающим наказание обстоятельствам.

В 1926 году был принят новый Уголовный кодекс РСФСР, который в Примечании к ст. 11, определявшей признаки невменяемости, указывал, что действие данной нормы не распространяется на лиц, которые совершили преступление в состоянии опьянения, то есть такие лица во всех случаях признавались вменяемыми независимо от того, с какой целью они привели себя в это состояние. И хотя общей нормы об ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, новый УК РСФСР 1926 года, равно как и указания на отнесение такового состояния к смягчающим или отягчающим обстоятельствам, так и не содержал, в целом прослеживался последовательный отход от снисходительного отношения к данной категории лиц.

В 1950-1960-х годах обозначилась негативная тенденция, связанная с ростом потребления алкоголя населением советской России. Так, если в 1930 году индекс потребления алкоголя на душу населения в литрах абсолютного спирта составлял единицу, то, начиная с 1950-го по 1960-ый годы он вырос до 3,5, достигнув максимальной отметки в 10,8 в 1980 году, после чего началось снижение данного показателя[17]. Согласно приведенным И.Г. Калабековым данным, в 1980 году по сравнению с 1940 годом продажа алкогольных напитков в абсолютном алкоголе на душу населения увеличилась в 4 раза. При этом при расчете уровня потребления было учтено производство алкоголя самим населением (самогоноварение в первую очередь). Среди причин роста алкоголизации населения, прежде всего, указываются последствия Великой отечественной войны и государственная послевоенная политика наращивания производства и продажи алкоголя с целью пополнения бюджета[18].

[12] Записка Ф.Э. Дзержинскому с проектом декрета о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками. URL: http://leninism.su (дата обращения: 23.05.2026).
[13] Мирошниченко Н.А., Музыка А.А. Уголовно-правовая борьба с наркоманией. Киев: Вища школа, 1988. С. 208.
[14] История советского уголовного права / А.А. Герцензон [и др.]. М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. С. 57.
[15] Сборник документов по истории уголовного законодательства РСФСР (1917-1952 гг.). М., 1953. С. 62.
[16] Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М.: Изд-е военной коллегии Верх. Трибун. В.Ц.И.К., 1922. С. 19.
[17] Народное хозяйство в СССР. Статистические ежегодники за период с 1974 по 1983 год. М.: «Статистика», 1975-1984 г.г.
[18] Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах. Справочное издание. М., 2025. С. 994-995.

Рост пьянства среди населения РСФСР потребовал принятия неотложных мер, направленных на борьбу с указанным негативным явлением. Прежде всего, необходимо было ужесточить ограничения, связанные с производством спиртного и с его продажей, усилить ответственность за самогоноварение, укрепить материально-техническую базу правоохранительных органов и социальных служб, осуществляющих борьбу с пьянством. С 1958 по 1974 годы был принят ряд законодательных актов, в рамках которых нашли реализацию вышеназванные задачи. Среди них: Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» от 15 декабря 1958 г., Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О мерах борьбы с самогоноварением и изготовлением спиртных напитков домашней выработки» от 29 января 1960 г., Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении ответственности за самогоноварение и изготовление других спиртных напитков домашней выработки» от 8 мая 1961 г., Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании злостных пьяниц (алкоголиков)» от 8 апреля 1967 года, Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» от 19 июня 1972 г., Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании хронических алкоголиков» от 1 марта 1974 г.

Рост алкоголизации населения в 1950-1960-х годах обусловил и значительный скачок числа преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения. Так, в 1960–1970-х годах доля таких преступлений, совершаемых в СССР, составляла около 50-60% от общего числа всех зарегистрированных преступлений, причем по отдельным категориям тяжких и особо тяжких преступлений эта цифра возрастала до 70-80%. Ю.П. Лисицин и Н.Я. Копыт, исследуя феномен алкоголизма, писали: «Особенно тесно связано злоупотребление алкоголем с такими преступлениями, как убийства, причинение телесных повреждений, изнасилования и др. Так, например, в 1971 г. в РСФСР алкоголь явился причиной или условием большей части преступлений: в состоянии алкогольного опьянения было совершено 55,8% краж, 79,9% грабежей и 69,3% разбойных нападений с целью завладения государственным и общественным имуществом (Правда, 1972, 28 июля)»[19].

Еще ранее, в конце 1950-х – начале 1960-х годов, проблемы преступности, связанной с алкоголизмом, поднимались советскими криминологами и правоведами в научных работах, посвященные изучению личности преступника и причин преступности в СССР[20]. Вопросы борьбы с алкоголизмом, как крайне негативным социальным явлением, обсуждались на научных конференциях при изучении проблем уголовного права и криминологии. Так, на конференции, проходившей в Москве в 1958 году, посвященной вопросам судебной психиатрии, были озвучены доклады, в рамках которых давалось обоснование ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения[21].

Обозначенная выше тенденция роста, начиная с 1950-х годов в советской России числа преступлений, совершаемых лицами, находящимися в состоянии опьянения, обусловила необходимость ужесточения борьбы с ними уголовно-правовыми средствами.

Так, 27 октября 1960 г. в соответствии с Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик был принят новый Уголовный кодекс РСФСР, в ст. 12 которого четко и однозначно прописывалось, что «лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, не освобождается от уголовной ответственности»[22].

Несколько позже, уже в 1969 году, в ч. 1 ст. 34 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и п. 10 ст. 39 УК РСФСР было внесено дополнение, согласно которому совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, было включено в перечень обстоятельств, отягчающих ответственность. При этом суду предоставлялось право не признавать это обстоятельство таковым в зависимости от характера преступления[23].

На практике суды довольно часто использовали данное право, в связи с чем Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 11 июля 1972 г. № 3 «О задаче судов по выполнению постановлений УК КПСС, Совета Министров СССР и указов Президиума Верховного совета СССР о мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» обязал суды «по каждому уголовному делу, соблюдая требования закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, устанавливать, совершено ли преступление виновным в состоянии опьянения»[24]. При этом разъяснялось, что в случае признания факта совершения преступления ли-

[19] Лисицин Ю.П., Копыт Н.Я. Алкоголизм: Социально-гигиенические аспекты, 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медицина, 1983. С. 143.
[20] См., напр.: Герцензон А.А. Введение в советскую криминологию. М., 1965; Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР / Всесоюз. ин-т юрид. наук. Москва: Госюриздат, 1961; Пионтковский А.А. К вопросу о причинах преступности в СССР и мерах борьбы с ней / А.А. Пионтковский // Сов. гос-во и право. 1953. № 3. С. 85-98 и др.
[21] Проблемы судебной психиатрии. М., 1961. Вып. 8. С. 13-47.
[22] УК РСФСР 1960 г. // СПС «КонсультантПлюс».
[23] Закон СССР от 11.07.1969 № 4076-VII «О внесении дополнений и изменений в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». URL: https://meganorm.ru/mega_doc/dop1/74/zakon_sssr_ot_25_12_1958_red_ot_08_04_1989_ob_utverzhdenii/0/zakon_sssr_ot_11_07_1969_N_4076-VII_o_vnesenii_dopolneniy_i.html (дата обращения: 24.05.2026).
[24] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11.07.1972 № 3 «О задачах судов по выполнению постановлений ЦК КПСС, Совета Министров СССР и указов Президиумов Верховных Советов союзных республик о мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=54407&ysclid=mq3iu8wc4c674741#iWPRqLV0Ku5vI8K52 (дата обращения: 23.05.2026).

цом, находящимся в состоянии опьянения, обстоятельством, отягчающим ответственность, суду необходимо мотивировать данный вывод в приговоре при назначении наказания.

Следует отметить, что под состоянием опьянения в рамках ст. 12 УК РСФСР понималось не только алкогольное, но и наркотическое и токсическое опьянение, что было достаточно актуально на тот момент в связи с ростом незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в стране. В УК РСФСР в связи с этим также были внесены нормы, касающиеся ответственности за изготовление, хранение, приобретение, перевозку или пересылку наркотических средств без цели сбыта, а также за сбыт наркотиков. Кроме того, была установлена уголовная ответственность и за незаконное выращивание мака и конопли (ст. 225 УК РСФСР). За выращивание без специального разрешения иных видов наркотикосодержащих растений предусматривалась административная ответственность. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 июня 1987 г. в УК РСФСР была введена ст. 224.3 УК РСФСР, предусматривающая уголовную ответственность за незаконные приобретение или хранение без цели сбыта наркотических средств в небольших размерах либо потребление наркотических средств без назначения врача, совершенные повторно в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения[25]. Это была первая норма российского уголовного законодательства с административной преюдицией, предусматривающая ответственность за «наркотическое преступление». Через три года Комитетом конституционного надзора СССР нормы об уголовной и административной ответственности лиц, употребляющих наркотики без назначения врача, были признаны не соответствующими Конституции СССР, как нарушающие право каждого гражданина на свободу выбора. Граждане, привлеченные к ответственности за такие действия, подлежали освобождению от наказания или взыскания в установленном законом порядке[26].

По ходатайству общественной организации, товарищеского суда, коллектива трудящихся или по собственной инициативе при обязательном наличии медицинского заключения суд, согласно ст. 62 нового уголовного законодательства, помимо наказания, мог назначить лицу, злоупотребляющему алкоголем или страдающему наркоманией, принудительные меры медицинского характера. Кроме того, при определенных условиях в случае назначения наказания, не связанного с лишением свободы, такие лица могли быть признаны ограниченно дееспособными и над ними устанавливалось попечительство[27].

Между тем, развитие и усложнение социально-экономических, политических, технологических процессов в российском обществе на фоне роста потребления населением алкогольных напитков вызвало закономерный рост объема и характера вреда, причиняемого преступной деятельностью лиц, находящихся в состоянии опьянения, что потребовало соответствующих мер реагирования. Законодательная позиция по вопросу усиления уголовной ответственности за деяния, совершаемые в состоянии алкогольного опьянения, нашла поддержку и среди представителей научных кругов. При этом ряд исследователей полагали, что нельзя снисходительно относиться к таким преступникам и в целом к лицам, злоупотребляющим алкоголем. Такое состояние, наряду с наркотическим и токсическим, должно признаваться отягчающим наказание обстоятельством в тех случаях, когда преступление было совершено при осуществлении служебной, профессиональной или иной деятельности, создающей опасность для жизни и здоровья граждан, для социалистической либо личной собственности[28].

Дальнейшее развитие уголовно-правовых норм, направленных на учет состояния опьянения при совершении преступлений, связано с ростом числа автомобилей, с увеличением интенсивности дорожного движения и, соответственно, количества участников дорожного движения. Темпы роста потребления алкогольных напитков в советской России анализируемого периода, закономерно привели и к росту количества лиц, управляющих транспортным средством в состоянии опьянения, в связи с чем возникла необходимость в законодательном реагировании на подобные ситуации. Указом Президиума Верховного суда РСФСР от 19 июня 1968 г. в Уголовный кодекс РСФСР была внесена ст. 211.1, предусматривающая ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, совершенное повторно в течение года, либо лицом, имеющим судимость за преступление, предусмотренное данной статьей. Таким образом, впервые в советском уголовном законодательстве состояние опьянения было включено в основной состав преступления в качестве конструктивного признака[29].

Подводя итог дореволюционному и советскому периодам развития норм российского уголовного права об ответственности за преступления лиц, нахо-

[25] Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 июня 1987 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях и другие законодательные акты РСФСР» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/9013870 (дата обращения: 23.05.2026).

[26] См.: Заключение Комитета Конституционного надзора СССР № 8 (2-10) от 25.10.1990 «О законодательстве по вопросам о принудительном лечении и трудовом перевоспитании лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией» // Акты Комитета конституционного надзора СССР. 1990-1991. М., 2021. Обновляемый электронный ресурс. URL: http://aprel.org (дата обращения: 28.05.2016).

[27] УК РСФСР 1960 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[28] Габиани А.А. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения. Тбилиси, 1968. С. 95-97.

[29] В 1992 году данная норма была исключена.

дящихся в состоянии опьянения, можно сделать вывод, что в законодательных актах каждого исторического периода так или иначе затрагивался данный вопрос: от снисходительного отношения к таким лицам и смягчения им наказания, до включения соответствующего признака в число отягчающих наказание обстоятельств в качестве конструктивного признака состава преступления. На всех этапах своего развития российское государство отрицательно относилось к пьянству и алкоголизму, с той или иной степенью остроты и интенсивности сталкиваясь с данными проблемами, которые решались с использованием различных средств и методов, в том числе уголовно-правовых, исходя из имеющей место на данный момент времени социально-экономической и политической обстановки.

В принятом в 1996 году Уголовном кодексе Российской Федерации законодательный подход к юридическому значению состояния опьянения несколько поменялся. В своей первоначальной редакции данный правовой акт признавал состояние опьянения нейтральным обстоятельством, не влияющим на дифференциацию уголовной ответственности и индивидуализацию наказания. В ст. 23 УК РФ указывалось: «Лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности». При этом состояние опьянения не было указано ни в ст. 63 среди обстоятельств, отягчающих наказание, ни в рамках какой-либо нормы Особенной части в качестве конструктивного признака состава преступления. Можно предположить, что подобный законодательный пересмотр ранее имеющего место подхода связан с общей либерализацией уголовного законодательства, обусловленной происходящим в 1990-е годы в России масштабным реформированием правовой системы, с переходом к рыночной экономике и общей демократизацией общества. Определенную роль сыграли и опасения необоснованного ужесточения ответственности для лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения при отсутствии объективных оснований для этого.

Однако с 2009 года ситуация кардинально меняется: государство берет курс на ужесточение ответственности и наказания лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения. Краткая хронология вносимых в связи с этим в УК РФ изменений и дополнений выглядит следующим образом.

Федеральным законом от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ[30] в рамках ст. 264 «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» была учтена повышенная степень общественной опасности совершения данного преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения. Соответствующий квалифицирующий признак был включен в части 2, 4 и 6 указанной статьи.

В 2013 году законодатель вернулся к ранее существующей в УК РСФСР 1960 г. практике признания состояния опьянения отягчающим наказание обстоятельством. Федеральным законом от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ[31] ст. 63 УК РФ была дополнена ч. 1.1, согласно которой, «судья (суд), назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ».

В связи с ростом числа дорожно-транспортных происшествий с участием водителей, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ в УК РФ была введена ст. 264.1, установившая уголовную ответственность за управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения (при наличии иных указанных в ней условий).

Далее, в 2016 году был расширен перечень средств и веществ, потребление которых вызывает состояние опьянения, в связи с чем соответствующие дополнения были внесены в ст. 23, ч. 1.1. ст. 63 и в Примечание 2 к ст. 264 УК РФ. Понятие опьянения в данных нормах было раскрыто как состояние, вызванное употреблением не только алкоголя и наркотических средств, но и «психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ»[32].

И наконец, в 2019 году состояние опьянения как квалифицирующий признак было включено в части 1.2, 2.1,4 ст. 263 УК РФ «Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена».

Произошедший за последние 17 лет пересмотр законодательного подхода к правовой сущности состояния опьянения как криминообразующего признака, к его роли в механизме преступного поведения и влиянии на назначенное наказание в сторону его усиления, привел к возникновению ряда трудностей и противоречивых ситуаций при практическом применении соответствующих норм. Так, например, нет четких критериев, которыми должен руководствоваться суд при оценке состояния опьянения как отягчающего наказание. Необоснованным и нарушающим принцип системности представляется учет состояния опьянения в качестве квалифицирующего признака только трех составов «транспортных преступлений». На практике возникают трудности при разграниче-

[30] Федеральный закон «О внесении изменения в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 13.02.2009 № 20-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[31] Федеральный закон «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 21.10.2013 № 270-ФЗ // СПС «КонсультантПюс».

[32] Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части конкретизации понятия «состояние опьянения» от 03.07.2016 № 328-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

нии состояния физиологического и состояния патологического опьянения.

Решение указанных, а также ряда других проблем, видится в дальнейшем изучении теоретических и практических аспектов правовой оценки состояния опьянения с учетом исторического опыта законодательного регулирования данного вопроса в различные периоды развития Российского государства.

Библиографический список

1. Габиани А.А. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения. – Тбилиси, 1968. – 216 с.

2. Герцензон А.А. Введение в советскую криминологию. – М., 1965. – 227 с.

3. Земцов Б.Н. История государства и права России: учеб. пособие. – М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008. – 336 с.

4. История отечественного государства и права: учебник / отв. ред. И.А. Исаев. – М.: Проспект, 2012. – 430 с.

5. История отечественного государства и права: учебник: в 2 ч. Ч. 1. – 3-е изд. / ред. О.И. Чистяков. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2005. – 430 с.

6. История советского уголовного права / А.А. Герцензон [и др.]. – М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. – 466 с.

7. Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах. Справочное издание. – М., 2025. – 1134 с.

8. Лисицин Ю.П., Копыт Н.Я. Алкоголизм: Социально-гигиенические аспекты, 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Медицина, 1983. – 264 с.

9. Мирошниченко Н.А., Музыка А.А. Уголовно-правовая борьба с наркоманией. – Киев: Вища школа, 1988. – 208 с.

10. Пионтковский А.А. К вопросу о причинах преступности в СССР и мерах борьбы с ней / А.А. Пионтковский // Сов. гос-во и право. – 1953. – № 3. – С. 85-98.

11. Проблемы судебной психиатрии. – М., 1961. Вып. 8. – С. 13-47.

12. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР / Всесоюз. ин-т юрид. наук. – Москва: Госюриздат, 1961. – 279 с.

13. Сикорский И. О влиянии спиртных напитков на здоровье и нравственность населения России. – СПб., 1899. – 96 с.

Рецензент: Хмелевская Т.А., доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

ГАЛЮКОВА МАРИЯ ИГОРЕВНА
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Уральского института управления РАНХиГС, 620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 марта д. 66, 753825777@mail.ru

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ПРИМЕНЕНИЮ ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ 238 УК РФ В ОТНОШЕНИИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ: АНАЛИЗ И ТЕНДЕНЦИИ

GALYUKOVA MARIA IGOREVNA
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure at the Ural Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 620144, Russian Federation, Yekaterinburg, 8 March Street, 66, 753825777@mail.ru

JUDICIAL PRACTICE ON THE APPLICATION OF NOTE TO ARTICLE 238 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AGAINST MEDICAL WORKERS: ANALYSIS AND TRENDS

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые и социальные аспекты декриминализации уголовной ответственности врачей за оказание причинение вреда жизни и здоровью в случае ненадлежащего оказания медицинской помощи. Анализируются судебные ошибки на первоначальном этапе применения примечания к ст. 238 УК РФ, а также реакция Верховного Суда РФ, направленная на стабилизацию судебной практики и разъяснения правового механизма применения обратной силы уголовного закона в его непротиворечии с уголовно-процессуальным законодательством.*

Ключевые слова: *декриминализация, уголовная ответственность, уголовное преследование, квалификация, наказание, приговор, врач.*

Review. *The article examines the legal and social aspects of the decriminalization of criminal liability of doctors for causing harm to life and health in the event of improper medical care. It analyzes judicial errors at the initial stage of applying the note to Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the reaction of the Supreme Court of the Russian Federation aimed at stabilizing judicial practice and clarifying the legal mechanism for applying the retroactive force of the criminal law in its consistency with criminal procedure legislation.*

Keywords: *decriminalization, criminal liability, criminal prosecution, qualification, punishment, sentence, doctor.*

Ретроспектива привлечения медицинских работников к уголовной ответственности за причинение вреда жизни и здоровью пациента находится в диапазоне от ст.ст. 109 (ч. 2), 118 (ч. 2) до ст. 238 УК РФ. Напомним, что квалификационный переход к ст. 238 УК РФ был связан со сложностями расследования (многочисленные допросы врачей, назначение первоначальных, дополнительных и повторных экспертиз) и рассмотрения уголовных дел в суде, которые приводили к прекращению уголовного преследования в связи с истечением срока давности по ст. 109 УК РФ (два года). Поскольку ст. 238 УК РФ относится к категории тяжких преступлений, то следователи могли не беспокоиться о сроках предварительного следствия. При этом у исследователей всегда возникало несколько вопросов: 1) насколько обоснована резкая смена категории преступления с небольшой тяжести на тяжкое, 2) по какой причине одно и то же деяние в случае совершения его сотрудником государственной или муниципальной больницы квалифицируется по ст. 109 УК РФ, а если его совершил врач частной клиники, то по ст. 238 УК РФ.

По сути, как справедливо отметила Е.В. Топильская, «основной предмет спора относительно применения ст. 238 УК РФ к ятрогенным преступлениям состоит в возможности отнесения медицинской помощи к услугам»[1].

С 8 января 2025 года вступило в законную силу примечание к ст. 238 УК РФ, постановившее, что действие настоящей статьи не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи[2].

Отметим, что законодательное изменение было воспринято общественностью неоднозначно. С одной стороны, врачи радовались декриминализации их деятельности, с другой стороны, пациенты написали открытое письмо Президенту РФ с просьбой

[1] Топильская Е.В. К вопросу о квалификации ненадлежащего оказания медицинской помощи по ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации // КРИМИНАЛИСТЪ. 2021. № 2 (35). С. 54-60.
[2] Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. №514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

не освобождать медиков от уголовной ответственности[3].

При этом и первая, и вторая социальные позиции являются заведомо ошибочными. Автор данной статьи неоднократно в публичных выступлениях указывал на то, что «прежде чем что-либо декриминализовать, надо это что-либо криминализовать». Итак, статья 238 УК РФ не создавалась под специальный субъект – медицинского работника, она было использована целенаправленно по инициативе Следственного комитета РФ с целью нейтрализовать инертность правоохранительных органов. Одним из первых дел, запустивших механизм применения ст. 238 УК РФ, стало дело Елены Мисюриной, после него статья активно стала применяться в отношении медработников. Основной причиной использования ст. 238 УК РФ со стороны следственных органов послужила неспособность завершения следствия в отведенный срок, в 2020 году в Следственном комитете РФ был создан отдел по расследованию ятрогенных преступлений[4]. Сам факт перехода на новую квалификацию деяний медицинских работников был очень спорен. Разумеется, медицинскому сообществу не понравилось, что действия коллег квалифицируются как тяжкое преступление, особенно в свете сформировавшейся и устойчивой позиции медиков о том, что врачебные ошибки не должны быть уголовно наказуемы, а именно так они расценивают любые случаи летального исхода или любого иного неблагоприятного для пациента исхода. На фоне ярко выраженного демонстративного поведения медицинских работников (высказываний в социальных сетях, конфликтного общения с пациентами) обострился социальный конфликт между врачами и пациентами.

Сама процедура внесения изменений в УК РФ характеризуется скоропалительностью и вызывает обоснованный вопрос: а почему примечание должно относиться только к медицинским работникам?

Но, тем не менее, следует признать факт того, что законодательная инициатива прочно вплетена в канву уголовного закона.

По сути, данное примечание вернуло старую правоприменительную и судебную практику привлечения врачей к уголовной ответственности по ст. 109 УК РФ и ст. 118 УК РФ. Соответственно то, что уголовные дела в отношении врачей теперь прекращают в связи с истечением сроков давности, это не проблема формулирования либо толкования уголовного закона, это проблема его применения.

На дату предоставления статьи в журнал существует всего две работы по изучению практики применения примечания к ст. 238 УК РФ: это совместный труд К.Г. Шаповалова, В.И. Горбачева, С.А. Сумина, Р.А. Ярославкина, Е.С. Нетесина[5] и работа Н.Д. Эриашвили[6]. Отдавая дань уважения авторам, отметим, что в первой работе анализ практики приведен по публикациям в СМИ, вторая работа носит больше теоретический характер.

В рамках данной статьи мы систематизируем практические и академические знания на основе реальных материалов судебной практики[7], которая за период применения примечания с января по июнь 2025 года показала «чудеса» интерпретации данного нововведения. Приведем несколько примеров.

Так, Г., осужденная по ч. 2 ст. 238 УК РФ, обратилась с ходатайством об освобождении от наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, в соответствии со ст. 10 УК РФ. Однако суд отказал ей с формулировкой, что внесенные в Уголовный кодекс РФ поправки затрагивают случаи оказания именно медицинской помощи, однако не распространяют свое действие на случаи оказания платных медицинских услуг (Советский районный суд г. Н. Новгорода)[8].

Б., осужденный тем же приговором суда, что и Г., также заявил данное ходатайство, но ему было отказано с формулировкой, что, обращаясь с указанным ходатайством, заявитель выражает по сути свое несогласие со вступившими в законную силу решениями судов первой и апелляционной инстанции, вмешиваться в которые Московский районный суд г. Н. Новгород не вправе (Московский районный суд г. Н. Новгорода). Обратите внимание на то, что суд почему-то называет приговор решением суда первой инстанции.

Т. также было отказано в удовлетворении ходатайства с формулировкой, что примечание к ст. 238 УК РФ не устраняет преступность деяния, а исключает из субъектов данного общественно опасного деяния медицинских работников в случае оказания ими медицинской помощи. Однако это не исключает, по мнению суда, возможность квалификации их действий по иному составу преступления (постановление Кстовского городского суда Нижегородской области от 03 февраля 2025 года).

Г., осужденный по п.п. «б,в» ч.2 ст. 238 УК РФ, также подал ходатайство об освобождении от нака-

[3] Надеждин И. Путина призвали не освобождать врачей от ответственности за врачебные преступления. URL: https://lenta.ru/news/2024/12/19/putina-prizvali-ne-osvobozhdat-vrachey-ot-otvetstvennosti-za-meditsinskie-prestupleniya/?ysclid=mr81bm9xmx898722808 (дата обращения: 01.09.2025 г.).

[4] См.: Приказ Следственного комитета РФ от 08 октября 2020 г. № 106. URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.09.2025).

[5] Шаповалов К.Г., Горбачев В.И., Сумин С.А., Ярославкин Р.А., Нетесин Е.С. О первых судебных решениях после отмены применения ст. 238 УК РФ в отношении медицинских работников. Краткое сообщение // Вестник интенсивной терапии имени А.И. Салтанова. 2025. №3. С. 213-218.

[6] Эриашвили Н.Д. Актуальные вопросы применения статью 238 УК РФ к медицинским работникам // Закон и право. 2025. № 4. С. 265-270.

[7] За предоставленную практику автор выражает благодарность департаменту «Медика Пруф» ООО «Инмедтех Групп» и лично Артему Владимировичу Зуеву.

[8] Приговор Советского районного суда города Нижнего Новгорода по делу №1-27/2024 // URL: https://sovetsky—nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number= 10771671&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.09.2025).

зания. Постановлением Черновского районного суда города Читы от 14 февраля 2025 года суд приговор и апелляционное определение изменил, переквалифицировал действия Г. на ч.2 ст. 109 УК РФ, назначил новое наказание и по п. «а» ч.1 ст. 78 УК РФ освободил от назначенного наказания в связи с истечением срока давности.

Ц. осужден по ч.2 ст. 238 УК РФ, освобожден от наказания в связи с декриминализацией (Гусиноозерский городской суд Республики Бурятия, постановление от 05 февраля 2025 года).

К. осуждена по ч.1 ст. 238 УК РФ, кассационным постановлением Восьмого кассационного суда общей юрисдикции освобождена от наказания в связи с декриминализацией деяния (дело № 77-545/2925).

На расширенном совещании Научно-консультативного совета Верховного Суда РФ (уголовно-правовая секция) в ходе обсуждения применения примечания к ст. 238 УК РФ глава судебной коллегии по уголовным делам В. Давыдов тактично отметил, что положения бланкетных норм законов об охране здоровья и о защите прав потребителей не позволяют разграничить понятия «медицинская услуга» и «медицинская помощь», в связи с чем в судебной практике вызывает сложности применение норм об уголовной ответственности врачей по статье 238 УК РФ («Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности»)[9].

Имеются обоснованные основания полагать, что именно нестабильная практика применения примечания к ст. 238 УК РФ ускорила принятие Верховным Судом РФ постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2025 г. № 10 «О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона» (далее – Постановление Пленума ВС РФ №10)[10].

Давайте проанализируем, как следует правильно применять примечание к ст. 238 УК РФ в соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ.

Во-первых, вопрос обратной силы уголовного закона напрямую зависит от стадии процесса. И в этом месте наблюдается синергия УК РФ и УПК РФ.

Если предварительное расследование не завершено, то теоретически прекращение уголовного дела возможно на основании ч.2 ст. 24 УПК РФ (отсутствие состава преступления), с последующим рассмотрением вопроса о прекращении уголовного преследования на основании ч.2 ст. 27 УПК РФ. В случае если обвиняемый возражает, то расследование по уголовному делу будет продолжаться, после составления и утверждения обвинительного заключения дело будет передано в суд. Аналогичной позиции придерживаются и К.Г. Шаповалов, В.И. Горбачев, С.А. Сумин, Р.А. Ярославкин, Е.С. Нетесин[11]. Однако на практике, скорее всего, произойдет переквалификация преступления на ст. 109 или ст. 118 УК РФ и прекращение уголовного преследования в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Процедурно прекращение уголовного преследования по данному основанию в силу сложившейся практики произойдет в суде.

Если судом при рассмотрении уголовного дела будет установлено, что преступность деяния устранена уголовным законом, вступившим в силу после направления прокурором уголовного дела в суд, то с учетом требований части 11 статьи 239, части 2 статьи 254 УПК РФ о том, что прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному частью 2 статьи 24 УПК РФ, допускается только с согласия обвиняемого (подсудимого), суду необходимо разъяснить обвиняемому (подсудимому) юридические последствия принятия такого судебного решения и его право возражать против прекращения уголовного дела по данному основанию, а также обеспечить сторонам возможность высказать свою позицию по делу.

При отсутствии возражений обвиняемого (подсудимого) суд принимает решение о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному частью 2 статьи 24 УПК РФ.

В случае, когда обвиняемый (подсудимый) возражает против прекращения уголовного дела по указанному основанию, судебное разбирательство продолжается в обычном порядке с учетом ранее избранной формы судопроизводства. При этом суд, исходя из высказанной сторонами позиции по делу, должен исследовать приведенные ими доводы и представленные в подтверждение этих доводов доказательства, в том числе проверить, имело ли место деяние, квалифицировавшееся прежним уголовным законом как преступление, и обоснованно ли обвинение лица в его совершении.

По результатам судебного разбирательства, при отсутствии оснований для постановления оправдательного приговора или прекращения дела по реабилитирующим основаниям, суд выносит постановление о прекращении уголовного дела в соответствии с частью 2 статьи 24 УПК РФ. На этом этапе прокурор имеет право ходатайствовать о применении положений ст. 237 УПК РФ, чтобы сохранить обвинительный уклон через переквалификацию на ст. 109 УК РФ либо ст. 118 УК РФ.

Если преступность деяния устранена уголовным законом, вступившим в силу после провозглашения

[9] Состоялось расширенное заседание научно-консультативного совета при Верховном Суде России// Верховный суд РФ от 23 июня 2025 года. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/34524/?ysclid=mr82ejz31s153584597 (дата обращения: 01.09.2025).

[10] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2025 г. № 10 «О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 10. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/ 34543/?ysclid=mr82if1qmv151766530 (дата обращения: 01.09.2025).

[11] Шаповалов К.Г., Горбачев В.И., Сумин С.А., Ярославкин Р.А., Нетесин Е.С. О первых судебных решениях после отмены применения ст. 238 УК РФ в отношении медицинских работников. Краткое сообщение // Вестник интенсивной терапии имени А.И. Салтанова. 2025. №3. С. 213-218.

обвинительного приговора, который обжалован сторонами в апелляционном порядке, то суд апелляционной инстанции отменяет этот приговор и, при отсутствии оснований для постановления оправдательного приговора или прекращения дела по реабилитирующим основаниям, прекращает уголовное дело в соответствии с частью 2 статьи 24 УПК РФ (п. 12 Постановления Пленума ВС РФ №10).

В тех случаях, когда новый уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, не применен судом при постановлении приговора либо при пересмотре приговора в апелляционном (статья 389.20 УПК РФ) или кассационном (статья 401.14 УПК РФ) порядке, вопрос о его применении не может быть разрешен по правилам, установленным главой 47 УПК РФ. Такое судебное решение в связи с нарушением требований уголовного закона отменяется или изменяется судом вышестоящей инстанции по жалобам (представлению) сторон (п.11 Постановления Пленума ВС РФ №10).

Рассмотрим еще один пример неправильного применения положений ст. 10 УК РФ во взаимосвязи с разъяснениями нового постановления Пленума ВС РФ, в этот раз из практики Верховного Суда РФ.

Действия Шматова судом первой инстанции квалифицированы по ч.1 ст.238 УК РФ как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности здоровья потребителей.

С данной квалификацией действий Шматова согласился суд апелляционной инстанции, оставив приговор по существу без изменения. Второй кассационный суд общей юрисдикции, рассматривая уголовное дело в отношении Шматова, не ставя под сомнение доказанность действий Шматова и их квалификацию по ч.1 ст. 238 УК РФ, сослался в постановлении на внесенные в ст. 238 УК РФ Федеральным законом от 28 декабря 2024 года № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» изменения, согласно которым ст. 238 УК РФ дополнена примечанием, в соответствии с которым действие ст. 238 УК РФ не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи, и применил в отношении Шматова положения ст. 10 УК РФ, указав, что действия Шматова, исходя из положений ст. 10 УК РФ, как врача-хирурга по оказанию медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, не могут квалифицироваться по ч.1 ст. 238 УК РФ, а также привел в постановлении свои суждения об отсутствии в действиях Шматова состава какого-либо иного преступления, в том числе предусмотренного ст. 118 УК РФ, в связи с чем пришел к выводу о том, что в силу требований ч.2 ст.24 УПК РФ уголовное дело подлежит прекращению по основанию, предусмотренному п.2 ч.1 ст.24 УПК РФ, так как преступность и наказуемость деяния, за которое Шматов был осужден, были устранены новым уголовным законом.

Так, согласно ст. 10 УК РФ уголовный закон, устраняющий преступность деяния или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость.

Вместе с тем, в соответствии с п.6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2025 г. № 10 «О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона» положения статьи 10 УК РФ ограничивают распространение нового уголовного закона, которому придается обратная сила, моментом погашения или снятия судимости, поскольку с данного момента устраняются все правовые последствия, предусмотренные УК РФ, связанные с судимостью (часть 6 статьи 86 УК РФ). С учетом этого по общему правилу пересмотр приговора по основаниям, предусмотренным статьей 10 УК РФ, возможен до погашения или снятия судимости.

Аналогичная позиция изложена Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 26.03.2020г. № 799-О, в котором отмечено, что с завершением уголовно-правовых отношений исключаются и возможность, и необходимость применения положений нового уголовного закона к лицу, на которое никакие уголовно-правовые последствия, обусловленные совершенным им преступлением, уже не распространяются[12].

В соответствии с ч. 2 ст. 86 УК РФ, п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.06.2022 г. № 14 « О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» считается несудимым лицо, в отношении которого вступил в законную силу обвинительный приговор с назначением наказания, от отбывания которого осужденный полностью освобожден, в частности, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования[13].

Изменения, содержащиеся в примечании к ст. 238 УК РФ, декриминализующие преступность и наказуемость действий медицинских работников по оказанию медицинских услуг, введены Федеральным законом от 28.12.2024 г. № 514-ФЗ и подлежали применению с 08.01.2025 г.

[12] Определение Конституционного суда РФ от 26 марта 2020 года № 799-о/2020 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ковалевича Геннадия Михайловича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 13 статьей 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision464289.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

[13] Постановление Пленума Верховного Суда РФ №14 от 07 июня 2022 года «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» // URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/31227/?ysclid=mr82xeq3wg342840036 (дата обращения: 01.09.2025).

Однако приговор в отношении Шматова, согласно которому он освобожден от наказания за истечением срока давности уголовного преследования и считался несудимым, вступил в законную силу 12.08.2024 г., то есть до принятия нового уголовного закона.

Таким образом, учитывая, что на момент рассмотрения уголовного дела в кассационном порядке приговор в отношении Шматова вступил в законную силу и Шматов считался несудимым по вышеуказанным основаниям, Судебная коллегия находит решение суда кассационной инстанции об отмене приговора и апелляционного постановления с прекращением уголовного дела на основании п.2 ч.1 ст.24 УПК РФ за отсутствием в действиях Шматова состава преступления, как принятое без учета вышеприведенных требований закона.

Кроме того, признавая за Шматовым право на реабилитацию в соответствии с п. 4 ч.2 ст. 133 УПК РФ, суд кассационной инстанции не учел, что согласно ч.4 ст. 133 УПК РФ правила о реабилитации не распространяются на случаи, когда меры процессуального принуждения или постановленный обвинительный приговор отменены или изменены ввиду принятия закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния[14].

На положения данной нормы закона (ч.4 ст. 133 УПК РФ) обращено внимание и в п. 14 вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2025 г. № 10. Данная позиция отражена и в определении Конституционного Суда РФ от 28.02.2019 г. № 552-О, в котором отмечено, что принятие закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния, не свидетельствует о незаконности предшествующего уголовного преследования и поэтому не подпадает под критерии норм закона, предполагающих реабилитацию[15].

Таким образом, после введения в ст. 238 УК РФ примечания наблюдалась крайне неоднозначная и нестабильная судебная практика. Принятие Верховным Судом РФ постановления Пленума от 24.06.2025 г. № 10 явилось логичным и закономерным шагом в свете сложившейся ситуации. Однако, данное постановление Пленума требует внимательного изучения и анализа, так как содержит в себе сложные смысловые конструкции сочетающие нормы как УК РФ, так и УПК РФ. На наш взгляд, самый эффективным способом приведения вступившего в законную силу приговора в соответствие с примечанием к ст. 238 УК РФ будет являться кассационный порядок пересмотра. К сожалению, вопрос обратной силы закона на стадии предварительного расследования не комментирован и остается на усмотрение правоприменителя. Нам остается только выразить надежду, что следователи и прокуроры поддержат направление стабилизации практики по данному вопросу.

Библиографический список

1. Топильская Е.В. К вопросу о квалификации ненадлежащего оказания медицинской помощи по ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации // КРИМИНАЛИСТЪ. – 2021. – № 2 (35). – С. 54-60.

2. Шаповалов К.Г., Горбачев В.И., Сумин С.А., Ярославкин Р.А., Нетесин Е.С. О первых судебных решениях после отмены применения ст. 238 УК РФ в отношении медицинских работников. Краткое сообщение // Вестник интенсивной терапии имени А.И. Салтанова. – 2025. – №3. – С. 213-218.

3. Эриашвили Н.Д. Актуальные вопросы применения статью 238 УК РФ к медицинским работникам // Закон и право. – 2025. – №4. – С. 265-270.

Рецензент: Шнитенков А.В., профессор кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент.

[14] Определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 июля 2025 г. № 5-УДП25-52-К2// URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2477474 (дата обращения: 01.09.2025).

[15] Там же.

ЖЕРЕБЯТЬЕВ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), мировой судья в отставке, 46000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50, igoriviv@mail.ru

САЮШКИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, Elena.zrb@mail.ru

СПЕЦИАЛИСТЫ И ЭКСПЕРТЫ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ 1864 ГОДА: ИХ РОЛЬ В ДОКАЗЫВАНИИ

ZHEREBYATYEV IGOR VLADIMIROVICH
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law Sciences of the Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MGUA), retired Justice of the Peace, 46000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50, igoriviv@mail.ru

SAUSHKINA ELENA VLADIMIROVNA
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law Sciences of the Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MGUA), 460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50, Elena.zrb@mail.ru

SPECIALISTS AND EXPERTS ON THE STATUTE OF CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA OF 1864: THEIR ROLE IN PROVING

Аннотация. *В статье исследуется эволюция института сведущих лиц в российском уголовном судопроизводстве на примере Судебных уставов 1864 года в контексте становления системы доказательств. Раскрыта трансформация практики «осмотра посредством сведущих людей» в заключение эксперта, а также нормативная регламентация привлечения лиц со специальными знаниями по Уставу уголовного судопроизводства (УУС).*

Проанализирован круг сведущих лиц (врачи, оценщики, фотографы, переводчики и др.) и разграничены их функциональные роли: в УУС эксперт и специалист нормативно не разделялись, но различались по характеру деятельности. Рассмотрены формы участия сведущих лиц, включая коллегиальные освидетельствования, правила постановки вопросов, элементы экспертной инициативы. Освещены исторические предпосылки формирования институтов повторной и комиссионной экспертиз.

Отдельно рассмотрен статус переводчика как особой категории сведущего лица – с акцентом на специфику его роли.

Сделан вывод о том, что положения УУС заложили основы современного института судебной экспертизы и привлечения специальных знаний в уголовное судопроизводство, а выработанные тогда подходы сохраняют актуальность и отражаются в действующем уголовно-процессуальном законодательстве и судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: *сведущие лица, судебная экспертиза, Устав уголовного судопроизводства, специальные знания, уголовный процесс, Судебная реформа 1864 года, институт экспертизы.*

Review. *The article examines the evolution of the institution of experts in Russian criminal proceedings on the example of the Judicial Statutes of 1864 in the context of the formation of the system of evidence. It reveals the transformation of the practice of «examination by experts» into the conclusion of an expert, as well as the regulatory framework for the involvement of persons with special knowledge under the Statute of Criminal Procedure (UUS).*

The article analyzes the range of knowledgeable persons (doctors, appraisers, photographers, translators, etc.) and distinguishes their functional roles: in the UUS, the roles of experts and specialists were not legally separated, but they differed in terms of their activities. The article examines the forms of participation of knowledgeable persons, including collegial examinations, the rules for posing questions, and the elements of expert initiative. The article also highlights the historical background of the formation of the institutions of repeated and commission examinations.

The status of a translator as a special category of a knowledgeable person is considered separately, with an emphasis on the specifics of his role.

It is concluded that the provisions of the Criminal Procedure Code laid the foundations for the modern institution of forensic expertise and the use of special knowledge in criminal proceedings, and the approaches developed at that time remain relevant and are reflected in the current criminal procedure legislation and forensic activities.

Keywords: *knowledgeable persons, forensic examination, Criminal Procedure Code, special knowledge, criminal proceedings, Judicial Reform of 1864, and the Institute of Expertise.*

«Великие реформы». Эти два слова вызывают в памяти сведущих людей образ императора Александра II, которого, несомненно, не зря считают одним из величайших реформаторов дореволюционной России. Для юридической профессии, на наш взгляд, важны все проведенные за время правления Александра II реформы. Но в рамках представленного исследования мы остановимся на реформе судебной системы 1864 года, в частности – на преобразованиях, произошедших в рассмотрении и разрешении по существу уголовных дел.

Разрешить (решить, как выражались дореволюционные ученые) дело в порядке уголовно-судебном, означает: «1) установить наличность или отсутствие известного события, с теми внешними и внутренними признаками, которые имеют определенное уголовно-юридическое значение, и 2) подвести это событие под соответствующую правовую норму, применив к нему закон»[1]. В свою очередь, как отмечал другой известный процессуалист того времени, все судебные действия в уголовном процессе имеют главною целью констатировать вопрос о виновности или невиновности подсудимого. Достигается это посредством доказательств. Поэтому вся деятельность процесса сводится в сущности к собиранию доказательств и пользованию ими[2].

По Уставу уголовного судопроизводства[3] (далее по тексту – УУС) можно выделить следующие доказательства: 1) показания обвиняемого (подсудимого); 2) показания свидетелей; 3) экспертиза; 4) осмотр и освидетельствование; 5) обыск и выемка; 6) вещественные и письменные доказательства; 7) косвенные доказательства (улики); 8) дознание через окольных людей.

Как мы видим, УУС предусматривал достаточно сложную и логическую систему доказательств, среди которых мы видим и одно из тех, что является целью нашего исследования – экспертизу (заключение эксперта). Следует отметить, что УУС не предусматривал, в отличие, например, от Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года (Глава 3) или Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 года (Раздел 2) специальной (легальной) классификации участников уголовного судопроизводства.

Поэтому УУС не содержал и прямого указания на фигуру специалиста, хотя его специальные знания применялись достаточно часто в виде консультирования. В частности, ст. 335 УУС предписывала оценку имущества, добытого или поврежденного преступным путем, производить через присяжных-оценщиков[4]. В соответствии со статьей 339 УУС к осмотру и освидетельствованию мертвых тел священнослужителей и монашествующих приглашались местный благочинный или настоятель монастыря, смотря по тому, к какому из сих духовных сословий принадлежало лицо, умершее насильственной смертью.

Вместе с тем, исходя из анализа как текста УУС, так и научной литературы тех лет, мы можем с уверенностью утверждать, что эксперт как самостоятельный участник уголовного судопроизводства и источник доказательственной информации выделялся особо, в отличие, например, от дореформенного законодательства 19-го столетия, в котором в качестве «источника для исследования преступлений» (т.е. доказательства) выделялся лишь «осмотр посредством сведущих людей»[5].

Для достижения цели нашего исследования позволим себе немного подробнее остановиться на указанном виде доказательств.

Исходя из анализа литературы того времени мы можем констатировать, что «осмотр посредством сведущих людей» является прямым предшественником заключения эксперта, так как к подобному осмотру допускались те лица, которые имеют особенные познания и искусства, опытность в какой-либо науке, искусстве или ремесле, недостающие следователю и судье. В качестве примера приводятся: сличение почерка в случае сомнения и установления Конкурса по делам торговым для постановления решения о том, была ли несостоятельность злонамеренная, которая подлежит уголовному суду, или же она была другого свойства[6]. При этом «совершенным» доказательством считалось лишь свидетельство медицинских чиновников, когда оно было сделано на законном основании и содержало ясное и положительное удостове-

[1] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Издание третье, пересмотренное и дополненное. Т. II. С.-Петербург: Сенатская типография, 1910. С. 169.

[2] Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М.: Склад издания в книжном складе М.В. Клюкина, 1910. С. 197.

[3] Устав уголовного судопроизводства. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/ (дата обращения: 21.02.2026).

[4] Тонков Е.Е., Каторгина Н.П. Зарождение и развитие института специальных знаний в российском судопроизводстве: конституционный анализ // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2016. № 24 (245). Выпуск 38. С. 129.

[5] См., напр.: Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М.: ЛексЭст», 2001; Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М.: ЛексЭст», 2001 и др.

[6] Линовский В.А. Указ. соч. С. 74.

рение об исследованном предмете и не противоречит достоверным обстоятельствам дела[7].

Таким образом, мы видим прямую трансформацию проанализированного «источника для исследования преступлений» в такой вид доказательства, как заключение эксперта по УУС.

В начале необходимо определиться с тем, кто считался экспертом по УУС – это лица, приглашаемые в тех случаях, когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии (статья 325 УУС)[8]. В качестве сведущих людей могут быть приглашаемы: врачи, фармацевты, профессора, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретшие особенную опытность (статья 326 УУС).

В УУС эксперты и специалисты не разграничивались. Самостоятельность экспертизы как способа доказывания ещё не была чётко обозначена. Тем не менее в этом документе уже можно увидеть зачатки судебной экспертизы.

В частности, Н.Н. Розин подразделял экспертизы на: 1) судебно-медицинскую; 2) микроскопическую и химическую; 3) антропометрическую (как ее подвид – дактилоскопическую); 4) каллиграфическую; 5) фотографическую; 6) литературную, художественную, сценическую[9]. М.В. Духовской и С.И. Викторский особо выделяли экспертизу психиатрическую[10].

Вместе с тем, ученые того времени уже подразделяли и экспертов на две категории: 1) основывающих свои заключения или на науке или на опытности в ремесле, занятии, промысле, и 2) «справочные свидетели», которые вызывались лишь для того, чтобы осветить какой-либо факт в деле (например, бухгалтер для объяснения порядка счетоводства, банковский чиновник для объяснения порядка хода банковских операций)[11].

По делам о подделке монет и кредитных бумаг поддельные монеты и кредитные бумаги отсылаются на испытание: первые – в Департамент горных и соляных дел, а последние – в Экспедицию заготовления государственных бумаг (ст. 1161 УУС). При этом, в соответствии со статьей 578 УУС стороны могли просить о вызове в суд не только свидетелей, но и сведущих людей для объяснения какого-либо предмета или для поверки сделанного уже испытания. Расширение перечня сведущих лиц, привлекаемых для «отыскания истины», было обусловлено сложностью доказательственной деятельности по ряду преступлений, для раскрытия и расследования которых знаний судебного следователя или судьи было недостаточно. Кроме того, УУС признавали в качестве критерия привлечения сведущих лиц не только наличие специального (как правило – университетского) образования, длительной профессиональной деятельности, но и ремесленные, промысловые и иные подобные навыки, не требующие особой теоретической подготовки, но предполагающие длительные упражнения для их приобретения. Такой подход существенно расширил возможности привлечения сведущих лиц в процесс раскрытия, расследования преступлений и судебного разбирательства уголовных дел[12].

Судебные уставы устанавливали не только единоличные, но и коллегиальные формы участия сведущих лиц в уголовном судопроизводстве. Например, комиссия из инспектора или члена военной управы и двух врачей должна была освидетельствовать всякого подследственного арестованного, подающего повод заподозрить у него душевную болезнь (ст.ст. 355, 356 УУС). В важных случаях судебный следователь мог пригласить к освидетельствованию мертвого тела не одного, а нескольких врачей, не исключая и того, который пользовал умершее лицо, если требуется объяснение хода болезни и лечения (ст. 338 УУС). Данные правовые новеллы заложили базу для формирования в будущем института повторной и комиссионной экспертиз.

Исторические данные указывают на то, что первыми специализированными знаниями, применявшимися в рамках уголовного судопроизводства, являлись медицинские знания. Положения УУС свидетельствуют о том, что компетентность была одним из обязательных требований к сведущим лицам. Обратимся к статье 350 УУС: в ней закреплено, что в ходе медицинских исследований повивальные бабки не приглашались для самостоятельного судебно-медицинского освидетельствования женщин. Проводить такие осмотры, освидетельствования и исследования имели право исключительно врачи.

Л.А. Зашляпин отмечает следующее обстоятельство: «судебный устав Александра II, дифференцируя носителей медицинских знаний, тем не менее предлагал для участия в рассматриваемом следственном действии лишь судебного врача (ст. 336 УУС), выполняющего свою функцию ex officio, как и современный судебно-медицинский эксперт (ч. 1 ст. 178 УПК РФ), что демонстрирует современному законодателю нормативную идею de lege ferenda»[13].

[7] Линовский В.А. Указ. соч. С. 167-168; Баршев Я.И. Указ. соч. С. 135-136.
[8] Интересным будет отметить, что сам УУС не содержит такого понятия, как «эксперт», а также называет подобных лиц «сведущими людьми» (например, статьи 112, 113, 315, 325, 326 и т.д.). Равным образом не содержит УУС и понятия «специалист».
[9] Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Второе издание, измененное и дополненное. С.-Петербург: Издание Юридического книжного склада «Право», 1914. С. 384-387.
[10] Духовской М.В. Указ. соч. С. 235; Викторский С.И. Русский уголовный процесс. Учебное пособие. М.: Юридическое бюро «Городец», 1997. С. 301-303.
[11] Духовской М.В. Указ. соч. С. 229.
[12] Гришина Е.П. Теоретико-правовый механизм использования специальных познаний в российском уголовном судопроизводстве в контексте его назначения и состязательных начал. М.: «Юрлитинформ», 2016. С. 59.
[13] Зашляпин Л.А. Правовое положение врача в осмотре трупа по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. // LEGAL BULLETIN. 2024. Т. 9. № 4. С. 51-52.

Судебный врач действовал на основе УУС и Устава судебной медицины при исследовании мертвых и живых лиц. Так, при осмотре мертвого тела врач, «по возможности, разъясняет присутствующим значение всякого пятна, знака, раны, повреждения и болезненных изменений...» а также отвечал на вопросы (статья 341).

В случае сомнений следователь мог обратиться в орган, руководивший деятельностью медиков – во врачебную управу, которая могла разрешать сомнения. Также он мог прибегнуть к дополнительным объяснениям от врачей, или назначить переосвидетельствование (статья 346 УУС).

Регламентация проведения исследования сведущими людьми носит еще самый общий характер. Но проведение исследований судебными врачами оговорено более подробно, уже указываются правила исследований и круг обязательных вопросов, требующих разрешения. Основные правила проведения судебно-медицинских исследований были детально регламентированы еще в Указе 1828 года. УУС лишь подвел под них новую законодательную основу. Заключение судебного врача по структуре очень напоминало современное экспертное заключение[14].

Следует отметить, что приведенные положения прежнего российского процессуального законодательства оказали решающее влияние на разработанные Народным комиссариатом здравоохранения РСФСР в первые годы после революции инструкции о судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизах. Так, в Положении о правах и обязанностях государственных медицинских экспертов от 28 февраля 1919 г. в примечании к § 4 отмечалось: «Медицинский эксперт вправе... производить осмотры местностей и помещений, опрашивать потерпевших, свидетелей и сведущих лиц и принимать другие меры для выяснения тех обстоятельств, которые имеют существенное значение для выполнения экспертизы»[15].

Судебный следователь мог устно или письменно формулировать вопросы для сведущего лица, которые требовалось разрешить. При этом сведущее лицо не было полностью лишено самостоятельности в исследовании представленных обстоятельств. В статье 333 УУС содержится упоминание о задатках экспертной инициативы: «Сведущие люди, производя освидетельствование, не должны упускать из виду и таких признаков, на которые следователь не обратил внимание, но исследование коих может привести к открытию истины».

Кроме того, в соответствии со статьей 1160 УУС «По нарушениям, для исследования коих необходимы специальные знания, судебный следователь требует сведущих людей из числа служащих в казенном управлении, но ему не возбраняется пригласить вместе с должностными и частные лица, известные своими специальными сведениями».

1 января 1893 г. по решению Государственного совета Российской империи учреждена первая государственная лаборатория фотографических исследований при прокуратуре судебной палаты. В этой лаборатории опытные сведущие лица-фотографы выявляли и закрепляли на фотоснимках подделку документов, подписей, даже проводили при помощи своей аппаратуры экспертизу поддельных денег. Именно поэтому присяжных фотографов также относили к числу специалистов (выражаясь языком современного процессуального законодательства)[16].

Анализируя роль сведущих лиц по УУС, невозможно, как нам видится, обойти своим вниманием такого участника уголовного судопроизводства, как переводчик («толмач»).

Так, И.Я. Фойницкий писал: «Переводчики оказываются нужными суду, когда в деле встречается доказательство на чужом или непонятном для суда языке; чаще всего нужда в них встречается относительно свидетелей и подсудимых преимущественно в наших отдаленных окраинах, но нужда эта может встретиться и по отношению к письменным доказательствам. По природе своей переводчики – доказательство вторичное; особенно опасным представляется оно, когда приходится иметь несколько переводчиков для последовательного перевода с двух-трех наречий. Весьма важно поэтому обеспечить надежность личного состава переводчиков. Это достигается частью тем, что они выбираются из лиц, имеющих все качества достоверных свидетелей, и дают свои переводы под присягой (ст. 410, 450, 730, 731 УУС), частью даже назначением особых для этой цели должностных лиц (ст. 449 УУС). Если подлежащее допросу лицо объясняется лишь непонятными для суда знаками, например, глухонемой, то значение переводчиков имеют толмачи (ст. 411, 450, 730, 731 УУС)»[17].

Отметим, что переводчика «роднит» со специалистом (в большей степени, чем с любым иным сведущим лицом) обладание специальными познаниями, общая процедура вовлечения в процесс, схожесть прав, обязанностей и ответственности. Но, как отмечается уже в современной научной литературе, они не являются равнозначными фигурами[18]. Переводчик работает только с уже имеющейся информацией. Он передаёт данные участникам судопроизводства в доступной для них форме, но не создаёт новых сведений[19].

[14] Исаева Л.М. Развитие правового регулирования использования медицинских знаний в уголовном судопроизводстве царской России // Медицинская экспертиза и право. 2013. № 5. С. 66.

[15] Цит. по: Мельник С.Л., Ревенко Я.Д. К вопросу о становлении института экспертной инициативы при производстве судебно-медицинских экспертиз в России // Журнал российского права. 2017. № 2 (242). С. 126. Отметим, что эти идеи, заложенные еще в УУС, через законодательство советской эпохи во многом были реципированы и современным отечественным процессуальным законодательством и судебно-экспертной деятельностью.

[16] Викторский С.И. Указ. соч. С. 222.

[17] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. С.-Петербург: Издательство «АЛЬФА», 1996. С. 265-266.

[18] Гришина Е.П. Указ. соч. С. 115.

[19] Вместе с тем следует отметить, что как процессуальная фигура с самостоятельным статусом переводчик получил свое закрепление фактически только в УУС – *Авт.*

Итак, на основе анализа норм УУС можно сделать вывод о том, что законодатель того времени акцентировал внимание на важности компетенции сведущего лица. Эти положения тесно связаны с действующим уголовно-процессуальным законодательством. В нём, например, зафиксированы требования к эксперту (специалисту), определены профессиональные и образовательные критерии, а также условия их привлечения к производству следственных и иных процессуальных действий.

Библиографический список

1. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. – М.: ЛексЭст», 2001. – 209 с.

2. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. Учебное пособие. – М.: Юридическое бюро «Городец», 1997. – 447 с.

3. Гришина Е.П. Теоретико-правовый механизм использования специальных познаний в российском уголовном судопроизводстве в контексте его назначения и состязательных начал. – М.: «Юрлитинформ», 2016. – 296 с.

4. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. – М.: Склад издания в книжном складе М.В. Клюкина, 1910. – 464 с.

5. Зашляпин Л.А. Правовое положение врача в осмотре трупа по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. // LEGAL BULLETIN. – 2024. – Т. 9. – № 4. – С. 48-61.

6. Исаева Л.М. Развитие правового регулирования использования медицинских знаний в уголовном судопроизводстве царской России // Медицинская экспертиза и право. – 2013. – № 5. – С. 63-67.

7. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. – М.: ЛексЭст», 2001. – 222 с.

8. Мельник С.Л., Ревенко Я.Д. К вопросу о становлении института экспертной инициативы при производстве судебно-медицинских экспертиз в России // Журнал российского права. – 2017. – № 2 (242). – С. 124-130.

9. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Второе издание, измененное и дополненное. – С.-Петербург: Издание Юридического книжного склада «Право», 1914. – 546 с.

10. Тонков Е.Е., Каторгина Н.П. Зарождение и развитие института специальных знаний в российском судопроизводстве: конституционный анализ // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. –2016. – № 24 (245). – Выпуск 38. – С. 128-134.

11. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Издание третье, пересмотренное и дополненное. Т. II. – С.-Петербург: Сенатская типография, 1910. – 582 с.

12. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. С.-Петербург: Издательство «АЛЬФА», 1996. – 606 с.

Рецензент: Шамардин А.А., доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

ЖОВНИР СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, тел. 8 (3532) 72-22-77, e-mail:post@oimsal.ru

ВОЛЫНКИНА МАРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА
студентка Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, тел. 8 (901) 099-56-65, e-mail: maryev19@mail.ru

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

ZHOVNIR SERGEY ALEKSANDROVICH
Candidate of Law. Associate Professor of the Department of Criminal Law Sciences, Orenburg Institute (branch) Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, phone: 8 (3532) 72-22-77, post@ oimsal.ru

VOLYNKINA MARIA EVGENIEVNA
Student of the Orenburg Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, tel. 8 (901) 099-56-65, e-mail: maryev19@mail.ru

DIFFERENTIATION OF CRIMES INVOLVING ILLEGAL TRAFFIC IN PERSONAL DATA

Аннотация. *В статье исследуются вопросы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом персональных данных в контексте конкуренции общей нормы (ст. 272 УК РФ) и специальной нормы (ст. 272.1 УК РФ), введенной Федеральным законом от 30 ноября 2024 года № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»*[*]*. Актуальность темы обусловлена ростом числа хищений баз данных, развитием технологий искусственного интеллекта и необходимостью выработки единообразных подходов к разграничению составов. Исследование судебной практики показывает, что правоприменитель часто квалифицирует действия по ст. 272 УК РФ ввиду «понятности» ее состава и, напротив, сложности доказывания оборота данных по ст. 272.1 УК РФ. Рассмотрены правовые позиции Конституционного Суда РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.*

Ключевой проблемой является разграничение информации, составляющей охраняемую законом тайну, и информации, доступ к которой ограничен самим обладателем. Рассмотрено предложение Проекта Федерального закона № 1133088-8 «О внесении изменения в ст. 272.1 УК РФ»[**]*, предлагающее включить в диспозицию ст. 272.1 УК РФ указание на «автоматизированную обработку» персональных данных.*

Обоснована необходимость дополнения ст. 272.1 УК РФ действиями в виде «автоматизированной обработки», «приобретения» данных и критерием «заведомости» – осведомленности виновного о том, что информация не предназначена для свободного распространения либо получена незаконным путем. Предложена авторская редакция ч.1 ст. 272.1 УК РФ, позволяющая устранить конкуренцию с составом преступления, предусмотренным ч.1 ст. 272 УК РФ, отграничить ее от административной ответственности по ст. 13.11 КоАП РФ.

Ключевые слова: *персональные данные, неправомерный доступ, компьютерная информация, ст. 272 УК РФ, новая редакция ст. 272.1 УК РФ, охраняемая законом тайна, автоматизированная обработка данных, киберпреступность, нейросеть, искусственный интеллект, дипфейк.*

Abstract: *The article examines the issues of qualification of crimes related to the illegal circulation of personal data*

[*] Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «Гарант».

[**] Проект Федерального закона № 1133088-8 «О внесении изменения в статью 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (архив) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1133088-8 (дата обращения: 10.02.2026).

in the context of the competition between the general norm (Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the special norm (Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), introduced by Federal Law № 421-FZ of November 30, 2024 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation». The relevance of the topic is due to the growing number of database thefts, the development of artificial intelligence technologies and the need to develop uniform approaches to the differentiation of compositions. A study of judicial practice shows that law enforcement agencies often classify actions under Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation due to the «clarity» of its composition and, on the contrary, the difficulty of proving the circulation of data under Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation have been considered. The key issue is the distinction between information that is protected by law and information that is restricted by the owner. The proposal of Draft Federal Law № 1133088-8 «On Amending Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation» has been considered, which proposes to include the phrase «automated processing» of personal data in the disposition of Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The necessity of supplementing Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation with actions in the form of «automated processing» and «acquisition» of data, as well as the criterion of «knowledge» – the perpetrator's awareness that the information is not intended for free distribution or has been obtained illegally – is substantiated. The author's version of Part 1 of Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed, which eliminates competition with Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation and distinguishes it from administrative liability under Article 13.11 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Keywords: *personal data, unauthorized access, computer information, Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation, new version of Article 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, legally protected secret, automated data processing, cybercrime, neural network, artificial intelligence, deepfake.*

Долгое время уголовно-правовая охрана персональных данных осуществлялась посредством ст. 137 УК РФ («Нарушение неприкосновенности частной жизни») и ст. 272 УК РФ («Неправомерный доступ к компьютерной информации»). Однако стремительный рост числа хищений баз данных и купли-продажи информации из государственных и коммерческих структур потребовал от законодателя более гибкого реагирования. По данным Роскомнадзора, только за 2024 год количество хищений персональных данных в России увеличилось на 40%, а объем скомпрометированных записей превысил 500 млн[1]. Это создает реальную угрозу конституционным правам граждан, гарантированных ст. 23 и ст. 24 Конституции РФ, требует адекватного уголовно-правового противодействия.

Федеральным законом от 30 ноября 2024 года № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» уголовный закон РФ был дополнен статьей 272.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за незаконный оборот компьютерной информации, содержащей персональные данные. Несмотря на цель выделения персональных данных в особый предмет охраны, правоприменительная практика столкнулась с проблемой конкуренции уголовно-правовых норм, предусмотренных статьями 272 и 272.1 УК РФ.

Ключевое различие составов заключается в определении предмета преступления и характера защищаемой информации.

Объективная сторона ст. 272 УК РФ состоит в неправомерном доступе к «охраняемой законом компьютерной информации». Это информация, для которой законодателем установлен специальный режим правовой защиты (государственная, коммерческая, банковская тайна и т.д.), и собственник которой принимает меры к ее охране[2]. Согласно позиции Верховного Суда РФ, информация признается охраняемой законом, если доступ к ней ограничен федеральным законом (например, Законом о коммерческой тайне, Законом о банковской тайне и т.п.)[3]. Иными словами, речь идет о намеренном нарушении установленной защиты такой информации.

Статья 272.1 УК РФ, напротив, криминализует незаконные «использование, передачу, сбор и хранение» компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной нелегальным путем. Здесь законодатель смещает акцент с обстоятельств незаконного доступа на неправомерность происхождения самих данных. Так, например, лицам, осуществлявшим незаконную продажу сведений из ведомственных информационных ресурсов о владельцах транспортных средств было предъявлено обвинение по пп. «а, в, г» ч. 3 ст. 272.1 УК РФ[4]. Информация была получена с использованием служебного положения (доступа к базам данных ГИБДД РФ) и впоследствии передавалась за вознаграждение. В данном случае произошло незаконное использование персо-

[1] Роскомнадзор. Доклад о состоянии защиты персональных данных в 2024 году. Москва, 2025. С. 12-15. URL: https://rkn.gov.ru/activity/plans/reports/ (дата обращения: 11.02.2026).

[2] Определение СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.08.2025 по делу № 8Г-10400/2025 [88-10958/2025]. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=34375434&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 11.02.2026).

[3] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2025): [утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.10.2025]. URL: https://www.vsrf.ru/documents/reviews/34715 (дата обращения: 15.02.2026).

[4] В Костроме четырем фигурантам предъявлено обвинение в незаконной передаче компьютерной информации, содержащей персональные данные. URL: https://kostroma.sledcom.ru/news/item/2017282/ (дата обращения: 15.02.2026).

нальных данных, а не просто неправомерный доступ к ним. Органами предварительного следствия действия виновных лиц были квалифицированы по ст. 272.1 УК РФ, поскольку персональные данные изначально были получены путем злоупотребления должностными полномочиями, и целью являлась их продажа (распространение).

Проблема разграничения возникает в ситуации, когда информация не составляет охраняемую законом тайну в привычном для нас понимании (например, логин и пароль от личного кабинета на портале «Госуслуги», которые пользователь установил сам), но при этом ее получение и использование нарушает права гражданина. Возникает вопрос: является ли такая информация «охраняемой» по смыслу ст. 272 УК РФ? Полагаем, что суды, сталкиваясь с указанной неопределенностью, идут по более легкому пути, квалифицируя содеянное по ст. 272 УК РФ, так как состав неправомерного доступа является материальным и более «понятен» с точки зрения доказывания факта несанкционированного преодоления парольной защиты. Для квалификации же по ст. 272.1 УК РФ необходимо доказать не только факт доступа, но и дальнейшее распространение (использование) информации, а также установить источник незаконного получения данных, что существенно сложнее. По мнению Е.А. Русскевича, такую информацию нельзя рассматривать как «охраняемую законом», поскольку режим ее конфиденциальности установлен самим пользователем, а не законом[5]. Вместе с тем, Конституционный Суд РФ в ряде своих определений указывал: право на неприкосновенность частной жизни означает, что любая информация о частной жизни лица, включая его персональные данные, охраняется государством независимо от того, установлен ли для нее специальный режим тайны[6].

Так, 16 февраля 2026 года прокуратура Заиграевского района Республики Бурятия утвердила обвинительное заключение в отношении местного жителя, который в 2023-2024 годах получал доступ к личным кабинетам граждан на портале «Госуслуги» и оформлял микрозаймы. Он обвинялся по 111 эпизодам преступлений, предусмотренным ч.2 ст. 272 УК РФ («Неправомерный доступ к компьютерной информации»), п. «в» ч.3 ст. 159.6 УК РФ («Мошенничество в сфере компьютерной информации»), ч.3 ст. 30 и п.«в» ч.3 ст. 159.6 УК РФ («Покушение на мошенничество в сфере компьютерной информации»)[7]. Преступления совершались в период действия ст. 272.1 УК РФ, однако обвинение предъявлено по «старой» норме. Почему? Хотя информация на портале «Госуслуги» содержит персональные данные, основой обвинения стали именно обстоятельства неправомерного доступа к учетной записи (взлом пароля), то есть нарушение конфиденциальности информации, защищаемой самим пользователем и оператором системы. Состав ст. 272УК РФ здесь выглядел очевиднее для следствия, так как не требовал доказывания цели дальнейшего использования данных – сам доступ уже преступен.

Проведенный анализ правоприменительной практики действия ст. 272.1 УК РФ подтверждает тезис о «привыкании» судов к ст. 272 УК РФ. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за первое полугодие 2025 года по ст. 272 УК РФ было осуждено 340 человек, тогда как по ст. 272.1 УК РФ – всего 12[8]. Это наглядно свидетельствует о том, что новая норма пока не стала работающим инструментом.

Важно определение момента разглашения конфиденциальной информации. Восьмой кассационный суд общей юрисдикции в Определении от 5 августа 2025 г. № 8Г-10400/2025 указал, что отправка работником конфиденциальной информации (содержащей персональные данные) на свой личный Telegram-аккаунт уже является разглашением, так как создает условия для неконтролируемого распространения[9]. Хотя это дело касалось трудовых отношений и ст. 137 УК РФ, данное разъяснение можно соотнести и со ст. 272.1 УК РФ: для состава преступления необязательно наступление последствий в виде ознакомления третьих лиц, достаточно создания условий для утраты контроля над данными.

Диспозиция ст. 272.1 УК РФ указывает на получение информации «путем неправомерного доступа ... либо иным незаконным путем». Это вызывает вопрос: охватывает ли «иной незаконный путь» ситуации, когда лицо получает данные от третьих лиц, но при этом само неправомерного доступа к информации не осуществляет? Некоторые авторы считают, что да. Однако отсутствие легального определения «незаконного пути» создает риски. Как отмечает Д.С. Корешников, доказывание осведомленности приобретателя о преступном происхождении данных крайне затруднительно[10].

Проект Федерального закона № 1133088-8 «О внесении изменения в ст. 272.1 УК РФ», внесенный

[5] Русскевич Е.А. Об уголовной ответственности за незаконные действия с компьютерной информацией, содержащей персональные данные // Уголовный процесс. 2025. № 7. С. 24.

[6] Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 1635-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Банк Южной многоотраслевой корпорации» на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 1 и 2 статьи 74.1 Налогового кодекса Российской Федерации». URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28062018-n-1635-o (дата обращения: 15.02.2026).

[7] Прокуратура Заиграевского района утвердила обвинительное заключение по уголовному делу в отношении 21-летнего местного жителя. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_03/mass-media/news/regional/e8391879/ (дата обращения: 17.02.2026).

[8] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2025 года. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9303 (дата обращения: 13.02.2026).

[9] Определение СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.08.2025 по делу № 8Г-10400/2025 [88-10958/2025]. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=34375434&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 11.02.2026).

[10] Корешников Д.С. Конкуренция норм об охране персональных данных: разграничение статьи 272.1 УК РФ и статьи 13.11 КоАП РФ // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3 (46). С. 49.

в Государственную Думу РФ 27 января 2026 года, предлагает дополнить диспозицию части первой статьи 272.1 УК РФ указанием на «автоматизированную обработку» компьютерной информации, содержащей персональные данные, в качестве самостоятельного общественно опасного деяния.

В действующей редакции норма сконструирована вокруг функционально-очевидных операций с данными (сбор, хранение, использование, передача). Но в современных киберпреступлениях именно автоматизированная обработка данных – программирование моделей машинного обучения, генерация современного контента, сопоставление биометрических данных — является центральным звеном причинения вреда. Это шаг вперед, так как современные нейросети обрабатывают данные, не всегда их храня или передавая в человеческом понимании. С уголовно-правовой точки зрения принципиально важно, что вред причиняется не в момент распространения поддельного контента, а значительно раньше – на стадии обучения и работы такого алгоритма. Достоинством законопроекта является использование термина «автоматизированная обработка», уже закрепленного в Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 152 «О персональных данных»[11] , – это обработка персональных данных с помощью средств вычислительной техники.

В начале февраля 2026 года стало известно о подготовке еще одного законопроекта о включении в перечень ч.1 ст.63 УК РФ нового отягчающего наказание обстоятельства: «совершение преступления с использованием дипфейков». Авторы поправок отмечают, что дипфейки остаются востребованным инструментом у злоумышленников, формируется «новая технологическая среда совершения преступлений», однако в уголовном законе в настоящее время отсутствуют специальные правила учета этого обстоятельства при назначении наказания[12] .

Для устранения конкуренции норм ч.1 ст. 272 УК РФ и ч.1 ст. 272.1 УК РФ, более точного правового регулирования правоотношений, мы предлагаем изменить действующую редакцию части 1 ст. 272.1 УК РФ следующим образом:

Статья 272.1 УК РФ «Незаконные использование, передача, сбор, хранение, автоматизированная обработка, а равно приобретение компьютерной информации, содержащей персональные данные».

«1. Незаконные использование и (или) передача (распространение, предоставление, доступ), сбор и (или) хранение, автоматизированная обработка, а равно приобретение компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной путем неправомерного доступа к средствам ее обработки, хранения или иного вмешательства в их функционирование либо иным незаконным путем, совершенные в отношении информации, которая заведомо для виновного не была предназначена для свободного распространения или доступ к которой был ограничен ее обладателем, за исключением деяний, совершенных в отношении компьютерной информации, содержащей персональные данные, предусмотренные частью второй настоящей статьи, ...».

Учитывая логику Проекта Федерального закона № 1133088-8 «О внесении изменения в ст. 272.1 УК РФ», считаем необходимым включение автоматизированной обработки данных в диспозицию рассматриваемой статьи. Это позволит привлекать к ответственности за использование нейросетей и алгоритмов вычислительной техники для обработки чужих персональных данных без их распространения или хранения. Дополнение объективной стороны состава рассматриваемого преступления действием в виде «незаконного приобретения» компьютерной информации позволит привлекать к ответственности не только тех, кто продает информационные базы, но и покупателей такой информации.

К числу субъективных признаков состава преступления в предлагаемой нами редакции следует отнести заведомое знание виновного о том, что информация не была предназначена для свободного распространения.

Мы предлагаем учитывать не абстрактную «охраняемость законом», а фактическую осведомленность преступника о непредназначенности компьютерной информации для свободного распространения. В теории уголовного права «заведомость» – это признак субъективной стороны, означающий, что лицо достоверно знает о наличии определенного обстоятельства[13] . В нашем случае, таким обстоятельством выступает знание либо об ограничении доступа, установленное обладателем, либо о незаконном происхождении данных. Представим такую ситуацию: лицо находит в открытом доступе (например, в Telegram-канале) ссылку на базу данных, которая когда-то была похищена, но теперь «гуляет» по сети. Ссылка скачивается и используется для рассылки спама. По ст. 272 УК РФ привлечь к ответственности в этой ситуации сложно, так как сам доступ к файлу не был неправомерным (ссылка была открытой). По действующей ст. 272.1 УК РФ привлечь к ответственности можно, но нужно доказывать, что данные получены «иным незаконным путем», что достаточно сложно сделать. По предлагаемой нами редакции нормы необходимо установить, что лицо заведомо знало: данные не предназначены для свободного распространения (например, в Telegram-канале канале уже было обсуждение хищения базы данных). Если данные не предназначались для всех (личная переписка, закрытый профиль, платный доступ), и виновный это осознавал, деяние должно квалифицироваться по ст. 272.1 УК РФ, а не по ст. 272 УК РФ.

Важным является вопрос о действии закона во времени. Если данные получены до 11 декабря 2024 года (даты вступления в силу ст. 272.1 УК РФ), а их

[11] Федеральный закон от 27 июля 2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «Гарант».

[12] ЛДПР предлагает увеличивать сроки лишения свободы осужденным за использование дипфейков. URL: https://ldpr.ru/event/ldpr-predlagaet-uvelichivat-sroki-prestupnikam-za-ispolzovanie-dipfeykov/ (дата обращения: 15.02.2026).

[13] Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2025. С. 156.

хранение и использование продолжалось после этой даты, возможно ли привлечение к ответственности по ст. 272.1 УК РФ? Считаем, что если незаконное завладение данными произошло до вступления закона в силу, но лицо продолжало их хранить и использовать после 11 декабря 2024 года, содеянное может быть квалифицировано по ст. 272.1 УК РФ, поскольку это длящееся преступление. Однако правоприменительная практика по этому вопросу еще не сложилась.

Введение ст. 272.1 УК РФ выявило еще одну сложную проблему – необходимость отграничения уголовно наказуемого деяния от административного правонарушения, предусмотренного ст. 13.11 КоАП РФ.

По ст. 13.11 КоАП РФ квалифицируются деяния, связанные с нарушением установленного порядка обработки персональных данных при условии, что сами данные получены законным путем (например, компания собирает данные клиентов, но использует их в целях, не предусмотренных политикой обработки, либо не получает согласие на обработку персональных данных).

По ст. 272.1 УК РФ квалифицируются деяния, связанные с оборотом данных, которые изначально были получены незаконным путем (в результате взлома их защиты, хищения баз данных, превышения полномочий и т.д.).

Предложенный нами ранее признак «заведомости» в контексте разграничения ст. 272 и ст. 272.1 УК РФ приобретает особую актуальность при отграничении от административной ответственности. Если в первом случае «заведомость» касается осведомленности о воле собственника данных (ограничении им доступа), то во втором – осведомленности о незаконном источнике происхождения самих данных.

Если данные получены законным путем, но нарушен порядок их обработки – наступает административная ответственность. Если же данные изначально полученные законным способом, и лицу об этом заведомо было известно – содеянное образует состав преступления, предусмотренный ст. 272.1 УК РФ. Если установлен неправомерный доступ к охраняемой законом информации без дальнейшего использования таких данных – квалификация должна быть проведена по ст. 272 УК РФ.

Библиографический список

1. Корешников Д.С. Конкуренция норм об охране персональных данных: разграничение статьи 272.1 УК РФ и статьи 13.11 КоАП РФ // Правопорядок: история, теория, практика. – 2025. – № 3 (46). – С. 49-62.

2. Малешина А.В., Озерова А.С. Новые подходы к уголовно-правовой охране персональных данных // Вестник Российской правовой академии. – 2025. – № 2. – С. 166-182.

3. Русскевич Е.А. Об уголовной ответственности за незаконные действия с компьютерной информацией, содержащей персональные данные // Уголовный процесс. – 2025. – № 7. – С. 24.

4. Уголовное право России. Общая и особенная части: Учебник / Грачева Ю.В., Чучаев А.И. – М.: Контракт, НИЦ ИНФРА-М, 2017. – 384 с.

5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / В.А. Авдеев, И.А. Клепицкий [и др.]; отв. ред. А.И. Рарог – М.: Проспект, 2022. – 624 с.

6. Щепельков В.Ф. Уголовная ответственность за незаконный оборот персональных данных (статья 272.1 УК РФ) // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2025. – № 3 (74). – С. 35-42.

Рецензент: Шнитенков А.В., профессор кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент.

КОНИН ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (г. Санкт-Петербург), 197046, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5, каб. 330, vkonin.kld@yandex.ru

МАРЬИНА ЕВГЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА
кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, каб. 209, evmarina@msal.ru,

ОТВОД И САМООТВОД АДВОКАТА ОТ УЧАСТИЯ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

KONIN VLADIMIR VLADIMIROVICH
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law, North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev (St. Petersburg), 197046, St. Petersburg, Aleksandrovsky Park, Bldg. 5, Office 330, vkonin.kld@yandex.ru

MARYINA EVGENIA VLADIMIROVNA
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Organization of Judicial and Prosecutor-Investigative Activities, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya St., Bldg. 9, Office 209, evmarina@msal.ru

RECALL AND SELF-RECALL OF A LAWYER FROM PARTICIPATING IN DEFENSE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEM ISSUES

Аннотация. *Вопросы отвода в уголовном судопроизводстве направлены, как правило, на достижение стоящих перед уголовным процессом публичных целей – защита прав потерпевших, защита прав лиц, привлеченных к уголовной ответственности, с тем, чтобы беспристрастность и объективность лиц, принимающих решения, не оспаривалась, а справедливость решений была максимально бесспорной. Но, всегда ли вопросы отвода достигают цели, заложенные законодателем в этот институт? Авторы предприняли попытку рассмотреть на практическом примере возникающие вопросы.*

Ключевые слова: *уголовный процесс, защитник, отвод, самоотвод, механизм самоотвода.*

Abstract. *Recusal issues in criminal proceedings are generally aimed at achieving the public goals of criminal proceedings – protecting the rights of victims and those charged with criminal liability, ensuring that the impartiality and objectivity of decision-makers are not challenged, and the fairness of decisions is as indisputable as possible. But do recusal issues always achieve the goals envisioned by law? The authors attempt to examine these issues using a practical example.*

Keywords: *criminal proceedings, defense attorney, recusal, self-recusal, recusal mechanism.*

Вопросы отвода адвоката от дальнейшего участия в уголовном процессе, после принятия на себя обязательств по осуществлению защиты, в действующем УПК РФ рассмотрены в ч. 1 ст. 72 УПК РФ, которая предусматривает только три основания, при наличии которых адвокат не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, а именно – ранее он участвовал в качестве субъекта доказывания либо иного участника, содействовавшего правосудию[1]; является близким родственником субъекта доказывания либо лица, чьи интересы противоречат интересам доверителя[2]; оказывает либо оказывал ранее юридическую помощь лицу (как физическому, так и юридическому), ин-

[1] Кассационное определение Липецкого областного суда от 12.01.2012 по делу № 22-2/2012 г. // СПС «Консультант Плюс».
[2] Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.08.2022 № 77-3738/2022 // СПС «Консультант Плюс».

тересы которого противоречат интересам доверителя[3].

Параллельно с этим вопросы отвода адвоката от участия в уголовном судопроизводстве рассматривались в различных контекстах, так или иначе связанных с осуществлением защиты в уголовном судопроизводстве[4].

Но, как показывает практика, периодически в качестве казусов возникают проблемные вопросы, связанные с выявлением обстоятельств, исключающих по формальным признакам возможность участия адвоката в качестве защитника (а теоретически – и в качестве представителя потерпевшего), и требующих своего разрешения, поскольку прямой ответ в законе отсутствует, что допускает расширительное толкование, и может повлечь за собой нарушение права на защиту.

Так, например, как должен поступить адвокат в случаях, когда он уже вступил в процесс по осуществлению защиты доверителя и, спустя время, осуществляя защиту доверителя, выявил обстоятельства, препятствующие его дальнейшему участию исключительно по формальным основаниям?

Пример:

В начале 2000-х преступная группировка «А» боролась за влияние на определенной территории с преступной группировкой «Ц». Во время одной из заранее запланированных встреч для подведения промежуточных итогов и обсуждения плана дальнейших действий участники преступной группы «А» попали в засаду, устроенную участниками преступной группы «Ц», в результате чего погибло 4 человека, ранено было 7 человек. Правоохранительными органами в процессе расследования были установлены все участники совершенного преступления, часть из них была привлечена к уголовной ответственности, и осуждена за совершенные преступления. Одного из членов преступной группы «Ц», привлеченных к уголовной ответственности, защищал адвокат К.

Спустя 20 лет, с адвокатом К. было заключено соглашение на осуществление защиты гр-на Д., привлеченного к уголовной ответственности за совершение ряда преступлений, и на основании заключенного соглашения и ордера он вступил в дело качестве защитника. Спустя пять месяцев адвокат К. выяснил, что Д., в прошлом был активным участником преступной группировки «А», в той перестрелке был ранен, ему был причинен тяжкий вред здоровью, он был признан потерпевшим. Приговором суда осужденные были признаны виновными в убийстве, покушении на убийство, причинении тяжкого вреда здоровью, и осуждены к различным срокам наказания. Также с них был взыскан материальный и моральный вред всем потерпевшим, который не был возмещен до настоящего времени.

Таким образом, сложилась ситуация, что адвокат К. ранее осуществлял защиту от предъявленного обвинения, т.е. оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречили интересам его доверителя Д. на современном этапе.

Казалось бы, выяснив указанные обстоятельства, адвокат К. был обязан самоустраниться от дальнейшего участия по осуществлению защиты обвиняемого Д.

Но УПК РФ не содержит нормы, предусматривающей самоотвод адвоката при ситуации, когда он по формальным основаниям не может участвовать в дальнейшем осуществлении защиты доверителя, к тому же ч. 7 ст. 49 УПК РФ и пп. 6 ч. 4 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» содержат выраженный в императивной форме запрет на отказ от принятой на себя защиты[5].

В связи с этим адвокаты, в условиях конкуренции норм, опасаясь возможной дисциплинарной ответственности за отказ от принятой на себя защиты, попадают в сложное положение.

Одновременно с этим дополнительно встает вопрос о допустимости доказательств, полученных при проведении следственных действий с участием адвоката, подлежащего отводу, а также о законности проведенных с его участием процессуальных действий.

В результате адвокат оказался в сложной ситуации – доверитель категорически отказался заявлять ходатайство об отводе адвоката в соответствии с ч. 2 ст. 62 УПК РФ и настаивал на осуществлении его защиты исключительно адвокатом К., поскольку между адвокатом и подзащитным возникли доверительные отношения, основанные на полном совпадении взглядов в оценке сложившейся по делу ситуации, выработке тактики защиты и ее реализации в процессе защиты от выдвинутого обвинения.

Следователь, в производстве которого находилось уголовное дело, а также руководитель следственного подразделения, как и прокурор, не располагали информацией об участии адвоката К. ранее в защите лица, участвовавшего в покушении на убийство и причинении тяжкого вреда здоровью Д., т.е., о наличии обстоятельств, препятствующих адвокату К. принимать дальнейшее участие в деле по осуществлению защиты обвиняемого Д.

Таким образом, сложилась ситуация, когда с одной стороны гарантированное право на защиту с по-

[3] Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07.11.2023 № 77-4974/2023 // СПС «Консультант Плюс».
[4] Семенов Е.А. Специфика формирования коллегии присяжных заседателей и проведения судебного следствия с их участием // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 2(83). С. 94-100; Калиновский К.Б. Отвод адвоката свидетеля // Уголовный процесс. 2019. № 1(169). С. 11; Орлова А.А. Отвод адвоката от участия в уголовном деле: актуальные вопросы теории и правоприменительной практики // Мировой судья. 2021. № 9. С. 26-30; Таран А.С. Отвод адвоката судом на отдельных этапах производства по уголовному делу // Lex Russica (Русский закон). 2015. Т. 107, № 10. С. 103-114; Таран А.С. Недоверие как основание отвода // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5. С. 139-147 и др.
[5] Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (последняя редакция) // СПС «Консультант Плюс».

мощью выбранного адвоката, подкрепленное категорически выраженным запретом для адвоката на отказ от принятой на себя обязанности по осуществлению защиты доверителя было противопоставлено формальным основаниям, препятствующим реализации этого права конкретным защитником.

В то же время, анализ научной литературы о возможности отвода и самоотвода адвоката в уголовном судопроизводстве практически оставляет этот вопрос не раскрытым, поскольку, еще раз повторимся, для адвоката отсутствует механизм реализации самоотвода в связи с наличием запрета на отказ от взятой на себя защиты.

Необходимо отметить, что УПК Республики Беларусь в ст. 76 предусматривает возможность заявления самоотводов. Так, например, ч. 2 ст. 76 УПК Республики Беларусь изложена следующим образом: «Судья, государственный обвинитель, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, защитник, адвокат свидетеля, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, секретарь судебного заседания (секретарь судебного заседания – помощник судьи), эксперт, специалист, переводчик, понятой, которым известны обстоятельства, исключающие их участие в уголовном процессе, обязаны заявить самоотвод».

Часть 5 этой статьи устанавливает, что «Отводы и самоотводы рассматриваются и разрешаются безотлагательно после их заявления и поступления»[6].

Таким образом, белорусский законодатель предусмотрел как возможность самоотвода при наличии оснований, так и механизм их разрешения.

На наш взгляд, в данном случае усматривается конфликт норм – общей нормы, которая предусматривает невозможность дальнейшего участия адвоката в деле по формальным основаниям, и требует его устранения из процесса (отвода либо самоотвода), но вместе с тем, тот же УПК РФ и Закон об адвокатской деятельности и адвокатуре (специальная норма) прямо запрещают адвокату самоустранение от участия в осуществлении защиты, рассматривая это как отказ от осуществления защиты, т.е., как нарушение, влекущее за собой дисциплинарную ответственность.

Самоотвод адвоката (в виде отказа от вступления в процесс), несмотря на то, что он не предусмотрен действующим законодательством, тем не менее, как показывает анализ практики, возможен только до того момента, когда адвокат принял на себя обязательства по осуществлению защиты лица от возникшего подозрения либо уже сформированного и выдвинутого обвинительного тезиса, о чем неоднократно отмечалось различными авторами[7]. Принятие обязательства по защите доверителя осуществляется посредством предоставления дознавателю, следователю и суду удостоверения адвоката (что свидетельствует о наличии у лица статуса адвоката) и ордера, подтверждающего полномочия адвоката.

Дополнительно отметим, что самоотвод адвоката до момента принятия на себя обязательств по защите доверителя, вне зависимости от формы вступления в уголовное дело – по назначению либо по соглашению, как правило, относится к возникновению ситуации «двойная защита», негативно воспринимаемой в адвокатской корпорации, о чем неоднократно отмечалось как в нормативных актах ФПА РФ[8], так и авторами, исследующими данную проблематику[9].

В рассматриваемой нами ситуации, адвокат, будучи связан нормами профессиональной этики, уведомил следователя о своем участии в деле по защите лица, ранее покушавшегося на убийство и причинившего тяжкий вред здоровью Д., выступающему доверителем по настоящему делу, о не исполненном решении суда о возмещении материального и морального вреда, после чего был отведен следователем от дальнейшего участия в деле, несмотря на возражения подзащитного Д.

В данном случае формальный подход возобладал над гарантированным Конституцией Российской Федерации, в также УПК РФ и Законом об адвокатской деятельности правом на защиту.

И в связи с этим встает вопрос – что более важно, и что должно было быть принятым во внимание в первую очередь? Формальный подход, или права и свободы, гарантированные Конституцией Российской Федерации, в виде права на защиту? В настоящее время на этот вопрос нет прямого ответа, что допускает расширительное толкование.

[6] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295 (дата обращения: 12.05.2026).

[7] Волосова Н.Ю. В защиту профессиональных прав адвоката: о праве адвоката отказаться от принятой на себя защиты по уголовным делам // Адвокатская практика. 2019. № 5. С. 25-30; Таран А.С. Самоотвод как процессуальная обязанность адвоката // Адвокат. 2014. № 3. С. 25-30; Таран А.С. Заявление отвода и самоотвода: право или обязанность адвоката? // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2(17). С. 122-125.

[8] Решение Совета ФПА РФ «О двойной защите» 27 сентября 2013 г. (в редакции решения Совета ФПА РФ от 28.11.2019) // СПС «Консультант Плюс».

[9] Зубков С.Б. О проблемах «двойной защиты» // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 6 (163). С. 130-143; Шадрина Е.Г. Проблема «двойной защиты» в свете реализации конституционного принципа права на получение квалифицированной юридической помощи // Актуальные проблемы медиации и судебного примирения: традиционные и альтернативные подходы в праве; Уголовное право и процесс: проблемы теории и практики в условиях современных вызовов; Конституционные ценности в фокусе юридической науки и практики: материалы трех Всероссийских научно-практических конференций, Нижний Новгород, 28 сентября 2023 года. Нижний Новгород: ПФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2024. С. 383-389; Конин В.В. Алгоритм вступления адвоката в уголовный процесс по назначению: как избежать ситуации «двойной защиты» // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3(67). С. 256-262; Конин В.В. Ситуация «двойной защиты» и ее влияние на доказывание в уголовном судопроизводстве: анализ явления и рекомендации адвокатам // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 177-189; Чистилина Д.О. Проблемы осуществления «двойной защиты» в уголовном процессе России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2020. Т. 10. № 2. С. 68-80.

Представляется, что законодатель должен определить приоритет между формальным подходом и гарантированными правами и свободами, позволяющими защищаться от возникшего подозрения либо сформированного и выдвинутого обвинительного тезиса с помощью выбранного защитника, а также разработать механизм самоотводов в уголовном судопроизводстве, с тем, чтобы публичные начала уголовного судопроизводства были реализованы в полном объеме, исходя из приоритета конституционных ценностей перед формальными основаниями.

Библиографический список

1. Волосова Н.Ю. В защиту профессиональных прав адвоката: о праве адвоката отказаться от принятой на себя защиты по уголовным делам // Адвокатская практика. – 2019. – № 5. – С. 25-30.

2. Зубков С.Б. О проблемах «двойной защиты» // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 6(163). – С. 130-143.

3. Калиновский К.Б. Отвод адвоката свидетеля // Уголовный процесс. – 2019. – № 1(169). – С. 11.

4. Конин В.В. Алгоритм вступления адвоката в уголовный процесс по назначению: как избежать ситуации «двойной защиты» // Пенитенциарная наука. – 2024. – Т. 18, № 3(67). – С. 256-262.

5. Конин В.В. Ситуация «двойной защиты» и ее влияние на доказывание в уголовном судопроизводстве: анализ явления и рекомендации адвокатам // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2024. – Т. 14. – № 3. – С. 177-189.

6. Орлова А.А. Отвод адвоката от участия в уголовном деле: актуальные вопросы теории и правоприменительной практики // Мировой судья. – 2021. – № 9. – С. 26-30.

7. Семенов Е.А. Специфика формирования коллегии присяжных заседателей и проведения судебного следствия с их участием // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2020. – № 2(83). – С. 94-100.

8. Таран А.С. Заявление отвода и самоотвода: право или обязанность адвоката? // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2014. № 2(17). – С. 122-125.

9. Таран А.С. Недоверие как основание отвода // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 5. –С. 139-147.

10. Таран А.С. Отвод адвоката судом на отдельных этапах производства по уголовному делу // Lex Russica (Русский закон). – 2015. – Т. 107. – № 10. – С. 103-111.

11. Таран А.С. Самоотвод как процессуальная обязанность адвоката // Адвокат. – 2014. – № 3. – С. 25-30.

12. Чистилина Д.О. Проблемы осуществления «двойной защиты» в уголовном процессе России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 68–80.

13. Шадрина Е.Г. Проблема «двойной защиты» в свете реализации конституционного принципа права на получение квалифицированной юридической помощи // Актуальные проблемы медиации и судебного примирения: традиционные и альтернативные подходы в праве; Уголовное право и процесс: проблемы теории и практики в условиях современных вызовов; Конституционные ценности в фокусе юридической науки и практики: материалы трех Всероссийских научно-практических конференций, Нижний Новгород, 28 сентября 2023 года. – Нижний Новгород: ПФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2024. – С. 383-389.

Рецензент: Жеребятьев И.В., доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), мировой судья в отставке, к.ю.н.

МИХАЙЛОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА
кандидат юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, emixailova9@mail.ru

ЕРИН АНДРЕЙ КИРИЛЛОВИЧ
студент 5 курса специалитета по направлению «Правовое обеспечение национальной безопасности» Оренбургского института (филиала)Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург ул. Комсомольская, 50, orenburg@msal.ru

СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ ПРИ УПРАВЛЕНИИ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРАКТИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ

MIKHAYLOVA ELENA SERGEYEVNA
Candidate of legal sciences, associate professor of the Public Law Department of the Orenburg Institute (branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, emixailova9@mail.ru

ERIN ANDREY KIRILLOVICH
Fifth-year student, specialist program in «Legal Support of National Security,» Orenburg Institute (branch) of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 460000, Orenburg, Komsomolskaya St., 50, orenburg@msal.ru

STATE OF INTOXICATION WHEN DRIVING A VEHICLE: PROBLEMS OF DEFINITION AND PRACTICE OF LIABILITY

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу правовых проблем, возникающих при привлечении к административной ответственности водителей за управление транспортным средством в состоянии опьянения в Российской Федерации. Исследуется недостаточность действующего законодательства, оперирующего формальными критериями (факт употребления или отказ от освидетельствования), что приводит к правовой неопределенности. В работе предложена авторская концепция комплексного определения состояния опьянения, основанная на фактическом функциональном нарушении функций организма, объективно снижающем способность к безопасному управлению. Особое внимание уделено выявлению и анализу критических пробелов в правоприменительной практике: ошибочной идентификации запаха ацетона при диабетическом кетоацидозе как признака алкогольного опьянения, а также привлечению к ответственности лиц, принимающих лекарственные препараты, содержащие кумулятивные психотропные вещества. Авторы обосновывают необходимость законодательного закрепления объективных количественных (концентрационных) порогов для ряда веществ и разработки методик, позволяющих отличать терапевтическое применение лекарств от фактического опьянения, для обеспечения справедливости и научно обоснованного правоприменения.*

Ключевые слова: у*правление транспортным средством в состоянии опьянения; административная ответственность; КоАП РФ; медицинское освидетельствование; критерии опьянения; диабетический кетоацидоз; правовая неопределенность.*

Abstract*. The article is devoted to a comprehensive analysis of legal issues arising from the administrative liability of drivers for driving under the influence in the Russian Federation. It examines the inadequacy of current legislation that relies on formal criteria (the fact of consumption or refusal to undergo medical examination), leading to legal uncertainty. The authors propose an original concept of a complex definition of intoxication based on actual functional impairment of bodily functions objectively reducing safe driving ability. Special attention is given to identifying and analyzing critical gaps in law enforcement practice: erroneous identification of acetone odor as a sign of alcohol intoxication in cases of diabetic ketoacidosis, and holding accountable individuals taking medications containing cumulative psychotropic substances. The study argues for the necessity of legislative establishment of objective quantitative thresholds for certain substances and development of methods capable of distinguishing therapeutic drug use from actual intoxication to ensure fairness and scientifically grounded application of law.*

Keywords*: driving under the influence; administrative responsibility; Code of Administrative Offences of the Russian Federation; medical examination; intoxication criteria; diabetic ketoacidosis; legal uncertainty.*

Управление транспортным средством в состоянии опьянения – это одно из наиболее серьезных нарушений правил дорожного движения.

В научной литературе недостаточно чётко сформулированы определения состояния опьянения, применимые к административной ответственности за нарушения в сфере дорожного движения. Из рассмотренных источников вытекают только две существенные концепции: И.Ю. Зубарев[1] определяет «двойственность природы» опьянения как юридически значимое обстоятельство, описывая структурную двусмысленность того, как опьянение функционирует в рамках КоАП РФ, но не предлагая решения; З.И. Кекелидзе и др.[2] выдвигают идею анализировать вождение в состоянии опьянения с позиций функциональной медико-правовой концепции как «употребление психоактивных веществ с вредными последствиями» и выступают за динамический пересмотр допустимых пороговых значений концентрации алкоголя в крови. Высказанное И.Ю. Зубаревым предположение о «двойственной природе» опьянения представляет собой метауровневое наблюдение за правовой неопределённостью, а не предлагаемое решение. Ученые-медики (З.И. Кекелидзе и др.) рассматривают опьянение как наркологическое расстройство, поддающееся скринингу и лечению. Они концептуализируют вождение в состоянии опьянения как употребление вредных веществ, а не как юридический термин.

Опираясь на примечание к статье 12.8. Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации[3] (далее – КоАП РФ), лицом, находящимся в состоянии опьянения, признается лицо, которое непосредственно управляет транспортным средством, и в отношении, которого установлен факт употребления веществ, вызывающих алкогольное или наркотическое опьянение. Более того, лицом, находящимся в состоянии опьянения, признается лицо, которое не выполнило законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Таким образом, действующее законодательство РФ оперирует преимущественно формальными критериями – фактом употребления веществ или отказом от медицинского освидетельствования. Для повышения правовой определённости и обеспечения справедливости правоприменения необходимо более чёткое и всеобъемлющее законодательное закрепление самого понятия опьянения, которое бы охватывало не только алкогольное и наркотическое, но и иное токсическое опьянение, в том числе вызванное новыми потенциально опасными психоактивными веществами и их аналогами. Определение состояния опьянения в контексте дорожного движения должно быть юридически строгим, объективно проверяемым и, что особенно важно, ориентированным на оценку реального уровня опасности, которую водитель представляет для окружающих.

Существующие подходы, основанные либо на психическом состоянии (субъективно), либо на формальном факте употребления (абсолютно), имеют существенные недостатки. Предлагаем следующее комплексное определение состояния опьянения при управлении транспортным средством: Состояние опьянения водителя транспортного средства – это такое фактическое функциональное нарушение физических, психомоторных или когнитивных функций организма, которое возникло в результате воздействия психоактивных веществ (включая алкоголь, наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, а также иные химические соединения и лекарственные препараты, вызывающие опьянение) и которое объективно снижает способность лица адекватно оценивать дорожную обстановку, принимать верные решения и осуществлять точные управляющие воздействия, тем самым создавая повышенную угрозу безопасности дорожного движения.

Для реализации данного определения в законодательстве необходимо обязательно сочетать его с объективными количественными (концентрационными) или качественными (функциональными) пороговыми значениями, установленными на основе современных токсикологических и медицинских данных. Таким образом, опьянение – это не просто факт употребления вещества, а доказанное состояние пониженной работоспособности, вызванное этим веществом, которое несовместимо с безопасным управлением транспортным средством.

В ст. 27.12 КоАП РФ установлено, что лицо, которое управляет транспортным средством и в отношении которого существуют достаточные основания полагать, что оно находится в состоянии опьянения, отстраняется от управления данного транспортного средства до устранения причин отстранения, о чем делается запись в протоколе в присутствии двух понятых.

В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ состояние опьянения является обстоятельством, отягчающим административную ответственность. При этом согласно данной норме судья, орган, должностное лицо, назначающие административное наказание, в зависимости от характера совершенного административного правонарушения могут не признать данное обстоятельство отягчающим. Если установлено, что лицо совершило административное правонарушение в состоянии опьянения, то последнее может быть не признано в качестве отягчающего обстоятельства[4].

[1] Зубарев И.Ю. Значение состояния опьянения в правонарушениях, связанных с нарушением правил дорожного движения // Сибирский юридический вестник. 2015. № 3(70). С. 22-27.

[2] Кекелидзе З.И., Полянский Д.А., Шпорт С.В., Соловьев А.Г. Алкоголь как фактор повышенной аварийности у водителей автобусов // Экология человека. 2020. № 11. С. 60-64.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. // СПС «Гарант».

[4] Равнюшкин А.В. Проблема привлечения правонарушителей, имеющих признаки опьянения, к ответственности за отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 2 (44). С. 26-32.

Согласно ч. 2 ст. 4.3 КоАП РФ состояние опьянения не может учитываться как отягчающее обстоятельство в случае, если оно предусмотрено в качестве квалифицирующего признака административного правонарушения. Следует отметить, что состояние опьянения является квалифицирующим признаком административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 20.13 КоАП РФ. Состояние опьянения является обязательным признаком объективной стороны административных правонарушений, ответственность за совершение которых установлена ст. 12.8, ч. 4.1 ст. 20.8, ст.ст. 20.21, 20.22 КоАП РФ (в части нахождения в состоянии опьянения).

При решении вопроса о привлечении водителя транспортного средства к административной ответственности нужно принимать во внимание следующее. В соответствии с п. 2.7 ПДД РФ[5], на водителя налагается запрет употреблять наркотические средства, психотропные вещества, алкоголь, иные одурманивающие вещества после ДТП, в котором он являлся участником, либо после остановки транспортного средства сотрудником полиции.

Для привлечения водителя транспортного средства к административной ответственности по ст. 12.8 КоАП РФ следует произвести освидетельствование на состояние алкогольного опьянения в соответствии со ст. 27.12 КоАП РФ. При отказе от прохождения данной процедуры либо несогласии водителя с результатами освидетельствования, а равно при наличии достаточных оснований полагать, что водитель находится в состоянии опьянения, и отрицательном результате освидетельствования на состояние алкогольного опьянения данный водитель подлежит направлению на медицинское освидетельствование на состояние опьянения. При отказе от прохождения медицинского освидетельствования водитель подлежит административной ответственности по специальной норме ст. 12.26 КоАП РФ.

В утратившем силу Приказе Минздрава России от 18 декабря 2015 № 933н[6] законодатель выделял 4 критерия, при наличии хотя бы одного из которых сотрудник ГАИ имел достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии опьянения. Новый Приказ Минздрава от 29 апреля 2025 № 262н[7] сохранил эти 4 классических критерия (запах алкоголя изо рта, неустойчивость позы и шаткость походки, нарушение речи, резкое изменение окраски кожных покровов лица) для направления на медицинское освидетельствование (п. 9 Порядка). Однако юридическое значение этих критериев изменилось: теперь они являются лишь «входным фильтром», тогда как для принятия процессуального решения о заборе биоматериала требуется уже не один, а наличие не менее трех клинических признаков опьянения (п. 22 Порядка).

Освидетельствование на состояние опьянения является установленной и регламентированной законодательством процедурой, необходимой для определения у водителя состояния опьянения. Можно выделить 2 вида освидетельствования:

1. Освидетельствование на состояние алкогольного опьянения. Данный вид освидетельствования используется для определения только алкогольного опьянения. В результате применяется алкотестер, который с помощью паров алкоголя в выдыхаемом водителем воздухе определяет состояние алкогольного опьянения. Данная процедура проводится непосредственно инспектором ГАИ.

2. Медицинское освидетельствование на состояние опьянения. Применяется для определения всех возможных видов опьянения и проводится только в специализированных медицинских учреждениях, имеющих соответствующую лицензию. В то же время, могут применяться специально оборудованные для этой цели передвижные пункты. Медицинское освидетельствование включает в себя четыре обязательных элемента: 1) осмотр врачом; 2) исследование выдыхаемого воздуха; 3) определение наличия психоактивных веществ в моче (скрининг); 4) исследование уровня психоактивных веществ в моче/крови (подтверждение).

Институт отказа водителя от процедуры освидетельствования в новом Приказе № 262н получил фундаментальную детализацию, что положительно влияет на правоприменительную практику. В старом порядке отказ фиксировался в протоколе или акте. Теперь п. 28 и п. 33 нового Порядка вводят «Медицинское заключение – от медицинского освидетельствования отказался» как отдельный юридический факт. При этом прямо называются конкретные действия, приравниваемые к отказу (фальсификация выдоха, фальсификация мочи, отказ от осмотра и др.). Врач обязан составить Акт и зафиксировать в нем отказ по конкретному основанию, а не просто прекратить процедуру.

В ряде случаев лица, отказавшиеся от прохождения медицинского освидетельствования, привлекаются к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ. При этом акцент делается на неповиновении законному распоряжению или требованию сотрудника полиции в связи с исполнением им обязанностей по охране общественного порядка и обес-

[5] Постановление Совета Министров – Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О правилах дорожного движения» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 47. Ст. 4531.

[6] Приказ Министерства здравоохранения РФ от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» // СПС «Гарант».

[7] Приказ Минздрава России от 29.04.2025 № 262н «Об утверждении порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), включающего определение клинических признаков опьянения и правила химико-токсикологических исследований, а также критерии, при наличии которых имеются достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование, учетной формы Акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), а также формы и порядка ведения журнала регистрации медицинских освидетельствований на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» // СПС «Гарант».

печению общественной безопасности, а также воспрепятствовании исполнению им служебных обязанностей, выразившемся в отказе пройти медицинское освидетельствование на состояние опьянения. По мнению Е.Е. Новичковой, ответственность за отказ от медицинского освидетельствования должна быть предусмотрена отдельной частью ст. 19.3 КоАП РФ. Данные правонарушения следует отнести к административным правонарушениям против порядка управления[8]. Так же данная мера применяется и когда лицо не согласно с результатами проверки. Если же водитель отказывается от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, то наказание будет такое же, как и за вождение в нетрезвом виде, – штраф 45 тыс рублей и от 1,5 до 2 лет лишения права на управление транспортными средствами. В противоположном случае, когда в результате медицинского освидетельствования не выявлено никаких признаков опьянения, выносится постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении и лицо может продолжать движение.

Все результаты освидетельствования на состояние алкогольного опьянения отражаются в соответствующем акте, составляемым в трех экземплярах. К ним прилагается бумажный носитель с записью результатов исследования. Один из Актов передается водителю, в отношении которого и проводилось освидетельствование.

Как разъяснял Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 25.06.2019 № 20[9], для целей установления у водителя транспортного средства состояния опьянения следует исходить из того, что такое состояние определяется:

- наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений (погрешность технического средства измерения), а именно 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха;

- наличием абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на один литр крови;

- наличием наркотических средств или психотропных веществ в организме человека.

Правила вынесения заключения претерпели революционные изменения. Ранее заключение выносилось только при положительном повторном алкотесте или обнаружении наркотиков. В настоящее время согласно п. 29 и п. 31 нового Приказа.

Во-первых, для водителя заключение «Опьянение» выносится при положительном алкотесте (?0,16 мг/л) ИЛИ при обнаружении наркотиков/психотропов в биоматериале (для остальных лиц (не-водителей) заключение «Опьянение» выносится только при совокупности двух условий: наличие не менее 3 клинических признаков + положительный алкотест/наркотики).

Во-вторых, при обнаружении у водителя иных веществ (например, фенобарбитал или лекарства, не входящие в список наркотиков/психотропов, но влияющие на функции) медицинское заключение не выносится вовсе. Врач лишь фиксирует факт наличия вещества, но не ставит диагноз «Опьянение». Это ключевое изменение в пользу граждан, принимающих лекарства.

Химико-токсикологические исследования пробы биологического объекта (мочи) проводятся в два этапа:

а) предварительные исследования иммунохимическими методами (первый этап);

б) подтверждающие исследования методами газовой и (или) жидкостной хроматографии с масс-спектрометрическим детектированием (второй этап).

Второй этап исследования не проводится в случае отсутствия в пробе биологического объекта (моче) наркотических средств, психотропных веществ, лекарственных препаратов для медицинского применения, вызывающих нарушение физических и психических функций, которые могут повлечь неблагоприятные последствия при деятельности, связанной с источником повышенной опасности, метаболитов и аналогов указанных средств, веществ и препаратов, и выносится заключение об отсутствии в исследованной пробе биологического объекта (моче) вызывающих опьянение средств (веществ).

Согласно Федеральному закону «О безопасности дорожного движения»[10], медицинское освидетельствование обязаны проходить все кандидаты в водители и лица, которым требуется замена водительского удостоверения после истечения срока его действия. Внеочередное обязательное медицинское освидетельствование должны пройти те водители, у которых было впервые выявлено заболевание, являющееся противопоказанием к управлению транспортным средством. Перечень заболеваний, являющихся противопоказанием к управлению транспортными средствами, утверждён Распоряжением Правительства Российской Федерации № 892-р от 12 апреля 2025 года «Об утверждении перечней медицинских показаний, противопоказаний и ограничений к управлению транспортным средством»[11]. Сахарный диабет не указан ни в перечне медицинских противопоказаний, ни среди медицинских ограничений к управлению транспортным средством. То есть, заключение эндокринолога не требуется для получения водительского удостоверения. Вместе с тем, в данном Распоряжении в перечне медицинских ограничений к управлению транспортным средством указа-

[8] Новичкова Е.Е. О проблемах направления граждан на медицинское освидетельствование на состояние опьянения // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2016. № 1 (6). С. 20-24.

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «Гарант».

[10] Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.

[11] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 г. № 892-р «Об утверждении перечней медицинских показаний, противопоказаний и ограничений к управлению транспортным средством» // СПС «Гарант».

ны различные заболевания глаз, нервной системы, стойкие повреждения нижних конечностей, которые могут быть следствием хронических осложнений сахарного диабета.

На наш взгляд, каждый пациент с сахарным диабетом, не только тот, кто желает получить или заменить водительское удостоверение, на приеме у эндокринолога должен быть осмотрен и опрошен с целью выявления проблем, которые могут ухудшить способность управлять транспортным средством. Примером опроса врача эндокринолога пациента может являться рекомендации Американской Диабетологической Ассоциации (ADA). Каждый водитель с сахарным диабетом проходит обследование у врача и отвечает на ряд вопросов:

1. возникали ли случаи потери сознания вследствие гипогликемии за последние 12 месяцев;

2. были ли гипогликемии, при которых потребовалась помощь другого лица;

3. случались ли гипогликемии за рулем, которые ухудшили способность управлять автомобилем;

4. как человек купирует гипогликемию – чем конкретно, каким количеством граммов углеводов, проверяет ли уровень глюкозы после и через какое время;

5. случались ли гипогликемии без предвестников;

6. отмечает ли человек изменение остроты зрения или снижение периферического зрения, снижение чувствительности в нижних конечностях;

7. пациентам с диабетом 2 типа важно задать вопрос о сонливости днем и засыпании в течение дня, ввиду частого наличия у них синдрома сонного апноэ.

В случае положительного ответа хотя бы на один из перечисленных вопросов, рекомендуется провести дополнительное обследование и коррекцию сахароснижающей терапии, при необходимости пройти консультацию других специалистов прежде, чем будет разрешено управлять транспортным средством. Ориентироваться на уровень гликированного гемоглобина считается нецелесообразным, так как эпизодические гипогликемии, а не средний уровень глюкозы крови являются определяющим фактором риска.

Запах алкоголя изо рта водителя является достаточным основанием для назначения освидетельствования на состояние опьянения. Однако запах спирта или ацетона изо рта при диабете — это признак диабетического кетоацидоза (ДКА), опасного состояния, когда организм из-за нехватки инсулина переключается на расщепление жиров, вырабатывая кетоны (ацетон), которые и дают этот фруктовый/спиртовой запах при дыхании. Это требует немедленной медицинской помощи, особенно если сопровождается жаждой, частым мочеиспусканием, усталостью. Но зачастую происходят случаи, когда сотрудники ГАИ ошибочно принимают человека, страдающего сахарным диабетом за лицо, находящееся в состоянии опьянения и принимают меры по привлечению к ответственности вместо экстренной помощи.

В этой связи предлагаем разработать межведомственный регламент (Минздрав – МВД) по порядку действий сотрудников полиции и медицинских работников при выявлении у водителя признаков, характерных для острых эндокринных состояний (диабетический кетоацидоз), включающий обязательный экспресс-опрос о наличии сахарного диабета и приоритет оказания неотложной помощи перед процедурой освидетельствования.

Также одной из проблем ранее являлась идентификация психотропных веществ, обладающих кумулятивными свойствами. В приказе Минздрава России от 18.12.2015 № 933н в приложении № 3 о правилах проведения химико-токсикологических исследований при медицинском освидетельствовании было указано, что «химико-токсикологические исследования пробы биологического объекта при медицинском освидетельствовании в обязательном порядке проводятся на следующие химические вещества, включая их производные, метаболиты и аналоги: опиаты, барбитураты и т.д.». Фенобарбитал является веществом, которое относится к группе барбитураты, которое содержится во многих лекарственных препаратах таких как: «корвалол», «валокордин», «валосердин», оказывая седативное и противоэпилептическое действие. В связи с внесением фенобарбитала в «Список III» психотропных веществ, при химико-токсикологическом не инвазивном исследовании водителей транспортных средств, факт обнаружения фенобарбитала трактовался как факт приема этим лицом психотропного вещества. И исходя из Приказа № 933н заключение о состоянии опьянения выносилось при обнаружении при химико-токсикологическом исследовании биологического объекта одного или нескольких наркотических средств, психотропных или иных вызывающих опьянение веществ вне зависимости от их концентрации.

Кумулятивность данного средства заключается в том, что фенобарбитал обладает накопительным эффектом и характеризуется медленным выведение из организма. В ситуации, когда водитель принял лекарственное средство, содержащее данное вещество и, по прошествии нескольких дней, будет проведено освидетельствование, то при химическом исследовании данное вещество будет обнаружено, что будет свидетельствовать о состоянии опьянения.

Новый Приказ (п. 31 и п. 37) устанавливает, что для водителей заключение об опьянении выносится только при обнаружении наркотических средств и психотропных веществ, включенных в соответствующие списки. Лекарственные препараты (даже содержащие фенобарбитал), если они не являются наркотиками/психотропами, не влекут заключения об опьянении, если только они не вызывают нарушения функций. При этом п. 37 прямо предписывает: при обнаружении таких веществ у водителя медицинское заключение не выносится. Это снимает проблему кумулятивного эффекта и защищает права лиц, принимающих лекарства по назначению врача.

Таким образом, вектор развития законодательства, заданный Приказом № 262н, подтверждает объектив-

ную потребность в переходе от формальной констатации факта употребления вещества к комплексной оценке функционального состояния водителя, однако эффективность данного подхода будет напрямую зависеть от качества межведомственного взаимодействия и готовности правовой системы к восприятию тонких дифференциально-диагностических нюансов. Лишь объединение строгого юридического формализма и объективной медицинской реальности способно обеспечить подлинную справедливость в данной сфере, исключив как безнаказанность для реально опасных нарушителей, так и неоправданные репрессии в отношении добросовестных граждан, чьи физиологические особенности или жизненно необходимые лекарственные препараты не должны становиться основанием для административного преследования.

Библиографический список

1. Административная юрисдикция / В.А. Коновалов, Е.С. Михайлова, Ф.Б. Рысаев, С.М. Жукова; Под общей редакцией А.Ф. Колотова. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. – 271 с.

2. Кекелидзе З.И., Полянский Д.А., Шпорт С.В., Соловьев А.Г. Алкоголь как фактор повышенной аварийности у водителей автобусов // Экология человека. – 2020. – № 11. – С. 60-64.

3. Губин А.В. Актуальные проблемы противодействия автотранспортным преступлениям, совершаемым водителями транспортных средств в состоянии опьянения // Международный журнал гуманитарных и высокотехнологичных наук. – 2025. – № 9-2 (108). – С. 158-162.

4. Зубарев И.Ю. Значение состояния опьянения в правонарушениях, связанных с нарушением правил дорожного движения // Сибирский юридический вестник. – 2015. – № 3(70). – С. 22-27.

5. Новичкова Е.Е. О проблемах направления граждан на медицинское освидетельствование на состояние опьянения // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2016. – № 1 (6). – С. 20-24.

6. Равнюшкин, А. В. Проблема привлечения правонарушителей, имеющих признаки опьянения, к ответственности за отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 2 (44). – С. 26-32.

7. Шабетя И.В. Правовая неопределенность и перспективы её использования // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 7(235). – С. 81-83.

Рецензент: Рахматуллина О.В., доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

СЕРГЕЕВ МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ
доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Омской академии МВД Российской Федерации, 644092, г. Омск, проспект Комарова, 7, schokscha1@mail.ru

КУЗНЕЦОВ АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доцент кафедры «Юриспруденция» ФГБОУ ВО «Оренбургский ГАУ», доцент кафедры уголовного права ФГБОУ ВО Оренбургский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18; tolik_kuznetsov_2013@mail.ru

ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ПОЛИЦИИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ ОХРАНУ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

SERGEEV MICHAIL VIKTOROVICH
Associate Professor of the Department of Internal Federal Affairs in Special Conditions, state educational institution «Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation», 644092, Omsk, Komarova Avenue, 7, schokscha1@mail.ru

KUZNETSOV ANATOLIY VLADIMIROVICH
Associate Professor of the Department of Jurisprudence at the Orenburg State Agrarian University, Associate Professor of the Department of Criminal Law at the Orenburg State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, 18 Chelyuskintsev Street, Orenburg; tolik_kuznetsov_2013@mail.ru

POLICE UNITS THAT PROTECT PUBLIC ORDER DURING MASS EVENTS

Аннотация. *Рассматривается деятельность полиции по охране общественного порядка и обеспечению безопасности при проведении массовых мероприятий.*

Отмечается проблематика деятельности полиции в условиях проведения массовых мероприятий связанная с применением особых мер государственного принуждения, большим количеством участников, возможностью совершения террористических актов, осложнением оперативной обстановки и т.д.

Анализируются вопросы привлечения сотрудников подразделений полиции к охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий, которые на этот период отвлекаются от выполнения прямых обязанностей по занимаемой должности.

Отмечается важность специальной подготовки, задействованного личного состава и его экипировки соответствующими выполняемой задаче специальными средствами.

Анализируется отечественный и зарубежный опыт формирования подразделений полиции выполняющих задачи в условиях проведения массовых мероприятий.

Отмечается возможность повышения эффективности служебной деятельности путем создания в территориальных подразделениях полиции на региональном уровне специальных подразделений полиции с основной задачей несения службы при проведении массовых мероприятий и в других особо сложных условиях.

Ключевые слова: *полиция, специальные подразделения, массовые мероприятия, охрана общественного порядка, обеспечение безопасности.*

Abstract: *The article examines the activities of the police to protect public order and ensure security during mass events.*

The problems of police activity in the context of mass events related to the use of special measures of state coercion, a large number of participants, the possibility of committing terrorist acts, the complication of the operational situation, etc. are noted.

The article analyzes the issues of involving police officers in the protection of public order during mass events, which during this period are distracted from fulfilling their direct duties in their position.

The importance of special training, the personnel involved, and their equipment with special means appropriate to the task being performed is noted.

The article analyzes the domestic and foreign experience of forming police units performing tasks in conditions of mass events.

It is noted that it is possible to increase the efficiency of official activities by creating special police units in territorial police units at the regional level with the main task of serving during mass events and in other particularly difficult conditions.

Keywords: *police special units, mass events, public order protection, security.*

Является бесспорным тот факт, что обеспечение общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий имеет свои особенности: ограниченность места проведения мероприятия; большое количество людей; применение мер государственного принуждения предупредительного характера; осложнение оперативной обстановки; наличие угроз совершения террористических актов; нахождение лиц в состоянии опьянения; использование организаторами и участниками технических средств повышенной опасности; повышенный эмоциональный уровень участников; невозможность быстрого маневра силами и средствами; трудность осуществления контроля за обстановкой и др.

В отличие от обычных условий охраны общественного порядка для обеспечения безопасности при проведении массового мероприятия на весь период его проведения вводятся отдельные специальные меры государственного принуждения такие, как личный осмотр граждан и находящихся при них вещей, ограничение или запрет движения транспорта и пешеходов, пресечение нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве в районе проведения и т.д.

Несомненно, что свою специфику, связанную с наличием большого количества людей, имеет деятельность по пресечению правонарушений в период проведения массовых мероприятий. Нередко пресечение правонарушения и задержание правонарушителей возможно лишь умелым применением достаточно жестких мер принуждения, при этом сотрудники полиции вынуждены действовать в условиях возможности оказания группового неповиновения или сопротивления.

В условиях массовых мероприятий высок риск возникновения конфликтных ситуаций, которые могут привести к масштабным беспорядкам[1].

Соответственно для решения задач по охране общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий применяются специальные (отличные от применяемых для охраны общественного порядка на улицах и в иных общественных местах) виды нарядов полиции: полицейские цепочки, группы сопровождения, посты наблюдения, группы личного осмотра, группы заграждения, ограничения движения транспорта, разъяснения законов, фиксации правонарушений и др. Каждый из перечисленных нарядов имеет специальную задачу и соответствующий задаче способ несения службы, экипировку, специальные варианты действий при осложнении обстановки.

Например, полицейская цепочка: выставляется для оцепления территории, на которой проводится массовое мероприятие, для недопущения посторонних лиц, а также для построения направляющих коридоров, обеспечивающих организованное продвижение участников мероприятий, зрителей или разграничительных квадратов (прямоугольников) в местах размещения участников мероприятий и зрителей; сотрудники экипируются, как правило, средствами индивидуальной защиты и средствами ограждения; находятся в готовности действовать в непосредственном физическом контакте с участниками массового мероприятия. Группа применения беспилотных летательных аппаратов: осуществляет наблюдение за участниками массового мероприятия; выявляет и фиксирует правонарушения; оснащается различными типами летательных аппаратов и средствами противодействия им; находится в готовности пресечь нахождение беспилотного воздушного судна над районом проведения массового мероприятия. Группы личного осмотра: несут службу в местах пропуска и осуществляют личный осмотр граждан и находящихся при них вещей, досмотр транспортных средств; экипируются как ручными, так и стационарными металлодетекторами, досмотровыми зеркалами, приборами автоматической идентификации личности; находятся в готовности действовать при обнаружении оружия, взрывчатых и химических отравляющих веществ, взрывных устройств и т.д.

Все перечисленные выше факторы требуют от сотрудников правоохранительных органов соответствующей подготовки, оснащения специальными средствами (барьеры, металлодетекторы, досмотровые зеркала, досмотровые комплексы, средства индивидуальной защиты, средства активной обороны и др.), организации и психологической подготовки.

В разное время решение вопросов обеспечения охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий осуществлялось или за счет задействования сотрудников территориальных подразделений районного уровня, или за счет привлечения сотрудников специальных подразделений.

Так, в 1998 г. важность решения задач охраны общественного порядка и безопасности в период проведения массовых мероприятий, а также при пресечении массовых беспорядков привели к формированию в составе милиции специальных подразделений – отрядов милиции особого назначения (далее – ОМОН), которые в 2011 г. были переименованы в отряды мобильные особого назначения.

[1] Кучинаев Р.Р. Организация деятельности органов внутренних дел по обеспечению охраны общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий // Право и управление. 2024. № 11.С. 278.

Основными задачами, которые успешно решали подразделения ОМОН, являлись: охрана общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий; пресечение массовых беспорядков; участие в ликвидации чрезвычайных ситуаций, несение службы в районах со сложной криминогенной обстановкой.

Необходимо отметить, что подразделения ОМОН комплектовались наиболее подготовленными в физическом плане сотрудниками милиции (полиции). Специальная подготовка и первоочередное оснащение специальных подразделений оружием и специальной техникой позволяли сотрудникам ОМОН выполнять различные особо сложные задачи на высоком профессиональном уровне.

В рассматриваемый период времени наибольшая нагрузка ложилась на сотрудников ОМОН крупных городов. Так, в 2001 г. ОМОН Москвы обеспечивал 90% политических, спортивных, культурно-зрелищных и иных массовых мероприятий без привлечения сотрудников других подразделений органов внутренних дел[2].

В 2016 г. специальные подразделения полиции (отряды мобильные особого назначения (ОМОН), специальные отряды быстрого реагирования (СОБР)) вошли в состав войск национальной гвардии. Сотрудники этих подразделений стали все чаще задействоваться для несения службы в особых условиях, в Северо-Кавказском регионе, в зоне специальной военной операции. На этом этапе стали возникать проблемы с привлечением сотрудников указанных специальных подразделений к решению оперативно-служебных задач[3].

В научных исследованиях справедливо отмечается, что передача специальных подразделений, призванных на высокопрофессиональном уровне применять меры непосредственного пресечения, из ведения МВД России в войска национальной гвардии России оказывает существенное влияние на практику применения сотрудниками полиции мер административного пресечения и осуществление ими контрольно-надзорных функций[4], требует выработки новых форм взаимодействия[5].

С 2016 г. охрана общественного порядка и безопасности в период проведения массовых мероприятий стала осуществляться в основном за счет задействования сотрудников патрульно-постовой, охранно-конвойной службы, участковых уполномоченных полиции, реже сотрудников оперативных служб, дознания, следствия, дежурных частей территориальных органов на районном уровне. Для этих сотрудников несение службы в условиях массовых мероприятий являются специальными отличными от основного рода деятельности, требует дополнительной подготовки и концентрации усилий, а отвлечение от выполнения основных обязанностей негативно отражается на качестве их службы.

Так С.В. Грамотеев отмечает, что имеют место случаи привлечения сотрудников комплексных сил полиции, задействованных в единой дислокации на обслуживаемой территории, к деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности при проведении мероприятий с массовым участием граждан в часы непосредственного несения ими службы и вне зоны их маршрута патрулирования, что приводит к отвлечению данных сотрудников от выполнения прямых функциональных обязанностей и снятию с маршрута патрулирования, что может крайне негативно повлиять на состояние оперативной обстановки на маршруте патрулирования нарядов патрульно-постовой службы полиции[6].

Для полноценного анализа интересен опыт УМВД России по Омской области, где в составе полка патрульно-постовой службы полиции по городу Омску, для выполнения задач по обеспечению охраны общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий, было сформировано специальное подразделение в составе роты. Использование этого подразделения в период проведения массовых мероприятий позволило повысить эффективность правоохранительной деятельности, исключить отвлечение от выполнения прямых обязанностей сотрудников других подразделений полиции.

В научном сообществе по вопросу организации обеспечения общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий существуют различные точки зрения, так, Н.М. Тюкалова, Н.А. Кулаков полагают, что «... с задачами по охране общественного порядка при проведении спортивных мероприятий должны успешно справляться подразделения полиции по охране общественного порядка...»[7], Е.А. Пулов, рассматривая вопросы обеспечения общественного порядка и безопасности при проведении спортивно-массовых мероприятий, пришел к выводу о необходимости создания специальной спортивной полиции как самостоятельного или как структурного подразделения полиции с обеспечением спе-

[2] Васильев Ю.Т. Правовые и организационно-тактические основы деятельности отрядов милиции особого назначения органов внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук, М., 2001. С. 15-16.

[3] Колыбалов А., Фалалеев М. Когда грянет гром // Рос. газета. 2019. 1 дек.

[4] Васюхно И.О. Меры административно-правового пресечения, применяемые органами внутренних дел Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 135.

[5] Бецков А.В., Зыков В.В. Концептуальные основы взаимодействия МВД России с войсками национальной гвардии России при совместном выполнении оперативно-служебных (боевых) задач // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 4. С. 5-9.

[6] Грамотеев С.В. Эффективность организации охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в условиях социальной напряженности и протестной активности в субъектах Российской Федерации // Закон и право. 2020. № 5. С. 143.

[7] Тюкалова Н.М., Кулаков Н.А. Роль органов внутренних дел в обеспечении охраны общественного порядка и общественной безопасности при проведении официальных спортивных мероприятий // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1. С. 124.

циально подготовленными кадрами[8], А.В. Бецков считает, что решение рассматриваемых задач должно осуществляться сотрудниками специальных подразделений, обращая внимание на проблемы, возникшие в связи с переводом специальных подразделений в войска национальной гвардии России[9].

На сегодняшний день проблема обеспечения охраны общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий является актуальной для многих стран мира. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть международный опыт организации деятельности полицейских подразделений в рассматриваемых условиях.

В настоящее время в состав полиции большинства зарубежных стран входят специальные подразделения (специальные патрульные группы в Великобритании, специальные отряды в США, «Кидотай» в Японии, «Челери» в Италии и др.), выполняющие задачи по обеспечению общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий и пресечении массовых беспорядков.

В *Соединенных Штатах Америки* большинство городских департаментов полиции имеют в своей структуре специальные подразделения, предназначенные для охраны общественного порядка при массовых мероприятиях и пресечении массовых беспорядков. В зависимости от величины департамента в его состав может быть включено от одной группы (5 сотрудников), до шести отделений, в состав которых входят две группы[10].

В полиции *Великобритании* в рассматриваемых условиях применяются специальные патрульные группы, в случае необходимости задействуется специальный полицейский резерв, формируемый на временной основе из сотрудников различных полицейских служб, прошедших специальную подготовку[11].

В *Федеративной Республике Германия* создано мобильное подразделение полиции (около 400 сотрудников), которое используется в охранных мероприятиях во время проведения демонстраций и митингов в различных городах[12]. При этом в составе полиции каждой из земель имеется полиция готовности, задействуемая во время крупных демонстраций, массовых волнений населения и беспорядков.

Во *Франции, Италии и Японии* в обычных условиях обеспечение охраны общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий является задачей территориальной полиции. В условиях массовых беспорядков по решению соответствующего руководителя задействуются специальные подразделения, сформированные по армейскому принципу и дислоцирующиеся в крупных городах: во Франции – роты республиканской безопасности по 260 сотрудников каждая[13]; в Италии – специальные отряды «Челери», как правило, состоящие из четырех рот (танковой и трех мотострелковых)[14]; в Японии – специальные полицейские подразделения «Кидотай», основной боевой единицей которых являются мобильные подразделения, состоящее из четырех рот по 70–80 человек[15].

Как справедливо отмечают зарубежные специалисты, эффективность деятельности в рассматриваемых условиях зависит от централизации управления, что позволяет оперативно и эффективно реагировать на изменение ситуации[16]. Сотрудники специальных подразделений отличаются специальной подготовкой, оснащением, владеют специальной тактикой.

Отечественный и зарубежный опыт охраны общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий, результаты опросов сотрудников полиции говорят о том, что повысить эффективность деятельности сил и средств правоохранительных органов в рассматриваемых условиях возможно осуществить за счёт формирования на региональном уровне специальных полицейских подразделений с соответствующей задачей. По нашему мнению, специальные полицейские подразделения, кроме охраны общественного порядка, при проведении массовых мероприятий могли бы быть задействованы в несении службы в особо сложных условиях, таких как чрезвычайные ситуации и обстоятельства, контртеррористические операции, в местах со сложной криминогенной обстановкой и др.

На основании изложенного следует сделать выводы:

1. Деятельность органов внутренних дел в период проведения массовых мероприятий имеет свои особенности, которые требуют от сотрудников правоохранительных органов, задействованных в охране общественного порядка и безопасности дополнительного оснащения специальными средствами, соответствующую выполняемой задаче индивидуальную и

[8] Пулов Е.А. Обсуждение вопросов совершенствования российского законодательства в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении официальных спортивных соревнований // Спорт: экономика, право, управление. 2013. № 1. С. 21-23.

[9] См.: Бецков А.В., Майдыков А.А. Современный облик подразделений полиции специального назначения территориальных органов МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 3. С. 58-62; Бецков А.В., Зыков В.В. Концептуальные основы взаимодействия МВД России с войсками национальной гвардии России при совместном выполнении оперативно-служебных (боевых) задач // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 4. С. 5-9.; Бецков А.В. Современные подразделения специального назначения органов внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2. С. 54-58.

[10] The Police Chief. 1998. № 11. P. 52.

[11] Crime Control Digest. London, 1993. № 8. P. 5.

[12] Bundespolizei. 1999. № 4. S. 29.

[13] Senatpremiere session ordinaire de 1982-1983. № 98. P. 4-32.

[14] Мейер Э. Элитные тактические подразделения Европы: новые задачи в изменяющемся мире // Закон и порядок. 1999. № 11. С. 84-86.

[15] Богачев С.А. «Кидотай» – спецназ токийской полиции: структура и тактика действий // Боевое искусство планеты. 1993. № 4. С. 61-64.

[16] The Police Chief. 1975. № 7. P. 70.

групповую подготовку к действиям в рассматриваемых условиях, в том числе при осложнении оперативной обстановки.

2. Повышение эффективности деятельности сил и средств правоохранительных органов в условиях проведения массовых мероприятий предлагается осуществить за счёт формирования на региональном уровне специальных полицейских подразделений с соответствующей задачей. На сформированные специальные подразделения полиции, кроме охраны общественного порядка, при проведении массовых мероприятий возложить обязанности несения службы в особо сложных условиях, таких как чрезвычайные ситуации и обстоятельства, контртеррористические операции, районы со сложной криминогенной обстановкой и др.

Библиографический список

1. Бецков А.В., Майдыков А.А. Современный облик подразделений полиции специального назначения территориальных органов МВД России // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 3. – С. 58-62.

2. Бецков А.В., Зыков В.В. Концептуальные основы взаимодействия МВД России с войсками национальной гвардии России при совместном выполнении оперативно-служебных (боевых) задач // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 4. – С. 5-9.

3. Бецков А.В. Современные подразделения специального назначения органов внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 2. – С. 54-58.

4. Богачев С. А. «Кидотай» – спецназ токийской полиции: структура и тактика действий // Боевое искусство планеты. – 1993. – № 4. – С. 61-64.

5. Васильев Ю.Т. Правовые и организационно-тактические основы деятельности отрядов милиции особого назначения органов внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 21 с.

6. Васюхно И.О. Меры административно-правового пресечения, применяемые органами внутренних дел Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 186 с.

7. Грамотеев С.В. Эффективность организации охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в условиях социальной напряженности и протестной активности в субъектах Российской Федерации // Закон и право. – 2020. – № 5. – С. 142-144.

8. Колыбалов А., Фалалеев М. Когда грянет гром // Рос. газета. – 2019. – 1 дек.

9. Кучинаев Р.Р. Организация деятельности органов внутренних дел по обеспечению охраны общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий // Право и управление. – 2024. – № 4. – С. 278-280.

10. Мейер Э. Элитные тактические подразделения Европы: новые задачи в изменяющемся мире // Закон и порядок. – 1999. – № 11. – С. 84-86.

11. Пулов Е.А. Обсуждение вопросов совершенствования российского законодательства в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении официальных спортивных соревнований // Спорт: экономика, право, управление. – 2013. – № 1. – С. 21-23.

12. Тюкалова Н.М., Кулаков Н.А. Роль органов внутренних дел в обеспечении охраны общественного порядка и общественной безопасности при проведении официальных спортивных мероприятий // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 1. – С. 120-126.

13. Bundespolizei. – 1999. – № 4.

14. Crime Control Digest. London. – 1993. – № 8.

15. Senatpremiere session ordinaire de 1982-1983. – № 98.

16. The Police Chief. – 1998. – № 11; 1975. – № 7.

Рецензент: Чичкин А.В., заведующий кафедрой «Юриспруденция» ФГБОУ ВО «Оренбургский ГАУ», к.ю.н., доцент.

ХМЕЛЕВСКАЯ ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50, oTAKHmelevskaya@msal.ru

СОСТАВЫ ВОРОВСТВА В НОРМАХ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ 1649 ГОДА: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

KHMELEVSKAYA TATIANA ANATOLYEVNA
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Sciences of the Orenburg Institute (branch) O.E. Kutafin University (MGUA), 460000, Orenburg, Komsomolskaya str., 50, oTAKHmelevskaya@msal.ru

THE STRUCTURES OF THEFT IN THE NORMS OF THE CATHEDRAL CODE 1649: SYSTEMATIZATION AND LEGAL ANALYSIS

Аннотация: *В статье представлена систематизация составов воровства, предусмотренных Соборным уложением 1649 года (простая татьба, квалифицированная татьба, разбой, мошенничество, святотатство, и др.). Автором выявлены особенности квалификации преступлений в зависимости от способа посягательства и субъекта деяния. Показаны тенденции ужесточения ответственности за имущественные преступления в середине XVII века в зависимости от способа хищения и множественности преступлений. Изложен подход к разграничению ответственности по основному объекту посягательства между преступлениями против собственности и против государственной власти, на основании чего сформулирован вывод, что документ заложил основы дальнейшей кодификации уголовно?правовых запретов в сфере имущественных отношений.*

Abstract: *The article systematizes the types of theft provided for by the Cathedral Code of 1649 (simple tattooing, qualified tattooing, robbery, fraud, sacrilege, etc.). The author identifies the specifics of the qualification of crimes depending on the method of encroachment and the subject of the act. The trends of increasing responsibility for property crimes in the middle of the 17th century are shown, depending on the method of theft and the multiplicity of crimes. The approach to the differentiation of responsibility according to the main object of encroachment in the Cathedral Code of 1649 is outlined – between crimes against property and a document against state authority, on the basis of which the conclusion is formulated that the document laid the foundations for further codification of criminal law prohibitions in the field of property relations.*

Ключевые слова: *воровство, кража, разбой, мошенничество, церковная татьба, грабеж, имущественные преступления, специальный субъект, повторное совершение преступления, стечение преступлений.*

Keywords: theft*, theft, robbery, fraud, church tattoo, robbery, property crimes, special entity, repeated commission of a crime, confluence of crimes.*

Соборное уложение 1649[1] года (или Уложение) – первый российский печатный и систематизированный законодательный акт. Документ был разделён на главы, каждая из которых включала в себя совокупность норм.

М.Ф. Владимирский-Буданов писал, что система норм права в документе довольно беспорядочная. Между тем форма постановлений Уложения отличается ясностью и определенностью. Этим Уложение обязано своему конкретному приему выражения (но не казаустическому)[2]. Такая двойственная оценка документа, по нашему мнению, оправдана. Во-первых, двигаясь в своем развитии, российский законодатель отходил в приемах юридической техники от описания казуса к абстрагированию типичных ситуаций, наделяя нормы права признаком формальной определенности. Во-вторых, система имела известные изъяны, состоящие в расположении однородных норм в разных главах документа.

Н.С. Таганцев, определяя его структуру и содержание, писал: «Как свод узаконений, уложение заключало в себе постановления по всем отраслям права: в нем перемешаны статьи, относящиеся к законам государственным, финансовым, полицейским, гражданским, судопроизводственным; законы уголовные сосредоточены главным образом в главах I, II, X, XXI, XXII, но они встречаются и в отдельности и в других главах»[3].

Соборное уложение стало актом, в котором воплотились передовые для своего времени достижения юридической техники. Это был систематизированный нормативный правовой акт, разделенный на те-

[1] Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / текст ред. проф. М.К. Любавским. М., 1907.
[2] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1907. С. 231.
[3] Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть Общая. Выпуск I. СПб., 1887. С. 149.

матические главы, имеющие достаточно определенный предмет правового регулирования[4].

Имущественным преступлениям посвящена отдельная глава XXI «О розбойных и о татиных делех». К ним были отнесены следующие виды деяний:

· татьба простая и квалифицированная (церковная, на службе, конокрадство, совершенная в государевом дворе, кража овощей из огорода и рыбы из садка), разбой (в виде промысла);

· грабеж обыкновенный или квалифицированный (совершенный «служилыми» людьми или детьми в отношении родителей);

· мошенничество (как хищение, связанное с обманом, но без насилия), насильственное завладение чужим имуществом (землей, животными) и др.[5].

Извлечение из статьи 8 главы XXI «О розбойных и о татиных делех» Уложения – «розбой, или татьбу, или иное какое воровство...» отражает терминологический ряд, обозначающий хищения чужого имущества в группе имущественных преступлений. Он формирует наше представление о том, что термин «воровство» использовался законодателем в качестве родового понятия, объединяющего в себе различные способы незаконного завладения чужим имуществом. Отдельные формы воровства конкретизированы – «розбой», «татьба», но их перечень оставлен открытым.

М.Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что в Уложении впервые разбой был выделен из татьбы, в отличие от предшествующих памятников права. Объект «этого преступления и теперь остается сложным: в нем все еще подразумевается и нападение на имущество, и нападение на жизнь и здоровье, но именно с целью отнятия имущества»[6]. Такой вывод автором был сделал с упором на положения статьи 16 документа: «будет приведут розбойника, и его пытать. Да будет он с пытки повинится, что он розбивал впервые, а убийства не учинил...».

Рассуждения ученого-криминалиста дореволюционного периода нашли поддержку в толковании уголовно-правовых понятий той эпохи современными филологами, изучающими тексты деловых бумаг, составленных XVII-XVIII вв.

Как пишет Е.Н. Полякова, закономерности употребления терминов в памятниках центра и периферии являлись общими, что обусловлено становлением в данный период национального литературного языка и традиционным влиянием центральной деловой письменности на местную. В конце XVII термин воровство сужает семантику и постепенно приходит на смену древнейшей лексеме татьба, хотя сохраняется и более общее значение «преступление»[7].

В сфере терминологии уголовного права со временем на законодательном уровне стала применяться лексема кража. Данная лексическая единица регулярно использовалась в памятниках разных жанров для обозначения тайного присвоения чужого имущества. Между тем с XVII века разбой в терминологическом значении толкуется как «насильственное изъятие чужого имущества», «нанесение с применением силы материального и (или) физического ущерба»[8]: «...розбойники розбивают, и людей побивают, и тати крадут...» (ст. 1. главы XXI «О розбойных и о татиных делех» Уложения).

Процесс выстраивания составов воровства в определенную систему в зависимости от способа совершения хищения в Уложении сочетался с дифференциацией уголовной ответственности в зависимости от множественности преступных эпизодов.

Ответственность за повторную «татьбу» и разбой устанавливалась более строгая. Для кражи она дифференцировалась в зависимости от количества преступных эпизодов.

В статье 9 исследуемого документа правовым последствием впервые совершенной «татьбы» без убийства было битье кнутом, отрезание татю левого уха «и посадити его в тюрму на два года, а животы его отдати исцом в выть, и ис тюрмы выимая его, посылать в кайдалах работать на всякия изделья, где государь укажет».

Признание татем вины «в дву татьбах» без убийств предусматривало в качестве наказаний бить его кнутом, «и урезав у него праваго уха, посадить в тюрму на четыре года, а ис тюрмы выимая его посылать на всякия государевы изделья, потому же в кайдалах.» (ст. 10). Смертная казнь устанавливалась за повторную татьбу – «три, или четыре или больши...» (ст. 12).

Более строгое наказание устанавливалось за разбой: «за первой розбой после пытки отрезать правое ухо, да в тюрме сидеть три годы...», «за другой розбой казнить смертью» (ст. ст. 16, 17).

В процессе теоретического исследования института множественности, ученые признавали, что как в и ранее действующих законах, так и в Уложении категория «повторного совершения преступления» не отличалась от категории «стечения преступлений». Усиление ответственности предусматривалось за повторную татьбу и повторный разбой[9].

Н.С. Таганцев положения статей 10, 12 Уложения относил к специальному повторению, признавая, что ответственность за него предусмотрена не ко всем, а только к некоторым видам преступлений, в группу которых входят имущественные. Неоднократное совершение воровства, по мнению автора, отражает особенную опасность виновного лица, «или в которых

[4] Савченко Д.А. Создание Соборного уложения 1649 года: исторический опыт модернизации отечественного законодательства // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. 2013. № 3. С. 214.
[5] Исаев И.А. Собрание сочинений. Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. М., 1986. С. 84-85
[6] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1907. С. 360.
[7] Полякова Е.Н. Лексика местных деловых памятников XVII – начала XVIII века и принципы ее изучения. Пермь, 1979. С. 71, 77.
[8] Овчинникова М.В. Из истории терминологии уголовного права XVIII века (на материале памятников деловой письменности Забайкалья) // Филология и человек. 2008. № 3. С. 151, 153.
[9] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1907. С. 361.

неисправимость преступника указывает на его особенную закоренелость и нравственную испорченность». К признакам специального повторения ученый отнес: 1) совершение виновным лицом двух и более преступлений одного вида; 2) «наказание, положенное за первое преступление, должно быть отбыто»; 3) усиление наказание за повторное воровство не утрачивает своего юридического значения и при значительном временном разрыве между отбытым наказанием по первому эпизоду и новым преступлением[10].

Зарождение института общей части уголовного права – множественности преступлений в памятниках русского права происходило постепенно. Если в предшествующих Уложению документах второй эпизод татьбы предусматривал смертную казнь, то в исследуемом документе этот вид наказания был предусмотрен за третий и более преступный эпизод.

Признавая названный Н.С. Таганцевым признак специального повторения – отбытие наказание за ранее совершенные преступления, мы считаем, что разграничение ответственности за второе, третье и более воровство в Уложении соответствует современному толкованию рецидива, как множественности преступлений. Его деление на виды в УК РФ проведено с учетом количества неснятых и непогашенных судимостей за ранее совершенные преступления лицом на момент исполнения им нового преступного эпизода.

Позиция М.Ф. Владимирского-Буданова о том, что в Уложении 1649 года «повторение не отличается от стечения преступлений», по нашему мнению, верна только отчасти.

В одних случаях «стечение преступлений» в одно время и в одном месте в исследуемом источнике, например: «А будет тать учинит и на первой татьбе убийство, и его казнить смертью» (гл. XXI ст. 13), соответствует «сопряженности преступлений» в значении – убийство, совершенное в процессе или сразу после хищения чужого имущества.

В отличие от специального повтора, как аналога рецидива преступлений, в статье 13 Уложения ответственность была установлена за два деяния, совершенные одновременно. За их исполнение предусматривалось единое более строгое наказание. Данное правило уголовно-правовой оценки содеянного следует признать отправной точкой для формирования исключения из совокупности преступлений таких составов в современном уголовном законе согласно ч. 1 ст. 17 УК РФ.

Между тем «стечение преступлений» в ином уголовно-правовом значении можно усмотреть, например, в ст. 15 исследуемого документа: «которые воры на Москве и в городех воруют, карты и зернью играют, и проигрався воруют, ходя по улицам, людей режут, и грабят, и шапки срывают, ...».

Грамматическое толкование этого извлечения из статьи позволяет уяснить смысл описанных в уголовно-правовой норме деяний, как сопряженных, так и образующих совокупность.

Основная направленность перечисленных в статье общественно опасных действий определяется стремлением виновных завладеть чужим имуществом. Терминологический ряд, используемый законодателем для обозначения форм воровства в этой статье, дает основание полагать, что оно могло быть совершено как тайно, так и с применением насилия или с убийством. Объединение в одной диспозиции посягательств с различной общественной опасностью содеянного в приведенной выше норме требовало разделения ответственности за перечисленные действия в целях назначения справедливого наказания. Поэтому она определялась через отсылку на другие статьи «о татех», в которых наказание для преступника регламентировалось с учетом числа преступных эпизодов. Повторение посягательств в этом случае могло носить как разновременный характер, исключая их сопряженность, соответствуя неоднократности или совокупности деяний, так и их стечение в едином временном отрезке.

В Уложении ответственность за мошенничество устанавливалась в норме с простой диспозицией, которая не описывала признаки данного деяния: «мошенником чинить тот же указ, что указано чинить татем за первую татьбу» (ст. 11). Однако её толкование позволяет прийти к выводу о равной оценке законодателем того времени их общественной опасности. Представляется, что Уложение, как и Судебник 1550 года, относило мошенничество к разновидности татьбы – карманной кражи, чем объясняется установление равной меры ответственности за них. Поэтому точка зрения М.Ф. Владимирского-Буданова о том, что в исследуемом документе мошенничество противопоставляется татьбе[11] представляется нам не соответствующей буквальному толкованию рассмотренных выше уголовно-правовых норм документа.

В статье 8 Уложения перечислены отдельные формы воровства: татьба, разбой, «иное какое воровство». К последнему можно отнести мошенничество. Воровство в юридических конструкциях Соборного Уложения выступает родовым понятием, которым охватывается совокупность форм хищений, включая их специальные виды.

В отдельные статьи главы XXI Уложения выведены основания ответственности за совершение церковных татей. Как и в предшествующих памятниках права, наказание за этот вид имущественного преступления предусматривалось самое суровое – смертная казнь. Местом исполнения деяния этого вида признавалась церковь, предметом – церковное имущество, которое в своем значении для населения было наделены особым сакральным смыслом. Ценность таких предметов определялась не только их стоимостью, но и ролью в отправлении обрядов при богослужении.

Объектом церковного хищения была собственность церкви, неправомерное воздействие на кото-

[10] Таганцев Н.С. О повторении преступлений. СПб., 1867. С. 232.
[11] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1907. С. 362.

рую затрагивало религиозные чувства верующих. Поэтому данное преступление оценивалось населением как тяжкий грех, и строгое наказание за него признавалось справедливым. В.И. Сергеевич в своем исследовании древнерусских источников права отмечает: «В XVII веке система получает решительное торжество. Московское правительство наказывает уже не в частном интересе, а в целях устрашения, для того, чтобы искоренить злодеев»[12].

«Татьба» в зависимости от контекста, в котором она включена в нормы Соборного уложения, несет одно из двух смысловых значений: 1) при перечислении форм хищения обозначает кражу; 2) при обозначении совокупности форм хищений соответствует родовому понятию «воровство».

Повышенная общественная опасность церковной татьбы определена предметом преступления, а не способом его совершения. Церковный вор привлекался к ответственности по статье 14 Уложения при любом способе хищения, а не только в качестве лица, совершившего тайное незаконное завладение церковным имуществом.

В главе X «О суде» в статьях 221, 222 исследуемого документа было установлено правовое последствие для лица, проникшего в сад или огород, и «в саду с(ь) яблоней яблока ощиплет насильством, или ночью покрадет...» или «в огороде какой овощ насильством пограбит или покрадет...». Оно состояло в обязанности возместить истцу убытки по стоимости фрукта и овоща. Однако для похитителя овощей «за насильство или за кражу» предусматривалось еще «наказанье смотря по делу».

Правовая природа описанных действий неоднозначна в своем понимании. По предмету посягательства они могут быть отнесены к мелкому воровству, о чём свидетельствуют употребленные в юридической конструкции нормы термины: «покрадет», «пограбит». Однако законодатель не разместил их в главе, объединяющей в своём содержании составы имущественных преступлений «О разбойных и о татиных делах», в которой закреплялись основания ответственности за воровство. По тексту статей 221, 222 Уложения видно различие в правовых последствиях хищения яблок и хищения овощей: кража или грабеж с огорода кроме возмещения ущерба истцу по их стоимости ещё должно было влечь наказание по усмотрению суда, а хищение из сада возлагало на виновного исключительно материальную ответственность в форме возмещения ущерба.

М.Ф. Владимирский-Буданов давал следующее объяснение этому законодательному положению: «...похищение мелких предметов для непосредственного потребления (в садах, в огородах) вовсе не подводится под понятие татьбы, и грабеж таких вещей наказывается также снисходительно (Уложение X, 221-222)»[13]. Данная правовая оценка описанных ситуаций вызывает у нас ряд возражений. Во-первых, используемая в их юридических конструкциях терминология совпадает с той, что включена в уголовно-правовые нормы главы XXI Уложения. Во-вторых, на «снисходительность» наказания в статье 222 ничего не указывает. В ней сказано: «наказанье смотря по делу». Следовательно, суд сам будет решать вопрос о выборе вида наказания, которое не обязательно будет мягким.

Отсутствие в статье 221 требования закона о применении к лицам наказания за «с(ь) яблоней яблока ощиплет насильством, или ночью покрадет», позволяет отнести описанные действия к неправомерным в сфере гражданско-правовых отношений. Поэтому гражданский иск к виновному лицу выступает формой, предусмотренной для их восстановления.

Иная ситуация при хищении овощей из огорода. Преступник за него должен понести наказание, а это форма государственного реагирования на общественно опасное деяние.

Отвечая на вопрос, почему в статьях 221, 222 Уложения дана различная правовая окраска схожих по характеру и степени опасности ситуаций, мы концентрируем внимание на предмете преступления. Плодоношение яблонь в саду является естественным природным процессом, который не требует значительного вложения человеческого труда.

Культивирование овощных культур начинается с посадки семян и заканчивается сбором урожая. Между начальным и конечным этапом этого процесса проводилась активная работа по возделыванию овощных культур. Далее шёл сбор урожая. Собранные овощи подлежали хранению, переработке и обеспечивали основной рацион питания до следующего урожая. Часть выращенной крестьянами на огороде продукции выплачивалась в виде оброка собственнику земель.

Утрата в результате хищения овощей сводила весь вложенный в них труд к нулю, порождая риски нехватки продуктов питания для семьи в зимнее время, а, кроме того, при значительном ущербе от хищения сельхозпродукции убыток несли не только сами крепостные крестьяне, но и собственники-землевладельцы. Защита феодальной собственности была одной из приоритетных целей правового регулирования по Соборному Уложению 1649 г. Обозначенные выше обстоятельства, по нашему мнению, и обусловили установления более строгой государственного формы реагирования на хищение овощей, чем фруктов.

Грабеж в XVII в. в России еще не всегда однозначно воспринимался как преступное деяние – имущественное преступление. В ряде случаев это был либо гражданско-правовой деликт, либо злоупотребление служебным положением[14].

В статьях Уложения ответственность за грабеж устанавливалась наравне с кражей, например, «вору-

[12] Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права: 4-е изд. доп. и поправлено. СПб., 1910. С. 408.
[13] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1907. С. 361.
[14] Упоров И.В. Регламентация грабежа как преступления против собственности в Соборном Уложении 1649 г. // Новое слово в науке: перспективы развития. 2016. № 1-2 (7). С. 381.

ют, людей режут, и грабят» (XXI, 15), «насильством пограбит или покрадет...» (X, 222).

Разбой простой и квалифицированный был отделен от иных форм воровства. Правовые последствия его совершения предусматривались в отдельных уголовно-правовых нормах (XXI, 16, 17, 18, 19).

В.И. Сергеевич отмечал, что «в разбое, как и в грабеже, есть угроза насилия и самое»[15]. Наличие совпадающих характеристик затрудняет их разграничение, так как само законодательство не даёт ответа на вопрос: в чём оно состоит?

В начале XVII в., до принятия Соборного Уложения 1649 года, судьи спрашивали иногда законодателя: «Те статьи во что ставити: в разбой или в грабеж?»[16]. Однако Уложение не дало ответа на этот вопрос.

Разделение насильственного грабежа и разбоя, как двух форм открытого насильственного хищения, позволяет усмотреть повышение общественной опасности последнего, определяемое применением в процессе его совершения более опасного вида насилия, чем при грабеже. Поэтому наказание за первичный и повторный разбой в Уложении было строже.

Неопределенность правовой природы грабежа в Соборном уложении порождена включением термина «грабити» в статьи, расположенные в различных главах документа. Вышеприведенный анализ относится к грабежу как форме хищения. В других главах исследуемого документа у грабежа иная правовая природа.

В главе VII «О службе всяких ратных людей Московского государства» Соборного уложения регламентируется порядок призыва на военную службу, ее прохождение и меры ответственности за нарушение установленных правил ее несения, обеспечения довольствием. В статье 21 указанной главы подробно описан порядок приобретения воинами «запасов и конских кормов». Он носит возмездный характер. В статье прописан запрет на завышение торговыми людьми цены. Она устанавливалась по «указу царьского величества и по воеводскому розсмотрению... хлебным запасом и конским кормом положена указная цена, дешевле торговые цены...».

Законодатель, описывая действия ратных людей в нарушении установленных правил по безвозмездному завладению продовольствием и кормами, обозначал их термином «грабити»: «А будет кто служилые люди, будучи на государеве службе, учнут у кого имати хлебныя запасы и конския кормы насильством, или учнут кого грабити,...», то «и на тех людех, кто кому какия убытки учинят, те убытки правити вдвое» (VII, 22); «А будет кто ратные люди, едучи на государеву службу, или з государевы службы по домом, учнут ставится по селом и по деревням во дворех, или в гумнах для воровства, и станут грабити...», то за грабежь чинити им наказание, смотря по вине. А что они у кого грабежем возмут, и то на них правити вдвое и отдавати тем людем, у кого они что грабежем возмут» (VII, 30).

Данные действия в Уложении, называемые грабежом, получили в теории уголовного права различную оценку.

М.Ф. Владимирский-Буданов усматривает в них самоуправство, состоящее в самовольной реквизиции, осуществляемой в походе ратными людьми (VII, 22, 30). По мнению автора, в этой части исследуемого документа сохраняется «древний снисходительный взгляд на явное отнятие имущества»[17].

И.А. Исаев относит грабеж в Соборном уложении к имущественным преступлениям, выделяя его разновидности: обыкновенный или квалифицированный (совершенный «служилыми» людьми или детьми в отношении родителей)[18].

Установление самостоятельной ответственности за нарушение порядка поступления, несения военной службы или в процессе возвращения домой после ее окончания в виде воровства и грабежа направлено на поддержание дисциплины и правопорядка. Причинение имущественных убытков населению со стороны служивых людей на государственной службе наносило вред авторитету государственной власти, что могло привести к волнению народных масс, восстанию.

Грабеж, в состав которого входил специальный субъект, по нашему мнению, имел отличие от аналогичных действий в составе этой формы воровства, как преступления против собственности. Нарушение требований, установленных в статье 21 главы «О службе всяких ратных людей Московского государства» по возмездному порядку приобретения воинами «запасов и конских кормов», посягает на порядок несения военной службы. Его логично признать основным непосредственным объектом грабежа служивых людей, а дополнительным – право собственности торговых людей и населения.

Охрана общественных отношений в Соборном уложении при смежности объективных признаков состава преступления, разграничивалась по содержанию субъективной стороны. Это можно проследить на составах уничтожения имущества посредством поджога.

Основываясь на мотиве и цели указанных действий, законодатель поместил в различные главы документа составы этих преступлений. Умышленное уничтожение по мотивам вражды или корыстной цели: «А будет кто некия ради вражды, или разграбления зажжет у кого двор, и после того он будет изыман, и сыщется про него допряма, что пожар он учинил нарочным делом, и такова зажигалщика казнити зжечь» (X, 228), позволяет отнести деяние к имущественным преступлениям.

Ответственность за поджог изменником города в цели оказания помощи врагу: «А будет кто умышлением и изменою город зазжжет, или дворы, и в то время, или после того зажигальщик изыман будет, и

[15] Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В.И. Сергеевич. СПб., 1903. С. 426.
[16] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1907. С. 360-361.
[17] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1907. С. 360-361.
[18] Исаев И.А. История государства и права России: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 187.

сыщется про то его воровство допряма, и его самого зжечь безо всякого милосердия», предусмотрена в группе преступлений против государственной власти в главе «О ГОСУДАРЬСКОЙ ЧЕСТИ, И КАК ЕГО ГОСУДАРЬСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ОБЕРЕГАТЬ» (гл. II ст. 4).

Подход к разграничению ответственности по основному объекту посягательства – между преступлениями против собственности и против государственной власти – сформулированный в памятнике права и учитывающий содержание субъективной стороны, сохраняет актуальность для современного российского законодательства.

Личные мотивы и цели уничтожения, повреждения имущества включены в субъективную сторону составов преступлений против собственности по УК РФ. Цель – оказание помощи врагу, причинение вреда экономической безопасности государства указывает на преступления против основ конституционного строя в главе 29 действующего уголовного закона.

Библиографический список

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – СПб., Киев: Типография Н.Я. Оглоблина, 1907. – 694 с.

2. Исаев И.А. Собрание сочинений. Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. –– М.: Наука, 1986. – 287 с.

3. Полякова Е.Н. Лексика местных деловых памятников XVII – начала XVIII века и принципы ее изучения. – Пермь: Пермский государственный университет, 1979. – 101 с.

4. Овчинникова М.В. Из истории терминологии уголовного права XVIII века (на материале памятников деловой письменности Забайкалья) // Филология и человек. – 2008. – № 3. – С. 148-155.

5. Таганцев Н.С. О повторении преступлений. – СПб.: Журнал Министерства юстиции, 1867. – 296 с.

6. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть Общая. Выпуск I. – СПб.: Государственная типография, 1887. – 380 с.

7. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права: 4-е изд. доп. и поправлено. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1910. – 667 с.

8. Савченко Д.А. Создание Соборного уложения 1649 года: исторический опыт модернизации отечественного законодательства // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. – 2013. – № 3. – С. 209-220.

9. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / текст ред. проф. М.К. Любавским. – М.: Историко-филологический факультет Императорского Московского университета, 1907. – 196 с.

10. Упоров И.В. Регламентация грабежа как преступления против собственности в Соборном Уложении 1649 г. // Новое слово в науке: перспективы развития. – 2016. – № 1-2 (7). – С. 380-382.

Рецензент: Багун Э.А., доцент кафедры уголовно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н.

Раздел четвертый

ВОПРОСЫ ТРУДОВОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

ЕФИМЦЕВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры гражданского и предпринимательского права УВО «Университет управления «ТИСБИ», 460000, РФ, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, tve-26@mail.ru

ХАЛИНА ПОЛИНА ИГОРЕВНА

студентка Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, РФ, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, e-mail: halinapo@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

EFIMTSEVA TATIANA VLADIMIROVNA

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial and Labor Law of the Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Orenburg State University, Professor of the Department of Civil and Business Law of the TISBI University of Management, 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, tve-26@mail.ru

HALINA POLINA IGOREVNA

Student of the Orenburg Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, e-mail: halinapo@yandex.ru

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF AGRICULTURAL ACTIVITIES IN RUSSIA

Аннотация. *Данная статья посвящена проблемам правового регулирования деятельности российского сельскохозяйственного сектора, к которым можно отнести сокращение числа производителей, низкую рентабельность, кадровый дефицит. Цель работы состоит в постановке проблем в рассматриваемой сфере и в предложении путей их решения. В качестве методов исследования использованы анализ действующих нормативных правовых актов, практики их применения, статистических данных, опыта внедрения информационных систем, а также синтез, сравнение и др. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о необходимости введения системных мер для стабилизации агропромышленного комплекса и повышения его эффективности. Научная новизна заключается в предложении некоторых из таких мер, а практическая значимость – в конкретных рекомендациях по поддержке аграриев.*

Ключевые слова: *агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, сельскохозяйственная продукция, сельскохозяйственные производители, реестр сельскохозяйственных производителей, информационные системы.*

Annotation. *This article is devoted to the problems of legal regulation of the Russian agricultural sector, which include a decrease in the number of producers, low profitability, and a shortage of personnel. The purpose of this work is to identify the problems in this area and propose solutions. The research methods include an analysis of existing legal acts, their application, statistical data, and the experience of implementing information systems, as well as synthesis, comparison, and other methods. The results of this study indicate the need for systemic measures to stabilize the agro-industrial complex and improve its efficiency. The scientific novelty lies in the proposal of some of these measures, and the practical significance lies in specific recommendations for supporting farmers.*

Keywords: *agro-industrial complex, agriculture, agricultural products, agricultural producers, register of agricultural producers, information systems.*

Российский агропромышленный комплекс (АПК) переживает глубокий кризис, связанный со значительным сокращением числа производителей, растущей административной нагрузкой и ухудшением экономической ситуации на уровне крестьянских хозяйств. В результате несовершенства нормативной базы и внедрения многочисленных электронных информационных систем многие фермеры сталкиваются с дополнительными трудностями, что ведет к сокращению кадров, росту затрат и конечному разорению мелких хозяйств. Обострение этих проблем подчеркивает необходимость поиска комплексных решений по реформированию системы регулирования, поддержки агробизнеса и стимулированию модернизации отрасли, чтобы обеспечить её устойчивое развитие и продовольственную безопасность страны.

По мнению ряда исследователей, «современное развитие сельского хозяйства невозможно без формирования рациональной модели хозяйственных отношений в целом. Успех аграрных товаропроизводителей сегодня определяется не столько предприимчивостью самих аграриев, сколько государственной концепцией и новой теорией экономического развития страны»[1]. В связи с этим основополагающий метод, без которого невозможна реализация любых целей государственной политики, это создание соответствующей нормативно-правовой базы[2]. Большинство норм аграрного (сельскохозяйственного) законодательства носит декларативный характер, так как в государственной политике не заложены конкретные механизмы их реализации, или даже, напротив, заложены совсем другие цели, а не те, которые официально провозглашены[3].

В настоящее время юристы, специализирующиеся в аграрном праве, все чаще обращают внимание на противоречия между теоретическими принципами правового регулирования предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве и реальными практиками применения аграрного законодательства. К сожалению, проблема правового статуса субъектов аграрного предпринимательства усугубляется сложностью и разнородностью нормативных правовых актов в этой сфере. Для решения конкретных практических вопросов юристам приходится обращаться к широкому спектру актов, охватывающих гражданское, предпринимательское, налоговое, трудовое, земельное, экологическое и аграрное законодательство.

Что касается сокращения общей численности сельскохозяйственных производителей[4], то по итогам сельскохозяйственной микропереписи[5], проведенной Росстатом с 1 по 30 августа 2021 года, в которой приняло участие около 17 млн производителей, число сельскохозяйственных организаций в России за пять лет сократилось на 14%: с 36 тысяч до 31,1 тысяч. Количество крестьянских (фермерских) хозяйств снизилось на 27% (100,1 тысяч против 136,7 тысяч), индивидуальных предпринимателей стало вдвое меньше (18,2 тысяч против 38 тысяч в 2016 году).

Причин сворачивания сельского хозяйства много, они различны, как-то: высокая ставка рефинансирования Центрального Банка РФ и значительно завышенные налоги, изношенная инфраструктура средств производства, прямое уничтожение имущества, низкие доходы, высокие риски. К тому же Правительство РФ проводит мероприятия и принимает меры, приводящие к разорению крестьянских (фермерских) хозяйств. В частности, в 2024 году у крестьян было заготовлено до 70 млн тонн пшеницы, из которой государство выкупило только 2 млн тонн. В результате проводить весенний сев крестьянам было не на что. Они разорились, а их земли перешли во владение крупных коммерческих банков, которые являются частью транснациональных корпораций.

К таким же печальным последствиям приводят и специально **заниженные** закупочные цены. Так, российские аграрии пожаловались на торговлю молоком в убыток под угрозой жалоб переработчиков в Федеральную антимонопольную службу РФ (ФАС России). Молокозаводы шантажируют сельхозпроизводителей, добиваясь поставок сырого молока по цене ниже рыночной, что приводит к разорению сельхозпроизводителей и сокращению поголовья дойного скота. По словам руководителя сельскохозяйствен-

[1] Власов В.А., Чалкина В.Э. К вопросу о целесообразности разграничения правовых категорий «аграрный товаропроизводитель» и «аграрный предприниматель» // Эпоха науки. 2020. № 24. 134-137.

[2] Козырь М.И. Правовые проблемы развития агропромышленного комплекса России // Журнал российского права. 2010. № 4 (160). С. 28-37.

[3] Кудрявцева Л.В., Давидан П.С. Проблемы правового регулирования договорных и иных правоотношений в агропромышленном комплексе // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 11. С. 411-415.

[4] Кудрявцева Л.В. Правовой статус сельскохозяйственных товаропроизводителей: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2020. 104 с.

[5] Основные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года. Статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2022. 420 с.

ного кооператива «Битимский» Михаила Мальцева, «закупочная цена до ноября 2025 года была 43 руб/л, а сейчас цена снижена до 32 руб/л, и переработчики угрожают подать на нас жалобу в ФАС России, поскольку молоко является общественном необходимым продуктом. При этом за то же время электроэнергия подорожала на 12,4%, корма – на 49%, фонд оплаты труда – на 20%, логистика – на 15%, лекарства для животных – на 25%»[6].

Государственная налоговая политика является важным инструментом поддержки сельскохозяйственных производителей. Именно поэтому если государство увеличивает совокупную налоговую нагрузку, то это неизбежно ведет к снижению объемов промышленного производства. Так, например, Правительство РФ установило такие **экспортные пошлины на сельскохозяйственную продукцию, которые на одну треть уменьшают полученную выручку, в результате чего фермеры получают убытки. И так критическую ситуацию еще ухудшили санкции, введенные в отношении России после февраля 2022 года, когда цены на технику и топливо увеличились, а ключевая ставка Банка России сделала кредиты недоступными. Даже на плодородном юге страны фермеры продавали комбайны, чтобы просто выжить**[7].

Однако ключевая проблема правового регулирования сельскохозяйственной деятельности заключается во введении федеральных единых информационных систем, охватывающих различные направления деятельности в агропромышленном комплексе. Так, В.М. Шуганов отмечает, что обеспечение комплексного подхода для развития современного аграрного производства, основанного на использовании менеджмента в сфере АПК, применении технологий постоянного мониторинга за культурами, измерения различных показателей и оперативного реагирования, будет способствовать значительному увеличению объёмов и качества сельскохозяйственной продукции[8]. В качестве примера приведем Федеральный закон от 11.06.2021 № 159-ФЗ «О сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии с улучшенными характеристиками»[9], статья 6 которого вводит Единый реестр производителей сельскохозяйственной продукции, продовольствия, промышленной и иной продукции с улучшенными характеристиками[10]. Рассмотрим, что означает на самом деле введение вышеуказанного Закона.

В Законе предусмотрено, что реестр создан для безвозмездного информирования потребителей о производителях сельскохозяйственной продукции, продовольствия, промышленной и иной продукции. К сведениям, которые вносятся в реестр, относятся в том числе следующие: о производителе (полное и сокращенное (при наличии) наименования, фирменное наименование, основной государственный регистрационный номер и др.); место нахождения производства (кадастровый номер земельного участка (при наличии) либо объекта капитального строительства или адрес (описание местоположения) земельного участка либо объекта капитального строительства).

Учитывая то, что Россия является членом Всемирной торговой организации (ВТО)[11] и обязана выполнять принятые на себя обязательства, в нашей стране успешно реализуется мировая глобальная политика, которая заключается в уничтожении мелких сельскохозяйственных производителей и в передаче земель в собственность крупных, в том числе транснациональных, агрохолдингов (Мираторг, Русагро и др.). Все это проводится для того, чтобы создать голод, который станет очередным этапом создания жесткой системы цифрового контроля над людьми[12].

В результате введения реестра производителей сельскохозяйственной продукции у аграриев возникают многочисленные проблемы с регистрацией и внесением данных (необходимость сбора, подтверждении и регулярного обновления большого объема информации о продукте), с повышенными требованиями к продукции (новые стандарты качества, безопасности и экологичности, что требует дополнительных инвестиций и времени), с увеличением административной нагрузки (регулярная отчетность и контроль со стороны органов власти, что увеличивает бюрократию), с неоднородностью региональных подходов (в разных регионах установлены различные нормативные и технические условия для внесения данных в реестр, что усложняет работу хозяйств,

[6] Беляев С. В Свердловской области дешевеет молоко из-за падения спроса. URL: https://eanews.ru/ekaterinburg/20260116165029/v-sverdlovskoy-oblasti-desheveet-moloko-iz-za-padeniya-sprosa (дата обращения: 10.05.2026).

[7] «За 5 лет в России закрылось 35 тысяч крестьянско-фермерских хозяйств». Кто и почему разрушает наше сельское хозяйство. URL: https://ngs22.ru/text/economics/2025/03/27/75267044/ (дата обращения: 10.05.2026).

[8] Шуганов В.М. Основные направления развития цифровизации сельского хозяйства // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2021. № 2 (100). С. 77-85.

[9] Федеральный закон от 11.06.2021 № 159-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии с улучшенными характеристиками» // СЗ РФ. 2021. № 24. Ст. 4177.

[10] Ведение реестра регулируется приказом Минсельхоза России от 11.02.2022 № 71«Об утверждении порядка ведения единого государственного реестра производителей сельскохозяйственной продукции, продовольствия, промышленной и иной продукции с улучшенными характеристиками, перечня размещаемых в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, в том числе в сети «Интернет», сведений и информации, содержащихся в указанном реестре, а также перечня информации, размещаемой в форме открытых данных» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.02.2022 № 67556) // СПС «Гарант». Этот документ утвердил порядок ведения реестра, перечень размещаемых в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования сведений и информации, содержащихся в реестре, а также перечень сведений, размещаемых в форме открытых данных. Приказ вступил в силу с 01.09.2022 и действует до 01.09.2028.

[11] Протокол о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15.04.1994 подписан в Женеве 16.12.2011. Полноправным членом ВТО Россия стала 22.08.2012 // СПС «Гарант».

[12] Павленко В.Б. Мифы «устойчивого развития»: «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот? Москва: ОГИ, 2011. 942 с.

действующих в нескольких субъектах).

Для формирования отчетности в реестре, внесения изменений в сведения о продукции и т.п. крестьянину приходится нанимать специалистов-программистов. Например, руководитель крупного крестьянско-фермерского хозяйства (КФХ) «Пчелка» из Марьяновского района Николай Ромащенко признался, что для того, чтобы справиться со всеми информационными электронными системами, ему пришлось нанять отдельного работника, который занимается всеми этими ФГИСами. Помимо дополнительных расходов на специалистов, которые ведут электронную отчетность, аграрии тратят средства и на регистрацию, и на работу во ФГИСах. Сумма расходов зависит от объемов производства и специфики хозяйства. Кроме того, чтобы не получить огромные штрафы от Россельхознадзора, КФХ «Пчелка» работает только с лицензированными пестицидами, которые стоят дорого[13].

Все эти программы не отлажены, они друг с другом не пересекаются, приходится в разные программы вносить одни и те же данные. Фактически указанные реестры значительно усложняют и так тяжелую работу фермеров. Вместо работы в поле агроном вынужден сидеть за компьютером, затрачивая на это бесполезное и вредное занятие драгоценное время, которого в весенне-осенний сезон и так катастрофически не хватает. Глава КФХ из Шербакульского района Петр Бурма говорит о том, работники, которых приходится привлекать к работе с многочисленными ФГИСами, увольняются из-за этих дополнительных обязанностей[14]. Все это приводит к тому, что в сельском хозяйстве значительно обостряется кадровая проблема.

Проблемы российского сельскохозяйственного сектора, такие как сокращение числа производителей, низкая доходность, кадровый дефицит, внедрение «вирусных» информационных систем, указывают на необходимость комплексного и системного подхода к развитию сельского хозяйства. В качестве таких мер можно попробовать усовершенствовать правовое регулирование, повысить научно-технический потенциал, привлекать молодежь к работе в сельском хозяйстве, создавать условия для модернизации инфраструктуры. Однако на самом деле никакие меры не смогут изменить сложившуюся в российском агропромышленном секторе ситуацию без кардинальных изменений способа производства и общественного устройства[15].

Итак, проблемы правового регулирования сельскохозяйственной деятельности могут быть разрешены только в том случае, если аграрное законодательство будет учитывать интересы отечественных сельскохозяйственных производителей.

Библиографический список

1. Власов В.А., Чалкина В.Э. К вопросу о целесообразности разграничения правовых категорий «аграрный товаропроизводитель» и «аграрный предприниматель» // Эпоха науки. – 2020. – № 24. – С. 134-137.

2. Козырь М.И. Правовые проблемы развития агропромышленного комплекса России // Журнал российского права. – 2010. – № 4 (160). – С. 28-37.

3. Кудрявцева Л.В. Правовой статус сельскохозяйственных товаропроизводителей: учеб. пособие. – Краснодар: КубГАУ, 2020. – 104 с.

4. Кудрявцева Л.В., Давидан П.С. Проблемы правового регулирования договорных и иных правоотношений в агропромышленном комплексе // Бюллетень науки и практики. – 2018. – Т. 4. – № 11. – С. 411-415.

5. Ленин В.И. Аграрный вопрос и «Критики Маркса» // Полное собрание сочинений. Том 5. Май-декабрь 1901. «Полное собрание сочинений»: Издательство политической литературы. – Москва, 1967. – С. 97-223.

6. Павленко В.Б. Мифы «устойчивого развития»: «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот? – Москва: ОГИ, 2011. – 942 с.

7. Шуганов В.М. Основные направления развития цифровизации сельского хозяйства // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2021. – № 2 (100). – С. 77-85.

Рецензент: Томина А.П., заведующий кафедрой частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

[13] Нанимают айтишников и тратят миллионы: как омские аграрии пытаются «обуздать» ФГИСы. URL: https://ngs55.ru/text/business/2025/07/07/75677330/ (дата обращения: 10.05.2026).

[14] Мало посеять зерно, нужно уметь отчитаться: как аграрии тратят миллионы на айтишников, чтобы угодить электронной бюрократии. URL: https://ngs.ru/text/economics/2025/07/09/75695285/ (дата обращения: 10.05.2026).

[15] Ленин В.И. Аграрный вопрос и «Критики Маркса» // Полное собрание сочинений. Том 5. Май-декабрь 1901. «Полное собрание сочинений»: Издательство политической литературы. Москва, 1967. С. 97-223.

КРИНИНА АННА МИХАЙЛОВНА
преподаватель кафедры предпринимательского и трудового права Оренбургского института (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, K_Anna_M@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОГОВОРНОГО СПОСОБА РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ И ИНЫХ НЕПОСРЕДСТВЕННО СВЯЗАННЫХ С НИМИ ОТНОШЕНИЙ

KRININA ANNA MIKHAYLOVNA
Lecturer of the Department of Business and Labor Law Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, K_Anna_M@mail.ru

PROBLEMS OF THE EFFECTIVENESS OF THE CONTRACTUAL METHOD OF REGULATION OF LABOR AND OTHER DIRECTLY RELATED RELATIONS

Аннотация. *В представленной статье автор обращается к исследованию вопроса об эффективности договорного способа регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений. Формулируется определение обозначенной научной категории, раскрывается четырехэтапный алгоритм оценки договорного способа регулирования применительно к отношениям в сфере труда. Практическая апробация приведенных теоретических положений осуществляется на примере части 8 статьи 178 Трудового кодекса РФ, в результате чего формулируются выводы по повышению эффективности рассмотренной договорной конструкции.*

Ключевые слова: *эффективность, договорное регулирование, эффективность договорного способа регулирования трудовых отношений, этапы оценки эффективности договорного способа регулирования, выходное пособие.*

Review. *In this article, the author examines the effectiveness of contractual regulation of labor and other directly related relationships. A definition of this scientific category is formulated, and a four-step algorithm for assessing contractual regulation as it applies to labor relations is presented. The theoretical propositions presented are tested in practice using Part 8 of Article 178 of the Labor Code of the Russian Federation, resulting in conclusions for improving the effectiveness of this contractual structure.*

Keywords: *efficiency, contractual regulation, efficiency of contractual method of regulating labor relations, stages of assessing the efficiency of contractual method of regulation, severance pay.*

Регулирование трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений осуществляется посредством сочетания нормативного и договорного способов регулирования. В теории права под договорным регулированием понимается «иерархически организованный уровень праворегулятивной деятельности, связанный с односторонне-властным уровнем сетью прямых и обратных связей различной степени «жесткости», наличие которых обеспечивает оптимальное правовое регулирование общественных отношений»[1]. В трудовом праве договорное регулирование осуществляется посредством индивидуально-договорного и коллективно-договорного способов регулирования. Индивидуально-договорное регулирование рассматривается как «объективированная в договорах согласованная правомерная деятельность работника и работодателя, выражающая их взаимный интерес, по нормированию индивидуальных условий труда на основе свободного усмотрения сторон»[2]. Обозначенный способ реализуется через систему индивидуальных договорных конструкций, включающую трудовой договор, ученический договор, договор о полной материальной ответственности, а также целый ряд индивидуальных соглашений, заключаемых сторонами трудового договора, например, соглашение о выполнении дополнительной работы (ст. 60.2 ТК РФ), соглашение о временном переводе для замещения временно отсутствующего работника (ч. 1 ст. 72.2 ТК РФ), соглашение о наставничестве (ст. 351.8 ТК РФ) и др. Коллективно-договорное регулирование воплощается в коллективных договорах и соглашениях, заключаемых на разных уровнях социального партнерства (локальном, территориальном, отраслевом, региональном, межреги-

[1] Бакулина Л.Т. Общая теория договорного правового регулирования: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 129-130.
[2] Дивеева Н.И. Теоретические проблемы индивидуального правового регулирования трудовых отношений: автореферат дисс. ... д-ра юрид. СПб, 2008. С. 39.

ональном, федеральном (ст. 26 ТК РФ).

Исходя из содержания ст. 9 ТК РФ договорный способ регулирования отношений в сфере труда позволяет дополнять и расширять нормативные гарантии, установленные на централизованном уровне. Тем не менее правоприменительная (судебная) практика свидетельствует о наличии проблем в реализации заложенного в трудовом законодательстве договорного потенциала, что, в свою очередь, приводит к вопросу о его эффективности и требует научного осмысления.

Исследование эффективности в праве выступает предметом рассмотрения и общей теории права и в отраслевых юридических науках, в частности в трудовом праве. Разработка вопросов эффективности права началась в 60-е гг. XX века. Одним из наиболее значительных трудов советского периода по рассматриваемой теме выступает работа «Эффективность действия правовых норм» под редакцией А.С. Пашкова, где сформулировано понятие и условия эффективности правовой нормы, способы прогнозирования ее эффективного воздействия, акцентировано внимание на «целостном механизме действия правовых норм», в том числе на влиянии социального фактора[3]. В числе ученых советского периода, исследовавших вопросы эффективности, также стоит назвать Ф.Н. Фаткулина и Л.Д. Чулюкина, которые рассматривали эффективность правовой нормы в контексте её соотношения с социальной ценностью и предложили авторский подход к условиям, критериям и методике изучения эффективности[4]. Особая роль в разработке методологии оценки эффективности правовых норм принадлежит В.Н. Кудрявцеву, В.И. Никитинскому, И.С. Самощенко и В.В. Глазырину. Разработанная учеными методология включает определение «проблемной ситуации»; соотнесение результата действия нормы с намеченной целью; введение операционального определения (то есть перевод понятий эффективности в форму, доступную для эмпирических наблюдений); применение критериев и показателей эффективности; определение роли правового фактора в реализации нормы[5].

Изучение вопросов эффективности продолжилось в XXI веке. Так, например, А.А. Абрамовой всесторонне охарактеризованы понятие и критерии эффективности механизма правового регулирования[6]. В 2009 г. С.А. Жинкиным защищена докторская диссертация на тему «Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение». Современные трудоправовые исследования по вопросам эффективности принадлежат Н.Л. Лютову[7], Е.А. Улюмджиеву[8], Е.Е. Полухиной[9].

Тем не менее, в науке до настоящего времени так и выработано единого подхода к тому, что понимать под эффективностью в праве, какие критерии должны быть взяты в качестве отправных точек для оценки действующего законодательства и правоприменительной практики. Более того, оценка договорного способа регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений ранее не ставилась в качестве самостоятельной задачи исследования. В связи с этим возникает необходимость выработки понятия, этапов и критериев оценки эффективности договорного способа регулирования отношений в сфере труда.

По нашему мнению, опираясь на ст. 1 ТК РФ, оценивать эффективность договорного способа регулирования отношений в сфере труда требуется с позиций того, насколько договорное регулирование позволяет обеспечить согласование разнонаправленных интересов сторон трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений с обеспечением реализации защитной функции трудового права. Под эффективностью договорного способа регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений мы понимаем научную категорию, отражающую качественное состояние договорной конструкции, при которой, с одной стороны, обеспечивается оптимальное согласование интересов работника, работодателя и государства, с другой стороны, создаются гарантии для защиты работника как экономически слабой стороны в трудовых отношениях с учетом существующих государственно-политических и экономических условий и при добросовестном поведении сторон трудового договора.

Оценка эффективности договорного способа, по нашему мнению, проходит в четыре этапа. На первом этапе целесообразно определить круг общественных отношений, которые могут быть упорядочены посредством договорного способа и оценить его достаточность применительно к данным отношениям либо необходимость его усиления государственными минимальными гарантиями.

Второй этап предусматривает определение пределов и условий договорного регулирования. Пределы определяются принципами права, нормативными ограничениями, а также государственно-политическими и экономическими факторами. Условия эффективной реализации договорного способа, по нашему мнению, включают добросовестность сторон договорной конструкции и наличие механизма обеспечения достигнутых договорённостей.

Третий этап предполагает применение критериев эффективности. Родовым критерием для оценки

[3] Эффективность действия правовых норм // А.С. Пашков, Л.С. Явич и др. / Отв. ред. А.С.Пашков. Л., 1977. 143 с.
[4] Фаткуллин Ф.Н., Чулюкин Л.Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Под ред. В.П. Малкова. Казань, 1977. 119 с.
[5] Эффективность правовых норм / Глазырин В.В., Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С. М., 1980. 280 с.
[6] Абрамова А.А. Эффективность механизма правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 206 с.
[7] Лютов Н.Л. Эффективность норм международного трудового права: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.05 / Лютов Никита Леонидович. М., 2013. 465 с.
[8] Улюмджиев Е.А. Правовое регулирование статуса работника: проблемы эффективности: дисс. ... канд. юрид. наук. М.,2009. 163 с.
[9] Полухина Е.Е. Эффективность правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений и судебная практика: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 163 с.

эффективности договорного способа регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений выступает правовая цель. Цели находят свое воплощение в Конституции РФ, в международных стандартах труда, предопределяются целями национальной политики и целями трудового законодательства. В свою очередь цели трудового законодательства могут быть разделены на цели индивидуально-договорного регулирования и коллективно-договорного регулирования. Специальным критерием оценки эффективности договорного способа регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений выступает обеспечение баланса интересов работника, работодателя и государства. Более того, при оценке эффективности каждой договорной конструкции необходимо выявлять присущую ей цель.

На четвертом этапе, на основании проведенного анализа, необходимо выявить договорные конструкции, которые не обеспечивают достижение целей правового регулирования и не способствуют балансу интересов работника, работодателя и государства. Выявив обозначенные конструкции, требуется обозначить вектор для повышения их эффективности, сформулировав предложения по изменению или дополнению действующего законодательства и совершенствованию коллективно-договорной практики.

Опираясь на представленный теоретический фундамент оценки эффективности договорного способа регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений, представляется целесообразным перейти к их практической апробации на примере отдельных нормативных положений Трудового кодекса РФ (далее по тексту – ТК РФ), предусматривающих договорное регулирование. Таковыми, в частности, выступают положения ч. 8 ст. 178 ТК РФ, которая допускает расширение случаев выплаты выходных пособий или установление их в ином размере на уровне трудового или коллективного договора.

Целевое назначение выходного пособия заключается в сохранении за работником на определенное время среднего заработка (или его части). Пределами для договорного регулирования указанных отношений выступают ограничения размеров выходных пособий для отдельных категорий работников (ст. 349.3 ТК РФ, ст. 349.4 ТК РФ). Условием эффективной реализации рассматриваемого договорного способа регулирования выступает добросовестность сторон и обеспечение исполнения достигнутых договоренностей. Критерием эффективности служит обеспечение баланса интересов работника, работодателя и государства. Однако о неэффективности рассматриваемой договорной конструкции свидетельствуют материалы судебной практики, которые демонстрируют примеры отказа в выплате пособий, предусмотренных соглашением о расторжении договора, ссылаясь на отсутствие прямого разрешения в законе[10]. В свою очередь Постановлением Конституционного Суда РФ от 13 июля 2023 г. № 40-П было указано на то, что соглашение о расторжении трудового договора имеет ту же правовую природу, что и трудовой договор, а значит, обязательства по соглашению подчиняются тому же режиму. В связи с этим предложением по повышению эффективности договорного способа регулирования рассматриваемых отношений выступает необходимость дополнения ч. 8 ст. 178 ТК РФ указанием на допустимость расширения оснований выплаты выходного пособия соглашением к трудовому договору (с соблюдением установленных в ст. 349.3 ТК РФ и ст. 349.4 ТК РФ запретов и ограничений).

Отдельные примеры правоприменительной (судебной) практики свидетельствуют о несоблюдении условия о добросовестности сторон и отсутствии механизма обеспечения исполнения достигнутых договоренностей при заключении соглашения о выплате выходного пособия. Например, при заключении с работником соглашения о расторжении трудового договора, согласно которому работодатель обязан выплатить заявителю выходное пособие в размере 2 000 000 рублей в связи с расторжением трудового договора по соглашению сторон и выплатой денежных средств в день заключения соглашения. При этом работник был принят на работу менее чем за 6 месяцев до отзыва у работодателя лицензии на осуществление деятельности, выплата денежных средств осуществлена накануне отзыва у работодателя лицензии[11]. Такое соглашение может быть признано неосновательным обогащением. Если в соглашении содержатся «положения, предусматривающие выплаты (разовую или неоднократные) денежных средств работнику в случае увольнения и (или) наступления иных обстоятельств либо заработной платы за период действия трудового договора, размер которых составляет 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества»[12], то оно может быть признано крупной сделкой. Изложенное свидетельствует о наличии риска отмены судом достигнутого сторонами соглашения, что служит маркером неэффективности существующего порядка договорного регулирования. Механизмом обеспечения исполнения достигнутых договоренностей о выплате выходного пособия на наш взгляд должны выступать критерии, которые вырабатываются высшими федеральными судами.

В частности, вышеобозначенным постановлением

[10] Определение СК по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26 мая 2022 г. по делу № 8Г-11762/2022[88-12127/2022] // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2023 г. № 3285-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Андрея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 61.6 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и частью первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации». URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision728736.pdf (дата обращения: 01.06.2026)

[12] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 мая 2014 г. № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 6.

Конституционного Суда РФ от 13 июля 2023 г. № 40-П[13] было указано на то, что ответственность за размер выходного пособия, обозначенного в соглашении сторон, лежит исключительно на руководителе юридического лица, действия которого при заключении такого соглашения не могут носить произвольный характер, реализовываться «вопреки целям предоставления соответствующих правомочий и не принимая во внимание интересы представляемого им юридического лица». Более того, Конституционный Суд РФ назвал и факторы, которые необходимо учитывать при заключении соглашения о выплате выходного пособия. К таковым относятся: бюджетное финансирование работодателя; нахождение работодателя в состоянии ликвидации; учет интересов других работников; выплата выходного пособия не должна блокировать способность работодателя исполнить возложенные на него трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, локальными нормативными актами, условиями коллективного договора, соглашений и трудовых договоров обязанности по выплате другим работникам причитающихся им денежных средств[14].

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 21 установлены критерии, учет которых необходим при определении размера компенсации руководителю, к ним относятся: целевое назначение данной выплаты, направленной на предоставление защиты от негативных последствий, которые могут наступить для уволенного руководителя организации в результате потери работы; длительность периода работы уволенного лица в должности руководителя организации; время, остающееся до истечения срока действия трудового договора; трансформацию срочного трудового договора в трудовой договор, заключенный на неопределенный срок; размер сумм (оплаты труда), которые увольняемый мог бы получить, продолжая работать в должности руководителя организации; дополнительные расходы, которые он может понести в результате прекращения трудового договора. Судебной практикой вырабатываются и иные критерии, влияющие на размер выплаты руководителю организации. Например, требование о соразмерности любых компенсаций, выплачиваемых сверх предусмотренных законами и иными нормативными правовыми актами правил, фонду заработной платы, который имеется у предприятия, и той прибыли, которая им получена[15].

Таким образом, оценка эффективности договорного способа регулирования отношений по выплате выходного пособия позволила сформулировать выводы о необходимости совершенствования договорного способа регулирования порядка выплаты выходного пособия в части: во-первых, дополнения ч. 8 ст. 178 ТК РФ, путем указания на возможность заключения индивидуального соглашения о выплате выходного пособия; во-вторых, учета выработанных высшими федеральными судами критериев оценки добросовестности определяемого в договорном порядке размера выходного пособия.

Библиографический список

1. Абрамова А.А. Эффективность механизма правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2006. – 206 с.

2. Бакулина Л.Т. Общая теория договорного правового регулирования: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2019. – 440 с.

3. Дивеева Н.И. Теоретические проблемы индивидуального правового регулирования трудовых отношений: автореферат дисс. ... д-ра юрид. – СПб, 2008. – 45 с.

4. Лютов Н.Л. Эффективность норм международного трудового права: дисс. ... д-ра юрид. наук – М., 2013. – 465 с.

5. Полухина Е.Е. Эффективность правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений и судебная практика: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 163 с.

6. Улюмджиев Е.А. Правовое регулирование статуса работника: проблемы эффективности: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 163 с.

7. Фаткуллин Ф.Н., Чулюкин Л.Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Под ред. В. П. Малкова. – Казань, 1977. – 119 с.

8. Эффективность действия правовых норм / А.С. Пашков, Л.С. Явич и др. / Отв. ред. А.С. Пашков. – Л., 1977. – 143 с.

9. Эффективность правовых норм / Глазырин В.В., Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С. – М., 1980. – 280 с.

Рецензент: Черепанцева Ю.С. заведующий кафедрой предпринимательского и трудового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

[13] Постановление Конституционного Суда от 13 июля 2023 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности части восьмой статьи 178 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.Ф. Нестеренко» // СПС «Гарант.

[14] Постановление Конституционного Суда от 13 июля 2023 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности части восьмой статьи 178 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.Ф. Нестеренко» // СПС «Гарант».

[15] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13 мая 2021 г. № Ф08-4179/21 по делу № А53-28448/2018 СПС «Гарант».

ЧЕРЕПАНЦЕВА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой предпринимательского и трудового права, доцент Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, post@oimsla.edu.ru

НАСТАВНИЧЕСТВО В МЕДИЦИНЕ: УДЕРЖАТЬ НЕЛЬЗЯ ПОТЕРЯТЬ

CHEREPANTSEVA YULIYA SERGEEVNA
Acting Head of the Department of Business and Labor Law, associate Professor, candidate of law, Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA), 460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50, post@oimlsa.edu.ru

MENTORING IN MEDICINE: YOU CAN'T HOLD ON AND LOSE

Аннотация: *Вступление в силу с 1 марта 2026 года поправок к федеральному законодательству, вводящих институт наставничества для выпускников медицинских вузов, обозначает важность его рассмотрения. Автор на основании комплексного анализа наставничества в медицине, исследует его как ключевой инструмент решения кадровых проблем и профессиональной адаптации молодых специалистов. Исследование помогает ответить на ключевой вопрос: может ли наставничество быть не формальной обязанностью, а реальным механизмом адаптации и закрепления кадров, позволяющим удержать выпускников в профессии и в конкретном регионе.*

Ключевые слова: *медицина, дефицит кадров, наставничество, молодые специалисты, целевое обучение, качество подготовки, региональный опыт, Оренбургская область, системность, «мягкая сила»*

Annotation: *The entry into force on March 1, 2026 of amendments to federal legislation introducing the institute of mentoring for graduates of medical universities indicates the importance of its consideration. Based on a comprehensive analysis of mentoring in medicine, the author examines it as a key tool for solving personnel problems and professional adaptation of young specialists. The study helps answer the key question: can mentoring be not a formal responsibility, but a real mechanism for adapting and retaining staff, allowing graduates to stay in the profession and in a particular region.*

Keywords: *medicine, staff shortage, mentoring, young professionals, targeted training, quality of training, regional experience, Orenburg region, consistency, «soft power».*

Проблема оттока квалифицированных кадров становится одним из ключевых вызовов для российского рынка труда. Согласно данным Росстата, за последние несколько лет наблюдается тревожная тенденция, т.к. все больше профессионалов меняют не только место работы, но и сферу деятельности. Одной из сфер, столкнувшихся с этой проблемой, стала сфера здравоохранения.

Официальные данные свидетельствуют, что обеспеченность россиян врачами к началу 2026 года приблизилась к плановому показателю, установленному на 2030 год - 43,46 врача на 10 тыс. населения[1]. Уже в ноябре 2025 года на 10 тыс. населения приходилось 43,45 врача. В то же время, при одновременном росте обеспеченности, по данным Минздрава России, дефицит врачей а конец февраля 2025 года составлял около 23 тыс. человек, среднего медперсонала - около 63 тыс.[2] По расчетам министерства, на решение проблемы врачебного кадрового дефицита в здравоохранении требуется не менее 5-6 лет.

Ключевых причин, обозначивших необходимость решения данной проблемы, несколько. Одной из первоочередных является доступность и качество медицинской помощи. Кадровый голод напрямую затрагивает пациентов. Нехватка врачей (особенно узкопрофильных) в поликлиниках и больницах приводит к многомесячным очередям. Люди не могут вовремя попасть к нужному специалисту, болезнь прогрессирует, лечение осложняется и дорожает. По данным Народного фронта, около 40% опрошенных пациентов не могут попасть к нужному специалисту (неврологу, эндокринологу, кардиологу) в положенные две недели. Еще более тревожная цифра: 46% граждан сталкиваются с невозможностью пройти назначенные исследования - МРТ, КТ, УЗИ. В таких условиях говорить о качественном лечении хрони-

[1] Такая цель прописана в Указе Президента РФ от 8 декабря 2025 года № 896 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2025. № 50. Ст. 7826.

[2] Бескаравайная Т. Как в России будут решать проблему кадрового дефицита в здравоохранении: главное из Госдумы // URL: https://medvestnik.ru/content/news/Kak-v-Rossii-budut-reshat-problemu-kadrovogo-deficita-v-zdravoohranenii-glavnoe-iz-Gosdumy.html (дата обращения: 28.11.2025).

ческих заболеваний и ранней диагностики не приходится[3].

В условиях перегруженности врача, вынужденного принимать по 40-50 пациентов за смену, многократно возрастает риск врачебной ошибки. Хронические заболевания, выявленные на поздней стадии, приводят к росту инвалидизации и смертности, что напрямую отражается на здоровье нации.

Причиной является и ухудшение качества медицинского образования. Нехватка практикующих врачей в клиниках приводит к тому, что в профессию приходят вчерашние студенты с недостаточной практической подготовкой. Опытные специалисты, которые загружены работой, не успевают заниматься со студентами и ординаторами. Тем самым нарушается преемственность поколений, что также ведет к падению общего профессионального уровня.

Нельзя не назвать и финансовую составляющую, ведь здравоохранение - это не только расходы, но и инвестиции в экономику. Рост заболеваемости и смертности трудоспособного населения из-за неоказанной вовремя помощи наносит прямой экономический ущерб государству. Отсутствие специалистов приводит к простою дорогостоящего оборудования (томографы, аппараты МРТ, УЗИ), на котором буквально некому работать.

Эти и некоторые другие проблемы становятся источником роста социальной напряженности. Растет недоверие к государственным институтам, люди вынуждены обращаться в систему частной медицины.

Тем самым, нехватка квалифицированных кадров создает замкнутый круг, разъедая систему изнутри - специалисты работают на износ (сверхурочно, без выходных, на несколько ставок, с большим количеством дежурств), хроническая перегрузка ведет к профессиональному выгоранию и физическому истощению, врачи ищут лучшие условия и уезжают в другие регионы. При этом кадровая проблема в России имеет ярко выраженный географический аспект. Так, в крупных городах (Москва, Санкт-Петербург) врачей может быть даже переизбыток, а вот в малых городах, поселках и на селе - катастрофический дефицит. Существенно различаются и размеры заработных плат. Разница между доходами врачей различных регионах может достигать 200-250 %. Например, на Чукотке врач в среднем получает 291 916руб., в Москве - 212 633 руб., в Петербурге - 153 733 руб., в Московской области - 139 260 руб., в Хабаровском крае - 133 520 руб. А вот в Северо-Кавказских республиках размер заработных плат колеблется в пределах от 45 000 до 90 000. Такие же низкие зарплаты фиксируются в Ивановской Брянской, Курганской, Псковской областях, Республике Калмыкии.

Становится очевидно, что дефицит порожден комплексом факторов, большинство которых носит долговременный характер. Все это обуславливает первоочередную необходимость решения кадровых проблем в медицине и определяется как стратегическая задача государства, от которой зависит здоровье нации и ее будущее.

Одним из способов решения государством избрано введение системы наставничества. Причем правильнее будет говорить о возрождении этого института и его качественном преобразовании применительно к условиям современного общества.

Да, действительно, институт наставничества известен человечеству на протяжении тысячелетий. Обряды инициации, когда опытные члены племен обучали юношей необходимым навыкам выживания, ритуалам, известны еще первобытному обществу. В Древней Греции это именовалось «менторство» (от имени Ментора - друга Одиссея, которому была поручена забота о сыне). Великие философы Сократ, Платон и Аристотель в V–VIII веках до н.э., не только учили, но и были наставниками для своих учеников, передавая им знания и мировоззрение. В Древнем Риме наставниками называли домашних учителей. В средневековой Европе система наставничества сложилась в ремесленных цехах в форме «мастер-подмастерье», где опытные мастера передавали секреты из поколения в поколение. В первых университетах Англии (Оксфорд (XII век), Кембридж (XIII век)) зародилась форма тьюторства, предполагавшая индивидуальное сопровождение студента

В России рассматриваемый институт также имеет глубокие традиции. Пример наставничества в религиозной среде связывают с жизнью старца Сергия Радонежского, ставшего проводником для многих своих последователей, включая Андрея Рублева. Велика роль учителей-наставников при царском дворе. Так, поэт Василий Жуковский был воспитателем будущего императора Александра II. В среде простых ремесленников, как и в Европе, знания передавались от мастера к подмастерью. Научную основу наставничества заложил Константин Ушинский в середине XIX века[4]. Он подчеркивал зависимость успеха адаптации ученика от опыта и личных качеств наставника, его характера и нравственности.

Наибольшее развитие институт наставничества получил в СССР. Уже в первые годы советской власти, осознавая острую потребность в квалифицированных рабочих кадрах, в 1922 году на XI съезде РКП(б) принимается решение о развитии такой формы наставничества для обучения рабочей молодежи, как шефство[5]. С 1930-х годов эта форма приобретает массовый характер. Постановление ВЦСПС «О шефстве кадровых рабочих над молодыми» закрепило эту практику. В военные и послевоенные годы появилась система «один обучи пятерых», когда опытный рабочий брал шефство над несколькими выпускниками училищ. В 1960-70-е годы наставничество стало не

[3] Боготовский Н. Зарплата 40 тысяч и никаких условий: почему врачи массово уходят из государственных клиник и что с этим делать // URL: https://dzen.ru/a/abLjrBUmLT2gAIQz (дата обращения: 28.11.2025).
[4] Наставничество в России // URL: https://dspl.ru/blog/pro-vystavki/nastavnichestvo-v-rossii/ (дата обращения: 28.11.2025).
[5] Галагузова М.А., Головнев А.В. Наставничество: из прошлого в настоящее // Педагогический журнал Башкортостана. 2018. № 6 (79). С. 17.

только почетным, но и поощряемым. В середине 70-80-х годов были учреждены почетное звание «Заслуженный наставник РСФСР»[6], а также знаки отличия, например, «Наставник молодежи». Наставники пользовались уважением, они получали разнообразные льготы.

В 1990-е годы, с распадом СССР и переходом к рыночной экономике, выстроенная десятилетиями система наставничества была утрачена. Предприятия, озабоченные собственным выживанием, работе с молодыми специалистами внимания не уделяли.

Свою новую жизнь этот институт получил в XXI веке. Причем это не просто стало возрождением «доброй традиции», это стало реформированием, созданием его на новой основе. В 2018 году президентским указом был учрежден знак отличия «За наставничество»[7]. Наставничество стало рассматриваться как важный инструмент не только в производственной сфере, но и в образовании, социальной сфере и управлении. В рамках национального проекта «Образование» создаются инновационные системы наставничества[8]. С 2018 года проводятся российские и международные мероприятия, посвященные вопросам наставничества в разных областях, что свидетельствует о высоком внимании к этой теме на государственном уровне[9]. 2023 год был признан Годом педагога и наставника, а со 2 марта 2026 года в России будет отмечаться День наставника.

Как видим, наставничество имело разные формы, по-разному именовалось, но суть оставалась всегда единой - обеспечение преемственности и качества через передачу опыта. Почему же государство решило избрать наставничество как одну из ключевых мер реформирования здравоохранения?

Как мы уже отмечали, благодаря мероприятиям федерального проекта «Медицинские кадры» с января по сентябрь 2025 года обеспеченность населения врачами увеличилась на 12,7 тыс. человек, специалистами среднего медицинского звена - на 9,2 тыс. человек. Серьезно активизировались региональные власти в привлечении кадров, назначая социальные выплаты для сельских медиков, предусмотренные постановлением Правительства Российской Федерации от 20 марта 2024 года № 343[5]. Положительно зарекомендовала себя программы «Земский доктор», «Земский фельдшер»[1]. Но точечные улучшения не могут решить системный кризис. Поэтому неслучайно выбор пал на институт наставничества. Длительная история его существования доказывает, что заложенный в него ресурс способен решить базовую проблему разрыва между теорией и практикой в медицинской среде, который образовался после отмены интернатуры и стал одной из главных причин нехватки качественных, готовых к работе специалистов. Обобщая высказанные мнения законодателей, экспертов, представителей медицинского сообщества, можно выделить основные проблемные факторы, решение которых возможно через применение наставничества.

В первую очередь, речь идет о значительном дефиците кадров. Введение наставничества должно обеспечить удержание молодых специалистов за счет поддержки, сокращение их оттока из профессии в первые годы работы. Как следствие - система перестанет терять молодых врачей из-за перегрузок в работе.

Проблема низкого качества практической подготовки выпускников будет решаться путем создания переходного периода (до 3 лет) работы под руководством наставника для «доводки» навыков[2]. Это означает, что выпускник превращается в полноценного специалиста без риска для пациентов.

С выделенной проблемой, на наш взгляд, тесно переплетается и риск врачебных ошибок у молодых специалистов. Работа с наставников будет способствовать передаче неявных знаний и клинического мышления, страховке наставником сложных случаев, что в свою очередь, позволит снизить количество осложнений и ошибок, особенно в таких специальностях, как, например, хирургия.

Подготовка помощника, которому можно делегировать часть работы позволит решить проблему высокой нагрузки на опытный персонал, снизит риск их профессионального выгорания и повысит мотивацию.

Немаловажной проблемой, сложившейся в медицине, является потеря преемственности и традиций. Возлагаемые на наставничество надежды связаны с восстановление связи поколений и передачи профессиональной этики, особенно в сложных специальностях (фтизиатрия и др.)[3]. Профессию должны представлять носители врачебной культуры[4].

Ну и еще один аспект, который очевиден, это сло-

[6] Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 июля 1981 года «Об установлении почетного звания «Заслуженный наставник молодежи РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1981. № 29. Ст. 1009. (Утратил силу).
[7] Указ Президента РФ от 2 марта 2018 г. № 94 «Об учреждении знака отличия «За наставничество»» // СЗ РФ. 2018. № 10. Ст. 1478.
[8] Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)). Текст официально опубликован не был.
[9] Например, с 2018 года началось регулярное ежегодное проведение Всероссийского форума «Наставник».
[5] Постановление Правительства РФ от 20марта .2024 года № 343 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 13. Ст. 1812.
[1] Постановление Правительства РФ от 26 декабря .2017 года № 1640 (ред. от 29.12.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»» // СЗ РФ. 2018. № 1 (Часть II). Ст. 373.
[2] Реформа медицинского образования: эпоха наставничества и распределение выпускников // URL: https://vkirove.ru/news/2025/11/11/studentov_medikov_zakabalyat_raspredelenie_sroki_obucheniya_vse_izmeneniya_v_zakonodatelstve_proekt_.html (дата обращения: 01.12.2025).
[3] Домников А. Наставничество — одно из ключевых направлений деятельности Профсоюза // URL: https://przrf.ru/news/anatoliy-domnikov-nastavnichestvo-odno-iz-klyuchevykh-napravleniy-deyatelnosti-profsoyuza.html (дата обращения: 01.12.2025).
[4] Черепанцева Ю.С. Этические кодексы как стандарты формирования правомерного поведения медицинских работников // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2022. № 4 (54). С.108.

жившаяся практика неэффективного целевого обучения. Государство тратит огромные средства на подготовку врачей (квота на целевое обучение достигает 70-100%). Выпускники же уходят из профессии или не отрабатывают положенный срок. Как наиболее приемлемый вариант решения, предлагается увязать целевое обучение (особенно в ординатуре) с обязательной отработкой и наставничеством в конкретном учреждении. Результатом станет разумная трата бюджетных средств, с одной стороны, и получение необходимого региону специалиста, с другой. Тем самым, будет обеспечена связь «вуз - наставничество - работа».

Однозначно ответить на вопрос, является ли наставничество панацеей от кадрового голода в медицине, к сожалению, невозможно. Данный вывод подтверждают и сложившиеся в обществе точки зрения. Их две.

Так, подход государства предполагает наставничество как обязательный этап. С 1 марта 2026 года в России вступает в Федеральный закон от 17 ноября 2025 года № 424-ФЗ (ред. от 08.03.2026) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее Закон № 424-ФЗ), который вводит обязательное наставничество для молодых специалистов, впервые прошедших первичную аккредитацию[10]. Это означает, что выпускники медицинских вузов по определенным специальностям будут проходить дополнительное практическое обучение под руководством опытного наставника непосредственно в медучреждении (в государственных и муниципальных клиниках, работающих в системе обязательного медицинского страхования). Срок наставничества составит до трех лет в зависимости от специальности (ч.3.3 ст. 69 Закона № 424-ФЗ).

Введение подобной меры с точки зрения государства, позволит одновременно решить две задачи: восполнить дефицит кадров (молодые врачи сразу приходят в реальный сектор) и повысить качество подготовки специалистов, дав выпускникам «бесценный опыт» работы в муниципальных учреждениях[11].

Кроме того, Закон № 424-ФЗ существенно меняет систему целевого обучения. Теперь ординатура становится полностью целевой. Это призвано гарантировать, что молодой специалист придет в конкретную организацию, где и будет проходить свое наставничество

В отличие от представителей государственной власти, эксперты и профессиональное медицинское сообщество более сдержанны и скептически оценивают перспективу введения обязательного наставничества-3. Серьезные сомнения вызывает нехватка наставников, т.к. для работающего врача или медсестры это дополнительная нагрузка, с которой далеко не все согласны. Опасения, что из-за риска принуждения к выполнению таких обязанностей, привлекательность профессии может значительно снизиться, являются весьма оправданными. Кроме того, это проблема качества, ведь наставничество - это не только работа рядом со своим наставником, но и деятельность, требующая тщательной методической проработки и регламентации.

Если оставить без внимания высказываемые возражения, вполне вероятно, что это может иметь обратный эффект - вместо привлечения это может привести к оттоку абитуриентов, усугубив кадровый дефицит в будущем[12].

Интересным, на наш взгляд, является пример международного опыта, который, в отличие от российского, рассматривает наставничество как инвестицию. По данным исследования PatientPartner в 2024 году клиники в США смогли обеспечить удержание 92% молодых специалистов и получить возврат $3.20 на каждый вложенный доллар. Так, одна из крупнейших некоммерческих систем здравоохранения США CommonSpirit Health (45,000 медсестер в 14 штатах) внедрила комплексную программу наставничества. В 2025 году (и это через год после введения) результаты показали, что уровень удержания вырос до 92% (при среднем по отрасли 77-80%), экономия на затратах на найм составила $1 млн. Наряду с этим улучшились результаты лечения пациентов. Систематический обзор Brooks et al выявил, что в 2024 году программы наставничества снизили текучесть кадров в среднем на 9% и на 16% увеличили показатели удержания персонала[13].

Программа «Mentoring for Success» американской компании Humana объединив в программе наставничества для медсестер 50 студентов с 50 наставниками из числа действующих сотрудников, потребовала вложения 110 тыс. долларов[14]. В рамках реализуемой программы наставничество рассматривается не как принудительная мера, а как способ удержать кадры и подготовить новое поколение лидеров.

В штате Кано (Нигерия) программа наставничества для сельских медработников привела к ощутимым результатам. Например, в одном из центров здоровья количество родовспоможений выросло с 0 до 3 в месяц, а в другом - с 2 до 7. Медсестры, прошедшие обучение, научились правильно вести роды и реанимировать новорожденных, что напрямую спасае жизни[15].. Благотворительная программа в Индии

[10] СЗ РФ. 2025. № 47. Ст. 7052.

[11] Володин объяснил, как решить проблему дефицита медкадров // URL: https://www.pnp.ru/economics/volodin-obyasnil-kak-reshit-problemu-deficita-medkadrov.html (дата обращения: 01.12.2025).

[12] Гусенко М. Дума решает проблему дефицита кадров // URL: https://rg.ru/2025/11/17/vrach-po-otrabotke.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 01.12.2025).

[13] Сизова Н. Трудно найти врачей? С 2026 года их станет еще сложнее удержать. Что показывает международный опыт // URL: https://vc.ru/id1014705/2706321-uderzhanie-vrachej-v-rossii (дата обращения: 01.12.2025).

[14] Humana has announced a new partnership with the national Nurses on Boards Coalition (NOBC) // URL: https://policy.humana.com/news-and-resources/news-press/2025/humana—nurses-on-boards-coalition-announce-new-partnership-to (дата обращения: 17.12.2025).

[15] From Training to Transformation: How Kano's Health Workforce Mentorship Program is Saving Lives // URL: https://www.pathfinder.org/impact-stories/kano-health-workforce-mentorship/#main (дата обращения: 17.12.2025).

помогла 54 молодым женщинам из малообеспеченных семей получить медицинское образование и работу. Несмотря на менее внушительные объемы (по сравнению с американскими программами), полученные результаты говорят сами за себя. Тем более, что ключевым элементом здесь является не только обучение, но и гарантированное трудоустройство и постоянная поддержка наставников[16].

Приведенные примеры наглядно показывают, что эффективность наставничества зависит не от его принудительности, а от качества организации, мотивации участников и наличия ресурсов. Тем самым, можно резюмировать, что системное наставничество одновременно решает две проблемы: поиск и удержание персонала.

В России такая система еще только начинает свои первые шаги. Но уже сейчас можно говорить о значимых результатах, которые получены в региональных практиках. Так, наставничество в отдельных регионах было введено еще в 2011 году. В частности, ГБУЗ «Иркутская ордена «Знак Почета» областная клиническая больница» уже более 15 лет использует этот инструмент для подготовки среднего медицинского персонала. С 2013 года более 2000 медицинских работников прошли адаптацию с наставником в медицинских учреждениях Ульяновской области. В Амурской области в 2016 году создан Реестр наставников. Под руководство опытных специалистов молодые врачи проходят подготовку в срок от 3-х месяцев до 1 года (в зависимости от специальности). В Забайкальском крае разработана региональная программа «Шаг вперед», основной целью которой является подготовка молодых специалистов с последующим их закреплением для работы в конкретных организациях. На базе ГБУЗ Тамбовской областной детской клинической больницы с 2019 года работает «Клуб неформального общения», обеспечивающий социально-психологическую адаптацию молодых специалистов в коллективе. В поликлинике ГБУЗ «Краевая клиническая больница № 2» города Владивостока система наставничества охватывает каждого молодого специалиста в течение первых трех месяцев. Руководством созданы чат мессенджеров, сервис «Наставник по телефону», проблемы молодых специалистов обсуждаются на утренних планерках. В ГОБУЗ «МГП № 2» города Мурманска работает система наставничества «1+3», что означает, что на каждого наставника приходится 3 молодых специалиста. При этом за каждого наставляемого куратору производится выплата не менее 10% должностного оклада (но не более 30%). Общение осуществляется посредством интернет-канала для медицинского персонала. Что касается последнего примера, то результатом такой работы стал прием в 2023-2024 г.г. в коллектив 11 врачей, ни один из которых не уволился в течение первых двух лет работы.

Анализ регионального опыта показывает о востребованности института наставничества как действенной меры в повышении эффективности работы медицинских организаций. Данный вывод подтверждает и то, что 100% наставляемых положительно оценивают практику наставничества. И несмотря на достаточно высокий процент не согласных заниматься наставничеством, большинство медицинских работников высказываются за необходимость расширения этой системы.

К числу регионов с передовым опытом решения рассматриваемых проблем, относится Оренбургская область. Система наставничества в медицине интегрирована в региональную программу модернизации первичного звена здравоохранения и поддерживается на государственном уровне[17]. В рамках федерального проекта «Медицинские кадры» национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» в 2025 году продолжается работа по закрытию вакансий в селах и малых городах Оренбуржья. В программах участвуют медицинские организации 26 муниципальных образований области. Создан Региональный кадровый центр системы здравоохранения Оренбургской области (https://rkc.orb.ru/). Он представляет собой организационно-методический центр, осуществляющий мониторинг кадровой ситуации в здравоохранении, выработку основных направлений кадровой политики, формирование предложений по созданию региональной нормативной правовой базы. Решение задач в областной медицине предусмотрено государственной программой «Развитие здравоохранения Оренбургской области»[18]. Непосредственно подпрограммой «Развитие кадровых ресурсов в здравоохранении» планируется проведение мероприятий по увеличению доступности медицинской помощи, в том числе и в сельских населенных пунктах, усовершенствование профессиональной подготовки медицинских кадров, а также развитие дистанционных образовательных технологий для медицинских специалистов. И в конечном итоге - улучшение качества медицинской помощи.

Таким образом, мы видим, что на уровне Оренбургской области реализуются не разрозненные инициативы, а проводится системная работа, которая уже приносит ощутимые результаты, как для молодых специалистов, ищущих возможности роста, так и для опытных врачей, готовых передавать знания.

Основным механизмом стало целевое обучение и

[16] Examples of Training & Mentoring Programs // URL: https://www.emms.org/post/training-mentoring-employment-a-pathway-that-changes-lives (дата обращения: 17.12.2025).

[17] Постановление Правительства Оренбургской области от 11 декабря 2020 года № 1079-п «Об утверждении региональной программы «Модернизация первичного звена здравоохранения Оренбургской области» // URL https://minzdrav.orb.ru/upload/uf/a21/oirb7l8sl8ex2518z9ive6o8z39ge0q3/PASPORT-regionalnogo-proekta-Modernizatsiya-pervichnogo-zvena-zdravookhraneniya-Rossiyskoy-Federatsii-_Orenburgskaya-oblast_.pdf (дата обращения: 17.12.2025).

[18] Постановление Правительства Оренбургской области от 25 декабря 2018 г. № 883-пп «Об утверждении государственной программы «Развитие здравоохранения Оренбургской области» // URL: https://docs.cntd.ru/document/553110519 (дата обращения: 17.12.2025).

прохождение практики в конкретных больницах. Например, в Бузулукской больнице скорой медицинской помощи им. Н.А. Семашко девять студентов-целевиков шестого курса ФГБОУ ВО ОрГМУ Минздрава России, прошли практику в качестве помощников участковых терапевтов. За каждым наставляемым был закреплен опытный наставник, который сопровождал их профессиональное становление прямо на рабочем месте. Осенью 2025 года в больницу вышли на работу новые специалисты (терапевты, педиатры, хирург, онколог и др.). Еще один яркий пример системной работы показывает Переволоцкая районная больница. Она ежегодно становится базой для практики студентов ОрГМУ и колледжей. Летом 2025 года шесть будущих медиков получили практический опыт под руководством наставников в различных отделениях. Коллектив Ташлинской районной больницы Оренбургской области пополнился двумя новыми врачами хирургического отделения, которые начали свою практику под руководством опытных специалистов.

Как итог - снижение дефицита врачей в государственных медицинских организациях. По данным Минздрава Оренбургской области, за 1 квартал 2025 года обеспеченность средним медперсоналом превышает 90 человек на 10 000 населения. Это выше, чем в среднем по стране. А вот что касается врачей, то в регионе работают 7186 специалистов, что составляет 39,2 специалиста на 10 000 человек. Хотя отмечается, что с начала 2025 года количество медиков выросло на 12 человек.[19] Но до общероссийского показателя снижения дефицита в 5 % к 2030 году эта цифра еще не дотягивает.

Нельзя не отметить и то, что система наставничества в Оренбуржье дает шанс для профессиональной самореализации не только новичкам, но и самим наставникам. Их труд получает общественное и государственное признание. Так, в ноябре 2024 года врач-офтальмолог Оренбургского филиала «МНТК «Микрохирургия глаза» им. акад. С.Н. Федорова» Сергей Семеняченко вошел в число победителей конкурса президентской платформы «Россия - страна возможностей». Он победил в номинации «Наставник в социальной сфере и общественной деятельности». Имея общий стаж более 42 лет, врач передает опыт молодым офтальмологам не только Оренбуржья, но и в зоне специальной военной операции[20].

Как и во многих субъектах Российской Федерации, в Оренбуржье статус наставника является официальным и регламентирован Приказом министерства здравоохранения от 1 июля 2015 года № 140 «Об утверждении Положения о наставничестве»[21]. Согласно приказу министерства здравоохранения Оренбургской области от 16 октября 2025 года № 25, в числе наград министерства есть знак отличия «За наставничество»[22]. Им награждаются сотрудники министерства за заслуги в формировании у молодых специалистов профессиональных навыков и умений, получения опыта работы, оказании им постоянной и эффективной помощи, в совершенствовании форм и методов работы. В целом же, для медицинских работников любого субъекта Российской Федерации применим приказ Министерства здравоохранения РФ от 9 июля 2025 г. № 401н «О ведомственных наградах Министерства здравоохранения Российской Федерации», в соответствии с которым одной их наград является медаль «За наставничество в здравоохранении»[23].

Таким образом, мы видим, что наставничество в России сегодня становится гибкой, многоуровневой системой, отвечающей вызовам цифровизации и новой экономики. Подтверждением признания на государственном уровне необходимости и важности этого института является Концепция развития наставничества в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 21 мая 2025 года № 1264-р[24].

Думается, что ответ на вопрос о том, насколько эффективно наставничество как мера по решению кадровых проблем в медицине, должен опираться на три ключевых аргумента - это безопасность (защита пациентов), эффективность (защита инвестиций) и качество (повышение компетенций). Результаты, получение которых гарантирует этот институт, будут выражаться в закреплении молодых специалистов в конкретных медицинских организациях, сокращении «входного брака» и ускоренной профессиональной адаптации, сохранении опытных специалистов и профилактике их выгорания, решении проблемы дефицита узких специалистов и безусловно, в повышении престижа профессии и преемственности поколений. Именно поэтому наставничество избрано главной мерой, способной решить кадровую болезнь. Его можно признать «мягкой силой», которая делает систему человечнее и эффективнее одновременно. Наставничество не требует мгновенных колоссальных вливаний (хотя оплата труда наставников предусмотрена в действующем трудовом законодательстве[25]), но создает культуру, в которой молодые не бросают профессию, а опытные не выгорают. Это способ превратить кадровый дефицит в кадровый рост за счет внутренних ресурсов самой системы.

[19] Оренбургский Минздрав отметил профицит среднего медицинского персонала в регионе // URL: https://orenburg.media-talk.ru/news/health/orenburgskiy_minzdrav_otmetil_profitsit/ (дата обращения: 17.12.2025).
[20] Сальников Н. Оренбургский врач стал одним из победителей конкурса «Наставничество» // URL: https://www.orenburg.kp.ru/online/news/6097270/ (дата обращения: 17.12.2025).
[21] https://docs.cntd.ru/document/439066984 (дата обращения: 17.12.2025).
[22] https://docs.cntd.ru/document/408015834 (дата обращения: 17.12.2025).
[23] Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru. 02.09.2025. (дата обращения: 28.11.2025).
[24] Распоряжение Правительства РФ от 21 мая .2025 года № 1264-р «Об утверждении Концепции развития наставничества в Российской Федерации на период до 2030 года и плана мероприятий по ее реализации» // СЗ РФ. 2025. № 21. Ст. 2714.
[25] Статья 351.8 Трудового кодекса РФ «Особенности регулирования труда работников, выполняющих работу по наставничеству в сфере труда Трудового кодекса РФ». Вступила в действие с 1 марта 2025 года..

Библиографический список

1. Галагузова М.А., Головнев А.В. Наставничество: из прошлого в настоящее // Педагогический журнал Башкортостана. - 2018. - № 6 (79). - С. 16-22.

2. Черепанцева Ю.С. Этические кодексы как стандарты формирования правомерного поведения медицинских работников // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. - 2022. - № 4 (54). - С. 106-112.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ: ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ ОРЕНБУРГСКОГО ИНСТИТУТА (ФИЛИАЛА) УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ГЛЕБОВА Ю.И.,
доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

САТТАРОВА З.З.,
доцент кафедры частно-правовых наук Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА ПО ИТОГАМ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: СКВОЗЬ ПРИЗМУ 10-ЛЕТИЯ ПРИНЯТИЯ КАС РФ»

1.Общие положения

24 октября 2025 года была проведена научно-практическая конференция с международным участием «Теоретические и практические проблемы административного судопроизводства: сквозь призму 10-летия принятия КАС РФ». Организаторами выступили: Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Оренбургский областной суд.

Конференция стала знаменательным днем для юридического мира ученых и практиков, праздником науки в стенах Оренбургского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Конференция объединила ведущих юристов-ученых и практиков из России, Республики Казахстан, КНР, продемонстрировала интерес к актуальным вопросам административного судопроизводства. Конференция подтвердила высокий интерес научного и профессионального сообщества к общим и частным вопросам административного судопроизводства.

Программа конференции состояла из докладов планарного заседания и тематических секций по ключевым разделам КАС РФ.

2. Основные итоги пленарного заседания

В рамках пленарного заседания были представлены доклады, всесторонне осветившие важнейшие аспекты развития административного судопроизводства в России.

Участники конференции отметили актуальность рассматриваемых вопросов, высокий научный уровень представленных докладов и выступлений, необходимость продолжения работы по обозначенным научным проблемам.

Определены ключевые тематические направления:

- Становление и развитие административного судопроизводства – рассмотрены исторические предпосылки формирования института административного судопроизводства, этапы его эволюции и влияние принятия КАС РФ на современную судебную практику.

- Самобытность российской модели административного судопроизводства – проанализированы уникальные черты российской системы, её отличия от зарубежных моделей, а также факторы, определившие специфику национального подхода к разрешению публично-правовых споров.

- Соотносимость судебного административного процесса и административного судопроизводства в Российской Федерации – раскрыты различия и взаимосвязи между этими понятиями, уточнены их правовые границы и роль в системе защиты прав и законных интересов граждан и организаций.

- Цифровизация административного судопроизводства, её вызовам и последствиям внедрения – обсуждены внедрение электронных сервисов подачи документов и дистанционного участия в процессе; проблемы обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных; влияние цифровизации на доступность правосудия и эффективность судопроизводства; определение перспектив развития цифровизации.

- Представительство в административном судопроизводстве в контексте профессионализации – рассмотрены требования к квалификации представителей сторон; вопросы доступности юридической помощи; роль профессионального представительства в обеспечении справедливого судебного разбирательства; предложения по совершенствованию норм КАС РФ в части регулирования представительства.

- Участие Уполномоченного по правам ребенка в административном судопроизводстве – выявлены процессуальные особенности возбуждения дела и дачи заключения с целью защиты прав несовершеннолетних при рассмотрении административных дел.

3. Выводы по итогам работы секций

В рамках конференции была организована работа четырех секций и площадки молодого ученого.

1. Активная роль суда в реализации принципов и задач административного судопроизводства.

2. Административное судопроизводство: современное состояние, перспективы развития.

3. Процессуальная форма административного судопроизводства.

4. Особенности рассмотрения отдельных категорий дел по КАС РФ.

По итогам работы секций были сделаны следующие выводы.

1. Секция «Активная роль суда в реализации принципов и задач административного судопроизводства»

Признано, что принцип активной роли суда, закреплённый в КАС РФ, способствует более полному и объективному рассмотрению дел, особенно в условиях субординации сторон в публичных правоотношениях, выступает гарантией реализации конституционного права на судебную защиту. Отмечены случаи, когда активная позиция суда помогла устранить процессуальные пробелы и обеспечить защиту прав граждан и организаций. Высказаны предложения по уточнению границ активности суда, чтобы избежать чрезмерного вмешательства в состязательный процесс.

Отдельное внимание уделено содержанию принципов состязательности, справедливости, законности, их соотношению в системе принципов административного судопроизводства.

Рассмотрены модели судебного контроля и особенности ее организации. Судебный контроль за законностью нормативных и ненормативных правовых актов, действиями и решениями органов исполнительной власти является признаком развитого правового государства и гарантией принципа разделения властей. Такой контроль осуществляется в форме административного судопроизводства, которое представляет собой порядок рассмотрения судами дел, возникающих из административных и иных публично-правовых отношений. Конституция Российской Федерации сформировала правовую базу для становления и развития административной юстиции в форме административного судопроизводства: предусмотрено право каждого на обжалование в суд решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц.

2. Секция «Административное судопроизводство: современное состояние, перспективы развития».

Констатировано, что КАС РФ успешно интегрировался в систему российского процессуального права, но требует дальнейшей адаптации к меняющимся правовым и социальным реалиям.

Выявлена проблема разграничения видов судопроизводства, соотношения компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов, коллизии подсудности, вопросы передачи дел из одного суда в другой.

Подчёркнута необходимость развития цифровых технологий в административном судопроизводстве (электронное правосудие, онлайн-заседания, электронный документооборот).

Определены ключевые направления развития: форм упрощения административного судопроизводства, расширение возможностей досудебного урегулирования, усиление превентивной функции правосудия.

Установлено, что направление нацелено на комплексный подход к развитию административного судопроизводства, сочетающий анализ текущих проблем, поиск инновационных решений и укрепление гарантий защиты прав граждан и организаций в отношениях с публичной властью.

3. Секция «Процессуальная форма административного судопроизводства»

Подтверждена целесообразность сохранения единой процессуальной формы для административных дел с возможностью дифференциации процедур в зависимости от категории спора.

Обсуждены проблемы формализма в процессуальных документах и предложены меры по их упрощению без ущерба для гарантий сторон.

Обращено внимание на необходимость унификации некоторых процессуальных правил с учётом опыта гражданского и арбитражного судопроизводства.

Выявлены проблемы установления процессуального статуса участников административного судопроизводства, особенностей привлечения к участию в деле, извещения.

Отмечена необходимость совершенствования регулирования представительства по назначению, установления оснований для обязательного представительства в административных делах, чтобы обеспечить баланс между качеством юридической помощи и доступностью правосудия.

4. Секция «Особенности рассмотрения отдельных категорий дел по КАС РФ»

Проанализированы особенности рассмотрения дел об оспаривании нормативных и ненормативных актов, о присуждении компенсации за нарушение права на рассмотрение дела в разумный срок и исполнение судебного акта в разумный срок, госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях административном надзоре и других категорий.

Выявлены сложности в применении отдельных норм КАС РФ к специфическим категориям дел и предложены пути их преодоления.

Подчёркнута важность обобщения судебной практики по наиболее сложным категориям дел и подготовки соответствующих разъяснений Верховного Суда РФ. За прошедшее десятилетие применения КАС РФ сформирована судебная практика рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений; закреплены дополнительные гарантии защиты прав граждан и организаций от незаконных действий (бездействия) органов публичной власти; унифицированы подходы к разрешению административных дел, регламентированы новые категории административных дел.

КАС РФ является самым молодым процессуальным законом, что делает его одновременно и самым актуальным, учитывающим тенденции развития и вызовы современного общества, позволяющим эффективно и своевременно защитить права личности в случае их нарушения. При этом законодательство об административном судопроизводстве не стоит на месте, оно постоянно развивается и совершенствуется.

Количество дел, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства, ежегодно растет, что свидетельствует о востребованности судебной защиты в рамках данной процессуальной формы.

4. Общие выводы и рекомендации

Участники конференции констатировали, что за десятилетие применения КАС РФ:

· сформирована судебная практика рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений;

· закреплены дополнительные гарантии защиты прав граждан и организаций от незаконных действий (бездействия) органов публичной власти;

· унифицированы подходы к разрешению административных дел;

· регламентированы новые категории административных дел.

КАС РФ является самым молодым процессуальным законом, что делает его актуальным и учитывающим современные вызовы общества. При этом количество дел, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства, ежегодно растёт, что свидетельствует о востребованности судебной защиты в рамках данной процессуальной формы.

На основании итогов конференции участники рекомендовали:

1. Использовать результаты работы конференции в научной, практической и учебной деятельности.

2. Обратиться к субъектам законодательной инициативы с предложением рассмотреть возможность внесения изменений в действующие законодательные акты на основе предложенных путей разрешения выявленных проблем.

3. Продолжить мониторинг и обобщение судебной практики по сложным категориям дел с последующим направлением предложений в Верховный Суд РФ для подготовки разъяснений.

4. Усилить взаимодействие научного и профессионального сообщества с органами судебной власти для выработки согласованных подходов к совершенствованию административного судопроизводства.

5. Развивать цифровые технологии в сфере административного судопроизводства с учётом обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных.

6. Проводить дальнейшие научные исследования и практические мероприятия по актуальным вопросам административного судопроизводства, в т.ч. с привлечением молодых учёных.

Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА
№ 2 (68) / 2026

Подписано в печать 28.06.2026 г. Дата выхода в свет 13.08.2026 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Свободная цена.
Усл. печ. листов 19,75. Тираж 25. Заказ 26.

Адрес издателя: 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50.

Отпечатано в ООО ИПК «Университет».
Адрес: 460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.